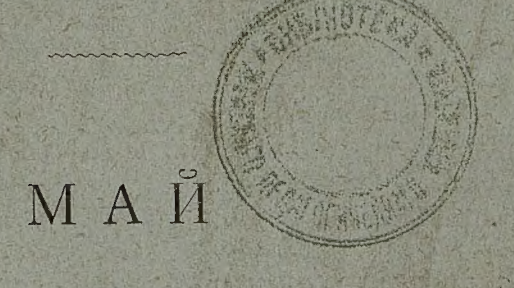
РУССКАЯ БЕСѢДА

МАЙ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

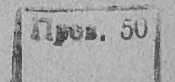
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ БЕСѢДА

МАЙ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 мая 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе **БЛАГОВѢСТЪ**. Май 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе *Н. Д. Тихомірова*.

Замѣтки изъ тюремнаго быта.

Къ вопросу о вліяніи тюремъ на исправленіе нравственности заключенныхъ.

I.

Въ іюнѣ 1890 года въ Петербургѣ происходили засѣданія VI международнаго тюремнаго конгресса, въ которомъ принимали участіе оффиціальные посланцы 22 иностранныхъ правительствъ, общее же число лицъ, записавшихся членами конгресса, достигло 740. Въ нынѣшнемъ, 1895 году, долженъ состояться въ Парижѣ V международный тюремный конгрессъ по вопросамъ тюремнаго дѣла и совершенствованія пенитенціарной системы. Кромѣ европейскихъ правительствъ изъявили готовность прислать представителей на этотъ конгрессъ Соединенные Штаты, Аргентинная республика и Бразилія, изъ чего слѣдуетъ, что сознаніе важности правильной постановки тюремнаго дѣла распространяется повсюду, и не одни только культурныя западно-европейскія государства проявляютъ вниманіе и стремленіе къ практическому разрѣшенію сложныхъ задачъ улучшенія быта преступниковъ, нравственнаго ихъ исправленія, въ связи съ государственными расходами на содержаніе тюремъ.

Понятны стремленія народовъ и ихъ правительствъ приблизиться къ такому идеалу системы наказанія, которая служила бы высоко человѣчнымъ цѣлямъ нравственнаго возрожденія преступниковъ, возвращая ихъ обществу людьми достойными носить честное имя. Въ Россіи, несмотря на значительныя улучшенія тюремнаго дѣла, послѣдовавшія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ по почину главнаго тюремнаго управленія, тюрьмы все еще удерживаютъ свой дореформенный типъ съ крайне непригладною обстановкою, развращающею и нравственно уродующею заключеннаго на всю его жизнь. Кому неизвѣстно, что преступникъ, попадая первый разъ въ тюрьму, населенную рецидивистами и людьми отпѣтыми, окончательно погибаетъ нравственно, и поворотъ для него на честную дорогу становится невозможнымъ. Тюрьма, это—школа, гдѣ но-

вички-заключенные пріобрѣтаютъ отъ своихъ опытныхъ товарищей познанія въ духѣ напутствованія на преступные подвиги въ дальнѣйшей жизни. Для искоренія этого зла у насъ пока мало сдѣлано. Существуетъ, правда, законъ о распредѣленіи арестантовъ по категоріямъ: слѣдственныхъ, подсудимыхъ, осужденныхъ, малолѣтнихъ, женщинъ, бродягъ, каторжниковъ, ссыльныхъ и пересыльныхъ; согласно этому порядку, заключенные каждой категоріи содержатся въ особыхъ камерахъ, съ воспрещеніемъ имъ общенія съ другими категоріями. Но какую пользу можно ожидать отъ этой мѣры, когда въ камерѣ, положимъ, слѣдственной могутъ одновременно содержаться и рецидивисты по пятому разу, и преступники первый разъ переступившіе порогъ тюрьмы?

Впрочемъ, съ цѣлью нравственнаго исправленія преступниковъ, въ Россіи существуетъ особый родъ тюремъ, именуемыхъ исправительными арестантскими отдѣленіями, гдѣ содержатся по судебнымъ приговорамъ за преступленія не особенно важныя (повторныя кражи, нанесеніе тяжкихъ побоевъ, грабежъ, подлоги по службѣ и растраты, убійства въ запальчивости и раздраженіи, побѣгъ съ военной службы и проч.). Общество заключенныхъ, приговоренныхъ въ исправительныя отдѣленія по лишеніи всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ на сроки отъ 1 до 5 лѣтъ, состоитъ изъ лицъ непривилегированнаго сословія—крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ; встрѣчаются весьма рѣдко дворяне, прежде еще лишенные правъ по суду и вновь изобличенные въ преступныхъ дѣяніяхъ. Тюрьмы этого рода имѣютъ характеръ чисто исправительный, что доказывается самымъ названіемъ ихъ и особыми постановленіями закона, преслѣдующими главнымъ образомъ улучшеніе нравственности заключенныхъ. При каждомъ исправительномъ отдѣленіи существуетъ попечительство, состоящее изъ 2-хъ попечителей, избираемыхъ ежегодно губернаторомъ изъ среды директоровъ тюремнаго комитета и утверждаемыхъ въ этомъ званіи министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ составъ попечительства кромѣ того входитъ мѣстный городской голова въ качествѣ обязательнаго по закону директора тюремнаго комитета. Засѣданія попечительства происходятъ подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, ближайшаго начальника надъ исправительнымъ отдѣленіемъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введена тюремная инспекція, въ попечительствѣ предсѣдательствуетъ губернскій тюремный инспекторъ. Дѣятельность попечительстава, какъ она выражена въ законѣ, заключается въ надзорѣ за хозяйственною частью исправительнаго отдѣленія, пріисканіи и развитіи работъ для арестантовъ, разсмотрѣніи ходатайствъ начальника отдѣленія о примѣненіи къ арестантамъ за важные проступки усилен-

ныхъ дисциплинарныхъ мѣръ взысканія, выходящихъ изъ предѣловъ власти начальника отдѣленія.

Попечительство также обязано заботиться объ улучшеніи участи заключенныхъ, помогая имъ матеріально при выходѣ изъ отдѣленія на свободу и снабжая заключенныхъ полезными книгами, преимущественно духовно-религіознаго содержанія; оно обращаетъ вниманіе на поведеніе арестантовъ и лучшихъ изъ нихъ, отличившихся благонравіемъ и прилежаніемъ къ труду въ теченіе двухъ-лѣтняго срока отбытія наказанія, удостоиваетъ перевода въ разрядъ исправляющихся, съ чѣмъ для арестантовъ соединено полученіе весьма существенныхъ льготъ, какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія властью начальника отдѣленія и сокращеніе срока содержанія, причемъ 10 мѣсяцевъ пребыванія въ разрядѣ исправляющихся считается за годъ.

Благодѣтельное по закону учрежденіе, попечительство въ своей дѣятельности, какъ увидимъ ниже, не идетъ далѣе формальнаго выполненія кое-какихъ неважныхъ обязанностей. Зависитъ это, конечно, отъ степени усердія и любви къ тюремному дѣлу и еще, главнымъ образомъ, отъ невозможности всецѣло отдаться тюремнымъ интересамъ по причинѣ занятія своими служебными или коммерческими дѣлами. Попечители за свою службу не только не получаютъ никакого вознагражденія, но по званію директоровъ комитета обязаны вносить ежегодно не менѣе 10 руб. въ кассу комитета; кромѣ того въ особыхъ случаяхъ они иногда приходятъ на помощь своими пожертвованіями, за что получаютъ ордена и другіе знаки отличія, служащіе приманкою для поступленія въ составъ комитета и попечительства.

Желая по возможности подробнѣе ознакомить читателей съ условіями быта и содержанія арестантовъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, я остановлюсь на Херсонскомъ № 2 исправительномъ отдѣленіи *), съ которымъ по обязанностямъ службы я около $2^1/_2$ лѣтъ имѣлъ непосредственныя сношенія. Это исправительное отдѣленіе открыто въ августѣ 1884 года въ каменномъ зданіи, передѣланномъ изъ арсенальнаго склада, сооруженномъ еще при Императрицѣ Екатеринѣ II. Роскошное зданіе отдѣленія, стоимостью около милліона, едва-ли имѣетъ подобное себѣ въ провинціи помѣщеніе для тюрьмы. Петербургское исправительное отдѣленіе (бывшій Литовскій замокъ) далеко уступаетъ въ капитальности сооруженія и удобствахъ внутренняго размѣщенія арестантовъ. Устроенное покоемъ зданіе состоитъ изъ трехъ этажей; въ

*) Въ Херсонѣ два исправительныхъ отдѣленія, которыя съ 1-го іюля 1893 г. упразднены и преобразованы въ одно отдѣленіе.

верхнемъ находятся камеры для ночнаго содержанія арестантовъ, въ среднемъ — столовая, больница и мастерскія, а въ нижнемъ — кухня, пекарня, прачешная и цейхгаузы; съ сѣверной стороны къ этому зданію пристроены: церковь, имѣющая сообщеніе съ тюрьмою чрезъ ночныя арестантскія помѣщенія, квартиры надзирателей съ конторою и квартиры членовъ администраціи: начальника отдѣленія, двухъ его помощниковъ, механика и фельдшера. При существованіи хорошей вентиляціи посредствомъ кошельковыхъ печей, отапливаемыхъ коксомъ, однако же, чистота воздуха въ ночныхъ помѣщеніяхъ заключенныхъ не всегда была безукоризненна, чему служили причиною особыя для каждаго арестанта каморки въ 2 арш. 14 вершк. длины до $1^1|_2$ аршина ширины и до 3 аршинъ высоты, задерживавшія правильный обмѣнъ воздуха. Трудно себѣ представить болѣе уродливое и безцѣльное устройство, какъ эти каморки, имѣвшія видъ шкафовъ, куда запирались на ночь заключенные, спавшіе на соломенныхъ постельникахъ. Не говоря объ анти-гигіеническихъ условіяхъ, каморки эти производили удручающее впечатлѣніе на арестантовъ, подвергавшихся безъ всякой нужды одиночному заключенію, и, кромѣ того, представили огромную опасность при возникновеніи пожара, тогда всѣ эти деревянные изъ тонкаго лѣса казематы съ соломенными тюфяками мгновенно превратятся въ сплошной пылающій костеръ и заживо похоронятъ 170 человѣкъ [1]), такъ какъ въ ночной камерѣ при этомъ числѣ арестантовъ дежуритъ всего 2 надзирателя, которые такимъ образомъ не могли бы своевременно открыть 170 камеръ, запертыя каждая на замокъ. Сколько мнѣ приходилось посѣщать исправительныя арестантскія отдѣленія въ другихъ городахъ, я ничего подобнаго не встрѣчалъ; даже въ Херсонскомъ № 1 отдѣленіи этихъ ночныхъ одиночныхъ заключеній не существовало и такое размѣщеніе арестантовъ не согласовалось съ положеніемъ о содержаніи въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, гдѣ арестанты, составляя одну категорію, не разъединяются одинъ отъ другаго, а содержатся вмѣстѣ. Въ 1892 г., по настоянію начальника отдѣленія, ночные каморки были, наконецъ, уничтожены и взамѣнъ ихъ приспособлены подъемныя койки, подобно существующимъ въ Петербургскомъ исправительномъ отдѣленіи, причемъ и соломенные постельники замѣнены плетеными матами изъ куги, добываемой безплатно на берегахъ рѣки Днѣпра, маты же изготовляются трудомъ самихъ арестантовъ.

Описываемое мною исправительное отдѣленіе устроено было на 600 человѣкъ, но болѣе 550, считая тутъ и больныхъ, въ немъ не

---

[1]) Всѣхъ ночныхъ камеръ было три, въ каждой изъ нихъ помѣщалось по 170 человѣкъ.

содержалось. Общество заключенныхъ состояло преимущественно изъ русскихъ людей простого званія, уроженцевъ южныхъ губерній и отчасти малороссовъ изъ Волынской губерніи, откуда арестанты направлялись въ Херсонъ, за неимѣніемъ въ Волыни исправительнаго отдѣленія. Изъ общаго числа заключенныхъ 40% упадаетъ на уроженцевъ Кавказа: магометанъ, грузинъ и армянъ; изъ нихъ всего болѣе магометанъ, называемыхъ татарами, численность которыхъ доходила до 35% всего количества арестантовъ отдѣленія. Между кавказцами очень немного, не болѣе 5%, содержатся за воровство или другія преступленія противъ чужой собственности; остальные же осуждались за убійства изъ мести, въ запальчивости и раздраженіи за поруганную честь. Преступленія этого рода, по обычаю кавказцевъ, носятъ характеръ европейской дуэли, кровью смывающей нанесенное оскорбленіе. Просматривая статейные списки [1]) кавказцевъ, осужденныхъ за убійства, легко можно ихъ представить себѣ какими-то отчаянными головорѣзами-разбойниками, а между тѣмъ нѣтъ скромнѣе, нравственнѣе и религіознѣе этихъ людей! Имъ положительно не мѣсто быть въ исправительномъ отдѣленіи съ ворами-рецидивистами, съ которыми они ни въ какомъ отношеніи не имѣютъ ничего общаго. Съ 1-го іюля 1893 г. два херсонскія исправительныя отдѣленія соединены въ одно, и кавказцы продолжаютъ тамъ свое заключеніе, равно какъ и пересылка туда съ Кавказа новыхъ арестантовъ идетъ по прежнему, а потому на нецѣлесообразность положенія арестантовъ-кавказцевъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе еще и по другимъ причинамъ. Въ Херсонѣ свирѣпствуетъ изнурительная лихорадка, дѣйствію которой особенно поддаются кавказцы съ перваго же времени прибытія въ исправительное отдѣленіе; въ связи съ тѣлеснымъ ослабленіемъ отъ лихорадки, вольные сыны Кавказа страдаютъ нравственно отъ тюремной обстановки, томятся и тоскуютъ по родинѣ, оторванные отъ родныхъ и своихъ близкихъ. Въ итогѣ—общее разстройство организма, помѣщеніе въ тюремную больницу и смерть отъ чахотки; умирая, они мысленно благославляютъ цвѣтущія долины Кавказа и шлютъ послѣдній привѣтъ своей родинѣ... 10% кавказцевъ находятъ себѣ могилу въ исправительномъ отдѣленіи; остальные хотя и возвращаются домой, но въ какомъ жалкомъ видѣ! Блѣдные, истощенные, едва движущіеся на ногахъ, они скорѣе похожи на ходячіе трупы, чѣмъ на живыхъ людей. Грустно было смотрѣть на эти существа, по какому-то

---

[1]) Статейный списокъ слѣдуетъ при каждомъ арестантѣ, поступающемъ въ исправительное отдѣленіе; въ немъ отмѣчается возрастъ арестанта, его вѣроисповѣданіе, мѣсто приписки, занятія или ремесло, семейное положеніе, названіе преступленія, за которое осужденъ, и означеніе срока отбытія наказанія.

страшному недоразумѣнію судьбы томившихся въ тюремномъ заключеніи, виноватыхъ лишь въ томъ, что по законамъ своей среды они защищали честь и доброе имя — свое или близкихъ людей. Насколько кавказцы щепетильны къ малѣйшей обидѣ, доказываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ маѣ 1893 г. Партія арестантовъ-магометанъ была выслана на перегрузку пшеницы, которую требовалось перегрузить на рѣкѣ Днѣпрѣ изъ берлины въ баржу для отправки по Днѣпру въ Одессу. Работали неодинаково успѣшно: одни много носили зерна, другіе, силами слабѣе, отставали отъ товарищей; по поводу неравномѣрной работы между двумя арестантами завязался споръ, перешедшій во взаимные упреки и ругань; тогда одинъ изъ споривших, возмущенный оскорбительными словами своего противника и не имѣя возможности дать ему болѣе чувствительный отпоръ, такъ какъ по условіямъ тюремной дисциплины кулачная расправа между арестантами невозможна,—бросился между судами въ Днѣпръ, на 4-хъ саженной глубинѣ, и утонулъ, а виновникъ этой катастрофы горько оплакивалъ гибель своего товарища. При появленіи начальства въ исправительномъ отдѣленіи магометане чуть-ли не всѣ начинаютъ выпрашивать себѣ черезъ переводчиковъ всевозможныя льготы; въ большинствѣ случаевъ ходатайства эти невыполнимы безъ нарушенія основныхъ правилъ содержанія заключенныхъ, но и то уже доставляетъ имъ нравственное облегченіе, если начальство ласково поговоритъ съ ними и пообѣщаетъ сдѣлать что возможно въ удовлетвореніе ихъ просьбъ. Между ними содержался очень богатый магометанинъ Сулейманъ-Гаджи-Ампрастанъ-оглы, отличавшійся тѣмъ, что безконечно жаловался всегда на администрацію отдѣленія, выдумывая такія небылицы, которыя тутъ-же опровергались его товарищами. Упрямый, лѣнивый, привыкшій дома къ удобной обстановкѣ, онъ хотѣлъ, благодаря своимъ средствамъ, создать себѣ привилегированное положеніе въ тюрьмѣ, въ особенности избѣгая всякихъ работъ, но когда это ему не удалось, онъ впалъ въ меланхолію, перешедшую затѣмъ въ тихое помѣшательство. Въ короткое время Сулейманъ сильно исхудалъ, изъ сварливаго и непокойнаго сдѣлался тихимъ, кроткимъ и послушнымъ; отправленный въ лѣчебницу душевно-больныхъ при богоугодныхъ заведеніяхъ онъ окончилъ тамъ срокъ заключенія и возвратился домой подъ надзоромъ своихъ братьевъ, но врачи мнѣ говорили, что имъ уже овладѣла чахотка, ему осталось не долго жить... Въ противоположность Сулейману другой магометанинъ Агаларъ-Бекъ-Абдулъ-Бекъ, владѣя средствами болѣе значительными, нежели Сулейманъ, прекрасно велъ себя, исполнялъ всѣ работы, не исключая тяжелыхъ, и много помогалъ бѣднымъ арестантамъ, покупая для нихъ на свои деньги чай, сахаръ и другіе предметы. Какъ

рѣдкій случай въ магометанскомъ быту, слѣдуетъ отмѣтить переходъ въ православіе магометанина Касумъ-Гаджи-Ага-Баба-оглы, судившагося за кражу. Предварительно совершенія надъ нимъ обряда св. Крещенія, онъ былъ подготовленъ тюремнымъ священникомъ къ воспринятію этого Таинства, научился читать и писать порусски и выучилъ на память главныя молитвы. На другой день послѣ обряда Крещенія Касумъ, наименованный Василіемъ Александровымъ, во избѣжаніе мести своихъ единоверцевъ, былъ отправленъ для дальнѣйшаго отбытія срока наказанія въ петербургское исправительное отдѣленіе, но за $1^1|_2$ мѣсяца до окончанія срока онъ исходатайствовалъ себѣ переводъ обратно въ херсонское отдѣленіе, въ чаяніи, конечно, матеріальной помощи при выходѣ на свободу отъ своего воспріемнаго отца попечителя исправительнаго отдѣленія А. С. Радченка. Но каково же было его разочарованіе, когда вмѣсто ожидаемой помощи, которой онъ отъ г. Радченка не получилъ, ему пришлось, благодаря переводу, просидѣть въ тюрьмѣ лишнихъ противъ срока почти два мѣсяца. Случилось это отъ того, что когда Василій Александровъ былъ на пути слѣдованія въ Херсонъ, здѣсь, въ тюремномъ замкѣ, появился тифъ, и для предупрежденія заразы между вновь прибывающими арестантами послѣдовало распоряженіе о прекращеніи пересылки арестантскихъ партій на Херсонъ, вслѣдствіе чего Василій Александровъ, числясь въ разрядѣ пересыльныхъ, долженъ былъ сидѣть въ промежуточной тюрьмѣ до разрѣшенія отправки въ Херсонъ, не смотря на окончаніе срока его заключенія по приговору суда.

II.

Порядокъ въ исправительномъ отдѣленіи строго опредѣленный и всегда неизмѣнный. Въ лѣтнее время въ 4 часа, а зимою въ 6 часовъ утра арестанты по звонку встаютъ съ своихъ постелей, умываются и выстраиваются отдѣленными надзирателями на повѣрку. Построеніе арестантовъ дѣлается по росту, такъ что въ первомъ ряду фронта становятся низкорослые, въ слѣдующемъ ряду выше ростомъ и т. д. Арестанты становятся совершенно прямо, руки держатъ по швамъ, ноги сдвинуты; не дозволяется переступать съ ноги на ногу и измѣнять положеніе рукъ,—словомъ, къ заключеннымъ примѣняется военная выправка, какъ наслѣдіе отъ прежняго военнаго управленія, когда исправительныя отдѣленія назывались исправительными арестантскими ротами, надъ которыми начальствовали особые командиры и субалтернъ-офицеры изъ военныхъ чиновъ. Когда построеніе арестантовъ готово, въ отдѣленіе входитъ дежурный помощникъ начальника и приказываетъ одному

изъ арестантовъ читать молитвы „Отче нашъ“ и „Спаси Господи“. Послѣ молитвъ производится повѣрка арестантовъ счетомъ и затѣмъ, если есть требованіе заключенныхъ на внѣшнія работы (пилка дровъ въ частныхъ домахъ, чистка улицъ и площадей, работы на лѣсопильныхъ заводовъ и перегрузка на судахъ хлѣба),—нарядъ арестантовъ на эти работы. Въ виду того, что работы внѣ исправительнаго отдѣленія, особенно на лѣсопильныхъ заводахъ, представляютъ много соблазна и удобствъ для совершенія побѣговъ, предупредить которыя не всегда можетъ конвоирующая стража,—на работы этого рода назначались если не исключительно, то преимущественно арестанты разряда исправляющихся, какъ болѣе другихъ зарекомендовавшіе себя хорошимъ поведеніемъ и отбывшіе уже значительную часть срока. Когда требованіе рабочихъ очень велико, то на работы по перегрузкамъ приходилось высылать, впрочемъ за усиленнымъ присмотромъ, и такихъ арестантовъ, которые бывали въ бѣгахъ; расчетъ тотъ, что перегрузка дѣлается на судахъ, стоящихъ по срединѣ Днѣпра, а съ этого мѣста крайне трудно арестанту убѣжать. И, дѣйствительно, не было ни одного случая побѣга съ перегрузочныхъ работъ. Одновременно съ нарядомъ заключенныхъ на внѣшнія работы производится размѣщеніе арестантовъ по спеціальнымъ мастерскимъ и назначеніе на хозяйственныя работы: пилка дровъ, возка воды, стирка бѣлья и очистка отхожихъ мѣстъ. Хлѣбопеки и кошевары, въ числѣ 8 человѣкъ, по условіямъ срочности своихъ занятій, выводятся къ работамъ раньше повѣрки. Заявившіе себя больными оставляются безъ работъ до освидѣтельствованія ихъ врачемъ больницы исправительнаго отдѣленія. Въ восемъ часовъ утра звонокъ на чай; заключенные собираются изъ всѣхъ помѣщеній зданія на дворѣ, выстраиваются фронтомъ и послѣ команды старшаго надзирателя: „на право, шагомъ маршъ“! направляются въ столовую, гдѣ полчаса пьютъ чай, пріобрѣтенный на собственныя средства; многіе арестанты пьютъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, лишь бѣдняки, не располагающіе свободною копѣйкою, завтракаютъ съ чаемъ ржаной хлѣбъ изъ казеннаго пайка, отпускаемаго въ суточной пропорціи по $2^1/_2$ фунта хлѣба на каждаго арестанта, а высылаемымъ на внѣшнія работы прибавляется еще по $^1/_2$ фунта хлѣба. По окончаніи чаепитія заключенные опять разводятся по своимъ мѣстамъ до 12 часовъ дня, когда они сзываются колоколомъ на обѣдъ и тѣмъ же порядкомъ слѣдуютъ въ столовую. За обѣдомъ имъ дается борщъ и каша или супъ и каша. Въ скоромные дни они получаютъ борщъ или супъ съ мясомъ, по разсчету около $^1/_4$ фунта на человѣка и кашу пшенную или крупяную съ говяжьимъ саломъ, а въ постные приготовляется горячее съ рыбою; во время періодическихъ постовъ, четыре раза въ не-

дѣлю дается рыбная пища и каша съ коноплянымъ масломъ, остальные три дня супъ съ грибами и коноплянымъ масломъ и таже каша. Магометанамъ, въ виду ихъ многочисленности, разрѣшено готовить пищу въ особомъ котлѣ; составъ продуктовъ тотъ же, что и въ русскомъ котлѣ, за исключеніемъ свинаго сала, котораго магометане не ѣдятъ; постовъ у нихъ нѣтъ и они круглый годъ употребляютъ мясную пищу. Окончивъ обѣдъ, который длится отъ 20 до 30 минутъ, заключенные пользуются въ теченіи одного часа прогулкою по двору; въ случаѣ ненастной погоды они отдыхаютъ этотъ часъ въ мѣстѣ своихъ постоянныхъ работъ. Послѣ прогулки или отдыха они приступаютъ къ занятіямъ работами и прекращаютъ таковыя лѣтомъ въ 7 часовъ, а зимою въ 4 часа пополудни. Въ эти часы заключенные по звонку собираются на дворъ и отправляются въ столовую на вечерній чай и ужинъ. Всѣ мастерскія запираются тогда до слѣдующаго дня. Въ это время возвращающіеся съ внѣшнихъ и хозяйственныхъ работъ арестанты идутъ также въ столовую. Нужно упомянуть, что находящимся на внѣшнихъ работахъ обѣдъ посылается на мѣсто работъ, чаемъ же они тамъ не пользуются по отсутствіи приспособленій. Съ окончаніемъ ужина всѣ арестанты направляются въ свои ночныя камеры и выстраиваются фронтомъ для повѣрки такимъ же порядкомъ, какъ и утромъ; въ присутствіи дежурнаго помощника начальника читаются тѣже молитвы и послѣ повѣрки арестантовъ счетомъ камеры ихъ запираются снаружи входа двойными замками внутренними и висячими, ключи отъ которыхъ хранятся у дежурнаго старшаго надзирателя. Такимъ образомъ ни арестанты, ни два надзирателя, охраняющіе ихъ, не имѣютъ возможности выйти изъ своихъ камеръ; но если бы ночью произошли въ камерахъ какіе-либо безпорядки, требующіе вмѣшательства начальства отдѣленія, то въ распоряженіи надзирателей имѣются вдѣланные въ стѣнахъ камеръ кнопки къ электрическимъ звонкамъ, проведеннымъ въ контору, которая сообщается телефономъ съ квартирою начальника, а изъ послѣдней проведены электрическіе звонки въ квартиры помощниковъ его. За время моей службы не было, однако, ни одного случая поздней тревоги, что впрочемъ, предупреждалось постояннымъ посѣщеніемъ въ продолженіи ночи арестантскихъ спаленъ начальникомъ, помощникомъ его и старшими надзирателями, которые провѣряли бдительность постовыхъ надзирателей и внутренный порядокъ въ ночныхъ помѣщеніяхъ заключенныхъ. Въ воскресные и праздничные дни, освобождающіе арестантовъ отъ работъ, порядокъ жизни заключенныхъ складывается иначе. Арестанты христіанскихъ исповѣданій, исключая хлѣбопековъ и кашеваровъ, обязанныхъ исполнять свои работы и въ праздники, въ 8-мъ часовъ утра отправ-

ляются въ церковь слушать Божественную литургію, по окончаніи которой священникъ произноситъ слово о значеніи чествуемаго праздника. Затѣмъ арестанты идутъ въ столовую на чай и остаются тамъ до обѣда или гуляютъ по двору. Послѣ обѣда приходитъ въ столовую священникъ и открываетъ собесѣдованія съ заключенными на почвѣ духовно-религіозной; собесѣдованія продолжаются часъ, полтора, послѣ чего заключенные пользуются прогулкою до вечерняго чая. Магометане и евреи не освобождаются отъ работъ въ дни христіанскихъ праздниковъ, за то они празднуютъ каждую недѣлю по одному дню: евреи—субботу, а магометане—пятницу, и въ эти дни они дѣлаются свободными отъ работы. Въ двунадесятые праздники арестанты христіанскихъ исповѣданій получаютъ улучшенную пищу, а также чай и сахаръ; въ первые дни Рождества и Пасхи, въ день храмового праздника Покрова Богородицы (1 октября) каждому заключенному выдается на руки по 1 фунту варенаго мяса, по 1 золотнику чаю и три куска сахару; въ день Пасхи отпускается отъ казны, кромѣ жертвованій, по 3 фунта пасхи, по 3 яйца, по 1 фунту сыру и $^1/_4$ фунта соленаго свинаго сала; на Новый годъ дается по $^1/_2$ фунта мяса и по 1 пирогу съ мясомъ; на праздникъ Богоявленія только по $^1/_2$ фунта мяса; пироги даются и на Покровъ. Кромѣ того, заключеннымъ разрѣшается пріобрѣтать на собственныя средства одинъ разъ въ мѣсяцъ чай, сахаръ, бѣлый хлѣбъ, брынзу (овечій сыръ), сушеную или копченую рыбу, не болѣе, однакоже, для одного арестанта какъ на 2 рубля, такъ какъ при выпискѣ припасовъ на большую сумму замѣчалась торговля ими между арестантами, которые во время выписки припасовъ не могли ихъ пріобрѣсть по неимѣнію денегъ. Высылаемые на внѣшнія работы заключенные, возвращаясь съ работъ, всякій разъ покупаютъ себѣ бѣлый хлѣбъ вѣсомъ отъ 3 до 4 фунтовъ по 12 и 15 коп. за хлѣбъ, на деньги, жертвуемыя заключеннымъ работодателями сверхъ поденной платы, уплачиваемой въ контору отдѣленія. Арестантамъ строго воспрещается имѣть при себѣ деньги, на этомъ основаніи, по прибытіи въ отдѣленіе, арестанты тщательно обыскиваются, найденныя деньги отбираются отъ нихъ, записываются въ особую книгу и расходуются съ разрѣшенія начальника отдѣленія, при чемъ арестантъ ограничивается заявленіемъ, что̀ ему нужно купить, а деньги для покупки со спискомъ припасовъ, выписываемыхъ арестантами, выдаются отдѣленному надзирателю; такимъ же порядкомъ хранятся и расходуются зарабатываемыя арестантами деньги и присылаемыя имъ отъ родныхъ. Если уже во время содержанія арестантъ будетъ изобличенъ въ храненіи при себѣ денегъ, то таковыя отъ него отбираются и, въ видѣ наказанія, $^1/_4$ часть удерживается въ кружку эко-

номическихъ суммъ; во второй разъ удерживается половина, а въ третій разъ отобранныя деньги сполна обращаются въ кружку. Я помню случай, когда одинъ арестантъ, замѣченный въ этомъ по третьему разу, лишился всѣхъ 6 рублей, найденныхъ при немъ; для арестанта потеря этой суммы велика, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что тайное храненіе арестантами у себя денегъ всегда расчитано на пріобрѣтеніе запрещенныхъ вещей, а иногда на подкупъ надзора для полученія послабленій, или же на игру въ карты, кости и проч.

III.

Между должностными лицами, служащими въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, едва-ли не первое мѣсто слѣдуетъ отвести священнику. Дѣятельность священника въ отдѣленіи по начертаніямъ закона, слишкомъ важная, разнообразная и не мало хлопотливая. Не столько въ качествѣ священника, отправляющаго богослуженія и требы для заключенныхъ, сколько личность его важна по званію наставника и духовника исправительнаго отдѣленія. Сколько нужно въ положеніи этомъ имѣть осмотрительности и какое должно быть отзывчивое доброе сердце, чтобы расположить къ себѣ заключенныхъ, заручиться ихъ довѣріемъ, чтобы слово наставника падало не на каменистую почву, и приносило бы обильные плоды нравственнаго исправленія преступниковъ! Высокое призваніе священника, проникнутаго христіанскою любовью и всепрощеніемъ къ несчастнымъ людямъ, совратившимся съ пути истиннаго, умиротворяетъ духъ арестантовъ, вызываетъ въ преступникѣ благотворное раскаяніе и будитъ въ немъ лучшіе человѣческія чувства и стремленія. Къ сожалѣнію, я засталъ священника, формально относившагося къ дѣлу и далеко стоявшаго отъ арестантовъ, благодаря постояннымъ его занятіямъ въ мѣстной учительской семинаріи, мѣшавшимъ часто посѣщать исправительное отдѣленіе. Вскорѣ онъ умеръ; назначенный на его мѣсто молодой священникъ принялся было бодро за дѣло, но недостаточность средствъ (500 руб. въ годъ жалованья при казенной квартирѣ) вынудила его перейти въ сельскій приходъ. И уже пріемникъ его, пожилой человѣкъ и одинокій, оказался на высотѣ своего призванія, относясь съ любовью къ своимъ многотруднымъ обязанностямъ. Онъ установилъ почти ежедневное общеніе съ арестантами; когда же въ отдѣленіи была открыта школа грамотности, онъ самъ училъ 40 человѣкъ арестантовъ читать, писать и считать; одновременно онъ занялся переустройствомъ хора пѣвчихъ изъ арестантовъ, значительно расширивъ и улучшивъ этотъ хоръ. Не разъ, обходя отдѣленіе, я заставалъ священ-

ника отдыхающимъ на арестантской койкѣ послѣ собесѣдованій или занятія въ школѣ; видѣлъ я какъ арестанты угощали его чаемъ или предлагали свой обѣдъ,—и онъ не гнушался дѣлить съ заключенными ихъ трапезу, будучи съ ними всегда ласковъ, привѣтливъ, внимателенъ къ малѣйшимъ ихъ нуждамъ. Жертвованія изъ своихъ средствъ на покупку принадлежностей для школы и на улучшеніе пищи арестантамъ въ годовые праздники дополняютъ обрисовку почтеннаго дѣятеля-наставника исправительнаго отдѣленія.

Если-бы попечители хотя изрѣдка шли на встрѣчу нуждамъ заключенныхъ, то исправительное отдѣленіе, при такой дѣятельности священника, вполнѣ оправдало бы свое назначеніе; на самомъ же дѣлѣ попечители, появляясь въ отдѣленіе одинъ разъ въ мѣсяцъ для пріемки отъ подрядчика припасовъ довольствія и матеріаловъ отопленія и освѣщенія, стараются только показать передъ арестантами свой начальственный видъ и дать почувствовать администраціи, что ихъ присутствіе въ отдѣленіи доставляетъ кому-то большое одолженіе. Прежде, нежели попечитель явится въ отдѣленіе, къ нему нужно нѣсколько разъ посылать приглашенія и все таки успѣха не будетъ, пока начальникъ отдѣленія самъ не съѣздитъ и не упроситъ попечителя почтить отдѣленіе своимъ посѣщеніемъ. Понятно, такія отношенія унижаютъ въ глазахъ заключенныхъ достоинство администраціи, а кичливость попечителей, пріобрѣтшихъ это званіе за 10 руб., просто-таки поражаетъ своею дикостью и несообразностью. Вмѣсто дѣла—игра въ начальство; вмѣсто попеченія и заботъ объ исправленіи нравовъ заключенныхъ и облегченія ихъ участи—полное пренебреженіе ихъ нуждъ. Достаточно упомянуть, что въ дни Пасхи, Рождества и храмового праздника 1 октября ни одинъ изъ попечителей не далъ себѣ труда прибыть въ отдѣленіе, для присутствованія при раздачѣ арестантамъ улучшенной пищи, жертвуемой благотворителями и покупаемой на казенныя средства. Лучше того: попечитель, онъ-же церковный староста Покровской церкви при исправительномъ отдѣленіи г. Радченка, въ день храмового праздника, особенно чествуемаго отдѣленіемъ, ни разу не былъ ни въ церкви, ни въ отдѣленіи, потому-что въ этотъ день онъ уѣзжалъ на Каховскую ярмарку; обязательный-же по закону попечитель городской голова ни разу не присутствовалъ въ засѣданіяхъ попечительства и, вѣроятно, имѣлъ смутное представленіе объ исправительномъ отдѣленіи, котораго въ глаза не видалъ. Нечего и говорить, что объ устройствѣ и развитіи арестантскихъ работъ гг. попечители не имѣютъ ни малѣйшаго попеченія и весь громадный трудъ по заведенію работъ ложится своею тяжестью на начальника отдѣленія. Важная мѣра облегченія участи заключенныхъ—переводъ ихъ въ разрядъ исправляю-

щихся — совершается безъ всякаго участія попечителей, которые, подписывая составленный управленіемъ отдѣленія списокъ арестантовъ, удостоиваемыхъ этой милости, исполняютъ не болѣе какъ канцелярскую формальность, не обращая вниманія и не справляясь съ штрафнымъ журналомъ: правильно ли управленіе внесло въ этотъ списокъ арестантовъ. Не велика дѣятельность попечителей и по хозяйству исправительнаго отдѣленія; тутъ, не вдаваясь въ разсужденія, достаточно, указать на цифры за извѣстный періодъ времени. Съ августа 1884 г. не было никакихъ въ хозяйствѣ остатковъ и сбереженій; дѣятельность новаго состава администраціи отдѣленія съ 1891 по 1 іюля 1893 г. дала казнѣ сбереженія на 23,853 руб. 96 коп., безъ вѣдома и участія попечителей. Заканчивая характеристику тюремныхъ филантроповъ, нельзя не упомянуть, что въ Херсонѣ, между тѣмъ, встрѣчается нѣсколько евреевъ директоровъ тюремнаго комитета (Тарле, Фельзеръ, Рабиновичъ, Гурженпкель, Кальфу) въ своей дѣятельности ничѣмъ не заявившихъ себя на пользу тюремныхъ нуждъ.

IV.

Въ качествѣ мѣръ карательныхъ и предупреждающихъ въ отдѣленіи возможные безпорядки, власти начальника отдѣленія предоставлено закономъ право налогать на заключенныхъ взысканія: за маловажные проступки—куреніе табаку, ссору между арестантами, лѣнь на работахъ нарушеніе какого либо распоряженія,—выговоръ въ присутствіи всѣхъ арестантовъ, лишеніе чая или горячей пищи на сутки, воспрещеніе свиданія съ родственниками въ двѣ очереди, карцеръ до двухъ сутокъ на хлѣбѣ и водѣ и лишеніе права дѣлать выписку припасовъ въ теченіи одного мѣсяца; за болѣе важные проступки, каковыми считаются: систематическое уклоненіе отъ работъ, оскорбленіе надзирателей словами или дѣйствіемъ, драка съ арестантами, кража или умышленная порча казеннаго имущества,—наказаніе розгами до 30 ударовъ. Состоящіе въ разрядѣ исправляющихся, какъ выше было упомянуто, подвергаются наказанію розгами не иначе какъ съ разрѣшенія попечительства. За особо важные проступки или въ случаѣ недѣйствительности поименованныхъ наказаній въ отношеніи неисправимыхъ арестантовъ, попечительству предоставляется, по ходатайству начальника отдѣленія, давать разрѣшеніе на усиленное наказаніе виновныхъ арестантовъ розгами до 100 ударовъ, или закованіе въ кандалы съ помѣщеніемъ въ одиночную камеру и съ обритіемъ половины головы, или же переводъ изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ. Послѣдняя мѣра особенно чувствительна для

заключенныхъ и служитъ для нихъ пугаломъ, такъ какъ на ихъ языкѣ это называется „потеря скидки", т. е. съ переводомъ въ разрядъ испытуемыхъ арестантъ лишается права на сокращеніе срока и отбываетъ наказаніе полностью до послѣдняго дня. За время моей службы 4 арестанта подверглись такой карѣ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ іюнѣ 1891, г. во время постройки лѣтней одежды для арестантовъ, была замѣчена пропажа холста, остававшагося отъ раскроя 30 аршинъ; дознаніе выяснило, что закройщики портные арестанты Гринбаумъ и Шаковъ похитили этотъ холстъ при раскройкѣ, пронесли его въ мастерскую завернутымъ въ холстъ, предназначенный для шитья одежды, и сбыли мастеру-чемоданщику Шлемѣ Бычачему. Всѣ эти три арестанта состояли въ разрядѣ исправляющихся и быть можетъ въ другое время понесли-бы менѣе строгое наказаніе, но они подвернулись въ такое время, когда принимались суровыя мѣры для уничтоженія распущенности и крупныхъ безпорядковъ въ отдѣленіи, когда наказаніе одного арестанта служило примѣромъ для остальныхъ; съ переводомъ въ разрядъ испытуемыхъ они утратили право на сокращеніе срока заключенія: Шакаровъ на 4 мѣсяца, а Бычачій и Гринбаумъ на два мѣсяца каждый.

Въ 1892 арестантъ Козленко, за неоднократную кражу казеннаго сапожнаго товара при постройкѣ обуви для арестантовъ, подвергся тому же наказанію, потерявъ сокращеніе срока на 2 мѣсяца, но это, повидимому, не исправило его, потому что и послѣ того онъ два раза былъ изобличенъ въ кражѣ казеннаго товара, которымъ онъ пользовался для изготовленія обуви на базаръ. Гринбаумъ и Шакаровъ до конца срока были на лучшемъ счету и ни въ чемъ не заслужили упрека; въ особенности располагалъ къ себѣ Гринбаумъ, робкій еврейчикъ, уроженецъ Привислянскаго края, отбывавшій заключеніе за побѣгъ изъ военной службы. Какъ теперь я вижу предъ собою эту маленькую согнутую фигурку, съ грустнымъ задумчивымъ лицомъ и молящими глазами. Когда уже освобождался изъ отдѣленія, онъ откровенно разсказалъ, что по поводу кражи холста онъ понесъ невинно наказаніе, ибо не принималъ никакого участія въ кражѣ, которую совершилъ одинъ Шакаровъ, но выдача товарища грозила местью со стороны всѣхъ арестантовъ, преслѣдующихъ шпіоновъ съ сильнымъ ожесточеніемъ, почему Гринбаумъ согласился скорѣе просидѣть лишнихъ 2 мѣсяца въ тюрьмѣ, чѣмъ подвергнуться расправѣ отъ товарищей и терпѣть отъ нихъ постоянные упреки въ шпіонствѣ. Нельзя не согласиться, что Гринбаумъ правъ, и не онъ одинъ по тѣмъ же побужденіямъ невинно переносилъ наказанія. Среда заключенныхъ выработала свои законы общежитія, которые до нѣкоторой степени смягчаютъ суровость дисциплинарнаго строя, давая возможность

арестантамъ обходить запретныя правила, вродѣ, наприм., куренія табаку, храненія при себѣ денегъ, и пользоваться относительными удобствами въ тюрьмѣ. Разумѣется такая система имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда всѣ арестанты согласны между собою тщательно охранять отъ надзора свои тайны; не единомыслія же быть не можетъ, ибо всѣ заключенные чувствуютъ себя въ равно тяжелыхъ условіяхъ, нужды ихъ тождественны и стремленія одинаковы. Но въ каждой семьѣ не безъ урода; такъ и тюрьма имѣетъ своихъ паразитовъ, промышляющихъ шпіонствомъ. Администрація отдѣленія, пользуясь услугами шпіоновъ-арестантовъ, которые, конечно, не безкорыстно служатъ этому дѣлу, имѣетъ возможность всегда слѣдить за настроеніемъ арестантовъ и знать интимныя стороны ихъ жизни. При управленіи отдѣленіемъ это важный дѣятель въ рукахъ администраціи для оцѣнки поведенія арестантовъ и предупрежденія многихъ важныхъ событій, послѣдствія которыхъ были-бы одинаково непріятны какъ для администраціи, такъ и для заключенныхъ, въ силу чего администрація, поощряя доносчиковъ, принимаетъ мѣры къ охраненію ихъ отъ возможной мести со стороны арестантовъ и вообще поддерживаетъ съ ними сношенія тайно отъ другихъ.

Трудно, однако, сказать,—въ какой мѣрѣ дисциплинарныя взысканія исправляютъ нравственность арестантовъ и сдерживаютъ ихъ отъ нарушенія тюремныхъ правилъ. Только розги, какъ тѣлесная жестокость, имѣютъ дѣйствіе прямо устрашающее; изъ боязни подвергнуться этому наказанію заключенные избѣгаютъ совершенія болѣе или менѣе крупныхъ проступковъ. Но отнюдь нельзя признавать за розгами значенья исправительнаго, чему я видѣлъ много примѣровъ, убѣждающихъ въ этой мысли. Въ исправительномъ отдѣленіи содержался $1^1/_2$ года выкрестъ изъ евреевъ Александръ Гольденбергъ; за короткое время своего заключенія онъ разновременно, какъ никто, получилъ 97 ударовъ розогъ, не считая безконечнаго множества разъ сажанія въ карцеръ, оставленія безъ обѣда и чая, и все-таки до конца срока Гольденбергъ былъ по поведенію самымъ плохимъ арестантомъ. Лѣнь, грубость начальству, воровство, порча казенныхъ вещей, подстрекательство арестантовъ къ безпорядкамъ, сѣяніе вражды между арестантами,—были ежедневными проступками Гольденберга; всякій разъ, когда его изобличали въ проступкѣ онъ клялся, божился въ своей невинности, нагло отрицая взводимое обвиненіе, но, подвергнутый наказанію, онъ мѣнялъ тонъ, дѣлалъ видъ раскаянія и обѣщалъ исправиться; не проходило сутокъ какъ онъ вновь попадался въ чемъ-нибудь, и снова повторялась таже исторія запирательства и раскаянія. Однажды Гольденбергъ вызвался быть доносителемъ на арестантовъ, сообщать—какъ онъ говорилъ „важные секреты“;

послѣ наблюденья и провѣрки этихъ „секретовъ“ оказалось, что Гольденбергъ вретъ безъ милосердія на товарищей, съ которыми онъ поссорился и желалъ путемъ кляузничества свести счетъ. Это просто былъ негодяй, отъ него сторонились даже арестанты дурнаго поведенія, ибо общеніе съ нимъ всегда приводило къ какой-нибудь непріятности. Другой неисправимый арестантъ Ѳедоръ Коширинъ отличался кроткимъ нравомъ и уживчивостью, но былъ феноменальный воръ. Гдѣ-бы Каширинъ ни находился—въ мастерской-ли, кухнѣ, ночныхъ помѣщеніяхъ или на внѣшнихъ работахъ—онъ непремѣнно ухитрялся украсть что-нибудь; никакія наказанія, не исключая розогъ, не отучили его отъ порока. Еще содержалось два грека—Метакса и Беротти,—отъявленные лѣнтяи, не хотѣвшіе сами работать и подстрекавшіе къ этому другихъ арестантовъ; благодаря ловкости и уму, они оказывали большое вліяніе на арестантовъ, побуждая ихъ фрондировать предъ администраціей, сами же оставались въ сторонѣ, высматривая жалкими угнетенными людьми. Вслѣдствіе того, что у Метакса болѣли глаза, а Беротти былъ слабогрудый, они почти каждый день ходили къ врачу за пособіемъ и такимъ образомъ уклонялись отъ работы.

Въ исправительномъ отдѣленіи на 540 человѣкъ найдется до 10-ти человѣкъ такихъ арестантовъ, которые, рѣдко подвергаясь или совсѣмъ не подвергаясь наказаніямъ, съ внѣшней стороны ведутъ себя хорошо и тѣмъ не менѣе они находятся на счету дурномъ; за ихъ дѣйствіями особенно зорко слѣдитъ администрація. Это, такъ сказать, тюремные ветераны, много лѣтъ просидѣвшіе въ тюрьмахъ, между ними встрѣчаются арестанты проведшіе въ тюрьмѣ 15 лѣтъ. Тюрьма—ихъ область, гдѣ они становятся владыками тюремнаго мірка и легко подчиняютъ своему вліянію всѣхъ арестантовъ; они же передаютъ товарищамъ выработанныя долговременнымъ тюремнымъ заключеніемъ правила поведенія, расчитанныя на борьбу съ администраціею и обходъ тюремныхъ правилъ. Главари эти стараются утвердить духъ товарищества и взаимопомощи между арестантами, а въ нужныхъ случаяхъ являются защитниками ихъ нуждъ, хотя до послѣдней минуты они скрываютъ отъ начальства свою дѣятельность, выдвигая въ качествѣ застрѣльщиковъ арестантовъ безличныхъ. Заступничество главарей за безсловесную братію, привыкшую пассивно переносить всяческія невзгоды, бываетъ вполнѣ умѣстно въ тѣхъ именно случаяхъ, когда низшая администація, въ лицѣ тюремныхъ надзирателей, вербуемыхъ изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, не отличается особенно выдержкою и человѣчностью въ обращеніи съ арестантами; благодаря подстрекательству, обиженные жалуются на надзирателей начальнику отдѣленія и такимъ образомъ сдерживается въ данныхъ границахъ вредный

во всѣхъ отношеніяхъ произволъ низшихъ агентовъ власти, не признающихъ въ арестантѣ человѣческаго „я“. Основываясь на личномъ служебномъ опытѣ, я могу съ увѣренностью сказать, что законное и безусловно нелицепріятное отношеніе администраціи къ заключеннымъ служитъ самымъ надежнымъ средствомъ къ поддержанію необходимаго порядка въ тюрьмѣ; такимъ только путемъ возможно администраціи установить свой авторитетъ въ глазахъ заключенныхъ и пользоваться ихъ полнымъ довѣріемъ, безъ чего дѣятельность администраціи просто немыслима. Но важнѣе всего для администраціи—ослабленіе дурнаго вліянія со стороны главарей на ихъ товарищей по заключенію, что достигается ровнымъ отношеніемъ начальствующихъ лицъ ко всѣмъ арестантамъ, безъ малѣйшей поблажки главарямъ. Въ противномъ случаѣ заигрываніе съ послѣдними, извиненіе ихъ проступковъ и наказаніе за тѣ же проступки безотвѣтныхъ арестантовъ сильно роняетъ достоинство администраціи и что всего хуже—создаетъ привелигированное положеніе главарямъ для эксплоатаціи слабѣйшей своей братіи, а при такомъ порядкѣ вещей въ тюрьмѣ получается рядъ беззаконій между заключенными, обиды, притѣсненія, вымогательство и проч. Изъ множества случаевъ я приведу наиболѣе ярко характеризующій силу вліянія главарей на ихъ сотоварищей. Въ Херсонскомъ № 1-й исправительномъ отдѣленіи содержался Павелъ Каруца, молодой здоровенный парень 22 лѣтъ, съ перваго же времени своего заключенія онъ сдружился въ вожаками, вступилъ въ ихъ кружокъ и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними заодно, но впослѣдствіи онъ увидѣлъ, что дружба съ людьми, въ конецъ испорченными, не приведетъ къ добру, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ ними считался арестантомъ дурнаго поведенія. Между тѣмъ отрѣшиться отъ связей съ своимъ кружкомъ онъ немогъ: онъ тогда-бы палъ низко въ глазахъ арестантовъ, которые мстили-бы ему за измѣну на каждомъ шагу; оставалось одно: покинуть эту среду и перейти въ другую тюрьму, гдѣ онъ могъ освободить себя отъ вліянія главарей. Въ этихъ видахъ онъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ исправительное отдѣленіе № 2, причемъ херсонскому губернатору далъ честное „арестантское слово“ исправить свое поведеніе. Переведенный въ отдѣленіе № 2 съ дурною аттестаціею, Каруца велъ себя примѣрно хорошо, работами занимался усердно и окончилъ срокъ, будучи принятъ обществомъ мѣщанъ г. Тирасполя обратно въ свою среду. Уходя на свободу, онъ со слезами благодарилъ начальника отдѣленія за справедливое отношеніе къ заключеннымъ, благодаря чему и онъ окончилъ свой срокъ содержанія благополучно. Тутъ нужно упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ важное значеніе на дальнѣйшую судьбу заключенныхъ. Обо всѣхъ арестантахъ исправительнаго отдѣленія

за 6 мѣсяцевъ до окончанія срока заключенія, посылается запросъ обществу, къ которому приписанъ арестантъ, о желаніи или нежеланіи общества принять его обратно въ свою среду по окончаніи срока заключенія; къ запросу прилагается свидѣтельство начальника отдѣленія о поведеніи арестанта. Если арестантъ по поведенію въ аттестаціи хорошъ, то въ большинствѣ случаевъ общество составляетъ пріемный приговоръ, и арестантъ по выходѣ изъ заключенія водворяется на прежнемъ мѣстѣ жительства; дурныя же аттестаціи служатъ поводомъ для общества, несмотря на просьбы родныхъ, отдѣлаться отъ арестанта и постановить о немъ непріемный приговоръ, послѣдствіемъ котораго для заключеннаго является обязательная ссылка въ Сибирь на поселеніе. Когда рѣшеніе участи арестанта—быть-ли ему на родинѣ своей или отправляться въ далекую Сибирь,—зависитъ отъ аттестаціи о поведеніи его въ исправительномъ отдѣленіи, то каждый изъ заключенныхъ старается ко времени срока отсылки запроса въ общество заявить себя хорошимъ поведеніемъ. Только такая тактика почти никогда не удается, потому что при оцѣнкѣ поведенія арестанта принимается въ расчетъ не послѣдній періодъ его заключенія, а все время, проведенное имъ въ отдѣленіи. Штрафной журналъ, куда вносятся всѣ совершенные арестантами проступки и понесенныя за нихъ наказанія, служитъ справочною книгою при составленіи аттестатовъ о поведеніи арестантовъ.

V.

6 Января 1886 г. послѣдовалъ очень важный законъ объ устройствѣ арестантскихъ работъ во всѣхъ мѣстахъ заключенія. По поводу обязательнаго привлеченія къ труду заключенныхъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Можно говорить о выборѣ тѣхъ или другихъ работъ съ точки зрѣнія ихъ вліянія на здоровье арестантовъ, производительности работъ для казны и подробностей постановки дѣла организаціи работъ, но всѣ согласны съ тѣмъ положеніемъ, что въ тюремномъ быту праздность всего болѣе оказываетъ развращающее вліяніе на арестантовъ, принуждая отъ бездѣлья изобрѣтать безнравственныя развлеченія, какъ средство спасенія отъ томительной скуки, усиливающей тягости заключенія. Въ основаніе развитія работъ со стороны матеріальной приняты три условія: вознагражденіе арестантовъ изъ заработанной платы, отчисленіе изъ оной части въ пользу казны и въ той же мѣрѣ отчисленіе въ доходъ мѣста заключенія на составленіе особаго по имперіи фонда для помощи тѣмъ мѣстамъ заключенія, кои не имѣютъ собственныхъ средствъ на пріобрѣтеніе инструментовъ при организаціи внутреннихъ работъ; изъ

поступающей въ доходъ отдѣленія части выдается не болѣе трети въ награду тюремной администраціи, руководившей арестантскими работами. До изданія упомянутаго закона арестанты не получали никакого вознагражденія, но взамѣнъ того имъ сокращался срокъ заключенія по разсчету двухъ дней за одинъ день, проведенный на работахъ; заработанная же сумма дѣлилась на двѣ равныя части между казною и экономическимъ капиталомъ учрежденій завѣдывавшихъ тюрьмами. По закону 6 января 1886 г. всѣ безъ исключенія арестанты исправительнаго отдѣленія должны быть заняты работами. Изъ каждаго заработаннаго арестантомъ рубля—30 коп. поступаетъ въ его личную пользу, 35 коп. въ казну и 35 коп. въ доходъ исправительнаго отдѣленія. Поступившія въ пользу арестанта заробочія деньги могутъ быть расходуемы на его собственныя нужды во время заключенія, но не болѣе половины общей заработанной арестантомъ суммы, остальная же половина выдается ему при выходѣ изъ отдѣленія по окончаніи срока. Послѣдняя мѣра, очевидно, имѣетъ въ виду обезпечить арестанту необходимыя средства при выходѣ на свободу; иногда такія средства у трудолюбивыхъ арестантовъ достигаютъ до 70—80 рублей,— цифры вполнѣ достаточной для устройства своей честной трудовой жизни на свободѣ...

Въ Херсонскомъ № 2 исправительномъ отдѣленіи преобладающій доходъ получался отъ внѣшнихъ работъ, вслѣдствіе чисто мѣстныхъ условій, вызывающихъ за недостаткомъ вольныхъ рабочихъ, большой спросъ на арестантскій трудъ. Больше всего арестанты требуются для перегрузки зерна на судахъ, получая поденную плату, судя по времени года, отъ 60 коп. до 1 руб. и болѣе, не считая особаго вознагражденія лично 10—15 коп. на бѣлый хлѣбъ. На лѣсопильныхъ заводахъ арестанты занимаются переноскою лѣса отъ складовъ къ машинѣ и сортировкою распиленнаго лѣса по связкамъ, зарабатывая въ день отъ 40 до 80 коп. и 10 коп. на хлѣбъ. Весною, съ открытіемъ навигаціи по Днѣпру много требуется арестантовъ для нагрузки лѣса на суда, отправляемыя внизъ по Днѣпру, плата та-же, что и на лѣсопильныхъ заводахъ. При назначеніи на внѣшнія работы требуется въ однихъ случаяхъ, какъ перегрузка, соотвѣтствіе тѣлесныхъ силъ съ поручаемою работою, ибо слабосильные на перегрузкѣ безусловно негодятся, а въ другихъ—какъ сортировка досокъ на лѣсопильнхъ заводахъ, необходимый навыкъ связывать въ пачки по сортамъ выпущенныя изъ-подъ машины доски. Желанія арестантовъ болѣе на сторонѣ внѣшнихъ работъ, чѣмъ внутреннихъ по весьма понятнымъ причинамъ: внѣшнія работы хорошо оплачиваются, даютъ возможность арестанту воспользоваться порядочною прогулкою во время слѣдованія къ работамъ и возвра-

щенія съ нихъ; подышать весь день чистымъ воздухомъ и укрѣпить себя мускульнымъ трудомъ; работая за стѣнами тюремной ограды, подъ открытомъ небомъ, въ общеніи съ вольными людьми, они чувствуютъ себя менѣе угнетенными, тѣмъ болѣе, что ихъ завѣтная слабость къ куренію табаку не такъ строго преслѣдуется здѣсь, какъ въ стѣнахъ отдѣленія. Что касается побѣговъ съ этихъ работъ, то за $2^1/_2$ года (съ января 1891 по іюль 1893 г.) было всего два случая: бѣжало четыре арестанта, которые въ скоромъ времени были задержаны и заключены въ отдѣленіи, причемъ на основаніи закона имъ возстановленъ срокъ заключенія со дня поимки изъ бѣговъ, такъ что время, проведенное въ заключеніи до бѣговъ, въ счетъ срока не входитъ. Это, нужно сказать, чувствительное наказаніе сдерживаетъ благоразумныхъ арестантовъ отъ побѣговъ и только не многіе изъ нихъ съ наступленіемъ весны стремятся уйти изъ заключенія, но незаконное положеніе такого бѣглеца на свободѣ продолжается весьма не долго: обыкновенно онъ сходится съ прежними товарищами по преступному ремеслу и снова ловится на какомъ-нибудь преступленіи. Кавказцы совсѣмъ не склонны къ побѣгамъ, что объясняется незнаніемъ русскаго языка, громадностью разстоянія до мѣста родины и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они неизмѣримо выше по нравственнымъ качествамъ своихъ товарищей по заключенію, русскихъ людей, и безропотно переносятъ наказаніе въ полной надеждѣ возвратиться въ свою семью, къ прежнимъ честнымъ занятіямъ. Поэтому, кавказцы, на внѣшнихъ работахъ пользуются особымъ довѣріемъ тюремной администраціи; для надзора за ними назначается меньшее число стражниковъ, а въ 1-мъ исправительномъ отдѣленіи два магометанина безъ всякой стражи сами охраняли сарай, въ которомъ складывались хозяйственныя вещи, несмотря на то, что сарай былъ внѣ тюремной ограды и находился черезъ дорогу отъ исправительнаго отдѣленія.

Развитіе внутреннихъ работъ въ отдѣленіи составляетъ одну изъ сложныхъ задачъ для тюремнаго начальства. При установленіи этихъ работъ приходится считаться съ многими условіями, тормозящими успѣхъ предпріятія. На первомъ планѣ стоитъ конечно, матеріальная сторона дѣла. Прежде всего необходимо изучить мѣстныя условія, на сколько онѣ благопріятствуютъ развитію въ тюрьмѣ извѣстнаго мастерства, чтобы издѣлія арестантскаго труда находили себѣ безостановочный сбытъ по цѣнамъ достаточно вознаграждающимъ этотъ трудъ. Но самое трудное дѣло— привлеченіе всѣхъ арестантовъ къ работамъ, чтобы ни одинъ арестантъ не находился въ праздности.

По закрытіи навигаціи, съ 1 декабря до 15 марта, внѣшнихъ работъ не бываетъ, заключенные, всѣ 550 человѣкъ остаются въ отдѣленіи

и должны быть заняты внутренними работами. Въ лѣтнее время средній ежедневный отпускъ арестантовъ на внѣшнія работы можно считать въ 150 человѣкъ, а въ 1891 неурожайный годъ, когда для прокормленія голодающаго населенія создавались общественныя работы,—требованіе на арестантовъ сократилось до 50 человѣкъ среднимъ числомъ въ сутки. Слѣдовательно, на обязанности начальства лежало установить въ отдѣленіи такія внутреннія работы, которыя всегда бы занимали арестантовъ, не посланныхъ на внѣшнія работы. Существуетъ двоякій видъ внутреннихъ работъ: занятія, не требующія спеціальныхъ знаній и подготовки и работы по извѣстнымъ мастерствамъ. Работы по мастерствамъ имѣютъ большее значеніе, чѣмъ всякія другія работы, собственно потому, что онѣ представляютъ облегченіе для будущей жизни арестанта на свободѣ; многіе арестанты, выучившись сапожному или столярному мастерству, выходя на свободу, благодаря знанію ремесла, дающему кусокъ хлѣба, дѣлались честными людьми и порывали всякія отношенія съ преступною средою.

До 1891 г. во 2-мъ отдѣленіи правильной организаціи мастерскихъ не существовало. Возникновеніе мастерскихъ зависѣло отъ желанія самихъ арестантовъ заниматься тѣмъ или другимъ мастерствомъ, разъ арестантъ не хотѣлъ работать, онъ оставлялъ мастерскую и предавался бездѣлію. Точно также порядокъ сбыта издѣлій былъ внѣ надзора начальства; арестанты продавали на базарѣ свои издѣлія за цѣну произвольно ими назначенную и вносили въ контору отдѣленія плату по таксѣ за каждую проданную вещь, удерживая остальныя вырученныя отъ продажи деньги въ свою пользу. На этихъ началахъ къ 1891 году существовали мастерскія: чемоданная, сапожная и столярная, въ которыхъ работало до 50 человѣкъ; общая сумма заработка по этимъ мастерскимъ не превышало 300 руб. въ годъ, что въ среднемъ на одного арестанта составляетъ 6 руб. Хожденіе арестантовъ на базаръ за матеріаломъ и для сбыта издѣлій, отвлекая ихъ отъ дѣла, имѣло видъ праздношатанія по улицамъ. Принявъ во вниманіе, что казенный инструментъ въ отдѣленіи былъ совершенно негодный, а принуждать арестантовъ работать собственнымъ было-бы несправедливо,—на первое время устройства внутреннихъ работъ признано цѣлесообразнымъ, не затрачивая никакихъ средствъ, примѣнить арендный способъ пользованіе арестантскимъ трудомъ. Въ іюлѣ 1891 г. отдано въ аренду 25 арестантовъ столяровъ и плотниковъ по 49 руб. въ годъ за каждаго арестанта; инструментъ доставленъ арендаторомъ. Въ октябрѣ 1891 г. заарендовано 25 арестантовъ сапожниковъ по 45 руб. въ годъ за человѣка, съ арендаторскимъ инструментомъ. Впослѣдствіи сапожная мастерская отъ арендатора перешла

въ вѣдѣніе управленія отдѣленія и выполнялись заказы по поставкѣ обуви для воспитанниковъ сельско-хозяйственнаго училища, учениковъ сиротскаго дома и для лечебницы херсонскихъ Богоугодныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, независимо отъ значительнаго возвышенія заработной платы, отнята возможность у арестантовъ уклоняться отъ труда и они должны были обязательно выполнять всѣ поручаемыя имъ работы. При этомъ не обошлось, конечно, безъ борьбы съ упрямствомъ и противодѣйствіемъ арестантовъ, которымъ тяжело было разставаться съ прежнимъ порядкомъ свободнаго труда, дававшаго имъ значительныя преимущества во всѣхъ отношеніяхъ, но дисциплинарныя взысканія за уклоненіе отъ работъ положили конецъ неправильному порядку вещей. На тѣхъ же основаніяхъ, но подъ управленіемъ администраціи, организованы мастерскія: переплетная, слесарная, кузнечная и бондарная, въ которыхъ работало до 25 арестантовъ. Во избѣжаніе лишнихъ расходовъ по управленію мастерскими, должности мастеровъ, обучающихъ арестантовъ и руководящихъ работами поручались свѣдущимъ надзирателямъ, которые завѣдывали мастерскими и несли службу надзора. Портняжеская мастерская, въ которой работали 20—25 арестантовъ, очень мало выполняла частныхъ заказовъ по отсутствію хорошихъ мастеровъ и была занята хозяйственными работами: шитьемъ новой, починкой старой арестантской одежды и бѣлья и постройкой надзирательскаго обмундированія. Были мелкія еще работы—изготовленіе щетокъ и ажурныхъ рамокъ, занимавшія 8 человѣкъ. И такъ болѣе 100 человѣкъ работало въ спеціальныхъ мастерскихъ; соображаясь со сбытомъ издѣлій и размѣрами помѣщенія для мастерскихъ, этого количества арестантовъ было достаточно для успѣшнаго веденія дѣла по заведеннымъ мастерствамъ. Но удовлетвореніе потребности организаціи мастерскихъ заняло всего $^1/_5$ часть заключенныхъ а $^4/_5$ оставались въ праздности, если не посылались на внѣшнія работы. А потому для этихъ $^4/_5$ заключенныхъ требовалось пріискать такой видъ труда, который, не требуя затратъ на пріобрѣтеніе инструмента, и особаго физическаго напряженія, по своей простотѣ исполненія, былъ-бы одинаково доступенъ для всѣхъ арестантовъ. Особенно имѣлось въ виду привлечь къ такимъ работамъ арестантовъ-кавказцевъ, неспособныхъ обучаться мастерству по незнанію русскаго языка и болѣе чѣмъ на 50% слабосильныхъ, негодныхъ для внѣшнихъ работъ. Въ виду значительныхъ рыбныхъ ловель въ устьяхъ Днѣпра, въ Херсонѣ существуетъ большой спросъ на сѣти; хотя трудъ плетенія сѣтей кропотливъ и плохо вознаграждается сравнительно съ другими работами, такъ какъ сѣти изготовляются по не дорогимъ цѣнамъ въ м. Станиславѣ, херсонскаго уѣзда, преимущественно женщинами въ зимнее свободное отъ работъ время, но

общедоступность и легкость плетенія сѣтей, при отсутствіи всякихъ расходовъ на организацію дѣла, какъ нельзя болѣе согласовались съ видами администраціи, рѣшившей развить эти работы въ отдѣленіи. Между заключенными нашелся одинъ (Дорофѣевъ), занимавшійся дома рыболовствомъ и хорошо умѣвшій плести сѣти; ему было дано въ обученіе 5 человѣкъ. Черезъ двѣ недѣли эти 5 человѣкъ работали сѣти не хуже Дорофѣева, и тогда каждый изъ нихъ взялъ обучать по 5 человѣкъ. Еще черезъ двѣ недѣли выучились и эти, начавъ, въ свою очередь, обучать другихъ, и такимъ образомъ въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ плетеніемъ сѣтей были заняты болѣе 100 человѣкъ. Кромѣ плетенія сѣтей арестанты занимались сученіемъ нитокъ изъ суровой пряжи по заказу одесскаго купца Пташникова. Рядомъ съ этими занятіями введены еще простѣйшія работы, а именно передѣлка старыхъ канатовъ въ пеньку. Тутъ не требуется никакого искуства и предварительнаго обученія: всякій вновь прибывающій арестантъ, посаженный въ первый разъ за эту работу, можетъ выполнить ее съ успѣхомъ. Трудъ весь состоитъ въ томъ, что пришедшіе въ негодность канаты отъ судовъ раскручиваются и каждая раскрученная часть щиплется руками до той степени, пока не получится чистая пенька, причемъ смола, грязь и пыль отходятъ; изъ пуда каната получается 36 фунтовъ пеньки, плата же за работу съ пуда пеньки 40 коп. Плетеніе сѣтей и передѣлка канатовъ привлекали всѣхъ не занятыхъ работами арестантовъ; благодаря заведенію этихъ работъ *ни одинъ* заключенный не оставался безъ дѣла. Занимались этими работами и такіе арестанты, напр. пѣвчіе, уборщики помѣщеній, которые по окончаніи временныхъ своихъ занятій въ отдѣленіи, оставались безъ дѣла. Численность арестантовъ, состоящихъ при упомянутыхъ работахъ, ежедневно была различная, смотря потому, сколько требовалось арестантовъ на внѣшнія работы. Я долженъ засвидѣтельствовать, что съ установленіемъ обязательныхъ работъ для всѣхъ арестантовъ проступки ихъ значительно сократились; арестанты, прежде стоявшіе по поведенію на дурномъ счету, уравнялись поведеніемъ съ хорошими арестантами, уклоненіе отъ работъ болѣе не повторялось и наблюдалось полное спокойствіе между арестантами.

Арестанты, постоянно занятые хозяйственными работами въ отдѣленіи, получаютъ вознагражденіе въ личную свою пользу 1 руб. въ мѣсяцъ. Таковы хлѣбопеки, кашевары, прачки, водовозы, парашники (занимаются очисткою отхожихъ мѣстъ) переводчикъ при больницѣ, портные и сапожники,—ихъ всѣхъ 24 человѣка. Уборщики зданія, служители больницы, истопники и дровоколы вознагражденія не получаютъ, такъ какъ для исполненія этихъ работъ арестанты назначаются по очереди. Портные и

сапожники за шитье арестантской одежды и обуви получають особое вознагражденіе изъ суммъ, отчисляемыхъ отъ арестантскихъ заработковъ въ доходъ мѣста заключенія по такому расчету, чтобы цифра вознагражденія не превышала въ среднемъ платы, опредѣленной арестанту за хозяйственныя работы, т. е. 1 руб. въ мѣсяцъ. Два сапожника и два портныхъ получаютъ постоянное рублевое въ мѣсяцъ вознагражденіе собственно за починку старой одежды и обуви, а при постройкѣ новыхъ вещей они имѣютъ особый присмотръ за цѣлостью выданнаго для шитья казеннаго матеріала и отвѣчаютъ за прочную заготовку вещей. Арестанты, принадлежавшіе къ пѣвческому хору, вознагражденія не получали, но взамѣнъ этого они пользовались лучшими удобствами помѣщенія: имъ отведена была особая свѣтлая камера, гдѣ они спали на желѣзныхъ кроватяхъ и не раздѣлялись другъ отъ друга особымъ заключеніемъ въ деревянныхъ каморкахъ. Они очень цѣнили это преимущество предъ другими арестантами и охотно занимались пѣніемъ, впрочемъ, въ двунадесятые праздники они больше другихъ получали порціи улучшенной пищи, чая и сахару, а церковный староста г. Радченка жертвовалъ исключительно для нихъ чай и сахаръ.

VI.

Хозяйственная часть исправительнаго отдѣленія хотя не имѣетъ прямаго соотношенія къ быту заключенныхъ, однако же послѣдствія той или другой системы управленія хозяйствомъ несомнѣнно могутъ оказывать вліяніе на здоровье заключенныхъ. Кормленіе арестантовъ, обмундированіе ихъ, топка печей и, наконецъ, провѣтриваніе воздуха, — все это такія хозяйственныя отрасли, которыя, при безпорядочномъ веденіи дѣла, непосредственно отражаются на здоровьѣ арестантовъ, вызывая усиленныя заболѣванія и развитіе повальныхъ болѣзней. Со стороны отпуска матеріальныхъ средствъ продовольствіе заключенныхъ обставлено весьма удовлетворительно. Каждому арестанту полагается въ мѣсяцъ 2 четверика ржаной муки, 1 гарнецъ крупъ, 2 фунта соли и деньгами на приварокъ 1 руб. 6 коп. или въ сутки $3^1|_2$ коп. По распоряженію Попечительства на приварокъ ржи давалось 3 коп., а $^1|_2$ коп. обращались въ экономическія суммы, но при своевременной заготовкѣ припасовъ, закупкѣ ихъ по выгоднымъ цѣнамъ и отъ 3-хъ копѣечнаго довольствія получались крупныя сбереженія, поступавшія въ экономическія суммы. Продовольствіе отпускается по табели, подробно опредѣляющей расчетъ продуктовъ суточнаго довольствія на одного арестанта. Ощущается недостатокъ крупъ, восполняемый покупкою въ счетъ того-

же 3-хъ копѣечнаго отпуска на приварокъ. Что касается хлѣба, то между нимъ и опредѣленною къ отпуску мукою существуетъ большая разница въ количественномъ отношеніи. Муки полагается въ сутки 2 фунта 40 зол., хлѣбомъ же выдается 2½ фунта,—почти тоже количество; арестантамъ же, посылаемымъ на внѣшнія работы, прибавляется еще ½ фунта хлѣба; между тѣмъ изъ пуда испеченной муки получается хлѣба 58 фунтовъ (на 1 пудъ муки 18 фун. припеку), и такимъ образомъ вслѣдствіе припека остается значительное сбереженіе муки, достигавшее въ мѣсяцъ до 150 и болѣе пудовъ, судя по числу содержащихся. Эта экономическая мука обращается къ зачету при поставкѣ довольствія въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, а стоимость ея по цѣнѣ подрядной перечисляется изъ казны въ экономическій капиталъ. До 1891 года экономіи отъ продовольствія никакой не было; не поступали по назначенію и полукопѣечники, отчислявшіеся отъ приварка, вслѣдствіе чего экономическая касса была пуста. А между тѣмъ экономическій капиталъ играетъ немаловажную роль въ хозяйствѣ исправительнаго отдѣленія. На счетъ этого фонда производятся расходы: а) на содержаніе больницы при отдѣленіи; б) содержаніе церковнаго причта; в) отпускъ денегъ на улучшеніе пищи арестантамъ въ дни годовыхъ праздниковъ и г) хозяйственные мелочные расходы по отдѣленію. За отсутствіемъ же экономическихъ средствъ расходы по этимъ статьямъ ложились на средства казны. Въ 1891 г. поступило экономіи отъ продовольствія 1,733 руб. 96 коп., въ 1892 г.—2,378 руб. 82 коп. и первой половинѣ 1893 г.—2,329 руб. 79 коп., а всего 6,442 руб. 57 коп. Приведенныя цифры указываютъ, что съ постепеннымъ улучшеніемъ системы хозяйства, съ каждымъ годомъ увеличивались и экономическіе остатки отъ продовольствія, при томъ же пища и хлѣбопеченіе улучшились противъ прежняго. Благодаря расширенію экономическихъ суммъ, значительно улучшилось довольствіе больныхъ арестантовъ. До 1891 г. на содержаніе больныхъ арестантовъ отпускали 600 руб. въ годъ изъ казны. Но въ больницу помѣщались и арестанты 1-го исправительнаго отдѣленія, такъ что общее ежедневное число больныхъ въ среднемъ было до 30 человѣкъ и болѣе. Довольствіе такого количества больныхъ на 600 руб. было, конечно, немыслимо, тѣмъ не менѣе за отсутствіемъ экономическихъ средствъ приходилось ограничиваться и этою суммою, при чемъ расходъ на одну слабую порцію не превышалъ 8 коп. Завѣдывавшій больницею врачъ г. Зильберштейнъ, въ распоряженіи котораго состоялъ кредитъ по больницѣ, выказалъ поистинѣ большія финансовыя способности, сводя концы съ концами въ жалкихъ средствахъ, ибо заступившій его мѣсто г. Рождественскій засвидѣтельствовалъ полную невозмож-

ность довольствія больныхъ арестантовъ на эти средства; по его мнѣнію, получаемыя больными порціи были на столько малы, что больные хронически голодали, а это, въ свою очередь, вліяло на успѣшное лѣченіе арестантовъ. Но г. Рождественскому болѣе посчастливилось, чѣмъ его предшественнику; ему пришлось дѣйствовать въ то время, когда экономическія суммы стали накопляться и получилась возможность значительно улучшить довольствіе больныхъ, увеличивъ стоимость слабой порціи отъ 17 до 23 коп.

Нѣсколько словъ о больницѣ. Помѣщеніе больницы великолѣпное. Оно имѣетъ 11 комнатъ, 2 ванныхъ для заразныхъ и незаразныхъ больныхъ, пріемную комнату, аптеку, цейхгаузъ и 2 ватерклозета. При такомъ обширномъ помѣщеніи всегда возможно размѣщать больныхъ по категоріямъ болѣзней. При больницѣ состоитъ врачъ, получающій 800 руб. въ годъ и 2 фельдшера—по 300 руб.; для ухода за больными назначается до 12 человѣкъ самыхъ благонадежныхъ арестантовъ. Въ сентябрѣ 1892 г. въ Херсонѣ появилась холера. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ были приняты всѣ мѣры для предупрежденія развитія этой заразы и между прочимъ выстроенъ на черномъ дворѣ отдѣленія баракъ для помѣщенія холерныхъ больныхъ. Обращено также особое вниманіе на доставку воды. До появленія холеры вода набиралась у береговъ Днѣпра и привозилась лошадьми въ бочкахъ. Но врачи признали, что береговая вода безусловно не годится къ употребленію, ибо она сильно загрязнена отъ судовъ, расположенныхъ по берегамъ, а необходимо брать воду съ средины рѣки, гдѣ нѣтъ судовъ и теченіе гораздо сильнѣе. Между тѣмъ началась усиленная очистка отхожихъ мѣстъ, лошади всѣ были заняты въ ассенизаціонномъ обозѣ, а потому возка воды въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ производилась самими арестантами такимъ порядкомъ: къ оглоблямъ бочки привязывалась толстая веревка, 10 человѣкъ брались за эту веревку и тащили бочку; по числу трехъ бочекъ, ходившихъ за водою, наряжалось на эту работу 30 человѣкъ арестантовъ, по очередно смѣнявшихся. Подъѣхавъ къ берегу, бочка снималась съ дрогъ, ставилась на лодку, которая плыла до средины Днѣпра; здѣсь бочка наполнялась водою, лодка направлялась обратно къ берегу и бочка устанавливалась на дроги. Вода была отличная. Когда появилась холера, арестанты пили только прокипяченую воду. Первые два случая заболѣванія холерою наблюдались надъ арестантами, лежавшими въ больницѣ. Они отосланы были въ земскій баракъ и тамъ умерли; еще былъ посланъ туда одинъ холерный больной, который также умеръ. Послѣ того арестанты лечились въ баракѣ при исправ. отдѣленіи. Всѣхъ заболѣвшихъ

холерою въ обоихъ исправ. отдѣленіяхъ было 17 арестантовъ, умерло изъ нихъ 8, выздоровѣло 9.

Въ числѣ служителей при холерномъ баракѣ находился арестантъ Ситченко, проявившій рѣдкое вниманіе къ уходу за больными, за что ему выдано въ награду 10 руб., а два его товарища награждены по 5 руб.; одинъ изъ нихъ, ухаживая за холерными, самъ заболѣлъ холерою, но вскорѣ выздоровѣлъ.

VII.

Изъ проступковъ, совершаемыхъ арестантами, куреніе табаку занимаетъ главное мѣсто.

Почти всѣ арестанты курятъ и для нихъ большое лишеніе остаться безъ табаку. Такова сила привычки, борьба съ которою оказываетъ лишь вліяніе на вздорожаніе табаку, но нисколько не искореняетъ наклонности къ куренію. Тюремныя правила безусловно воспрещаютъ арестантамъ куреніе табаку. Начальство со всею энергіею старается уничтожить куреніе и особенно наблюдаетъ, чтобы арестанты, возвращающіеся въ отдѣленіе съ внѣшнихъ работъ, не проносили съ собою табакъ. Но тщетны усилія: табакъ появляется, благодаря необыкновенной изобрѣтательности арестантовъ. Возвращаются арестанты съ работъ, ихъ тщательно обыскиваютъ, — нѣтъ табаку; между тѣмъ на другой день въ отдѣленіи ходитъ слухъ о приносѣ съ работъ большой партіи табаку. Оказывается, что во время работъ арестанты вынули изъ полотняной оболочки пуговицы—костяшки, пришитыя къ курткамъ, вмѣсто костяшекъ насыпали табаку и зашили полотно; такимъ образомъ съ внѣшней стороны пуговицы остались тѣми же пуговицами, и арестанты успѣли пронести табакъ. На слѣдующій разъ этотъ способъ, какъ обнаруженный начальствомъ, уже не годился. Табакъ проносился въ сапогахъ, для чего отрывалась стелька, подъ пяткою насыпался табакъ и стелька опять прикрѣплялась деревянными шпильками. Когда и этотъ способъ пересталъ быть секретомъ, табакъ прятался въ другомъ мѣстѣ сапогъ—въ каблукѣ подъ набойкою; отрывалась набойка, снималась часть каблука и взамѣнъ насыпался табакъ, сверху котораго прибивалась желѣзными гвоздями набойка. Все это нужно продѣлать такъ, чтобы надзиратели не видѣли и чтобы быть на мѣстѣ своихъ работъ, а иначе надзоръ по пятамъ слѣдуетъ за арестантомъ. Проносился табакъ чрезъ водовозовъ и парашниковъ, которые ухитрялись прятать его въ хомутахъ и сѣделкахъ. У арестантовъ, принадлежащихъ къ херсонскимъ обывателямъ есть много родныхъ и знакомыхъ, посредствомъ которыхъ получался табакъ

въ самомъ отдѣленіи. Дѣлалось обыкновенно такъ, что къ дровамъ сложеннымъ на черномъ дворѣ, подбрасывалось черезъ заборъ нѣсколько пачекъ табаку; пилка дровъ производилась ежедневно, и арестанты-дровопилы незамѣтно для надзора поднимали табакъ, прятали въ кучи нарубленныхъ дровъ и такимъ образомъ съ дровами проносили въ отдѣленіе. Одинъ арестантъ, убиравшій ночныя помѣщенія, пустился на такую хитрость: сдѣлалъ лукъ со стрѣлою, досталъ тонкую длинную бичевку, къ концу ея прикрѣпилъ стрѣлу и во время уборки камеры пускалъ стрѣлу въ окно между прутьями рѣшетки такъ, чтобы она съ бичевкою перелетѣла чрезъ каменную ограду на улицу, гдѣ нѣтъ стражи; выбиралось, конечно, время, когда за оградою должно ожидать лицо, принесшее табакъ; на конецъ переброшенной бичевки привязывался табакъ, который бичевкою притягивался въ рѣшетку окна. Черезъ два дня виновникъ этой продѣлки попался и былъ подвергнутъ наказанію. Однажды арестанту Шелестову принесла его жена нѣсколько пшеничныхъ пирожковъ, на видъ румяныхъ и хорошо испеченныхъ; когда разломили пироги, то начинкою въ нихъ оказался турецкій табакъ. Вообще можно подивиться изобрѣтательности арестантовъ при добываніи табаку, несмотря на то, что всѣ эти ухищренія наказывались и довольно строго, особенно при порчѣ казенныхъ вещей, когда табакъ прятался въ сапогахъ или пуговицахъ куртокъ. Доставалось и надзирателямъ, во всякомъ случаѣ виноватымъ въ недостаточномъ надзорѣ за арестантами, хотя услѣдить за каждымъ движеніемъ арестанта на внѣшнихъ работахъ довольно трудно, ибо на 10 человѣкъ арестантовъ назначается одинъ надзиратель, и если въ партіи 30 человѣкъ, то за ними наблюдаютъ 3 надзирателя, разставленные въ конечныхъ пунктахъ работъ, въ центрѣ-же работъ арестанты сходятся съ вольными рабочими и отъ нихъ получаютъ табакъ, не будучи въ своихъ дѣйствіяхъ замѣчены надзирателями. Строгости въ преслѣдованіи арестантовъ и надзора за проносъ табаку имѣли слѣдствіемъ сильное вздорожаніе табаку. Было время, что $^1/_8$ фунта махорки, стоющая 4 коп., въ продажѣ между арестантами доходила до 3-хъ рублей. За одну папиросу отдавали бѣлый хлѣбъ въ 15 коп., съ придачею еще казеннаго пайка чернаго хлѣба. Тутъ, разумѣется, дорогою цѣною оплачивались большой рискъ отвѣтственности и трудность проноса въ отдѣленіе табаку, котораго получалось очень мало сравнительно съ требованіемъ. Иногда табакъ окончательно переводился въ отдѣленіи, но тогда арестанты курили листья отъ банныхъ вѣниковъ. Припомню случай, когда одинъ магометанинъ, умиравшій въ больницѣ отъ чахотки, умолялъ врача дать ему папиросу,—„хоть передъ смертью покурить“; выкуривъ папиросу, онъ черезъ нѣсколько минутъ скончался.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что воспрещеніе въ тюрьмѣ куренія табаку не достигаетъ своей цѣли, благодаря особой потребности куренія въ тюремномъ быту, гдѣ табакъ играетъ роль первѣйшей необходимости. Съ другой стороны, по мнѣнію врачей, табакъ служитъ предохранительнымъ средствомъ противъ развитія цынги. Если запрещеніе курить входитъ въ рядъ стѣснительныхъ мѣръ, обусловливающихъ наказаніе заключенныхъ, то не слѣдуетъ забывать, что тюремная обстановка ежеминутно, на каждомъ шагу даетъ себя чувствовать арестанту всяческими лишеніями и ограниченіями, а потому едва ли нужно прибавлять къ тягостямъ заключенія лишеніе такого невиннаго, не приносящаго никому зла, удовольствія, которое является единственнымъ и особенно цѣннымъ въ жизни заключенныхъ.

VIII.

Нужно сознаться, что въ нашемъ обществѣ противъ тюремныхъ узниковъ сильное предубѣжденіе. Съ представленіемъ объ „арестантѣ“ соединяется понятіе о безвозвратно погибшемъ, вредномъ и крайне опасномъ для общества существѣ, утратившемъ образъ и подобіе человѣка. У насъ скоро забывается, что вчера еще этотъ „арестантъ“ былъ равноправнымъ членомъ нашего общества, жилъ съ нами одними интересами, былъ нашимъ другомъ, знакомымъ, что этотъ „арестантъ“—плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ. Общество не хочетъ разобраться въ той сложной путаницѣ между-людскихъ отношеній, которая приводитъ неудачника въ тюрьму и приколачиваетъ къ нему позорное клеймо „арестанта“.

Создавая попечительныя надъ тюрьмами учрежденія изъ лицъ, принадлежащихъ къ болѣе или менѣе привилегированному классу общества, законъ руководился высоко-гуманными цѣлями. Онъ устанавливалъ живую и крѣпкую связь между обществомъ и заключенными, въ видахъ нравственнаго исправленія послѣднихъ и облегченія ихъ положенія въ стѣнахъ тюрьмы. Но отписка входящихъ и исходящихъ бумагъ заѣла живое дѣло. Директора тюремнаго комитета, завѣдующіе тюрьмами, и попечители исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій сколько угодно подписываютъ бумаги въ качествѣ начальствующихъ лицъ, но никому нѣтъ охоты заглянуть въ тюрьму ради знакомства съ нуждами заключенныхъ.

Пригласите гг. попечителей и директоровъ исполнять свои обязанности какъ велитъ законъ, и тюрьмы въ скоромъ времени перестанутъ

быть разсадниками окончательной порчи случайно попавшихъ туда людей. Что тюрьмы въ настоящемъ своемъ устройствѣ добиваютъ нравственность заключенныхъ въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Есть въ тюрьмахъ категоріи по подсудностямъ, возрасту и полу, но отсутствуетъ самое главное и существенное—раздѣленіе заключенныхъ хорошихъ отъ дурныхъ, рецидивистовъ отъ новичковъ. Чтобы отличить хорошихъ отъ дурныхъ арестантовъ нужно долгое время изучать ихъ характеръ, привычки, наклонности и т. п., и вотъ тутъ-то попечителямъ и деректорамъ открывается широкое поприще для постояннаго общенія съ заключенными и тѣснаго съ ними знакомства. Для этого необходимо помнить всегда, что арестанту не чужды общечеловѣческіе интересы и что тюрьма для него временная квартира, откуда онъ опять вернется въ общество; поэтому, общественнымъ представителямъ, хотя бы для собственной безопасности, если не изъ человѣколюбія, слѣдуетъ потрудиться надъ улучшеніемъ нравственности заключенныхъ. Затѣмъ у насъ ровно ничего не сдѣлано для устройства на свободѣ отбывшихъ заключеніе лицъ. Очутившись на свободѣ, безъ посторонней поддержки и руководительства, часто отверженные своимъ-же обществомъ, эти несчастные съ клеймомъ арестанта никакъ не могутъ утвердиться на честной дорогѣ и въ состояніи безнадежности поневолѣ дѣлаются преступниками.

Казарменный способъ размѣщенія заключенныхъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, гдѣ заключенные разнородныхъ преступленій и возрастовъ соединяются въ одну кучку, слѣдуетъ признать безусловно вреднымъ для нравственности заключенныхъ. А между тѣмъ въ средѣ ихъ, подъ рубрикою „лишенныхъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ“, встрѣчаются совсѣмъ еще юные люди, только начавшіе жить, да и преступленія-то ихъ болѣе похожи на мальчишескія выходки, чѣмъ на проявленіе злой воли. Напримѣръ: одинъ молодой солдатикъ, стоя ночью на часахъ, соблазнился открытымъ окномъ въ частномъ домѣ, находившемся рядомъ съ его постомъ, черезъ это окно онъ стащилъ, полотенце, и въ результатѣ — исправительное отдѣленіе на $1^1/_2$ года. Два парня—одному 20, другому 21 годъ, — встрѣтили въ полѣ женщину съ кувшиномъ молока и отняли силою молоко. По квалификаціи преступленій подобное дѣяніе именуется грабежомъ, но во вниманіе къ молодости лѣтъ они, вмѣсто Сибири, попали въ исправительное отдѣленіе. Дивизіонный писарь Рѣшетовъ на своемъ дежурствѣ вскрылъ секретный пакетъ. Финалъ—исправительное отдѣленіе на $3^1/_2$ года. Такихъ преступниковъ не мало найдется въ исправительномъ отдѣленіи; оберегать ихъ отъ вреднаго вліянія закоренѣлыхъ, въ конецъ испорченныхъ аре-

стантовъ—есть святое дѣло правительственныхъ учрежденій и членовъ попечительства.

Большинство заключенныхъ въ исправительномъ отдѣленіи сочувственно относятся къ строго-законному порядку, не допускающему лицепріятія и несправедливости со стороны администраціи къ заключеннымъ. Найдутся только немногіе, не сочувствующіе такому порядку, но люди этой категоріи стремятся властвовать надъ арестантами и эксплоатировать ихъ, а потому законный обиходъ связываетъ имъ руки и мѣшаетъ мутить воду для своихъ корыстныхъ цѣлей. Но между заключенными можно встрѣтить и такія личности, которыя по своей нравственной высотѣ могли бы служить украшеніемъ любого общества. Тотъ же Рѣшетовъ, прислуживавшій въ церкви во время богослуженій, отличался рѣдкою честностью, тихимъ нравомъ и всегда держался особнякомъ отъ порочныхъ людей. Арестантъ Сергѣй Борчіевъ, внушительный старикъ съ сѣдою окладистою бородою, былъ при конторѣ переводчикомъ кавказскихъ языковъ. Извѣстность его между арестантами-кавказцами была такъ велика, что никому, кромѣ его, арестанты недовѣряли переводить свои просьбы начальству. Дѣйствительно, это былъ въ высокой степени честный человѣкъ, впослѣдствіи много принесшій пользы при организаціи мастерской плетенія сѣтей. Предыдущая жизнь Борчіева полна военныхъ подвиговъ во время службы его на Кавказѣ, причемъ за взятіе Шамиля онъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, но осужденный въ исправительныя отдѣленія за убійство онъ потерялъ и военное званіе и отличіе. Бывшій сельскій учитель на Кавказѣ Исаакъ Захаровъ, судившійся за убійство, представлялъ собою рѣдкій примѣръ труженика и во всѣхъ отношеніяхъ хорошаго человѣка. Работалъ онъ въ переплетной мастерской, помогалъ священнику въ школѣ обучать арестантовъ грамотности, писалъ безплатно разныя прошенія арестантамъ и, наконецъ, пѣлъ въ хорѣ. Захаровъ былъ осужденъ на $3^1/_2$ года, но пробылъ въ отдѣленіи полгода, такъ какъ по Высочайшему повелѣнію былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и отпущенъ домой. При освобожденіи священникъ отдѣленія далъ ему на дорогу 50 рублей безъ всякихъ росписокъ, и Захаровъ оказался настолько честнымъ, что по прибытіи на родину немедленно выслалъ этотъ долгъ священнику. Сюда слѣдуетъ причислить и Дорофѣева, отличнаго по поведенію арестанта, много трудившагося въ сѣточной мастерской.

Я не могу сказать, чтобы приведенными четырьмя арестантами исчерпывался рядъ хорошихъ людей. Рѣшетовъ, Борчіевъ, Захаровъ и Дорофѣевъ успѣли выдвинуться и обратить на себя наше вниманіе, благодаря особымъ, возлагавшимся на нихъ обязанностямъ, но,

несомнѣнно, кромѣ ихъ есть и еще свѣтлыя личности между заключенными и особенно много такихъ, которыя аттестуются хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ труду. Еслибы общество знало, что не все же въ тюрьмахъ сидятъ разбойники и негодяи и что между ними не мало найдется людей, достойныхъ полнаго сочувствія и покровительства, обычное гоненіе на „арестанта“ исчезло-бы и смѣнилось попеченіемъ объ участи несчастныхъ людей.

И. Т. Плетеневъ.

МИЛОРДЪ.

Повѣсть Элизы Ожешко.

Переводъ съ польскаго.

Кто изъ жителей города Онвиля не зналъ и не удивлялся Милорду въ то время, когда на сѣромъ фонѣ мѣщанской жизни онъ сіялъ, какъ перворазрядная звѣзда шика и элегантности? Когда его изящная и блестящая эгоистка съ оглушительнымъ трескомъ обивала свои колеса о каменную мостовую улицъ, богатые и *благородные* привѣтствовали его прикосновеніемъ пальцевъ къ борту шляпы и улыбками, которыя физіономиста заставили бы немного призадуматься, но издали могли бы сойти за проявленіе дружескаго расположенія. Менѣе богатые и не столь благородные съ необычайною поспѣшностью или съ фамильярностью приподнимали свои шапки, а что касается совсѣмъ небогатыхъ и неблагородныхъ, тѣ даже останавливались по серединѣ тротуаровъ, засовывали руки въ карманы и, провожая глазами несущуюся въ пространство яркую звѣзду города Онвиля, повторяли на половину съ восторгомъ, на половину съ завистью: „хорошо летитъ, гдѣ-то сядетъ!“

Дѣйствительно, въ ту пору Милордъ добился блестящихъ жизненныхъ результатовъ. Разсказывали какія-то чудеса о парѣ горячихъ вороныхъ, которые составляли запряжку его экипажа, и которые шли на не обыкновенныхъ ременныхъ возжахъ, а на какихъ-то широкихъ бѣлыхъ лентахъ, крѣпкихъ и блестящихъ, какъ атласъ. Концы возжей по временамъ то покоились въ собственныхъ рукахъ милорда, то въ рукахъ возницы, въ длинной ливреѣ съ серебряными пуговицами. Иногда лошадями правилъ подростокъ, казачокъ, или другой подростокъ въ зеленой, похожей на охотничью, одеждѣ.

У Милорда былъ и кучеръ въ ливреѣ, и казачокъ, и грумъ. О томъ, что мальчикъ въ зеленой одеждѣ могъ называться грумомъ, ни самъ милордъ, и ни одинъ житель Онвиля не имѣли вѣрнаго представленія.

Кромѣ того для зимы у него были красивыя сани, сплошь обитыя цвѣтнымъ ковромъ, и не менѣе красивыя красныя и синія сѣтки, которыя въ холодную пору покрывали его лошадей до самой земли. А за экипажемъ, санями, лошадьми, кучеромъ, грумомъ, бѣлоснѣжными возжами и красными сѣтками, въ припрыжку бѣжали двѣ прелестнѣйшихъ собаки, золотистые сетера чистой крови, съ блестящими ошейниками, усѣянными бубенчиками. Третья собака, маленькій шпицъ, съ голубымъ бантомъ между острыхъ ушей, обыкновенно сидѣлъ на колѣняхъ у своего хозяина.

Молнія эта часто останавливалась и тамъ и здѣсь, потому что у Милорда въ городѣ было множество дѣлъ и множество знакомыхъ. У воротъ большихъ каменныхъ домовъ, или красивыхъ деревянныхъ домиковъ, у дверей лучшей городской кондитерской, передъ блестящей и благоухающей выставкой парикмахера, онъ выходилъ изъ своего экипажа,—и когда молчаливымъ жестомъ приказывалъ сетерамъ спокойно дожидаться своего возвращенія, когда завертывалъ шпица въ пледъ и поручалъ попеченіямъ кучера, казачка или грума, когда бросалъ полный заботливости, взглядъ на своихъ взмыленныхъ лошадей,—всякій, кто находился по близости, могъ свободно разсмотрѣть его наружность, если только желалъ бы этого.

А кто бы этого не желалъ? Шумъ, который Милордъ производилъ въ Онвилѣ, обратилъ бы на него любопытное вниманіе самаго глухаго человѣка и самому мрачному меланхолику доставилъ бы минуту развлеченія. Конечно, всякому хотѣлось посмотрѣть на милорда и всѣ смотрѣли на него.

То былъ красивый мужчина, высокій, худощавый, стройный. Послѣднее время онъ казался даже болѣе высокимъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, благодаря этому длинному пальто, сзади похожему на солдатскую шинель, а спереди на халатъ, которое, какъ я гдѣ-то вычиталъ, носитъ названіе sortie de l'hôpital.

Съ тѣхъ поръ какъ мужчины начали носить эти sortie d l'hôpital, человѣчество, кажется, болѣе больнымъ, чѣмъ когда либо. Но у милорда былъ видъ человѣка совсѣмъ здороваго, хотя и не очень крѣпкаго. Лицо у него было худощавое, довольно красиво обрисованное и очень бѣлое, длинные, свѣтлорусые бакенбарды, такіе же свѣтлые волосы, а изъ-подъ полей цилиндра смотрѣли красивые голубые глаза, веселые, порою мечтательные, а иногда скучающіе и утомленные.

Таковъ былъ Милордъ. Люди смотрѣли на него разно, чаще всего на ихъ лицахъ изображалось искреннее и восторженное удивленіе, хотя по временамъ они и говорили:

— До чего только человѣкъ не можетъ дойти!

По временамъ они, впрочемъ, задавали вопросъ:

— И откуда все это онъ беретъ?

Тогда болтливыя мѣщанки, съ головами, покрытыми яркими клѣтчатыми платками, отвѣчали:

— Какъ откуда беретъ? покойникъ Дырко хорошо умѣлъ набивать свою кису;—ну, наколотилъ ее и оставилъ своей старухѣ, — а она и балуетъ своего сынка.

— Ага! другой такой матери, какъ Дырковa и съ огнемъ не найдешь..—отзывался хоромъ народный голосъ внизу, — на верху, въ тѣхъ общественныхъ сферахъ, куда вознесли Милорда крылья его блестящаго предназначенія, о старухѣ Дырковой или совсѣмъ ничего не знали, или знали очень немного.

— Охъ, Дырковa! какъ она воспитала его! на какую барскую ногу его поставила! какимъ счастливымъ сдѣлала его! вотъ это мать—такъ мать!

Такъ говорили всѣ, живущіе внизу: господа, каменщики, плотники, сапожники и другіе, супруги ихъ, сынки, которые вздыхали при этомъ и съ скрытымъ упрекомъ смотрѣли на своихъ родителей, ихъ дочки, у которыхъ одинъ видъ Милорда вызывалъ румянецъ на щекахъ, а кровь заставляла волноваться какою-то тоскою. Изо всей толпы раздавался только одинъ голосъ, старческій и раздражительный, который на возгласы: „вотъ это мать“!—отвѣчалъ:

— Глупая мать!

И потомъ тише, какъ бы для самого себя, онъ добавлялъ:

— Бѣдная мать!

То былъ голосъ Андрея Рембскаго, человѣка извѣстнаго всему онвильскому городскому населенію, когда-то сельскому учителю, а теперь владѣльцу небольшой собственности въ Онвилѣ. Это былъ тщедушный, неказистый человѣкъ, лѣтъ около шестидесяти, въ длинномъ, полинялом сюртукѣ орѣховаго цвѣта, въ фуражкѣ съ козырькомъ, бросающимъ тѣнь на его длинное сморщенное лицо.

Старые горожане, толкуя о милордѣ, говорили всегда:

— Еслибъ только покойникъ Дырко,—упокой Господь его душу,—воскресъ и увидалъ бы своего сына, то выросъ бы на цѣлый аршинъ отъ земли!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ обыкновенно Андрей Рембскій,—ему не хватило бы времени,—онъ сломя голову побѣжалъ бы къ своему гробу, чтобы опять улечься въ него.

— Увы!.. Фамилія Милорда была Дырко, и только одинъ Гельдхабъ, со своею обычною въ этихъ случаяхъ ловкостью, съумѣлъ бы составить генеалогическое дерево рода, носящаго это названіе. Изъ этого не нужно заключать, чтобъ у Дыркòвъ не было никакой генеалогіи. Конечно, родъ этотъ былъ не магнатскій, не шляхетскій даже, но скромный мѣщанскій родъ. Съ тѣхъ поръ какъ Онвиль носитъ свое имя, Дырки всегда были извѣстны въ немъ, какъ отличные гончары, зажиточные граждане, а нерѣдко дѣятельные и умѣлые члены мѣстнаго магистрата. Въ этой традиціи рѣшительно не было ничего позорнаго и Милордъ, можетъ быть, съ легкимъ сердцемъ влачилъ бы свою тяжесть, еслибъ она не характеризовалась такимъ вульгарнымъ прозвищемъ—Дырко.

Фамилія эта страшно мучила его,—онъ отдалъ бы полжизни, чтобъ превратить ее,—какъ онъ мысленно выражался, — въ болѣе благородную,—по крайней мѣрѣ, окончаніе *ко* измѣнить на *скій*. Это еще болѣе сблизило бы и сравняло его съ добрымъ другомъ, членомъ близкой фамиліи, Ютса Мирскимъ, и съ другимъ пріятелемъ, молодымъ и чрезвычайно элегантнымъ артистомъ музыкантомъ, Эдзей Колицкимъ, и еще съ дюжиной молодыхъ людей, которые всѣ носили прозвища, находящіяся въ болѣе близкой или далекой связи съ гербоносцами и гербами. Но сдѣлать этого онъ не могъ; одно время это сильно мучило его. Одинъ взглядъ на визитныя карточки, которыя онъ заказалъ себѣ, повергъ его въ долгую и скорбную задумчивость. Юзя Мирскій, смотря на одну изъ такихъ карточекъ, разразился громкимъ смѣхомъ.

— Чортъ бы тебя побралъ, Раймундъ, съ такой фамиліей! Еслибъ не твоя фамилія, я ввелъ бы тебя въ домъ моей матери... А то какъ я представлю тебя: панъ Дырко! да она въ обморокъ упадетъ! Друзья Милорда, присутствующіе при этомъ разговорѣ, громко расхохотались.

Милордъ сморщилъ брови.

— Дорогой мой,—отвѣтилъ онъ,—мнѣ очень хотѣлось бы бывать у твоей матери, но если она такая аристократка, то я не пойду къ ней, какъ бы ты меня ни тянулъ. Ты знаешь, что я не терплю аристократіи и вовсе не думаю стыдиться своей фамиліи. Онъ говорилъ съ возвышеннымъ равнодушіемъ, но... говорилъ неправду. Фамиліи своей онъ стыдился, а къ аристократіи льнулъ всей душой. И свои визитныя карточки онъ варьировалъ такъ, чтобъ замаскировать тривіальность начертанной фамиліи. Отчасти ему помогало его имя. Онъ назывался Раймундъ,—это звучало красиво и совсѣмъ не вульгарно.

И онъ заказалъ себѣ карточки, въ четвертушку почтовой бумаги, а по срединѣ этой веленевой пустыни изобразилъ „Раймундъ Дырко“ такими мелкими буквами, что прочитать ихъ можно было только при

помощи увеличительнаго стекла. Въ другой разъ онъ измѣнилъ отношеніе, — карточки были очень маленькія, а буквы очень большія. Карточки эти бывали бѣлыя, сѣрыя, желтоватыя, блѣдно-розовыя. На однѣхъ было изображено: „Раймундъ Дырко", на другихъ „Раймондъ Дырко", а иногда „Раймондъ де-Дырко".

Въ одинъ годъ визитныя карточки милорда произвели на народъ сильное впечатлѣніе. Изображенъ на нихъ былъ дьяволъ, черный какъ ночь, съ рожками, съ копытцами и другими принадлежностями, изрыгающій изъ отверзтой пасти имя и фамилію своего обладателя.

Впрочемъ, всѣ эти непріятности и затрудненія длились не долго, до тѣхъ поръ, пока Милордъ не засіялъ во всемъ своемъ блескѣ. А когда онъ засіялъ, то явился въ такомъ блескѣ, что ему показалось, будто и имя свое онъ озолотилъ и облагородилъ въ высшей степени.

Нужно признать, что не одинъ онъ подвергся такому заблужденію. Это заблужденіе раздѣляло съ нимъ почти все онвильское общество. Кромѣ того, на него свалился титулъ Милорда. Какимъ образомъ это случилось,—мы сейчасъ увидимъ.

Какъ только Милорду нужны были средства для удовлетворенія какой нибудь важной потребности своей жизни, онъ обыкновенно говорилъ близкимъ своимъ друзьямъ:

— Ну, нужно ѣхать въ мой банкъ!

Когда близкіе друзья видѣли, какъ экипажъ милорда съ главныхъ улицъ свертывалъ въ узенькіе, извилистые переулки стариннаго предмѣстья города, то усмѣхались и говорили:

— Нашъ Милордъ въ свой банкъ поѣхалъ!

Узкіе, извилистые переулки, по которымъ шибко, съ оглушительнымъ грохотомъ колесъ проѣзжалъ иногда милордъ, составляли старинную, чисто мѣщанскую часть города. Пришельцы со стороны не живутъ въ ней никогда, даже и евреи недавно,—да и то рѣдко,—начали тамъ появляться.

Это тихая, чистая, степенная часть города. Вдоль узкихъ тротуаровъ неровныхъ, ужасныхъ улицъ, вымощенныхъ острыми каменьями, по обѣ стороны возвышаются высокія стѣны кирпично-розоваго и синяго или шоколаднаго цвѣта. Эти стѣны отъ фронтоновъ остроконечныхъ кровель до канавъ, непосредственно тянущихся у ихъ подножія, испещрены глубокими, извилистыми трещинами, похожими на морщины стараго, изможденнаго лица. Тамъ и здѣсь двѣ противуположныхъ стѣны наклоняются такъ, что верхніе этажи ихъ вотъ-вотъ прильнутъ одинъ къ другому, точно имъ хочется преклонить другъ къ другу голову, а въ

иныхъ мѣстахъ они настолько выступаютъ впередъ, что образуютъ надъ переулкомъ подобіе арки прорѣзанной посерединѣ узенькой полоской неба. Но и по сторонамъ этой полоски, словно карточные домики, висятъ въ воздухѣ трехъугольныя пристройки, и окна ихъ, на разстояніи протяженія руки, съ неподвижнымъ спокойствіемъ смотрятъ своими рамами другъ на друга.

И подъѣзды у этихъ старыхъ домовъ какіе-то особенные,—высокія и узкія двери, погнувшіяся подъ тяжестью заржавѣвшаго желѣза или покрытыя грубою рѣзьбой. Когда эти двери отворяются, взоръ посѣтителя теряется въ безконечныхъ сѣняхъ, сводчатыхъ и мрачныхъ коридорахъ и только въ далекой перспективѣ, за другими дверями, виднѣется свѣжая зелень двора и сада. Старые каменные дома стѣснены только со стороны улицы,—съ другой тянется широкое пространство, чистые дворы, сады, полные фруктовыхъ деревьевъ и даже цвѣтовъ.

Деревья, овощи и плоды, по всей вѣроятности, когда-то составляли единственное удовольствіе жителей Онвиля, единственную роскошь, которую дозволяли себѣ эти когда-то здоровые, трезвые, неутомимые и увы! черезъ-чуръ немногочисленные представители мѣстнаго промысла.

Въ одномъ изъ переулковъ этой части города есть каменный домъ, на видъ еще бы не старѣй, чѣмъ другіе, узкій — въ немъ всего три окна по фронтону,—но высокій, трехъэтажный, съ прихотливыми украшеніями по верху. Внизу нѣтъ никакого жилья,—весь низъ занятъ воротами, ширина которыхъ не соотвѣтствуетъ размѣрамъ зданія, высокими сводчатыми, и придающими всему дому такой видъ, какъ будто бы онъ стоялъ на двухъ широко разставленныхъ ногахъ.

Въ архивахъ Онвильскаго магистрата этотъ домъ съ давнихъ поръ значится собственностью Дырковъ, гончаровъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ во флигелѣ, стоящемъ въ глубинѣ двора этого дома, поселилась Ополлинарія Дырко, вдова Матвѣя Дырко, послѣдняго гончара въ родѣ.

Матвѣй Дырко былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ, но совсѣмъ не послѣднимъ гончаромъ, и притомъ, человѣкомъ хозяйственнымъ, предпріимчивымъ и скупымъ. Купилъ онъ домъ на одной изъ главныхъ и новыхъ улицъ города, красивый и доходный домъ, а о его капиталахъ распространялись какіе-то баснословные слухи. Дѣйствительно, онъ копилъ деньги, но сколько скопилъ ихъ, объ этомъ не зналъ никто, потому что, умирая, онъ открылъ тайну богатства только своей женѣ. Не задолго до смерти, еще таскаясь по своему двору и саду, въ длинной мѣщанской поддевкѣ, четырехъугольной бараньей шапкѣ, Матвѣй Дырко тяжко вздыхалъ:

— Еслибы старшіе мои парни были живы, то я взрослымъ людямъ оставилъ бы то, что нажито кровавымъ трудомъ моими отцами и мною. Старшій, сударь мой, былъ настоящимъ гончаромъ, а у младшаго была охота къ садовому дѣлу. А что изъ Раймунда выйдетъ и сообразить не могу. Еле отъ земли онъ поднялся.

О, еслибы отецъ гончаръ могъ предвидѣть высокое предназначеніе своего Раймунда и блестящую метаморфозу, которой подвергнется то, что добыто имъ и его отцами!

За узкимъ каменнымъ домомъ, что стоитъ надъ воротами на своихъ широко-разставленныхъ ногахъ, находится широкій, мощеный дворъ, съ каменнымъ флигелемъ въ глубинѣ, а за флигелемъ лѣтомъ зеленѣютъ а зимою покрываются снѣгомъ и инеемъ старыя фруктовыя деревья. По серединѣ внѣшней стѣны флигеля узкая тяжелая дверь, надъ нею ниша съ образомъ Божіей матери. Дверь эта ведетъ въ сводчатыя сѣни, гдѣ даже въ самый яркій день царитъ темнота, а изъ сѣней продѣлано еще двое дверей въ двѣ отдѣльныя квартиры. Одну изъ этихъ квартиръ нѣсколько лѣтъ занималъ какой-то столяръ, а другую старая Дыркдва. Квартира Дыркдвой состояла изъ двухъ большихъ и также сводчатыхъ комнатъ съ узкими окнами, задѣланными деревянными рѣшетками. Первая изъ этихъ комнатъ походила на кухню,—въ ней была огромная печь стариннаго образца, лавки и столы, ничѣмъ не окрашенные и не покрытые. Полъ былъ такой же простой, стѣны закоптились отъ дыма, а кой гдѣ покрылись синею плѣсенью сырости. Другая комната имѣла видъ не то кладовой, не то какого то склада. Кромѣ кровати съ высокой периной, двухъ жосткихъ стульевъ, обитыхъ полинялымъ ситцемъ, и нѣсколькихъ яркихъ образковъ въ красныхъ рамкахъ, здѣсь не было никакой мебели и никакихъ украшеній. Зато у стѣнъ стояло нѣсколько высокихъ, окованныхъ желѣзомъ сундуковъ; въ углахъ лежали мѣшки и мѣшечки съ какими то зернами, и висѣли пуки пряденыхъ талекъ; на полу валялись огромные клубки сученыхъ нитокъ, а садовыя сѣмена и лекарственныя травы, разостланные толстыми слоями, сушились на окнахъ. Кромѣ того, здѣсь стояло нѣсколько корзинъ съ яицами, а у подножія печки было устроено зимнее помѣщеніе для куръ. Въ кухнѣ же, у двери стояла бочка съ водой и свиное корыто, передъ печкой, на деревянной скамейкѣ, прялка со связкой льна или шерсти, а въ глубинѣ, тяжелыми линіями выдѣлялся ткацкій станокъ съ челнокомъ, на которомъ были намотаны черныя нитки утка.

Былъ темный, бурный, осенній вечеръ. Въ помѣщеніи Дыркдвой весело трещала печка, а передъ огнемъ въ маленькомъ горшечкѣ, варилась какая то скромная похлебка. Красноватые отблески огня расходи-

лись по всей комнатѣ, золотили деревянныя рѣшетки оконъ, скользили по ткацкому станку, по временамъ поднимались къ высокому потолку и тонули тамъ въ углубленіяхъ полукруглыхъ сводовъ. Когда огонь разгорался сильнѣй, можно было видѣть идущую вдоль всѣхъ стѣнъ деревянную полку, а на ней длиннымъ и сомкнутымъ рядомъ стоящія произведенія гончарнаго искуства: огромные жбаны съ стекловидною поверхностью и художественно сдѣланными углами; поливныя миски, внутри украшенныя гирляндами разноцвѣтныхъ цвѣтовъ; горшки, сплошь покрытыя сѣтью изящно сплетенныхъ зигзаговъ и арабесковъ; толстощекія головы херувимовъ, для украшенія стѣнъ или печекъ; крылатые кони, великолѣпные пѣтухи, сказочные змѣи. Все это, видимо, содержалось въ чистотѣ и бережности и теперь отливало разными красками подъ прихотливымъ огнемъ. У печки въ глубокой тишинѣ, которая царствовала въ комнатѣ, сидѣли двѣ женщины.

Одна изъ нихъ,—то была сама Аполонія Дыркова,—пряла, другая, маленькая, немного сгорбленная, примостившись на маленькой скамеечкѣ, вязала чулки и наблюдала за варящейся похлебкой.

Дыркова должно быть когда то была красивою женщиной, и теперь еще, въ толстой синей юбкѣ, вѣроятно собственнаго издѣлія, клѣтчатой рубашкѣ и бѣломъ фартукѣ, казалась здоровою и сильною, въ особенности, когда одною рукою сучила тоненькую нитку, а другою быстро вертѣла веретено. Сѣдые волосы ея, выбивающіеся изъ подъ чепца, серебрились надъ краснымъ еле-еле сморщеннымъ лбомъ, сквозь худыя, еще бѣлыя щеки пробивался легкій румянецъ, а большіе глаза еще свѣтились свѣжими синими зрачками и тѣмъ серебристымъ отблескомъ, который у стариковъ является или слѣдомъ слезъ, пролитыхъ при жизни, или признакомъ еще не угасшей энергіи. Губы Дырковой, хотя увядшія и сморщенныя, не потеряли еще красивыхъ очертаній спокойствія и кротости. У ея ногъ, свернувшись огромнымъ клубкомъ, спала большая черная собака, вѣрный и старый стражъ дома. Старуха пряла и смотрѣла въ огонь. Взглядъ ея былъ неподвиженъ и задумчивъ, но губы складывались въ улыбку. Веретено тихо жужжало, за окнами шумѣли деревья, отъ горшковъ, установленныхъ на окнахъ, въ душной атмосферѣ комнаты распространялся сильный и тяжелый запахъ мускуса и герани.

— Ну, послѣ долгаго молчанія отозвалась старая женщина, принцъ нашъ сегодня вѣрно не придетъ.

Говоря это, она смотрѣла на вязавшее чулки горбатое, неказистое существо.

— Знаешь что, Людвася, я ждала своего принца съ самаго утра. Что-то шептало мнѣ на ухо: сегодня пріѣдетъ!

Голосъ ея былъ звучный и мягкій, говорила она медленно и на распѣвъ.

Людвася подняла на нее свои маленькіе, каріе глаза съ полупокорнымъ, съ полувеселымъ выраженіемъ, и отвѣтила:

— Вы всякій день разсчитываете, что нашъ принцъ пріѣдетъ, а вотъ ужъ двѣ недѣли прошло, какъ его нѣтъ.

Старушка важно и какъ бы съ неудовольствіемъ кивнула головой.

— Не былъ, правда, ну и что-жъ изъ того, что не былъ? Ты думаешь, у него только и дѣла, чтобы сидѣть около старой матери? Ого! онъ не такой, какъ другіе, что за материну юбку или за отцовскій кафтанъ всю жизнь держутся обѣими руками. Онъ человѣкъ и долженъ жить съ людьми. Онъ настоящій баринъ, а у баръ не одно только дѣло, чтобъ сидѣть обнявшись со старухой матерью. Онъ съ визитами ѣздитъ, на званыхъ вечерахъ бываетъ и у себя вечера устраиваетъ... А барышни? а? это тоже значитъ что нибудь, или нѣтъ? мало времени отнимутъ онѣ у молодаго и пригожаго барчука? Вѣдь это не наши дѣвки,—тѣ довольны, когда хозяйскій сынъ посмотритъ на нихъ мимоходомъ и пошутитъ съ какою нибудь. Къ паненкамъ богатымъ, благороднымъ, къ такимъ, у которыхъ каблуки на четверть отъ пола, а шаги въ пять ладоней, подъѣзжать надо долго, охъ какъ долго, покуда какая нибудь не усмѣхнется, согласится подъ ручку идти на прогулку или протанцовать. Ухаживать за ними нужно, льстивыя слова говорить, на фортепьянахъ имъ играть, за покупками ихъ ходить... чудеса, говорю я тебѣ, Людвася, чудеса и баловство... У молодаго жизнь такъ и проходитъ... летаетъ онъ, какъ бабочка около красивыхъ цвѣтковъ, пока не наскочитъ на какой нибудь, пока не прильнетъ такъ, что радъ бы отцѣпиться, да нельзя. Тутъ ужъ конецъ, становись на коврикъ и вѣнчайся... щеколда защелкнулась и мой золотой мотылекъ только вокругъ своей молодой женки порхаетъ, дѣтокъ нянчитъ, да къ старой матери ихъ порою въ богатой каретѣ привозитъ, чтобы та внуками своими утѣшалась... но изрѣдка только, изрѣдка—барчукамъ было бы душно и нездорово въ тѣхъ старыхъ конурахъ, въ которыхъ выросли ихъ отецъ и дѣдъ, но имъ то здѣсь воспитываться ужъ не годится... нѣтъ не годится!

Такъ говорила старушка и соотвѣтственно своей рѣчи, то торжественно поднимала свою красивую, хотя и огрубѣвшую отъ работы руку, то шутливо подмигивала глазами, то блаженно улыбалась. Въ особенности ей доставляло удовольствіе упоминаніе о дѣтяхъ, которыхъ будутъ привозить

въ богатой каретѣ. Когда она говорила о мотылькѣ, что кружится, кружится около цвѣтковъ, прильнетъ къ одному, и конецъ!.. то расхохоталась такъ сердечно, что ея голубые глаза сдѣлались влажными, а щеки раскраснѣлись еще сильнѣй. Маленькая, горбатая Людвася на это время оставила свое вязанье и, не спуская съ лица старушки своихъ глазъ, выражавшихъ то удивленіе, то восторгъ, покачивала головою изъ стороны въ сторону и тихо поддакивала:

— Да какъ же! что тутъ и говорить! такой то барчукъ!

Дыркова снова начала прясть и на минуту глубоко задумалась. Ея глаза блуждали по гончарнымъ издѣліямъ, разставленнымъ на полкѣ.

— Ага!—проговорила она, какъ будто про себя, довольнымъ голосомъ... Такъ, такъ!—старушка тихо засмѣялась.—Отецъ и дѣдъ его родились здѣсь, въ этомъ домѣ работали въ потѣ лица и приготовляли своихъ дѣтей къ той же работѣ... Долго это было, долго, и еслибъ не я... я не хотѣла, чтобъ мой Раймундекъ лѣпилъ горшки, я сказала себѣ, что если мой сынъ долженъ быть Дырко, такъ пусть же онъ будетъ панъ Дырко, а не Дырко-гончаръ. Еслибъ я вышла за Андрея Рембскаго, то была бы шляхтянкой и сынъ мой былъ бы шляхтичъ, а когда случилось такъ, что я на всю жизнь осталась внизу,—такъ пусть же хоть мой сынъ пойдетъ въ гору! Я такъ сказала, такъ и сдѣлала!.. Не ему горшки лѣпить, не ему! Довольно ужъ его отецъ и дѣды горшковъ полѣпили.

Людвася подняла глаза и, глядя на полку, уставленную глиняною посудою, глуповато засмѣялась.

— Но вѣдь какіе горшки то хорошіе они лѣпили! Вѣдь правда?

Дыркова важно и съ оттѣнкомъ гордости кивнула головой.

— Ну, да!—сказала она—на всю губернію, а можетъ быть и въ Литвѣ и во всемъ царствѣ Польскомъ такихъ гончаровъ, какъ Дырко, не было. На ремеслѣ этомъ зубы съѣли и честнымъ путемъ денежки себѣ зарабатывали. Кромѣ того и плотъ имъ доставался. Вотъ скажемъ, когда прадѣдъ Матвѣя, выдумалъ такую форму жбановъ, какъ тотъ, что стоитъ тамъ, въ самомъ углу, видишь?..

— Ого!—утвердительно промычала Людвася и посмотрѣла на указанный жбанъ.

Жбанъ былъ дѣйствительно такой, что могъ бы смѣло и съ плотомъ фигурировать на выставкѣ какихъ нибудь мѣстныхъ древностей и доисторическаго мѣстнаго производства. Кусокъ глины казался чуть не произведеніемъ искусства. Формы его были изящны и напоминали формы

урны, изгибъ носа—полонъ красоты, а блѣдно-розовую его поверхность обвивалъ вѣнокъ изъ выпуклыхъ зеленыхъ листьевъ.

Дыркова продолжала дальше:

— Такъ вотъ, когда прадѣдъ моего Матвѣя первый слѣпилъ такой жбанъ и поѣхалъ съ нимъ къ воеводѣ,—непомню ужъ, къ какому, такъ воевода далъ за него сто дукатовъ золотомъ.

— Сто дукатовъ, какъ одну копѣечку!—повторила она,—а потомъ потрепалъ его по плечу и говоритъ: „почтенный панъ Дырко! Вы мастеръ своего дѣла и издѣліями своихъ рукъ приносите честь странѣ!“ Прадѣдъ моего Матвѣя потомъ сдѣлалъ, можетъ быть, тысячу такихъ жбановъ и всѣ ихъ распродалъ между большими панами и вельможами. Люди говорили, что, по милости этихъ жбановъ, онъ такъ возгордился, что задралъ голову, какъ какой-нибудь панъ. Да это, должно быть, сплетки; коли бы онъ былъ гордый, то не дозволилъ бы своему сыну остаться гончаромъ.

— Вѣрно!—подтвердила Людвася,—не дозволилъ-бы.

— Ну, вотъ, продолжала Дыркова, а не только одинъ, а два его сына остались гончарами. Одинъ изъ этихъ сыновей былъ роднымъ дѣдомъ моего Матвѣя, а другой двоюроднымъ. Вотъ этому то, двоюродному, какъ говорили люди, и остался отъ отца халатъ. Онъ первый во всей Литвѣ и Царствѣ началъ разрисовывать миски цвѣтами. Мой покойникъ—царство ему небесное—разсказывалъ мнѣ, что бѣдняжка посѣдѣлъ какъ лунь, прежде чѣмъ научился рисовать макъ и розы на глинѣ. За то онъ рисовалъ хорошо и прочно—нечего сказать—очень хорошо! кто бы сказалъ, что эта миска... видишь?

— Ага! протянула Людвася.

— Что эта миска, съ вѣнкомъ розъ по срединѣ, сдѣлана сто лѣтъ тому назадъ.

— Сто лѣтъ!—пискливо крикнуло маленькое существо.

— Какъ же! сто лѣтъ, да еще съ годомъ! а этотъ жбанъ, съ гирляндами изъ листьевъ, сдѣланъ сто тридцать два года тому назадъ.

— Господи Іисусе, пострадавшій за насъ грѣшныхъ! зачѣмъ же эти черепки такъ долго стоятъ здѣсь? Развѣ покойникъ панъ Матвѣй, упокой Господи его душу, не могъ продать ихъ?

— Конечно, не могъ! Слава Тебѣ Господи, чего легче, какъ продать такія чудесныя вещи! Но въ семействѣ Дыркова былъ такой обычай, что когда Дырко сдѣлалъ какую-нибудь хорошую работу, особенную, понимаешь? особенную, то одинъ экземпляръ оставлялъ въ домѣ. Экземпляръ, милая Людвася, это одна изъ сдѣланныхъ вещей... напри-

мѣръ, если я намотаю шестьдесятъ талекъ, то каждая талька—это экземпляръ, понимаешь?

— Понимаю! —Людвася кивнула головой.

— Такъ вотъ, послѣ каждаго Дырки, который былъ умнѣй и способнѣй другихъ, въ домѣ оставался одинъ экземпляръ какой-нибудь особенной его работы—послѣ прадѣда моего Матвѣя—тотъ жбанъ; послѣ двоюроднаго дѣда—миски, что раскрашены цвѣтами; послѣ дяди—горшки съ арабесками; послѣ отца—разныя птицы и звѣри, и всѣ эти экземпляры хранились въ семьѣ подъ надзоромъ женъ Дырковыхъ... Вотъ и я, когда со своимъ Матвѣемъ въ первый разъ вошла въ этотъ домъ, онъ показалъ мнѣ пальцемъ на всю эту полку и говоритъ: „Видишь, Польця, это исторія нашей семьи, на стѣнахъ нашего дома трудами нашихъ рукъ написанная!“ А потомъ онъ наказалъ мнѣ: „береги это какъ зеницу ока!“ Я берегла и изъ исторіи семьи Дырковъ ни одного словечка не пропало и до смерти моей не пропадетъ!

Она обвела взглядомъ всѣ эти жбаны, миски и горшки и глаза ея приняли выраженіе грустной нѣжности.

— Всю жизнь я провела, смотря на эти черепки, шепнула она. Смотрѣла я на нихъ, когда была молода и свѣжа, какъ роза, и сидѣла надъ колыбелью моего Антолька, смотрѣла, когда первенца своего въ гробъ снаряжала... Смотрѣла, когда мой средній сынокъ Фортунекъ подъ надзоромъ моимъ научился сажать цвѣты и овощи, и когда въ горячкѣ онъ обвивалъ мою шею исхудалыми ручонками... смотрѣла на нихъ, когда Матвѣй называлъ меня своимъ сокровищемъ, своею ненаглядною, и когда онъ на вѣки смыкалъ свои глаза... Охъ! горшки, это какъ будто горшки... мертвые, глиняные черепки, а они свидѣтели моего счастья и несчастья, проказъ молодости моей и слезъ женпныхъ и материнскихъ:

— Барыня! барыня,—запищало маленькое существо, склоняясь своимъ желтымъ личикомъ къ огню,—картофель пора ѣсть... совсѣмъ сварился.

— Пора, такъ отставь отъ огня и выложи въ миску. Хотя мнѣ и ѣсть то не хочется, такъ мнѣ грустно, что я сегодня принца своего не увижу... И панъ Андрей отчего то не притащился сегодня... притащится можетъ быть... время не позднее... Какъ бы по заказу, висящіе въ углу комнаты большіе часы съ букетомъ розъ на циферблатѣ, пробили восемь разъ.

— Восемь,—пропищала Людвася—которая съ горшкомъ картофеля простояла передъ печкой, пока часы не перестали бить, восемь... Слава Богу, черезъ часъ—скоро.

— Тсс... шепнула Дыркова, слушай!

Она наклонила голову къ окну.

— Слышишь?

— Слышу, слышу!

— Стукъ колесъ?

— Стукъ колесъ!

— Все ближе?

— Все ближе, ближе!

Словами этими обмѣнивались шопотомъ, какъ это всегда бываетъ въ минуты безпокойнаго ожиданія, когда люди чуть не съ тревогой къ чему нибудь прислушиваются.

— Принцъ нашъ!—вдругъ громко крикнула Дыркова.

— Принцъ нашъ!—взвизгнула Людвася такъ, какъ будто кто нибудь собирался ее зарѣзать, опять сунула горшокъ съ картофелемъ въ печку и съ растопыренными руками, точно ища чего то, начала метаться по комнатѣ.

— Свѣчи!—кричала Дыркова.—Людвася, бери свѣчу и съ огнемъ встрѣчай моего принца на порогѣ! Я не могу, у меня ревматизмъ въ ногѣ... Людвася, Людвася! ахъ, ты, безтолковая дѣвушка... да свѣчки то, свѣчки... посвѣти! а то онъ упадетъ въ темныхъ сѣняхъ и разобьется.

— Свѣчки! свѣчки!.. пискливымъ голосомъ вторила Людвася, не переставая метаться по комнатѣ—вотъ наказаніе то Божеское! гдѣ свѣчи? Іисусе Христе, за грѣхи наши... несчастный день... вотъ онъ ужъ близко! близко!

И съ огаркомъ свѣчи въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, она бѣжала къ печкѣ, но Дыркова вырвала у нея изъ рукъ подсвѣчникъ.

— Сальная свѣча! Мѣдный подсвѣчникъ! съ ума ты сошла, что ли? Бога у тебя въ сердцѣ нѣтъ? Свѣча на случай пріѣзда нашего принца стоитъ въ шкапѣ, стеариновая, въ серебряномъ подсвѣчникѣ... въ шкапѣ, говорю тебѣ въ шкапѣ...

Людвася, вмѣсто шкапа, побѣжала къ бочкѣ съ водой. Дыркова сама съ грохотомъ распахнула дверцы шкапа, галопомъ пробѣжала вдоль всей комнаты и приложила фитиль стеариновой свѣчки къ огню. Въ это же время на дворѣ что-то загремѣло, зазвенѣло, раздался лай собакъ. Двѣ молніи промелькнули за окнами и остановились передъ порогомъ, золотя вокругъ каменную мостовую. При свѣтѣ этихъ молній извивалась, лаяла и звенѣла ошейниками пара золотистыхъ животныхъ. Другая пара животныхъ топала копытами о мостовую. Панъ Раймундъ

Дырко, со своими лошадьми, сетерами, ливрейнымъ кучеромъ и двумя фонарями эгоистки, прибылъ къ порогу дома своихъ отцовъ.

— Мама здорова? — раздался за дверьми звучный и громкій голосъ.

Съ порога сѣней пискливый и дрожащій отъ волненія женскій голосокъ отвѣчалъ:

— Здорова! здорова! Слава Богу!

Дыркова, стоящая у дверей кухни, услыхала этотъ вопросъ, и все ея лицо озарилось радостью.

— Здорова,—шепнула она,—здорова, милый ты мой!

Она не окончила еще своихъ словъ, какъ прибывшій появился въ широко раскрытыхъ дверяхъ. То было нѣчто удивительное. На порогѣ стоялъ высокій, статный мужчина, въ роскошной медвѣжьей шубѣ, легко наброшенной на плечи, и съ блестящимъ цилиндромъ на головѣ. Шуба широко распахнулась, подъ ней виднѣлся бальный костюмъ,— черные панталоны, блестящіе какъ зеркало ботинки, фракъ, почти незамѣтная жилетка и широкая грудь бѣлоснѣжной, тончайшей, богато вышитой рубашки. На черномъ сукнѣ блестѣла толстая золотая цѣпочка, а въ галстукѣ красовалась булавка—золотая ручка, держащая брилліантовое сердечко.

Онъ еще на порогѣ снялъ съ головы шляпу, небрежнымъ движеніемъ сбросилъ съ плечъ шубу,—она упала на стоящую за нимъ Людвисю и чуть было не придавила ее своею тяжестью, потомъ склонился къ матери и поцѣловалъ ея руку. Дыркова обняла руками его голову, прижала ее къ своей груди и прильнула губами къ свѣтлорусымъ волосамъ, отъ которыхъ пахло жасминомъ и парикмахерскими щипцами.

— Наконецъ ты пріѣхалъ, сокровище мое!—проговорила она,— пріѣхалъ таки! Давно я ужъ тебя не видала. Не знаю, глаза ли мои обманываютъ, или и въ самомъ дѣлѣ ты еще выросъ за эти-то двѣ недѣли. Ты, какъ будто, сталъ выше. Ну, садись, садись! отдохни немного у старой матери! Людвися, кресло... подай нашему принцу!

Людвися снова, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ, заметалась по комнатѣ, схватила деревянный табуретъ, стоявшій въ углу комнаты и перетащила его къ печкѣ. Дыркова выхватила изъ ея рукъ табуретъ, побѣжала въ другую комнату и вынесла оттуда кресло, обитое полинялымъ ситцемъ. Раймундъ этимъ временемъ стоялъ посреди комнаты съ видомъ человѣка, который ничего не видитъ, ничего не слышитъ, что дѣлается вокругъ него, и весь отдался исправленію какого-то недостатка въ своемъ туалетѣ.

— Чортъ ее возьми!.. пробормоталъ онъ, эта мертвая голова всегда соскакиваетъ съ кольца! Еще пропадетъ когда нибудь.

На его часовой цѣпочкѣ висѣли сердце, якорь, собака, пушка и мертвая голова,—и все это было сдѣлано изъ разныхъ металловъ.

Дыркòва стояла противъ сына съ распростертыми объятіями и оглядывала его съ головы до ногъ.

— Какъ ты нарядился сегодня, Рай ты мой милый!.. начала она,—точно съ модной картинки соскочилъ! Или ухаживать за старою матерью пріѣхалъ такимъ франтомъ?

Молодой человѣкъ покончилъ свое дѣло съ мертвой головой, выпрямился и отвѣчалъ:

— Я иду на балъ, мамочка, и до бала нашелъ минуту времени, чтобъ и къ вамъ заѣхать.

— Минуту!—грустно проговорила Дыркòва.—Ну, что-жь дѣлать? что дѣлать? и то хорошо. Я не удерживаю тебя, дитя мое. Для меня счастье и то, что я тебя хоть на минуту увижу. А къ кому же ты ѣдешь на балъ?

Она сѣла на табуретъ и не сводила восхищенныхъ глазъ съ сына, сидящаго на креслѣ.

— Сегодня балъ у Мирскихъ. Я не хотѣлъ туда ѣхать. Они аристократы, а я терпѣть не могу аристократовъ, но Юзя Мирскій чуть не силой заставилъ меня дать слово. Панна Пелагея Мирская невѣста... понимаете? Братъ, насколько хватаетъ его силъ, затаскиваетъ къ себѣ молодежь...

— Понимаю, понимаю, — съ проницательной улыбкой отвѣтила мать,—ну а барышня-то какова? недурненькая?

— Очень недурна!—отвѣтилъ сынъ.

— И съ приданымъ?

Раймундъ оттопырилъ губу и съ минуту подумалъ.

— Мирскіе люди богатые, но у нихъ трое дѣтей. Не думаю, чтобъ у панны Пелагіи приданаго было больше трехсотъ тысячъ злотыхъ.

— Триста тысячъ!—воскликнула Дыркòва,—да вѣдь это, душечка, огромное приданое!

— Триста тысячъ! Господи Іисусе! — произнесла Людвися, которая, сидя на своей низкой скамеечкѣ, не спускала взгляда съ изящнаго молодого человѣка.

Раймундъ улыбнулся.

— Что это значитъ!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Женщины остолбенѣли отъ удивленія и молчали съ минуту, но Дыркдва вскорѣ заговорила:

— Я все болтаю, болтаю, и забыла, что ты, другъ мой, можетъ быть скушалъ бы у меня что-нибудь или выпилъ.

Она посмотрѣла на горшокъ, стоящій у огня и, съ видимымъ смущеніемъ, прибавила:

— Картофелемъ угостила бы тебя, да не знаю...

— Благодарю васъ, мнѣ не хочется ѣсть...

— Ну, можетъ быть чаю. Чай сейчасъ будетъ готовъ. Людвися поставила уже самоваръ.

— Благодарю, мамочка! Чай пить я буду у Мирскихъ. Теперь еще рано.

— Рано?—Дыркдва разсмѣялась и покачала головой, — у нихъ еще рано! Скоро девять часовъ.

— Ужъ и спать пора!—пропищала изъ-за плечей Дыркдвой Людвися.

— Что край, то обычай! — засмѣялся Раймундъ, — вы, мама, въ одномъ краю живете, а я въ другомъ.

— Въ другомъ! совсѣмъ другомъ!—съ радостью подхватила старуха,—но твой край лучше моего, онъ точно солнышко,—ясный и золотой. Довольно на тебя посмотрѣть, чтобы видѣть, какой это край, въ которомъ ты живешь.

Молодой человѣкъ опять пропустилъ между пальцевъ свои брелоки.

— Я къ вамъ сегодня пріѣхалъ съ новостью и по дѣлу,—заговорилъ онъ.

— Съ новостью! говори, говори, дорогой мой! можетъ быть, храни Богъ, съ какою-нибудь дурною новостью?

— Съ хорошею! съ хорошею! будьте спокойны! У меня, слава Богу, дурныхъ новостей никогда не бываетъ.

Онъ выпрямился, оперся руками въ бѣлыхъ перчаткахъ о колѣни, и заглядывая матери въ глаза, съ лукавой улыбкой спросилъ:

— Угадайте, какой я титулъ получилъ сегодня?

Дыркдва привскочила на своемъ табуретѣ, какъ будто сидѣла на раскаленныхъ угольяхъ.

— Титулъ! какой же это титулъ? Говори, дорогой мой, — это любопытно!

— Меня сегодня наименовали Милордомъ,—смѣясь, но съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ Раймундъ.

Дыркдва вытаращила глаза.

— Что же это значитъ? — спросила она. — Что это такое, милордъ? чиновникъ какой-нибудь, или что такое?

— Милордами называются англійскіе вельможи. Вотъ и меня Милордомъ назвали потому, что я напоминаю своимъ шикомъ англійскаго вельможу.

— Ага! это тоже самое, какъ бы тебя назвали княземъ или графомъ.

— Тоже самое, только это еще лучше, потому что англійскіе вельможи отличаются еще большей утонченностью и какъ бы это сказать... еще бо́льшимъ шикомъ, чѣмъ всѣ остальные вельможи на свѣтѣ.

— Бо́льшимъ! такъ вотъ они каковы, англичане! всѣ другіе народы перещеголяли! И тебя значитъ назвали Милордомъ потому, что у тебя больше всѣхъ шику?

— Видите ли, мама, мы вчера играли въ карты: я, Юзя Мирскій, Эдзя Колицкій и Тейсь Тачкевичъ... тотъ, что служитъ въ губернскомъ правленіи и во всемъ меня обезьянитъ. Я сдѣлалъ себѣ венгерку съ мерлушками, и онъ сдѣлалъ себѣ точно такую же, я купилъ у Юзи двухъ сетеровъ, и онъ раздобылъ себѣ откуда-то одного... Смѣшной малый, хотя и добрый. Такъ вотъ мы играли въ карты, сначала въ преферансъ, а потомъ, какъ-то совершенно случайно составился штосикъ... знаете направо, на лѣво! я былъ въ ударѣ и началъ валять во всю,— да карта не была въ ударѣ по отношенію ко мнѣ. Поставишь десять или двадцать пять рублей, — бита. Проигралъ я такъ рублей двѣсти. Ну, говорю,—пиковая дама, брюнетка, всегда была расположена ко мнѣ. Проигралъ! Юзя, — онъ держалъ банкъ, смотритъ на меня, а я ничего, какъ будто дѣло идетъ не о моихъ деньгахъ. Червонная дама, или чувствительная блондинка! Au rébours! Проигралъ, Юзя смотритъ на меня, а я ничего! Бровью не поведу. Тачкевичъ стоялъ около меня и также проигрывалъ, а какъ убьютъ его карту, то сейчасъ начинаетъ кричать: Господи, Боже мой! или чортъ ее возьми! Мечется, ёжится, карты рветъ отъ злости... Юзя посмотрѣлъ на него и тихо сказалъ: quel mauvais genre! Я услыхалъ это и подумалъ: подожди же, покажу я тебѣ, какимъ bon genre я умѣю быть. Я вѣдь не Тачкевичъ! Дама трефъ или меланхолическая шатенка! Въ банкъ со входящими!—говорю. Бита! Вынулъ бумажникъ и положилъ передъ Юзей восемьсотъ пятьдесятъ рублей. Онъ смотритъ на меня, а я ничего, даже затянулъ романсъ: „увидѣлъ разъ и полюбилъ тебя“! Отошелъ я отъ стола и остановился передъ зеркаломъ, Юзя также всталъ, приблизился ко мнѣ и потрепалъ меня по плечу.—„Ну,—говоритъ, — ты настоящій англичанинъ!“ Потомъ спрашиваетъ у Эдзи Колицкаго, правда, что нашъ Раскъ похожъ на англичанина? А Эдзя отвѣчаетъ: правда, и волоса у него такіе же, какъ у англичанина и бакенбарды онъ носитъ англійскіе. На-

стоящій Милордъ! Съ тѣхъ поръ Юзя, Эдзя и Те́ось не называютъ меня иначе какъ Милордомъ. Это разошлось даже по всему городу и когда я сегодня пріѣзжаю съ визитомъ къ пани Колицкой, она прямо говоритъ мнѣ: „здравствуйте, Милордъ!“ Еслибъ вы знали, какъ хорошо она сказала это! Недавно еще замужъ вышла, прелесть бабенка!

Онъ осторожно расправилъ пальцами свои бакенбарды и внимательно осмотрѣлъ ихъ.

Дырко́ва сама не знала, радоваться ей или огорчаться.

— Восемьсотъ пятьдесятъ рублей,—наконецъ сказала она и невольно вздохнула.

За плечами ея послышался другой вздохъ и тихій шопотъ:

— Господи Іисусе, за спасеніе грѣшныхъ людей...

— Скажи, Рай, ты правда нисколько не жалѣлъ этихъ денегъ?

Милордъ выпрямился.

— Мама, жалѣлъ ли я ихъ или нѣтъ, это мое дѣло, но въ приличномъ обществѣ сохрани Богъ высказывать такое сожалѣніе. У насъ ужь правило такое. Прилично воспитанный человѣкъ, хотя бы проигралъ послѣднюю рубашку, и бровью повести не можетъ. Даже иные аристократы такъ не владѣютъ собой, а я владѣю.!.

Онъ всталъ и выпрямился во весь ростъ, во всемъ блескѣ своего костюма, который казался еще болѣе блестящимъ на фонѣ убогой комнаты.

— Да, сказалъ онъ,—такъ всегда бываетъ: — выигрываю ли я, или проигрываю, все равно. Глазомъ не моргну, бровью не двину, рукою не пошевелю. Выпрямлюсь, закрою глаза, какъ будто бы мнѣ хотѣлось спать, такъ и стою. За то меня и Милордомъ прозвали... ну, и за бакенбарды мои, и за лошадей, конечно, за англійскихъ собакъ, за комфортъ моей квартиры,—однимъ словомъ за все.

— За все!—какъ это повторила Дыркова, и сложила руки,—ну, и слава Богу, что тебя называютъ большимъ бариномъ за все! Такъ и быть должно, такъ и я желала. А теперь, Рай, говори, въ чемъ твое дѣло? Новость, слава Богу, хороша, каково-то будетъ дѣло?

— И дѣло будетъ не дурное,—отвѣтилъ милордъ,—будьте добры, дайте мнѣ тысячу рублей.

Дырко́ва, вѣроятно, не менѣе сына обладала искусствомъ владѣть собою и не проявила ничѣмъ, что желаніе сына могло произвести на нее дурное впечатлѣніе. Она только заморгала рѣсницами, да губы ея едва замѣтно дрогнули. Тѣмъ не менѣе она улыбнулась, оперлась руками о колѣни и, полу-серьезно полушутливо смотря на сына, спросила:

— А на что тебѣ нужны эти деньги, признавайся. Если на хорошее, то дамъ, а если, сохрани Богъ, на что-нибудь дурное, то не дамъ.

— Дурное? вовсе не дурное, а такъ... глупость! Юзя, Эдзя и Теось насѣли на меня, чтобы я устроилъ холостую пирушку какъ будто бы по тому поводу, что меня окрестили Милордомъ. Вечеръ будетъ стоить не дешево, потомъ мы будемъ играть, потомъ, вѣроятно, придется дать что-нибудь взаймы Юзѣ,—онъ часто занимаетъ, а отказывать ему неловко.

— Неловко, неловко!—подтвердила Дыркова.—Богатый баринъ... навѣрно отдастъ, къ тому же другъ твой, и сестра у него хорошенькая.

— А ловко мнѣ не сдѣлать вечеръ, коли мои друзья напрашиваются на него?

Дыркова задумалась.

— Не ловко, сказала она черезъ минуту,—нѣтъ, не ловко.

— А ловко мнѣ толкаться возлѣ карточнаго стола, когда всѣ играть будутъ, даже Тачкевичъ...

— Гм... можетъ быть и хорошо было бы, еслибъ ты такъ сдѣлалъ... но я сама знаю, что это тебѣ не ловко.

— Ну, вотъ видите! такъ дайте мнѣ деньги. Скоро девять часовъ, а въ половинѣ десятаго я долженъ быть у Мирскихъ. Да по дорогѣ мнѣ нужно заѣхать въ парикмахерскую поправить волосы, мнѣ не такъ ихъ подвили.

Дыркова еще съ минуту просидѣла на своемъ табуретѣ. Казалось, ей тяжело было вставать. Но она все-таки встала, взяла свѣчку и, молча, направилась въ сосѣднюю комнату. За ней, разглаживая пальцами свои бакенбарды и любуясь ими, пошелъ и Милордъ.

Долго не возвращались они. Маленькое, горбатое существо, которое все продолжало сидѣть на своей низенькой скамеечкѣ, слышало, какъ за дверью отпирались и запирались сундуки, слышала отрывистый шопотъ и долгіе поцѣлуи, веселый смѣхъ Милорда и тихій, полный восторга хохотъ Дырковой. Наконецъ, они вышли оба сіяющіе и еще обмѣнивающіеся шопотомъ. До слуха Людвиси долетѣли слова Дырковой:

— Да, да, милый мой! пора тебѣ женку выбрать, пора! мнѣ страсть какъ внуковъ хочется видѣть, да и тебѣ лишній запасъ деньжонокъ не помѣшаетъ. Слышишь ты?

— Слышу, мамочка, и скоро выберу,—вотъ сами увидите! нужно только сначала купить имѣніе.

Дыркова пальцемъ показала на дверь сосѣдней комнаты.

— Охъ!—жалобно прошептала она,—нѣтъ тамъ на накупку имѣнія... развѣ на маленькое, а вѣдь тебѣ большое нужно.

— Я продамъ домъ и куплю имѣніе,—небрежно отвѣтилъ Милордъ и въ заключеніе разговора поцѣловалъ руку матери.

Въ эту же самую минуту дверь изъ сѣней тихо отворилась. Сначала показался маленькій, тусклый фонарь, а за нимъ худощавый, невидный человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ орѣховаго цвѣта и въ старой фуражкѣ съ козырькомъ.

— Во имя Отца и Сына,—началъ онъ.

— Ахъ,—нашъ Андрей!—обрадовалась Дыркова,—во вѣки вѣковъ!

Андрей Ремобскій, видимо чѣмъ-то удивленный, продолжалъ стоять у дверей.

— Что это сегодня у васъ за праздникъ и иллюминація, началъ было онъ,—стеариновыя свѣчи горятъ въ серебряныхъ подсвѣчникахъ,—самоваръ кипитъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и устремилъ свой взоръ на Милорда, какъ будто не разсчитывалъ его встрѣтить здѣсь въ настоящую минуту.

— А! господинъ и благодѣтель мой!.. нижайшее почтеніе мое! къ ножкамъ вашимъ припадаю! Правда, за дверями стоитъ великолѣпный экипажъ съ кучеромъ, фонарями, собаками и разными разностями. Долженъ былъ догадаться, какого это гостя пани Аполлонія у себя принимаетъ, а я то, простой человѣкъ, прошелъ мимо всего этого великолѣпія и не подумалъ, кто въ немъ разъѣзжаетъ по сей юдоли плача. А вы, благодѣтель, уже собираетесь уѣзжать?

Милордъ быстро и съ нахмуреннымъ лицомъ направлялся было къ дверямъ, но при послѣднихъ словахъ вздрогнулъ и остановился. Онъ никакъ не могъ миновать гостя матери. Ремобскій стоялъ у самаго порога и протягивалъ Милорду руку.

— Да позволено мнѣ будетъ имѣть счастье пожать руку благодѣтеля моего!—говорилъ онъ, отвѣшивая поклоны, но вдругъ быстро отдернулъ руку и крикнулъ:

— О! бѣлыя перчатки, а лапы у меня мокрыя отъ дождя, да кромѣ того запачкались объ этотъ фонарь... Развѣ теперь такая мода, по вечерамъ надѣвать бѣлыя перчатки?

— Мой принцъ ѣдетъ на балъ,—весело вставила Дыркова.

— Ага, на балъ! И собаки ваши тоже на балъ ѣдутъ?

— Нѣтъ,—проворчалъ Милордъ,—собаки съ кучеромъ возвратятся домой.

Съ этими словами онъ вышелъ и за нимъ поплелась Людвися со свѣчою въ рукѣ.

Человѣкъ въ орѣховомъ сюртукѣ только теперь погасилъ свой фонарь, снялъ фуражку и, отряхая ее отъ дождя, вполголоса заговорилъ:

— Съ кучеромъ! кучеръ въ ливреѣ! нужно будетъ когда нибудь разглядѣть, какой гербъ красуется на ливрейныхъ пуговицахъ: горшокъ или миска?

— Ну, садитесь, нашъ Андрей, садитесь, и не портите моего расположенія духа своимъ брюзжаньемъ,—отозвалась Дыркова,—я сегодня такъ счастлива, какъ будто облобызала стопы Господа Бога своего... Милорда своего видѣла.

— Это еще кого?—спросилъ гость, садясь возлѣ печки и грѣя у огня свои грубыя, загорѣлыя руки,—какой это еще Милордъ пріѣзжалъ къ вамъ съ зеленыхъ нивъ Альбіона?

— Съ зеленыхъ-ли или не съ зеленыхъ, а пріѣзжалъ, отвѣтила Дыркова, прилаживая ленъ къ прялкѣ и съ хитрой улыбкой посматривая на гостя.—Еслибъ вы не были такимъ старымъ ворчуномъ и, Богъ знаетъ почему, не придирались бы къ моему мальчику, то я вамъ цѣлую исторію разсказала-бы....

Было видно, что она горѣла желаніемъ разсказать исторію о посвященіи ея сына въ англійскіе вельможи.

— Разсказывайте, разсказывайте, промолвилъ гость,—я слушаю обоими ушами, словечка не пороню.

Дыркова начала разсказывать. Гость слушалъ серьезно и съ полнымъ вниманіемъ. Андрей Рембскій рѣзко выдѣлялся изъ толпы горожанъ Онвиля. И въ рѣчи его и въ наружности была какая-то странная смѣсь грубости съ возвышенностью, ѣдкаго злоязычія съ неподдѣльной мягкостью. Лицо у него было худое, желтое, увядшее, съ короткой сѣдоватою бородкою, тонкія губы чаще всего складывались въ горькую улыбку, а выраженіе глазъ бывало такое, какое обыкновенно у одинокихъ людей, проводящихъ долгіе дни только съ своими мыслями. Задумчивые были эти глаза,—неподвижные, точно поддернутые легкою дымкой. Иногда изъ-за этой дымки мелькалъ лучъ волненія или гнѣва, или проглядывала глубокая, мягкая нѣжность.

Съ неподвижнымъ взглядомъ, съ руками, обращенными къ огню, онъ выслушалъ разсказъ Дырковой, и только когда она кончила, разразился громкимъ и долгимъ смѣхомъ. Дыркова выронила изъ рукъ веретено, широко открыла глаза и щеки ея вспыхнули румянцемъ гнѣва. Но она удержалась, и, вмѣсто того чтобъ оборвать гостя за его смѣхъ, крикнула:

— Людка, подай сюда чаю!...

И, немного погодя, прибавила:

— Вотъ, панъ Андрей, запейте-ка смѣхъ свой чаемъ. Чему тутъ смѣяться? Ненавидите вы за что-то моего мальчика, ненавидите! Любопытно знать, въ чемъ вы можете упрекнуть его?

Рембскій перестал смѣяться и небрежно махнулъ рукой.

— Что толковать объ этомъ! Я много говорилъ уже вамъ, да ничего изъ этого не вышло. Еслибъ я раньше пріѣхалъ въ Онвиль, то можетъ быть и сдѣлалъ что-нибудь съ вами и съ мальчикомъ. Но пріѣхалъ-то я поздно! Къ барчуку и не подступить: сдалъ экзаменъ въ четвертомъ классѣ, на фортепьянахъ играетъ, живетъ въ собственномъ домѣ и распоряжается всѣмъ, какъ хочетъ.... Пробовалъ я.... пробовалъ.... да....

Онъ снова махнулъ рукой и медленно продекламировалъ:

— „Не сѣять на невыпаханномъ полѣ, не научить добру плохо воспитаннаго ребенка“.

Дыркова, казалось, не слушала старика,—она такъ привыкла къ его ворчанью и упрекамъ, что не придавала имъ никакого значенія. Съ помощью Людвиги она поставила около самовара большой каравай ржаного хлѣба и горшокъ съ картофелемъ, который совсѣмъ разварился, благодаря посѣщенію Милорда....

— Присаживайтесь къ столу, панъ Андрей, сказала она,—закусимъ, выпьемъ чаю и поговоримъ о старыхъ временахъ.

— Благодарю, отвѣтилъ Рембскій,—я ужиналъ.

— А какой у васъ былъ ужинъ?

— Какъ всегда: хлѣбъ и молоко.

— Развѣ чай вамъ не по средствамъ?

— Какъ не по средствамъ! Но я уже съ молоду привыкъ не для того жить, чтобы ѣсть, а для того ѣсть, чтобы жить.

— Знаю, знаю, дружески улыбнулась Дыркова,—вы всегда думаете о томъ, какъ бы людямъ раздать побольше, а сами довольны всякою крошкой.

Дыркова вылила чай изъ стакана въ большое фаянсовое блюдечко и снова спросила:

— Отчего вы сегодня такъ поздно пришли ко мнѣ?

— Съ дѣтишками своими возился, уже болѣе веселымъ голосомъ отвѣтилъ старикъ, потомъ раскрылъ какую-то книжку,—время незамѣтно и прошло. Я сегодня и совсѣмъ бы не пришелъ, еслибъ по старой привычкѣ меня не тянуло поболтать вечеркомъ съ сосѣдкой...

— Что это вамъ за охота цѣлый свой вѣкъ обучать ребятишекъ? сказала Дыркова.

Старикъ засмѣялся тихо, но теперь ужь совсѣмъ весело.

— Я далъ эту клятву въ молодости, сказалъ онъ,—и буду хранить ее до смерти.

Дыркова съ полнымъ блюдечкомъ въ рукахъ смотрѣла на старика такими глазами, какъ будто видѣла его въ первый разъ въ жизни.

— Хотя вы мнѣ это не разъ говорили и объясняли, сказала она черезъ минуту,—но я до сихъ поръ не могу понять, какъ вы, помѣщичій сынъ, баринъ, могли избрать себѣ такую жизнь... Вѣдь я помню, какъ вы пріѣхали въ нашу сельскую школу. Вы были молоды, со средствами, и образованіе получили, а поселились среди крестьянъ, чтобъ обучать ихъ дѣтей. И до тѣхъ поръ были тамъ, пока было можно, а потомъ пріѣхали въ городъ и опять учите,—теперь уже мѣщанскихъ дѣтей... Охъ, панъ Андрей! Или святой вы или, съ позволенія сказать, сумашедшій!...

Рембскій снова засмѣялся и сказалъ:

— Ни святой, ни сумашедшій,—я только человѣкъ, съ человѣческими мыслями, стремленіями и чувствами. Когда я былъ молодъ, у меня были товарищи, такіе же точно, какъ я. Мы всѣ были дворяне, со средствами и съ нѣкоторымъ образованіемъ, а какъ пришлось намъ выступать въ свѣтъ, мы и спросили себя: что же мы будемъ дѣлать на этомъ свѣтѣ? А потомъ еще вопросъ: какая работа на свѣтѣ самая неотложная? И разошлись мы по странѣ, чтобъ исполнять нашъ долгъ. Такой уже былъ тогда духъ времени, такое честолюбіе и такія стремленія возникли въ сердцахъ молодежи. Мы поклялись любить страждущее человѣчество и быть строгимъ къ самимъ себѣ. Строгость и чистота! Одни до конца сдержали свой обѣтъ, другіе нарушали его раньше, позже, но я говорю вамъ, что даже и тѣ были счастливы, потому что хоть разъ въ жизни почувствовали присутствіе Бога въ своемъ сердцѣ, хоть разъ въ жизни передъ ними свѣтило солнце великой цѣли.

Старикъ взволновался и воодушевился. Онъ выпрямился и глаза его ярко сверкали изъ подъ сѣдыхъ бровей.

Онъ можетъ говорилъ бы и дольше, еслибъ Дыркова, которая не сводила съ него полуудивленныхъ, полурастроганныхъ глазъ, не перебила его.

— Панъ Андрей! Вы хорошій человѣкъ, и все, что вы дѣлаете, идетъ отъ добраго сердца, но вѣдь не всѣ люди на свѣтѣ сотворены по одному образцу. Одинъ идетъ въ одну, другой въ другую сторону. Вы пошли по одной дорогѣ, а мой мальчикъ по другой... Кому это можетъ помѣшать?

Рембскій не отвѣчалъ. Онъ глубоко задумался и мелкими, скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ сѣлъ на свое старое мѣсто и, повернувъ къ Дырковой свое улыбающееся лицо, сказалъ:

— Я и васъ хотѣлъ вести по своей дорогѣ и итти съ вами... вы не хотѣли!

Дыркова засмѣялась.

— Что вспоминать объ этомъ! Какъ только покойница мать привезла меня въ городъ, такъ я познакомилась съ моимъ Матвѣемъ и полюбила его на всю жизнь. А у меня такова ужъ натура,—кого я полюблю, такъ за того хоть въ омутъ головой полѣзу, ни на что не посмотрю.

— А вы, должно быть, дѣйствительно любили Матвѣя Дырку, насмѣшливо сказалъ Рембскій,—коли ради его, мѣщанина, отказали мнѣ, дворянину и помѣщичьему сыну...

— Что ужъ говорить!... Конечно, я предпочла бы выйти за дворянина... тогда и мой Милордъ былъ бы дворяниномъ... да что же дѣлать! Коль полюбитъ сердце, то не дастъ покою; не скуешь его ты цѣпью золотою".

Стихи эти она произнесла нараспѣвъ.

Рембскій съ улыбкой смотрѣлъ на нее.

— А помните вы мельницу вашего отца и свою родную сторону?

— Какъ еще помню-то! Да и какъ мнѣ и не помнить.

И она снова запѣла:

Милъ тотъ край, гдѣ солнце всходитъ,
Въ небесахъ пылая,
Но для каждаго милѣе
Сторона родная.

Рембскій тряхнулъ головою, улыбнулся и, правда, не пропѣлъ, но продекламировалъ конецъ пѣсни:

Пусть сіяетъ вѣчно
Свѣтъ родной страны,
Милъ онъ, какъ зеленый
Ясный день весны.

Дыркóва напилась чаю, пересѣла на свою табуретку возлѣ печки и вновь взяла веретено въ руки. Огонь догоралъ и лишь синеватыми язычками вспыхивалъ надъ раскаленными угольями. Людка дремала на лавкѣ въ углу комнаты, въ глубокой тишинѣ было слышно, какъ за окнами шумятъ деревья и тяжело шлепаютъ на земь дождевыя капли. Старики, сидя у печки, разговаривали о быломъ времени, о далекой деревушкѣ, ея зеленыхъ лугахъ, березовыхъ рощахъ, о водѣ, которая быстрымъ ручьемъ стремилась къ старой мельницѣ и потомъ бѣлой пѣной падала съ ея скрипучихъ колесъ; о садикѣ, гдѣ хорошенькая дочка

мельника, распѣвая съ утра до ночи, полола ленъ и овощи и сажала ноготки и макъ.

— А вы не тоскуете иногда по родной деревнѣ, панъ Андрей? спросила Дыркова.

Рембскій отвѣтилъ не сразу.

— Милая пани Аполлонія, сказалъ онъ немного погодя,—кто можетъ сосчитать скорби и невзгоды такого одинокаго человѣка и разсказать о нихъ! Моя родная деревушка далеко, а въ моей городской конурѣ пусто и безлюдно...

Развѣ только чужія дѣти придутъ когда-нибудь...

Они замолкли, потомъ Дыркова заговорила опять:

— А вотъ я, такъ признаюсь вамъ, ни о чемъ не грущу. Вспоминать и то и се люблю, но къ мужнину дому приросла душой и тѣломъ. Каждый уголъ мнѣ милъ, каждый уголъ такъ знакомъ, что я хоть по цѣлымъ часамъ разговаривать съ нимъ готова. Повѣрите ли вы, иногда мнѣ хочется благодарить эти стѣны и цѣловать ихъ за то, что подъ ихъ защитой мы съ моимъ Матвѣемъ прожили двадцать лѣтъ въ счастьѣ и согласіи, что здѣсь родился и воспитался мой Раймундекъ... Дороги мнѣ эти стѣны, очень дороги, и все, что тутъ есть, мелочь всякая, черепокъ всякій, кажется мнѣ роднымъ.

Она замолчала и задумчиво обвела глазами мрачныя стѣны и полки, уставленныя гончарными издѣліями, а потомъ, не переставая сучить веретено, запѣла звучнымъ и еще сильнымъ голосомъ грустную пѣсню:

Молвитъ бѣлая березка
Уголку лѣсному:
Вѣкъ тебѣ я благодарна,
Какъ родному дому.

* * *

Молвитъ красная дѣвица
Деревенькѣ милой,
Пусть цвѣтутъ родныя кровли
Счастья вѣчной силой.

Дыркова пѣла бы можетъ быть и дальше, но Людка, пробужденная пѣніемъ, выпрямилась на лавкѣ, провела рукою по заспаннымъ глазамъ и пискливымъ дискантомъ вдругъ затянула:

— Покойной ночи! О, Іисусѣ, за грѣхи наши...

Рембскій, который долго всматривался въ синіе язычки, лизавшіе красные уголья, вздрогнулъ, какъ пробужденый отъ сна. Дыркова громко и весело засмѣялась.

— Вотъ, сказала она,—Людка, хотя и невольно, дала мнѣ урокъ. Я тутъ мірскіе разговоры съ вами веду и мірскіе пѣсни распѣваю, а время уже позднее,—пора Бога возблагодарить за прожитой день... да еще и день-то какой былъ счастливый... Раймундка своего видѣла...

Она встала и вдругъ всплеснула руками.

— Пречистая Богородица!... свѣча стеариновая горитъ, и горитъ весь вечеръ... а я и погасить ее забыла...

— Это отъ радости, что сынка увидали, проворчалъ Рембскій, собираясь уходить и зажигая огонь въ своемъ фонарѣ.

— Ну отъ радости, такъ отъ радости... роскошь такая... Стеариновая свѣча-то пятнадцать грошей стоитъ... Принцу моему на нѣсколько папиросъ хватило-бы, и, еслибъ прибавилъ немного, то конфектъ купилъ бы для какой-нибудь барышни!

Рембскій подходилъ уже къ двери, но тутъ обернулся, посмотрѣлъ на старую женщину какимъ то страннымъ взглядомъ, пробормоталъ: „покойной ночи!“ и переступилъ порогъ. Дыркòва приказала Людкѣ итти спать, сама залила огонь въ печкѣ и пошла въ сосѣднюю комнату читать молитвы Божіей Матери. Но когда ей приходилось говорить: „моли за насъ“, она невольно говорила: „моли за него!“ Было видно, что она и хотѣла бы приспособиться къ такту молитвы, но губы не хотѣли ея слушаться. Огарокъ свѣчи скоро догорѣлъ, но и въ темнотѣ еще долго слышался ея тихій, умоляющій голосъ.

Но и молитва старой матери, наконецъ, умолка, а когда часы пробили десять, глубокая тишина воцарилась въ старомъ домѣ стараго, молчаливаго онвильскаго предмѣстья. Только отъ времени до времени, словно отголосокъ грома, сюда доходилъ шумъ городскихъ улицъ, да жалобно мяукали кошки, да вѣтеръ все сильнѣй и сильнѣй потрясалъ старыми деревьями сада.

Съ этимъ олицетвореніемъ тишины, сна и мрака разительную крайность представляли центральныя, широкія и людныя улицы города. Здѣсь жизнь кипѣла еще всею силою, фонари и окна магазиновъ заливали потоками свѣта тротуары, по которымъ съ шумомъ, напоминающимъ шумъ воды, сновали толпы прохожихъ.

Ярче всѣхъ было освѣщено огромное окно парикмахера, любимца и даже повѣреннаго всѣхъ тайнъ онвильской молодежи. Въ этомъ окнѣ, посреди блестящихъ и симметрически разставленныхъ флаконовъ съ духами, банокъ съ помадою, гребенокъ, щетокъ, кусковъ мыла, завернутыхъ въ чистыя бумажки, при свѣтѣ четырехъ лампъ вращалась большая восковая фигура, съ черными локонами, падающими на атласный лифъ и шею, украшенную фальшивымъ жемчугомъ. Уличные подростки,

а иногда и большіе парни по долгу простаивали передъ этимъ окномъ и съ разинутыми ртами любовались парикмахерской куклой, которая по очереди показывала имъ то волосы, искусно уложенныя на ея затылкѣ, то свое восковое лицо съ приторной улыбкой и неподвижными стеклянными глазами. Рядомъ съ окномъ находилась широкая, на половину стеклянная дверь, изъ за которой слышались громкіе голоса и смѣхъ мужчинъ.

На башнѣ ближайшей церкви часы пробили десять, и въ ту самую минуту, когда Аполлонія Дыркова, погасивъ свѣчку раздѣвалась въ темнотѣ и вздыхала: „молись за него!"—двери парикмахерской широко распахнулись и на подъѣздѣ показался Милордъ въ своей медвѣжьей шубѣ.

— Подавай, Григорій! крикнулъ онъ и повернулся къ стоящимъ за нимъ молодымъ людямъ:

— Кто изъ васъ ѣдетъ со мной? Двоихъ я могу взять.

Отвѣтъ былъ заглушенъ грохотомъ колесъ и лаемъ увивающихся около него собакъ. Въ это время Милордъ почувствовалъ, что кто то дергаетъ его за полу шубы, опустилъ глаза внизъ и увидалъ дѣвочку лѣтъ десяти, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Одѣта дѣвочка была въ лохмотья, ея дѣтское лицо было худо и желто, а большіе, черные глаза смотрѣли прямо на блестящаго молодаго человѣка. Ребенка, котораго она держала на рукахъ, почти не было видно изъ-за окутывающихъ его тряпокъ.

— Что тебѣ? разсѣянно, хотя ласково, спросилъ Милордъ.

— Грошикъ! шепнула дѣвочка.

— Иди-же, Милордъ, иди, звали Милорда товарищи, но Милордъ вынулъ изъ кармана пунсовый кошелекъ, вѣроятно сдѣланный женскою рукою, и положилъ на протянутую къ нему ладонь двѣ серебряныхъ монеты.

— Милордъ! опоздаемъ! и такъ уже страшно опоздали!.. но Милордъ все разспрашивалъ дѣвочку въ лохмотьяхъ:

— Какого это ребенка ты таскаешь?

— Братишку, тихо отвѣчала дѣвочка.

— Милордъ! побойся Бога! пропустишь первую мазурку.

Милордъ однимъ прыжкомъ вскочилъ на подножку экипажа.

— Первую мазурку я танцую съ панной Пелагіей! И онъ крикнулъ кучеру:—скорѣй!

Съ ранней весны до поздней осени, какъ только восходящее солнце украситъ край небосклона золотой и пурпурной лентой, въ узкихъ дверяхъ каменнаго флигеля появляется фигура высокой и сильной женщины

въ домотканной синей юбкѣ, въ грубой обуви, съ бѣлымъ платкомъ на сѣдѣющихъ волосахъ. Женщина останавливалась на порогѣ, обводила взглядомъ небо, въ которомъ таялъ легкій ночной туманъ, широкій и чистый дворъ, длинное, еще запертое строеніе въ которомъ находилась мастерская ея сосѣда, столяра, и улыбалась увядшими губами.

— Вотъ и снова день Божій!.. Женщина направлялась къ садовой калиткѣ, продѣланной въ простомъ, но крѣпкомъ заборѣ, а по дорогѣ оглядывалась на окна своего жилища. Сквозь сѣрыя стекла и деревянную рѣшотку виднѣлся огонь растопленной печи, а въ углубленіи подъ дверью—яркія краски и золотыя украшенія иконы.

Садъ былъ большой и густой. Кусты малины и крыжовника срослись непроницаемой чащей, узенькія, бѣлыя дорожки бѣжали вдоль большихъ квадратовъ, наполненныхъ раскидистыми грушами, сливами и яблонями, а по серединѣ деревьевъ тянулись длинныя грядки съ овощами. Вдоль плетня росли кусты колючаго барбариса и боярышника, коралловая сирень вытягивалась въ тоненькое деревцо; кое-гдѣ виднѣлась затерянная среди глуши березка съ бѣлою корою; у стѣны флигеля на круглыхъ и продолговатыхъ клумбахъ росли нарциссы, тюльпаны, піоны, настурціи, ноготки и астры. Не мало тамъ и подсолнечниковъ, высоко поднимавшихъ надъ уровнемъ травы свои огромныя, желтыя и плоскія лица; по сухимъ тычинкамъ вился фасоль и сахарный горошекъ; искривленныя плети огурцовъ устилали землю своими жесткими листьями, огромныя пузатыя, золотистыя тыквы покоились въ межахъ и точно съ наслажденіемъ грѣлись на осеннемъ солнцѣ.

Садъ этотъ представлялъ типъ мѣщанскихъ садовъ. Въ немъ не было ни малѣйшихъ украшеній, ни малѣйшаго изящества, но повсюду царило изобиліе и порядокъ. На каждомъ шагу была видна забота о домашнихъ потребностяхъ, желаніе и умѣнье воспользоваться каждою пядью земли, съ такимъ усиліемъ отнятой у дома и улицы,—цѣлая исторія семьи, каждое поколѣніе которой что-нибудь сажало здѣсь, удобряло землю и усиливало ее новыми соками.

Вѣроятно, эти люди горячо любили собственность, переходящую отъ отца къ сыну и поливали ее послѣдними каплями пота, когда освобождались отъ жаркой мастерской, въ которой они лѣпили и выжигали свои горшки. Садъ этотъ былъ ихъ славой и роскошью, доставлялъ имъ тѣнь въ жару, свѣжій воздухъ вечеромъ знойнаго дня. Здѣсь имъ было пріятно полюбоваться цвѣтами, сверкающими каплями утренней росы, здѣсь подъ сиренью и яблонями они разставляли столы и скамьи и угощали сосѣдей „чѣмъ хата богата". Для нихъ этотъ цвѣтущій и зеленый уголокъ земли былъ источникомъ, изъ котораго вытекало не мало утѣше-

ній въ минуту сердечной скорби, не мало чистыхъ и добрыхъ вдохновеній. Удивительная вещь—любовь, связывающая человѣка съ землей, на которой жили и трудились его отцы, поэзія, вѣющая отъ цвѣтовъ, деревьевъ и травъ, то позлащенныхъ солнечнымъ свѣтомъ, то осеребренныхъ росою, гордость, которая заставляетъ этого человѣка высоко поднимать свою голову, когда онъ ногами попираетъ хоть малый кипокъ земли,—да своей. Аполлонія Дыркова вышла въ садъ и потонула въ массѣ зелени, еще повитой бѣлымъ туманомъ и неподвижной, какъ будто неуспѣвшей еще проснуться. На небѣ, въ воздухѣ и на сосѣднихъ дворахъ было еще совершенно тихо. Старая женщина медлено расхаживала по дорожкамъ, наклонялась надъ кустами, останавливалась около деревьевъ, здѣсь выпрямляла вѣтви, тамъ что-то подвязывала, подстригала и по временамъ недовольно качала головой. Съ деревьями и кустами она вела тихіе разговоры.

— Ага! шептала она одному кусту,—уже отцвѣлъ! Ну, хорошо! Скоро покроешься ягодами, какъ кораллами! А съ деревомъ она говорила такъ:—Не думаешь ли ты усыхать? Что то въ этомъ году на тебѣ листковъ мало, а почекъ и совсѣмъ не видно.

Червяки въ особенности сердили Дыркову. Она собирала ихъ и стряхивала съ деревьевъ.

— Долой васъ, шептала она,—листки дѣлаются дырявые, какъ рѣшето, дерево смотритъ печальнымъ... Но и червей ей было жалко. Сотворилъ же васъ Господь Богъ! Живете вы и питаться вамъ нужно, а тутъ васъ давятъ и уничтожаютъ! Бѣдные...

Никакой самый опытный садовникъ болѣе старательно не осмотритъ свой садъ, не очиститъ его и не исправитъ что нужно, какъ это дѣлала Дыркова въ предразсвѣтную пору.

Тѣмъ временемъ на небосклонѣ все расширялось, поднимался холодный вѣтерокъ и разрывалъ бѣлый туманъ, который прозрачными лоскутьями поднимался все выше, цѣпляясь за верхушки деревьевъ, птицы начинали щебетать тихими, отрывистыми голосами, сѣрые облачка все скорѣе бѣжали на западъ.

Вдругъ изъ-за стѣнъ сосѣднихъ домовъ появился первый лучъ свѣта; крыши, трубы и верхушки деревьевъ окрашивались желто-розовой краской, остатки ночнаго тумана безслѣдно исчезали, травы и листья сверкали брилліантовой росой, а птицы поднимали оглушительный шумъ. Тогда старая женщина поднимала свое лицо, разрумянившееся отъ утренняго холода, улыбалась, и потомъ сильнымъ, чистымъ, звучнымъ голосомъ начинала пѣть: „Когда встаетъ утренняя заря“...

На это, словно эхо, вокругъ отзывались разные голоса. Со стукомъ распахивалось выходящее въ садъ окно сосѣда-столяра, и къ голосу Дырковой присоединялся густой басъ: „Тебя земля, тебя море“; за плетнемъ, отдѣляющимъ садъ отъ сосѣдняго двора, тонкій и пискливый голосокъ подхватывалъ: „Тебя хвалитъ всякая тварь“; и торжественный гимнъ разносился по сосѣднимъ садамъ и усадьбамъ, вызывая все новое и новое эхо, а когда хоръ людей, разбросанныхъ тамъ и сямъ и не видящихъ другъ друга, доканчивалъ послѣднюю строфу,—куры начинали кудахтать громче, голуби, вырвавшіеся на волю, высоко взлетали кверху, купаясь въ золотомъ воздухѣ надъ облаками, деревьями и крышами.

Изъ окна, выходящаго въ садъ, высовывалась молодая, красивая женщина въ ночномъ чепцѣ на русыхъ волосахъ, съ большою метлою.

— Хозяйка всегда, какъ птица, будитъ утромъ сосѣдей своимъ пѣніемъ. Дай вамъ Богъ здоровья! Людямъ веселѣе смотрѣть на Божій свѣтъ, когда ихъ разбудитъ хорошая пѣсня.

Дыркова въ это время уже сидѣла около кустовъ или на грядкахъ, обрывала ягоды или полола овощи. На голосъ сосѣдки она поднимала голову и отвѣчала:

— День начался хорошо, спать теперь не время, а надо помолиться Богу да приниматься за работу.

И, продолжая напѣвать свои пѣсни, она наполняла ягодами фартукъ, садила или полола овощи, вскапывала землю на грядкахъ, или поливала свои саженные цвѣты.

Сосѣдка, справляя свои домашнія дѣла, часто выглядывала въ окно, чтобъ перекинуться словечкомъ—другимъ съ хозяйкой, занимающейся въ глубинѣ сада, а такъ какъ онѣ были далеко другъ отъ друга, то приходилось возвышать голосъ и выкрикивать каждое слово. Онѣ то болтали, то пѣли вмѣстѣ, то къ ихъ тонкимъ голосамъ присоединялся басъ столяра, и длилось это до тѣхъ поръ, пока въ калиткѣ не показывалась горбатая, маленькая Людка и не объявляла, что завтракъ уже готовъ. Лишь старая женщина переступала калитку, какъ къ ней, лѣниво потягиваясь, подходила большая, черная, кудлатая собака, съ крыши спускался желтый котенокъ и съ тихимъ мяуканьемъ терся около ея ногъ, со двора, съ разныхъ сторонъ собирались желтыя, хохлатыя куры, а нѣсколько паръ голубей, трепеща своими крыльями, кружились у нея надъ головою. Дыркова ласкала собаку и разговаривала съ кошкою, курами и голубями, потомъ входила въ сѣни, а за нею и ея свита,—и собака, и кошка, и куры и голуби.

Иногда на дворѣ появлялась кучка бабъ, которыхъ Дыркòва нанимала помогать себѣ. Бабы копали, собирали, поливали, пололи, а въ саду безъ умолку раздавался звучный и громкій голосъ Дыркòвой. Она работала наравнѣ съ своими помощницами, что не мѣшало ей разсказывать исторію всякаго дерева, объяснять достоинство и недостатокъ всякаго куста, особенности чуть не всякой травки. На этотъ счетъ она обладала большими свѣдѣніями и говорила о растеніяхъ какъ самый опытный садовникъ. Иногда разговоръ замѣнялся пѣснями. Когда она была молода, сосѣди прозвали ее жаворонкомъ, а теперь о ней говорили: «вотъ распѣлась старуха.» Ея пѣніе любили всѣ, начиная отъ солидныхъ ремесленниковъ, которые утверждали, что работа ихъ лучше клеится, когда пани Дыркòва поетъ въ своемъ огородѣ, до дѣтворы сосѣднихъ дворовъ и наемныхъ работницъ, что смѣясь и вздыхая попеременно, учились у нея пѣснямъ.

Когда Дыркòва забывала пѣть, изъ открытаго окна столярихи или изъ какого-нибудь сосѣдняго двора, изъ-за плетня или изъ-за забора, какой-нибудь голосъ спрашивалъ у нея: „что это сегодня пани хозяйка такая тихая? Сердита она или больна?“

— Не сердита ни больна, отвѣчала Дыркòва,—съ чего мнѣ сердитой быть?... Ра́екъ мой здоровъ и счастливъ, а въ садикѣ у меня все идетъ хорошо. Если хотите, я спою вамъ что-нибудь.

И она начинала. На всякій случай, на всякую пору года и дня у нея были особыя пѣсни. Если это было раннимъ утромъ, она пѣла:

На раннемъ небѣ
Блестящій мѣсяцъ
Съ полночной стражи
Уходитъ сонный.

* * *

И быстро солнце
Взошло подъ горкой,
А дождикъ брызнулъ
Изъ майской тучки.

Когда шелъ весенній дождь, она стояла неподвижно, и съ сѣдою головой, орошенной крупными каплями, начинала:

А дождикъ шепчетъ
Полямъ, дубравамъ:
Иду, иду я
Весенній дождикъ.

* * *

Кроплю я нивы,
Деревья, травы,

Дарю веселье
Садамъ и полю.

* * *

Цвѣтамъ дарую
Я запахъ сладкій,
Никто со мною
Не можетъ спорить.

А при закатѣ солнца она протяжно и грустно пѣла:

Скройся, солнышко,
Скройся, ясное,
Золотой короной
За осинникомъ,
За орѣшникомъ,
За ольхой зеленой.

Такъ проходили у Дыркóвой весна и лѣто. Осенью и зимою у нея были другія занятія: она пряла, ткала, мѣсила хлѣбъ, лущила фасоль, сушила травы и лѣчила ими сосѣдей и сосѣдокъ. Одѣляя щепотками сушеной калины, розовыхъ листьевъ, чаберу, золототысячника и. п., она исцѣляла отъ слабости и разныхъ болѣзней, а иногда и удѣляла милостыню въ видѣ куска хлѣба, горсти муки или крупы, миски теплой пищи, остатковъ стараго платья.

Деньгами Дыркóва не подавала никогда. Ей казалось, что никакая человѣческая сила не въ состояніи вырвать грошъ, который попалъ къ ней въ руки.

А гроши обильно сыпались въ ея карманы. Она продавала плоды своего сада и труды рукъ своихъ: нитки, полотна, коврики, — она умѣла ихъ ткать скоро и съ большимъ вкусомъ, продавала яица, куръ, молодыхъ голубей и породныя сѣмена, и, пряча положенныя деньги, обыкновенно говорила:

— Это для моего Рáйка!

Она шла въ свою спальню и со стукомъ открывала тяжелую крышку сундука. Люди говорили, что она куетъ деньги,—она и дѣйствительно ковала ихъ, собирала грошикъ за грошикомъ, прятала въ сундукъ, и никто ужь, кромѣ Милорда, не могъ ихъ вызвать на свѣтъ Божій.

Помимо этого, она не мало дѣлала добра людямъ, а когда ее благодарили, она обыкновенно говорила: „помолитесь за моего сына!“ Если кто-нибудь спрашивалъ, чего просить для него у Бога, Дыркóва отвѣчала: „конечно, здоровья и долгой жизни! Ничего другого ему не нужно, ничего! Красивъ онъ, какъ царевичъ, добръ, какъ ангелъ, и люди его любятъ, о! да какъ еще любятъ! Пусть только будетъ здоровъ и живетъ долго!“

— И найдетъ себѣ красивую и богатую невѣсту! добавляли сосѣди.

Лицо старухи озарялось радостью.

— Ну, да, да! восклицала она, — охъ, еслибъ только нашелъ! тогда я бы спокойно и съ радостью навѣкъ сомкнула бы свои глаза!

Въ ея трудовой жизни были и торжественные дни и минуты великой радости. Въ праздники и по воскресеньямъ въ старомъ домѣ всѣ работы прекращались. Дыркова взбиралась на табуретъ и собственноручно тонкой тряпкой вытирала горшки и жбаны, стоящіе на полкахъ. Она передвигалась вмѣстѣ со своимъ табуретомъ, сдувала пыль и съ каждымъ изъ старыхъ горшковъ разговаривала тихимъ голосомъ, какимъ бесѣдовала съ деревьями и кустарниками.

Потомъ она наряжалась въ свою праздничную одежду, состоящую изъ люстриноваго платья и большаго чепца съ цвѣтными лентами, зимою надѣвала мѣховую шубу и съ огромнымъ молитвенникомъ подъ мышкой шла въ церковь. Возвращалась она оттуда радостная и оживленная, со слѣдами слезъ на лицѣ. Не мало горячихъ слезъ пролила она подъ пѣніе ксендзовъ и музыку органа, вымаливая счастье для своего сына.

Передъ вечеромъ къ ней собиралось нѣсколько сосѣдокъ. Дыркова угощала ихъ ужиномъ, состоящимъ, по большей части, изъ домашнихъ запасовъ; сосѣдки, отчасти желая доставить ей удовольствіе, отчасти изъ любопытства и чувства неподдѣльнаго восторга, разсыпались въ похвалахъ ея сыну. Тогда Дыркова разсказывала біографію своего принца съ момента его появленія на свѣтъ и слова, какъ потокъ, обильно изливались изъ ея устъ. Для нея настоящимъ праздникомъ былъ тотъ день, когда съ утра она могла помолиться за сына и вечеромъ вдоволь поговорить о немъ съ сосѣдками. Но еще большую радость она испытывала, когда онъ самъ пріѣзжалъ къ ней. И всякій разъ онъ чѣмъ нибудь да приводилъ ее въ восторгъ.

Какъ она радовалась, когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ собственномъ экипажѣ и на собственныхъ лошадяхъ. Какъ она осматривала его съ разныхъ сторонъ, когда онъ стоялъ передъ нею въ своемъ знаменитомъ sortie de l' hôpital! Дыркова захлопала въ ладоши и минутъ пять покачивала головою, когда его экипажъ въѣхалъ какъ то разъ вечеромъ во дворъ, въ сопровожденіи казачка, который ѣхалъ на куцой буланой лошади и освѣщалъ дорогу огромнымъ факеломъ. Правда, при видѣ казачка, галопирующаго съ факеломъ передъ экипажемъ Милорда, всѣ жители Онвиля отъ удивленія широко раскрывали рты и глаза. Это была очень оригинальная выдумка, правда, не единственная выдумка Милорда въ періодъ его блестящаго состоянія. Всѣ изобрѣтенія

такого рода, его ли собственныя или искусно скопированныя съ другихъ, приводили старую женщину, которая весь свой вѣкъ прожила въ тихой, мѣщанской части города, въ восторгъ. Она хлопала въ ладоши, смѣялась, на ея щекахъ выступалъ румянецъ, а ласковые и любящіе глаза такъ и сверкали.

Только одинъ разъ она ужасно испугалась и огорчилась. Это было тогда, когда Милордъ вынулъ изъ кармана визитную карточку съ чернымъ чертенкомъ, который точно хотѣлъ проглатить его имя и фамилію, и съ улыбкой показалъ ее матери. Дыркòва покраснѣла, быстро перекрестилась и потомъ робко начала умолять сына, чтобы онъ пересталъ носить съ собою это страшное изображеніе дьявола.

Милордъ сначала шутилъ надъ тревогою матери, убѣждалъ ее въ невинности этого изображенія, но наконецъ обѣщалъ исполнить ея желаніе. Нужно добавить, что слово свое онъ сдержалъ, хотя это досталось ему не легко, онъ еще не успѣлъ натѣшиться новостью, которая была еще въ модѣ въ самой Варшавѣ. Изъ этого можно заключить, что Милордъ питалъ къ своей матери чувства уваженія и преданности. Дѣйствительно, въ поцѣлуяхъ, которыми онъ осыпалъ ея руки, сказывалась неподдѣльная теплота; часто онъ долго смотрѣлъ на нее своими чудесными глазами, похожими на ея глаза, и тогда имъ овладѣвала нѣжность,—онъ опять схватывалъ руку, наклонялся къ ней и тихо повторялъ:

— Добрая мама, золотая, милая мамочка!

Никто не въ состояніи описать, какъ въ эти минуты была счастлива Дыркòва. Эти минуты давали ей высокое понятіе о сердцѣ ея сына, такъ что она стала называть его не только принцемъ, но ангеломъ.

А что было, когда она узнавала о его добрыхъ дѣлахъ; Марилька, сирота, оставшаяся послѣ отца-преступника и пьяницы матери, блѣдная, худая, черноглазая дѣвочка, таскающаяся по улицамъ Онвиля съ маленькимъ братишкой на рукахъ и выпрашивающая милостыню, разсказала однажды Дыркòвой, что Милордъ отъ времени до времени даетъ ей то злотъ, то четвертакъ. Марилька разсказывала, что видитъ его часто, какъ онъ выходитъ изъ парикмахерской—это тамъ, гдѣ красивая кукла все повертывается въ окнѣ,—или останавливается у воротъ каменныхъ домовъ, и тогда проситъ тамъ милостыню, и онъ всегда даетъ ей серебряную денежку, а иногда и доброе слово ей скажетъ. Когда дѣвочка разсказывала все это своимъ слабенькимъ голоскомъ, Дыркòва поднимала глаза къ небу и шептала:

— Ангелъ мой, вотъ истинный ангелъ!

Она сама часто кормила Марильку и даже давала ей какую нибудь поношенную одежду, но ничуть не ставила себѣ это въ заслугу,

но когда узнала, что ея сынъ отъ времени до времени бросаетъ бѣдному ребенку крохи отъ своего великолѣпія, то проникласъ къ нему уваженіемъ, граничащимъ съ обожаніемъ. Она обожала его и какъ бабочка, купающаяся въ солнечныхъ лучахъ, купалась въ окружающемъ его блескѣ.

Какимъ образомъ эта дочь мельника, эта работящая и скромная женщина, съ привычками простыми и чистыми, какъ кристаллъ, могла такимъ образомъ привязаться къ тому, что шумитъ, и блещетъ и желать своему сыну такую блестящую и шумную долю? Кто знаетъ это? Въ ея желаніяхъ можетъ быть отзывались слѣды ея собственныхъ неосуществившихся мечтаній и гордости, можетъ быть, когда то, смотря на воду, пѣнистою волною спадающую съ колесъ отцовской мельницы, она сама мечтала о бѣлоснѣжныхъ жемчугахъ и искрящихся брилліантахъ, или какъ сказочная дѣвушка, въ голубой водѣ видѣла полчища вооруженныхъ, стройныхъ рыцарей? Быть можетъ, примирившись впослѣдствіи съ тихою и трудовою мѣщанскою жизнью, сросшись съ нею душой и сердцемъ, она захотѣла возвысить своего ребенка надъ уровнемъ сиротскаго своего существованія, приблизить его къ свѣту, который казался ей олицетвореніемъ красоты, покоя и счастья.

Было важно только одно, что опасностей, страданій и искушеній большаго свѣта она не знала совершенно, и что, облегчая своему сыну дорогу къ этому свѣту, была увѣрена, что обезпечиваетъ его счастье.

Съ минуты, когда она стала матерью, всѣ мысли и усилія ея были направлены къ этой цѣли. Передъ крестинами каждаго сына она раскрывала календарь и выискивала имена болѣе звучные, а самое главное, менѣе употребляемые въ мѣщанской средѣ. Поэтому ея сыновья назывались—Анатоль, Фортунатъ, и Раймундъ.

— Съ своимъ Матвѣемъ,—разсказывала она потомъ сосѣдкамъ и своему другу, Рембскому,—со своимъ Матвѣемъ я сильно ссорилась за это: Когда родился старшій сынъ я просмотрѣла календарь и сказала, что хочу, чтобъ его при святомъ крещеніи назвали Анатолемъ. Старикъ мой такъ и вытаращилъ глаза: „нѣтъ, говоритъ, назовемъ мы его Григоріемъ, какъ моего прадѣда.“ Я свое, а онъ свое. Я не привыкла къ ссорамъ—мы всегда жили въ согласіи, сердце у меня такъ и стиснуло... Я въ слезы! а тутъ на Матвѣя сосѣдки накинулись: „убьешь ты свою жену! она такая слабенькая и блѣдненькая!“ Мужъ махнулъ рукой и позволилъ. О Фортунатѣ мы уже не спорили,—ему самому это имя понравилось, но когда родился послѣдній ребенокъ, онъ снова выѣхалъ со своимъ Григоріемъ. Однако я поставила на своемъ и теперь,

спрашивается, кто же называется Григоріемъ? Кучеръ моего Раймунда, а не самъ онъ. Рембскій говорилъ иногда:

— Вы, пани Аполлонія, сдѣлали изъ своего сына божка, поставили его на жертвенникъ и покланяетесь ему, какъ язычница.

Дѣйствительно, это выраженіе лучше всего опредѣляло сущность ея материнской любви. Эта мать была идолопоклонница. Но она была совершенно счастлива и удивительно спокойна. Ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія или злаго предчувствія не омрачала ея ума, а скучала она только тогда, когда долго не видала сына, да и то утѣшала себя мыслью, что скоро увидитъ, и что „онъ тамъ веселится, какъ царевичъ“ и „словно какъ сыръ въ маслѣ катается“.

Такъ длилось долго и только тогда, когда Милордъ дожилъ до двадцати восьми лѣтъ и достигъ вершины своей славы, въ положеніи его матери произошли нѣкоторыя перемѣны.

Стоялъ опять осенній вечеръ; Аполлонія Дыркòва и Андрей Рембскій опять сидѣли у огня, а горбатая Людвися дремала на лавкѣ.

Старая женщина теперь была, казалось, не въ своей тарелкѣ. Нитка такъ и рвалась въ ея рукахъ, сегодня она ни разу не затянула пѣсни. Рембскій тоже былъ не разговорчивъ и угрюмо посматривалъ на огонь.

Наконецъ Дыркòва сказала:

— Знаете, панъ Андрей, какое безпокойство начинаетъ давить мое сердце.

— А какое именно?—спросилъ старикъ.

Дыркòва вздохнула и промолчала съ минуту.

— Да!.. сказала она тихо,—кончаются уже.

— Что кончается?

— Деньги, которыя оставилъ мой Матвѣй... Я брала изъ нихъ, брала, а теперь почти ничего не осталось...

— Ну, и что же?—проворчалъ Рембскій.

— Что, что!—крикнула Дыркова, широко раскрывая глаза,—развѣ вы не понимаете?

А что я отвѣчу своему принцу, когда пріѣдетъ ко мнѣ и скажетъ: дай!

— Вы скажете ему, что ничего не дадите, потому что у васъ ничего нѣтъ.

— Отлично! Легко сказать своему сыну что у меня ничего нѣтъ! А какъ онъ скажетъ, что ему нужно?

— Да вѣдь у него два каменныхъ дома,—одинъ тамъ по Златой улицѣ, другой здѣсь.

— Ну, да, конечно,—отвѣтила Дыркова, — но отъ домовъ онъ получаетъ столько дохода, чтобъ жить прилично, а деньги, которыя оставилъ мой Матвѣй шли на экстренные расходы... Я нарочно ему не отдавала ихъ разомъ и даже не говорила, сколько ихъ. Я думала: буду давать понемножку, ихъ подольше хватитъ и принцъ мой всегда найдетъ какой нибудь гостинецъ у своей старой матери. Добрый мальчикъ не настаивалъ, чтобъ я выдала ему все, бралъ понемногу, и всегда такъ мило, такъ ласково просилъ: дай мамочка! А теперь кончились наши красные деньки. Теперь я должна сказать ему: ничего у меня нѣтъ, сынокъ!

Она отерла пальцемъ слезу. Рембскій молча посмотрѣлъ на нее.

— Можетъ быть и лучше, если вы не будете совать ему въ руки эти проклятыя деньги, — сказалъ онъ. Раймундъ остепенится, сдѣлается бережливѣй...

— Бѣдняжка!—глубоко вздохнула Дыркова.

— Примется за какую нибудь работу,—прибавилъ Рембскій

Дыркова такъ и привскочила на своемъ табуретѣ.

— Интересно знать, какую?!—воскликнула она,—можетъ быть горшки лѣпить, или сохнуть въ какой нибудь канцеляріи! Этого еще недоставало! Не для этого я его чуть не въ птичьемъ молокѣ купала и бариномъ воспитывала... не для этого...

Рембскій всталъ и рѣшительно проговорилъ:

— Ну, если вы такъ уже ослѣплены и все носитесь со своимъ барствомъ, то я не могу молчать больше. Я не хотѣлъ быть дурнымъ вѣстникомъ, но нужно же васъ подготовить. Панъ Раймундъ скоро долженъ будетъ совершенно измѣнить свой образъ жизни. И подъ тотъ и подъ этотъ домъ онъ взялъ столько денегъ, что не сегодня, такъ завтра они пойдутъ съ молотка...

Дыркова слушала съ широко открытыми, удивленными глазами.

— Съ молотка?—крикнула она и всплеснула руками... Іисусъ, Марія!

Она растерянно посмотрѣла на своего собесѣдника и простонала:

— Ну, а чтоже будетъ потомъ, панъ Андрей? да говорите же, что будетъ потомъ?

Рембскій подумалъ съ минуту и, какъ бы жалѣя старую женщину, мягко отвѣтилъ:

— Ну, ну! можетъ быть и лучше будетъ! Барчукъ возьмется за какое нибудь дѣло, женится и вы скоро будете няньчить внучатъ.

Но Дыркова не слыхала этихъ успокоивающихъ словъ. Съ заломанными руками и ручьями слезъ, струящихся изъ ея глазъ, она продолжала тихо стонать:

— Бѣдное дитя мое! бѣдный червячокъ мой! Я тутъ пила, ѣла, роскошествовала, жила какъ царица, а онъ долженъ будетъ работать!..

Она робко начала допрашивать Рембскаго: а много этихъ долговъ? и кому онъ долженъ? и вѣрно ли это? Рембскій отвѣчалъ неохотно, пробормоталъ что то и указалъ на источникъ, откуда онъ получилъ свои свѣдѣнія.

— Весь городъ говоритъ объ этомъ,—сказалъ онъ въ концѣ,—а только вы одни ничего не знали.

Дыркова перестала плакать и ломать руки. Долго сидѣла она неподвижно, но вдругъ выпрямилась и подняла голову.

— Ну,—сказала она,—коли такъ, то мнѣ теперь нужно начать жить иначе... Придется ему горе мыкать, такъ пускай же и я... Прежде, чѣмъ послѣдняя бѣда нагрянетъ, онъ навѣрно женится и возьметъ большое приданое, а до тѣхъ поръ его старая мать должна облегчить его долю. Довольно мнѣ барствовать.

Хотя Рембскій хорошо зналъ старую женщину, но и онъ не сразу понялъ все значеніе ея словъ. Это проявилось только на слѣдующій день утромъ. Людвися, по обыкновенію, собиралась идти въ городъ за провизіей, но Дыркова удержала ее и сказала:

— Сегодня ты не пойдешь, и совсѣмъ уже ходить не будешь... развѣ въ какой нибудь большой праздникъ... Въ будни, даже и въ воскресенье, намъ не нужно ни мяса, ни масла, ни молока... ничего не нужно изъ города. Дома у насъ есть тыквы, картофель, сушеныя груши, есть макъ, горохъ, капуста, а муки на хлѣбъ хватитъ еще надолго...

Странное зрѣлище представляла эта старая женщина, добровольно отказывающаяся, правда не отъ роскоши, но отъ незначительныхъ удобствъ жизни, обрекающая себя на нужду, гдѣ приходится считаться съ каждымъ кускомъ, чуть не съ каждою каплею воды, дрожать надъ каждой крошкой, чтобъ ее могло хватить не только на завтра, но и на послѣ завтра.

Въ длинные зимніе вечера большая сводчатая комната была холодна и печальна. Огонь уже не трещалъ весело въ печкѣ,—его заливали утромъ, немедленно послѣ изготовленія скудной пищи, которой должно было хватить на цѣлый день. Тонкая сальная свѣчка словно желтая искра еле мерцала въ глубинѣ комнаты, а вокругъ царилъ такой густой мракъ, что разставленныя вдоль стѣнъ гончарныя издѣлія совершенно скрывались въ немъ, а табуретки и лавки вырисовывались неясными и фантастическими линіями.

Въ тѣсномъ кругѣ свѣта сальной свѣчки, противъ глубокой, черной какъ ночь, пасти печки, Дыркова сидѣла по прежнему. но уже

не болтала попрежнему съ Людвисей, не пѣла пѣсни, даже пряла не такъ какъ прежде. Сѣрая нитка медленно, очень медленно выползала изъ подъ ея пальцевъ, веретено вертѣлось лѣниво и не жужжало такъ весело, какъ прежде. Старуха съ видимымъ безпокойствомъ посматривала на пучекъ льну, привязанный къ прялкѣ.

— Вотъ, скоро и весь выйдетъ,—шептала она,—тогда и прясть будетъ нечего.

— Вы опять купите себѣ льну,—замѣчала Людвися.

— Купите! — сердилась Дыркова, — да сохрани Боже! теперь ничего не нужно покупать, ничего, ничего! Если грошъ какой нибудь зайдетъ въ домъ, то и тогда, слава Богу, никому его не отдамъ, только ему, червячку моему бѣдному.

А гроши являлись въ домъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ когда либо. Дыркова теперь продавала все, что только можно было продать, и что прежде по большей части шло на удовлетвореніе ея потребностей и нуждъ близкихъ ей людей. Бѣдные по старой привычкѣ приходили къ ней за кускомъ хлѣба, за горстью муки, за мискою похлебки, но Дыркова уже издали кричала имъ:

— Нѣту, милые мои, ничего у меня нѣтъ для васъ! Идите себѣ съ Богомъ, да поможетъ вамъ Онъ, а я не могу.

И она торопилась повернуться спиной къ просящему старику, старухѣ или ребенку. Тревога, смѣшанная со стыдомъ, застилала ея глаза, а губы дрожали отъ жалости.

Иногда она спрашивала у Людвиси:

— Людвися! ты можетъ быть голодна?

Маленькое, ничтожное существо горячо восклицало:

— Я голодна! вотъ еще! ѣмъ то же самое, что и вы кушаете, и голодна! — А каша съ тыквой, а клецки съ сушеными грушами... развѣ это не вкусно?

— Это хорошо, что ты, Людвися, не голодна!—говорила Дыркова съ видимымъ удовольствіемъ... Я тебя взяла маленькимъ ребенкомъ... ты сирота... Притомъ, ты работаешь и помогаешь мнѣ столько лѣтъ... у меня лежало бы на совѣсти, еслибы ты была голодна.

Маленькіе, каріе глазки Людвиси пытливо и съ видимымъ безпокойствомъ вглядывались въ лицо барыни. Проходило нѣсколько минутъ и сирота, воспитанная Дырковой, тихо и робко спрашивала:

— А вы сами не голодны?

На губахъ старой женщины появлялася полу грустная, полувосторженная улыбка.

— Зачѣмъ мнѣ лгать передъ тобою?—отвѣчала она. Иногда я бываю голодна... немного голодна... но голодъ этотъ,—наслажденіе мое, потому что я-то поголодаю, а сынку моему что нибудь лишнее останется.,. Бѣдный онъ... теперь у него разныя непріятности, хотя онъ мнѣ не говоритъ объ нихъ никогда... пусть же страдаетъ не онъ одинъ, дорогой мой, а и я съ нимъ вмѣстѣ.

Ея глаза, поднятые кверху, наполнялись слезами. Было видно, что въ сердцѣ этой старой, простой женщины, при первомъ извѣстіи о непріятностяхъ, постигшихъ ея сына, заговорила какая-то странная жажда подвига, жажда соединить свои страданія съ его страданіями.

Результатомъ этого разговора было то, что на слѣдующій день горбатая Людвися только одинъ разъ поднесла ко рту ложку съ пищей и съѣла кусокъ сухаго хлѣба.

— Отчего ты не ѣшь?—спросила ее Дыркòва, — картофельная каша съ макомъ такая вкусная... видишь, какъ я ѣмъ... Или ты сыта!

Людвися то возилась надъ чѣмъ то въ углу, то заглядывала въ бочку съ водою. Дыркòва звала ее къ чашкѣ.

— Ну, иди же... развѣ ты не голодна?

Тогда маленькое существо останавливалось передъ барыней и съ робко опущенными глазами, бормотало:

— Я передъ вами лгать не могу! немного-то я голодна—такъ, чуть-чуть, но я поголодаю, а нашему принцу что нибудь лишнее останется!.. И я также хочу страдать съ нимъ вмѣстѣ.

Она какъ попугай повторяла слова Дыркòвой. Неизвѣстно, понимала-ли она ихъ значеніе, но картофеля съ макомъ ѣсть не хотѣла ни за что. Дыркòва смотрѣла на нее глазами, полными слезъ, потомъ выпрямлялась и важно говорила:

— Коли такъ, то и мнѣ нужно ѣсть меньше... Если ты можешь голодать, то какъ же бы я не могла? Вѣдь я мать...

И они шли дальше въ соревнованіи, кто можетъ ограничиться меньшимъ. Порой это служило поводомъ для смѣха.

— Сколько разъ ты зачерпнула изъ миски?—спрашивала свою воспитанницу старая женщина.

— Кажется, шесть разъ,—отвѣчала Людвися.

— Ну, а я меньше, я пять разъ!

— Ей Богу нѣтъ! вы семь разъ зачерпнули, а я только шесть!

— Врешь ты!

Они смѣялись, а половина похлебки оставалась на завтра.

— Завтра не нужно жечь дровъ понапрасну!—говорила Дыркòва,—съѣдимъ холоднаго картофеля, хлѣбцемъ закусимъ, а водицей запьемъ! Такъ что ли, Людвися?

— А то какъ же! вотъ тебѣ? холодный картофель вкуснѣе горячаго, а дрова жечь жалко; какъ выдутъ, покупать нужно!

— Сохрани Богъ!—отвѣчала старуха.

На другой день въ нетопленной комнатѣ двѣ женщины стучали зубами отъ холода.

— Не знаю,—начинала Дыркдва голосомъ, который дрожалъ въ ея груди,—что для человѣка непріятнѣй—голодъ или холодъ?

— Должно быть холодъ!—говорила Лидвися.

— А... ну, тогда принеси пару полѣнъ.

Людка приносила маленькую вязанку дровъ и складывала ихъ у печки. И та и другая женщина долго смотрѣли на дрова.

— Гм! шептала Дыркдва,—а вѣдь это все таки злотъ, а то и четвертакъ стоитъ! Не затопляй, подождемъ еще немного, можетъ быть и такъ просидимъ. Въ постели подъ одѣяломъ будетъ тепло...

Однажды Дыркдва сказала:

— Вотъ, бѣда наша! вода дорого стоитъ! Двадцать пять грошей за бочку, а постоитъ недѣлю—никуда не годится... выливать нужно и опять платить деньги...

— А я развѣ не съумѣю наносить воды? — горячо запищала Людвися.

— Наносишь?

— Господи ты Боже мой! неужели же не наношу?

— Ну, попробуй!...

Съ той поры черезъ каждые два дня изъ стараго дома выходило маленькое сгорбленное существо съ коромысломъ на худомъ плечѣ, и согбенное подъ тяжестью двухъ ведеръ. Когда оно возвращалось назадъ, то въ его впалой груди не хватало воздуха, а желтое его личико покрывалось яркимъ румянцемъ. Дыркдва встрѣчала Людвисю по серединѣ двора, брала изъ ея рукъ коромысло съ ведрами и сама приносила ихъ въ комнату, потомъ обѣими руками брала голову своей усердной помощницы и цѣловала ее въ лобъ. Отъ этого поцѣлуя на утомленномъ лицѣ Людвиси появлялось выраженіе радости. Тяжело дыша и опираясь рукою о стѣну,—она не могла держаться на ногахъ отъ усталости,—Людвися спрашивала тихимъ голосомъ:

— Вѣдь это для нашего принца, барыня?

— Для него, другъ мой, все для него!

— Ну, и хорошо!—говорила Людвися.

А принцъ, тѣмъ временемъ недѣли черезъ двѣ или три, а то и рѣже, пріѣзжалъ къ матери, какъ и прежде, въ своемъ экипажѣ, со своими сетерами, казачками и другими принадлежностями. Но Дыркдва

ожидала его уже не съ прежнимъ спокойнымъ терпѣніемъ, но съ видимымъ тревожнымъ безпокойствомъ. Заслышавъ стукъ его экипажа, она тотчасъ же зажигала стеариновую свѣчу, ожидающую въ шкапѣ пріѣзда Милорда, а Людкѣ приказывала какъ можно скорѣе ставить самоваръ.

Горсточка чаю еще сохранилась у Дыркòвой.

Прежде чѣмъ Милордъ успѣвалъ выскочить изъ экипажа и пройти большія сѣни, на блѣдныя щеки старой женщины выступалъ горячешный румянецъ. По ея безпокойнымъ движеніямъ, по блеску глазъ, когда-то сіявшихъ тихимъ довольствомъ, было видно, что она боялась какой-то дурной вѣсти или страшнаго для себя вопроса. Но Милордъ ничѣмъ не походилъ на человѣка огорченнаго или привозящаго дурную вѣсть. Когда его высокая и статная фигура озаряла полутемную, сырую и холодную комнату блескомъ своей элегантности и наполняла ароматомъ тонкихъ духовъ, Дыркòва бросалась къ нему, обвивала его шею руками и внимательно всматривалась въ его лицо.

— Ну, что? какъ тамъ?—допытывалась она.

Милордъ съ прежнею искренностью цѣловалъ у нея руку и весело отвѣчалъ:

— Да что, мамочка! Все по старому. Соскучился по васъ и пріѣхалъ на минутку.

— Ахъ ты, сокровище мое единственное! ангелъ доброты! соскучился по своей старой матери и пріѣхалъ хоть на минутку! ну, садись, садись! можетъ, чайку напьешься.

Милордъ садился и вздрагивалъ отъ холода.

— Какъ холодно у васъ! отчего печка не топится?

— Вотъ еще! печь! отзывалась изъ-за самовара Людка,—а потомъ дрова покупать!

— Тише ты!—испуганно прикрикивала на нее Дыркòва и потомъ обращалась къ сыну:

— Видишь, милый, я убѣдилась, что мнѣ не хорошо, когда въ комнатѣ черезъ-чуръ тепло,—мнѣ кровь въ голову ударяетъ...

— А,—это другое дѣло,—говорилъ сынъ,—но тутъ, однако, простудиться можно...

— Людка! разведи огонь, да поскорѣе! а то нашъ принцъ еще простудится...

И въ угрюмой комнатѣ дѣлалось веселѣй отъ яркаго огня и клубовъ пара, вырывающихся изъ шумящаго самовара. Дыркòва нарѣзывала нѣсколько ломтей болѣе свѣжаго хлѣба. Тамъ, въ глубинѣ шкапа, покоились черствые, твердые, какъ камень, куски, которые потомъ должны

были пойти въ пищу обѣимъ женщинамъ, но къ пріѣзду Милорда всегда оставался свѣжій и болѣе пропеченый хлѣбъ.

— Чѣмъ хата богата, дорогой мой! — говорила Дыркова, и ставила передъ сыномъ чашку чаю и тарелку съ нарѣзаннымъ хлѣбомъ.

— Отчего же вы и Людвися не пьете чаю?—ласково спрашивалъ Милордъ.

— Я пила уже, милый мой, пила... часъ тому назадъ.

А Людвися вздыхала въ своемъ уголку:

— Еще и обо мнѣ помнитъ! принцъ нашъ! ангелъ нашъ!

Теперь Дыркова спрашивала сына уже при каждомъ его посѣщеніи:

— Ну, Райко, а подумываешь ты о женитьбѣ?

Милордъ однажды отвѣтилъ съ прояснившимся лицомъ:

— Подумываю, мамочка, подумываю. Дѣвушка красивая, добрая, какъ ангелъ, и,—откровенно признаюсь вамъ,—я ужь влюбился въ нее по уши... Сначала какъ будто ничего, а потомъ влюбился.

— А съ приданымъ она?—допытывалась Дыркова.

— Больше, чѣмъ я думалъ. У нея будетъ около полумилліона.

— А родители-то отдадутъ ее за тебя? Барышня вѣрно изъ высокаго рода...

— Надѣюсь,—играя своими брелоками, отвѣтилъ Милордъ.—Принимаютъ они меня любезно, очень любезно, съ братомъ ея я въ большой дружбѣ...

— Слава Богу!—изъ глубины сердца вздыхала старушка.

Она не спрашивала сына о фамиліи его будущей невѣсты,—это было безполезно. Изъ большого свѣта, въ которомъ вращался онъ, Дыркова и такъ никого не знала. Милордъ однажды самъ шепнулъ матери:

— Я скажу вамъ подъ большимъ секретомъ. Я ухаживаю за панной Пелагіей Мирской. Ея мать большая аристократка, но отецъ и братъ не обращаютъ вниманія на всѣ эти глупости и предразсудки... Къ тому же сама панна Пелагія...

— Расположена къ тебѣ... это понятно... ну, хорошо! Да будетъ благословенъ всемогущій Богъ... Женишься, продашь домъ,—хоть, въ городѣ... на женины деньги купишь имѣніе, а мнѣ позволишь дожить свой вѣкъ въ этомъ старомъ гнѣздѣ...

Милордъ поцѣловалъ руку матери.

— Что мое, то и ваше,—отвѣтилъ онъ,—можетъ быть вы пожелаете жить съ нами въ деревнѣ.

Дыркова отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, милый, нѣтъ! я ужь приросла къ этимъ стѣнамъ. Наконецъ, ты будешь помѣщикомъ, большимъ бариномъ... твоя жена изъ

высокаго рода... Мѣщанка мать осрамитъ васъ передъ людьми... Нѣтъ, милый мой! я останусь здѣсь, домъ и садъ отцовъ твоихъ стеречь буду... а ты навѣстишь меня когда нибудь и дѣтокъ своихъ привезешь ко мнѣ въ каретѣ... Ну, если когда нибудь захотите и позволите, то и я пріѣду къ вамъ на какую нибудь недѣльку, чтобы порадоваться на ваше счастье и вашу роскошь... а потомъ опять возвращусь въ свой уголъ и съ своей доброй Людкой... о! ты не знаешь, какая она добрая!.. буду толковать о своемъ принцѣ, о своей принцессѣ, о своихъ малыхъ внучатахъ... Женись только, женись поскорѣй,—трудно мнѣ долго ждать эту счастливую минуту!

— Женюсь, мамочка, теперь ужь навѣрно женюсь и передъ свадьбой привезу къ вамъ свою невѣсту... Пусть люди болтаютъ, что имъ угодно... Она добрая, матери моей стыдиться не будетъ. Я привезу ее къ вамъ.

— Вотъ ужь я расцѣлую-то ее!.. расцѣлую и благословлю такимъ благословеніемъ, что самъ Богъ услышитъ его!—Дыркòва тихо засмѣялась, а изъ глазъ ея выкатилось нѣсколько слезинокъ.

Такъ мечтали они... Потомъ Милордъ обыкновенно говорилъ:

— Мамочка, будьте добры, дайте мнѣ немного денегъ.

У Дыркòвой начинали дрожать руки. Съ искусственной веселостью, сдерживая движенія своего стѣсненнаго сердца, она начинала шутить съ сыномъ:

— А какъ не дамъ? вотъ и не дамъ!

— Ой, дадите, мамочка! дадите! Мнѣ нужно...

— Ну, пожалуй, дамъ, но немножко...

— Сколько вашей милости будетъ.

Дыркòва брала свѣчу и шла къ себѣ въ спальню. Но теперь уже она не позволяла сыну идти за собою.

— Подожди здѣсь, подожди.

— Что это за секреты?—съ оттѣнкомъ раздраженія говорилъ Милордъ, но оставался на мѣстѣ, а черезъ нѣсколько минутъ мать приносила ему деньги.

— Такъ мало, мамочка!—жалобно протягивалъ Милордъ.

— Довольно, довольно на сегодня!—говорила Дыркова... Въ слѣдующій разъ дамъ еще.

Иногда онъ просилъ и настаивалъ, удивляясь, откуда появилась у нея такая скупость, иногда небрежно засовывалъ деньги въ бумажникъ, на которомъ чьей-то прекрасною ручкою были вышиты золотомъ слова: «*ne m'oubliez pas*»! Каменный домъ представлялъ еще значительную

стоимость, при этомъ Милордъ весь былъ погруженъ въ мечтанія о прелестяхъ панны Мирской и о ея приданомъ.

— Я не хочу надоѣдать вамъ,—говорилъ онъ,—что вы мнѣ дали, то я и беру!

— Ты—ангелъ,—шептала Дыркòва. Милордъ разражался смѣхомъ.

Веселье шло ему къ лицу. Когда онъ смѣялся, то былъ, дѣйствительно, прелестенъ. Бѣлый лобъ его разглаживался, голубые глаза искрились, изъ-за красивыхъ губъ показывался рядъ жемчужныхъ зубовъ. Не удивительно, что богатая и такая же веселая панна Мирская почувствовала къ нему исключительную симпатію... Когда онъ смѣялся, танцевалъ, или, держа на разставленныхъ пальцахъ мотокъ шолка, преклонялъ одно колѣно, глаза дѣвушки могли долго останавливаться на немъ...

Послѣ отъѣзда Милорда, стеариновая свѣча въ серебряномъ подсвѣчникѣ гасла, огонь въ печкѣ угасалъ также, самоваръ и свѣжій хлѣбъ изчезали со стола, а Дыркòва въ своей вновь потемнѣвшей, омрачившейся и остывшей комнатѣ начинала сучить старыя ральки,—запасъ льна весь уже истощился,—и затягивала пѣсню. Пѣла она только тогда, когда ей удавалось вдоволь насмотрѣться на сына. Можно было сказать, что какой то лучъ его блестящихъ глазъ проникалъ въ ея теперь уже уснувшее сердце и пробуждалъ въ немъ прежнюю радость жизни.

Но ея голосъ, еще недавно такой сильный и звучный, теперь такъ ослабѣлъ и притихъ, что его чуть не заглушало ворчаніе мотовила, къ которому, словно другая нота того же самаго аккорда, присоединялось монотонное мурлыканье желтаго кота, примостившагося поближе къ печкѣ.

Такъ прошла зима. Въ первый весенній день, еще сырой, но теплый, Дыркòва пошла къ себѣ въ садъ. Ея сосѣдка, стоявшая у окна, увидала, какъ старушка прогуливается по дорожкамъ и сказала мужу:

— Хозяйка наша ужасно постарѣла за зиму. И такъ скоро!

Дѣйствительно, только теперь, когда ея освѣщало блѣдно-желтое мартовское солнце, можно было ясно видѣть, что ея еще недавно пепельные волосы, стали почти совсѣмъ бѣлыми, а глаза глубоко ушли подъ лобъ, да и самъ высокій и красивый лобъ, пожелтѣлъ и покрылся сѣтью мелкихъ морщинъ. Щеки Дыркòвой поблекли и также пожелтѣли, а самодовольное выраженіе губъ исчезло,—точно къ нимъ на вѣки приросла горькая улыбка. Старушка шла медленно, слабыми шагами. Она, какъ и прежде, наклонялась къ кустамъ, но съ замѣтнымъ трудомъ, а когда, поднявъ голову, осматривала вѣтви деревьевъ, глаза ея щурились, какъ это случается съ людьми, долго пробывшими во мракѣ и отвыкшими отъ свѣта.

По своей старой привычкѣ, она начала сѣять, садить и копать. Милордъ однажды засталъ ее за этими занятіями. Днемъ онъ рѣдко пріѣзжалъ къ матери и давно не видалъ ее иначе, какъ въ полутемной комнатѣ, освѣщенной красноватымъ огнемъ печки. Милордъ вошелъ въ садъ, и, оглядываясь вокругъ, крикнулъ:

— Мамочка!

Дыркòва громко и весело отозвалась, выбралась изъ густой зелени кустовъ крыжовника и побѣжала, насколько хватало ея силъ. Милордъ остановился и съ видомъ непріятно изумленнаго человѣка смотрѣлъ на приближающуюся мать.

— Да вы совсѣмъ измѣнились!—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку,—что съ вами? не прихварываете ли вы иногда?

— Прихварываю!— разсмѣялась Дыркòва,—ахъ ты милый мой! какъ ты разсмѣшилъ меня! Я во всю жизнь ни разу не хворала.

— Но видъ у васъ какой-то нехорошій...

— Э!—быстро перебила Дыркòва,—старость не радость, сынокъ... всякое живое созданіе должно стариться... состарилась и я...

Они оба стояли подъ вишневымъ деревомъ, осыпаннымъ бѣлымъ цвѣтомъ. Милордъ сорвалъ вѣтку, воткнулъ ее въ петлицу своей расшитой шнурами самарки, потомъ подалъ руку матери и повелъ ее къ дому. Когда Дыркòва въ своей грубой юбкѣ и полиняломъ платкѣ, опершись на руку красиваго и изящнаго молодаго человѣка, шла по саду, голова ея держалась высоко, по всему лицу разлилось сіяніе радости и гордости, а глаза невольно посматривали на окно столяра. Ей страстно хотѣлось, чтобы въ настоящее время у этихъ оконъ стояли десятки людей, чтобъ всѣ могли видѣть необыкновенную доброту и красоту ея сына, видѣть и ея необыкновенное счастье.

По дорогѣ Милордъ сообщилъ, что долженъ выѣхать изъ Онвиля на нѣсколько мѣсяцевъ. Услыхавъ это, старушка вздрогнула и въ отчаяніи всплеснула руками.

— Мирскіе ѣдутъ заграницу, — объяснялъ сынъ, — и я долженъ ѣхать съ ними. Боюсь, что за это время они забудутъ меня.

Старушка поняла, въ чемъ дѣло и отвѣтила, хотя грустно, но съ улыбкой:

— Коли такъ, то поѣзжай, милый мой... поѣзжай за своей невѣстой. Гонись за дорогой птичкой, чтобъ не улетѣла.

Эти слова тронули Милорда.

— Еслибъ вы знали,—сказалъ онъ,—какъ я люблю васъ...

— Такъ отчего же ты сейчасъ не женишься?—спросила мать,—ты любишь ее, она къ тебѣ благосклонна, сыграйте свадебку, а потомъ и поѣзжайте себѣ въ чужія стороны.

Милордъ грустно поникъ головою.

— Не такъ это легко, мамочка! Это проклятое происхожденіе стоитъ поперекъ моей дороги. Глупость это, предразсудокъ... но чтожъ дѣлать, коли свѣтъ таковъ. Я до сихъ поръ не дѣлалъ предложенія, потому что боюсь отказа... не отъ панны Пелагіи, а отъ ея матери. Юзя совѣтуетъ мнѣ не спѣшить, дать время и ему и паннѣ Пелагіи подготовить мать и упросить ее...

Она остановилась у дверей дома. Милордъ сказалъ, что на этотъ разъ онъ не зайдетъ,—у него столько хлопотъ и дѣлъ передъ отъѣздомъ,—но дня черезъ два завернетъ проститься съ матерью. Онъ уже направился было къ ожидавшему его экипажу, какъ Дыркова дотронулась рукою до его плеча. Рука эта дрожала, въ глазахъ, устремленныхъ на сына, виднѣлась явная тревога. Она, очевидно, хотѣла сказать что-то, но не осмѣливалась и боялась. Наконецъ, пониженнымъ и невѣрнымъ голосомъ она начала:

— Но, дорогой мой, на твое путешествіе, вѣрно, понадобится много денегъ...

Милордъ нахмурился.

— Понятно,—сказалъ онъ и провелъ рукою по лбу,—рискъ великъ... да, я рискую... впрочемъ деньги уже у меня есть, я добылъ...

Дыркова вздохнула, но безпокойная дрожь опять пробѣжала по ея похудѣвшему лицу.

— Занялъ?—шепнула она.

— А чтожъ мнѣ оставалось другое?—Милордъ принужденно улыбнулся, но потомъ добавилъ веселѣй:

— Чтожъ дѣлать, когда я зналъ, что вы рѣшили сберегать остатки своихъ сокровищъ для внуковъ—я нехочу надоѣдать вамъ...

Блѣдный лобъ Дырковой вспыхнулъ кровавымъ румянцемъ.

— Ты ангелъ,—шепнула она дрожащими губами и, подумавъ съ минуту, добавила:

— Однако, когда ты пріѣдешь прощаться, я дамъ тебѣ немного деньжонокъ, дамъ! Я не перенесла бы, еслибъ ты уѣхалъ въ такую даль, да еще такъ надолго, безъ какого нибудь моего подарка.

На другой день въ квартирѣ Дырковой появились доселѣ еще невиданныя здѣсь жидовки-торговки. Изъ спальни въ теченіи двухъ часовъ доносились какіе-то звуки,—замки щелкали, голоса старались перекричать другъ друга. Шла ожесточенная торговля. Потомъ жидовки вышли, обремененныя мотками, клубками, кусками толстой и тонкой холстины, бѣльемъ и подушками, и даже платьемъ. Въ томъ числѣ было вѣнчальное платье Дырковой изъ бѣлой матеріи, затканное яркими бу-

кетами и наконецъ—ея лисья шуба. Въ этотъ вечеръ Дырковa никакимъ дѣломъ не занималась и въ глубокой задумчивости, съ руками, опущенными на колѣни, сидѣла у печки.

Одинъ разъ она ударила себя въ грудь и громко прошептала:

— Моя вина! моя вина! Еслибъ я вышла за благороднаго, на дорогѣ моего сына не было бы такихъ преградъ!.. Это происхожденіе мѣшаетъ ему... Это происхожденіе ведетъ его къ гибели... а кто виноватъ? ой, побила бы я себя, еслибъ можно было!..

Милордъ, прощаясь съ матерью, казался недовольнымъ и встревоженнымъ.

— Или панъ, или пропалъ!—сказалъ онъ, — возвращусь или женатымъ и счастливымъ, или...

— Или что?—допрашивала мать.

Онъ махнулъ рукой и не хотѣлъ доканчивать. Потомъ, однако, онъ развеселился и шепнулъ:

— Я думаю присвататься за границей и тамъ же, во избѣжаніе всякихъ глупыхъ толковъ, перевѣнчаться...

Небольшую сумму,—какихъ то двѣсти рублей, которую дала ему мать, онъ взялъ безъ ропота и уѣхалъ.

Дырковa заказала на другой день заздравную обѣдню и сама поплелась въ церковь. Возвратилась она съ опухшими отъ слезъ глазами и съ лицомъ, изрытымъ морщинами.

Лѣто прошло. Стоялъ осенній, бѣлый, холодный день. Дырковa сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, около печки, но уже не пряла, не сучила и только отъ времени до времени поправляла въ печкѣ скудный огонь и мѣшала фасоль, варящуюся въ маленькомъ горшечкѣ. Людвиги въ комнатѣ не было,—она пошла за водой. У ногъ старой женщины сидѣла, уныло повѣсивъ голову, большая черная собака, а на полкѣ, между горшками, ворковала пара сѣрыхъ голубей. Эта собака, эти птицы, да еще желтая кошка (впрочемъ въ настоящее время ея въ комнатѣ не было,—она вѣчно пропадала гдѣ то и выискивала себѣ пропитаніе)—представляли все, что осталось отъ обильнаго хозяйства старой мѣщанки. Хохлатыя куры давно уже проданы, на чердакѣ давно уже умолкло громкое пѣніе пѣтуховъ, стая голубей всѣхъ цвѣтовъ уже не взвивалась надъ крышей. Дырковa хотѣла было бросить собаку и продать сѣрыхъ голубей, но собака всегда возвращалась отъ сосѣдей и съ умоляющимъ визгомъ подползала къ ногамъ старой хозяйки, а голуби, выкормленные и вырощеные ею, вырывались изъ чужихъ рукъ, садились на плечи Дырковой и до тѣхъ поръ щипали ея старые волосы и заглядывали ей

въ глаза, покуда она не гладила ихъ своею исхудалою рукою и не говорила:

— Ну, ужъ оставайтесь, коли такъ! оставайтесь!

Со двора въ тихую комнату доходилъ стукъ топоровъ и молотка, но вдругъ среди этихъ звуковъ Дыркòва услыхала что то особенное,— потому что выпрямилась и руки ея задрожали. Слышны были чьи то поспѣшные шаги.

— Принцъ мой!—крикнула женщина и съ распростертыми объятіями бросилась къ двери. Но бѣжать она не могла уже, какъ прежде,— шаги ея заплетались и дрожали отъ слабости и волненія. Прежде, чѣмъ она добѣжала, дверь отворилась и на порогѣ показался Милордъ. Въ длинномъ пальто, на которомъ блестѣло стеклышко pince-nez, онъ казался все такимъ же изящнымъ молодымъ человѣкомъ, но прежде, чѣмъ онъ снялъ шляпу, руки Дыркòвой сами собой опустились внизъ, а на лицѣ отразилась тревога. Милордъ былъ блѣденъ и угрюмъ, волоса его, всегда такъ старательно подвитые и напомаженные, теперь въ безпорядкѣ падали на нахмуренный лобъ.

— Дитя мое! что съ тобой? — вырвался изъ груди матери подавленный крикъ.

Не отвѣчая ничего, онъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и опустился на табуретку съ видомъ отчаянія.

Дыркòва съ заломленными руками остановилась передъ нимъ.

— Дитя мое! сынокъ!—шептала она,—что съ тобой случилось? отчего ты такой худой и грустный.

Вдругъ она всплеснула руками и крикнула:

— Не отдали за тебя твою невѣсту? Правда? не отдали?

— Не отдали!—шепнулъ Милордъ, трагическимъ жестомъ ударяя себя рукою въ лобъ и угрюмо вперяя взоръ въ землю.

— Охъ, несчастная я!.. простонала мать и тяжело опустилась на лавку. Милордъ поднялъ голову.

— А я счастливый?—горько отвѣтилъ онъ и захохоталъ ѣдкимъ смѣхомъ... Вы вообразить не можете, что я выстрадалъ и какъ страдаю теперь... Когда ея родители похитили ее изъ подъ моего носа и увезли неизвѣстно куда, я сошелъ съ ума... да, сошелъ съ ума и два дня былъ сумасшедшимъ... Обманули меня люди, горько обманули! и она обманула, и все меня обмануло!.. опротивѣлъ мнѣ свѣтъ и хотѣлось бы мнѣ не смотрѣть на него.

Долго жаловался Милордъ, прерывая свою рѣчь вздохами или взрывами горькаго смѣха. И, какъ всѣ избалованныя дѣти, какъ всѣ,

привыкшіе быть божествомъ для себя и для другихъ, онъ не думалъ и не замѣчалъ, что его вздохи и жалобы острымъ ножемъ могутъ колоть сердце той, которая слушала его. Онъ не замѣчалъ, что на впавшія, желтыя щеки его старой матери мало-по-малу выступаютъ ярко красныя пятна, какъ дрожатъ ея губы и руки, какъ все еще прекрасный, высокій лобъ, подъ серебристой короной уже совершенно сѣдыхъ волосъ, покрывается глубокими, болѣзненными морщинами.

Наконецъ онъ замолкъ, вѣроятно, потому, что совершенно удовлетворилъ свою потребность излить всѣ свои жалобы. Тогда возлѣ него послышался тихій, дрожащій шопотъ:

— Охъ, бѣдный ты, бѣдный, сынокъ мой! червячекъ мой, голубчикъ...

Милордъ всталъ.

— О, да!—сказалъ онъ,—я бѣдный, очень бѣдный! но что ужь тамъ говорить объ этомъ.

Дѣйствительно, довольно наговорился онъ о своихъ бѣдахъ.

— Теперь,—продолжалъ онъ,—нужно подумать, какъ отвратить послѣднюю бѣду...

И, остановившись передъ матерью, съ руками, скрещенными на груди, онъ выговорилъ:

— Вы знаете, мамочка, что я къ вамъ пришелъ пѣшкомъ?

Вмѣсто отвѣта, густыя сѣдыя брови женщины высоко поднялись надъ ея глазами, устремленными на лицо сына.

— Я продалъ свой экипажъ, лошадей, мебель, даже собакъ,—однимъ словомъ все, что любилъ и къ чему привыкъ... собственно продалъ Тачкевичъ,—я писалъ ему изъ заграницы,—деньги прислалъ мнѣ, а они всѣ ушли туда, куда и другія... Теперь домъ на Золотой улицѣ мои кредиторы взяли въ обезпеченіе и будутъ держать до тѣхъ поръ, пока я не расплачусь съ ними, а черезъ нѣсколько дней возьмутъ и этотъ старый домъ... Когда я возвратился, меня не пустили въ тотъ домъ, а черезъ нѣсколько дней выгонятъ изъ этого... да, выгонятъ и меня и васъ... если мы немедленно не отвратимъ несчастія...

Онъ кончилъ и ждалъ отвѣта матери. Напрасно Дыркова раскрывала ротъ,—оттуда не выходило не только ни одного слова, но и ни одного вздоха.

Милордъ наклонился къ ней и взялъ ея руки.

— Дорогая, золотая, милая мамочка! спасите меня!

Что-то вродѣ стона послышалось въ глубинѣ груди старой женщины, подъ полинявшимъ платкомъ.

— Я дѣлалъ долги,—это правда, но что же мнѣ было дѣлать, когда дохода съ этихъ двухъ мазанокъ мнѣ не хватало?.. вы иногда

давали мнѣ понемногу, но я не хотѣлъ часто надоѣдать вамъ... Иногда я просилъ у васъ, а иногда и нѣтъ... я думалъ расплатиться съ долгами тѣми деньгами, которыя остались у васъ... Но я не разсчиталъ, что завязну такъ глубоко... Сватовство окончательно погубило меня... мнѣ отказали, и я, съ израненнымъ сердцемъ, съ изломанной жизнью, долженъ еще испытывать и эти непріятности!

На глаза Милорда набѣгали слезы. Онъ вынулъ изъ кармана тонкій, надушенный платокъ, закрылъ лицо и громко зарыдалъ.

Звукъ его рыданія вывелъ Дыркдву изъ ея оцѣпенѣнія. Она поднялась со скамьи высокая, прямая и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, безъ слова, безъ стона, безъ слезъ, положила руки на плечи сына. Онъ снова схватилъ ихъ и осыпалъ поцѣлуями.

— Мамочка, отдайте мнѣ всѣ деньги, которыя остались у васъ... Я заплачу ими долги... Это единственное мое спасеніе...

Дыркдва повернулась и пошла къ себѣ въ спальню. Милордъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ глазами, полными слезъ, но въ глазахъ этихъ загорѣлась и надежда.

Черезъ минуту Дыркдва возвратилась съ двумя или тремя сторублевыми ассигнаціями и молча подала ихъ сыну дрожащею рукою. За садомъ въ этомъ году она плохо ухаживала, но все-таки кое-что онъ далъ... послѣднее имущество было распродано, наконецъ она цѣлый годъ терпѣла голодъ и холодъ, отъ котораго дрожали ея старыя кости.

Милордъ остолбенѣлъ, смотря на бумажки, и не прикасался къ нимъ.

— Что это?.. спросилъ онъ,—что такое вы даете мнѣ?

— Это уже все,—шепнула Дыркдва, и, опускаясь на табуретку, выронила изъ рукъ деньги.

— Какъ все? что все?—воскликнулъ Милордъ.

— Всѣ деньги,—сынокъ,—отвѣтила она.

Милордъ поднялъ руки къ головѣ и взъерошилъ свои густые волосы.

— Мамочка, вы плохую минуту выбрали для шутокъ, — прошипѣлъ онъ,—у меня сердце разрывается, а вы шутите... Мама,—уже мягче добавилъ онъ,—позвольте мнѣ самому пойти туда и поискать...

— Иди, сынокъ, ищи!.. едва слышно сказала женщина.

— А ключи?

Странная улыбка пробѣжала по ея блѣднымъ, судорожно сжатымъ губамъ.

— Не заперто!

Милордъ бросился въ спальню матери и началъ открывать одинъ сундукъ за другимъ. Всѣ были пусты. Тамъ и здѣсь, на днѣ сундука

валялись небрежно брошенныя вещи; лохмотья старой одежды, дырявая обувь, нѣсколько штукъ грубой холстины, но ни денегъ, ни прежняго обилія всевозможныхъ запасовъ и слѣда не было. Милордъ осмотрѣлъ всѣ углы комнаты, заглядывалъ въ пустые мѣшки, искалъ подъ тощимъ матрацомъ... и наконецъ вышелъ. Вышелъ онъ съ лицомъ, блѣднымъ какъ полотно, и широко раскрытыми отъ злобы глазами и съ всклокоченными волосами. Онъ остановился передъ матерью и сказалъ подавленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ!

— Нѣтъ!—какъ эхо повторилъ шопотъ, болѣе похожій на слабый вздохъ.

— Но вѣдь этого быть не можетъ!—вспыхнулъ молодой человѣкъ.—Отецъ мой оставилъ послѣ себя громадныя деньги... всѣ объ этомъ говорили и говорятъ... Куда же онѣ дѣлись? Мама! я прошу васъ сказать мнѣ, сколько денегъ отецъ отдалъ вамъ передъ смертью?

Дыркова подняла свою склоненную голову; въ ея потускнѣвшихъ глазахъ блеснулъ лучъ прежней энергіи.

— Двадцать тысячъ рублей ихъ было, сынокъ!—сказала она,— двадцать тысячъ!

Милордъ громко захохоталъ.

— Какъ!—закричалъ онъ,—такъ мало! кто же повѣритъ этому?

— Мало!—громкимъ голосомъ сказала Дыркова,—ой, сынокъ, развѣ на горшкахъ можно нажить больше?

Милордъ съ гнѣвомъ и отчаяніемъ пожалъ плечами.

— Ну!.. значитъ я нищій! больше мнѣ ничего не остается, какъ взять на спину мѣшокъ и идти побираться!

Какъ отвѣтъ на эти слова по комнатѣ пронесся пронзительный крикъ, крикъ груди, въ которой съ невыносимой болью порывались всѣ струны жизни. Но Милордъ былъ настолько поглощенъ собственнымъ отчаяніемъ, что, не обративъ никакого вниманія на этотъ крикъ, бросился на лавку и закрылъ лицо руками.

Въ комнатѣ все стихло. У окна молодой изящно одѣтый человѣкъ съ лицомъ, закрытымъ руками, шепталъ что-то невнятное. На другой сторонѣ женщина въ грубой, изношенной юбкѣ, въ дырявыхъ башмакахъ, сидя на табуреткѣ и откинувшись назадъ, оставалась безъ малѣйшаго движенія. Ея щеки были залиты огненнымъ румянцемъ, по мертвенно блѣдному лбу изъ подъ бѣлыхъ волосъ струились капли пота, а впалые, широко раскрытые глаза безсмысленно смотрѣли въ пространство и лишь изрѣдка омрачались почти безсознательными проблесками отчаянія и тревоги.

Наконецъ дверь изъ сѣней отворилась и на порогѣ показалась Людвися, сгибающаяся подъ тяжестью двухъ полныхъ ведеръ. Она замѣтила Милорда и радостно крикнула:

— Принцъ нашъ!

Но тутъ же она обратила вниманіе на Дыркову, и коромысло со стукомъ соскользнуло съ ея плеча. Вода широкимъ ручьемъ разлилась по комнатѣ, а маленькое существо ринулось къ своей хозяйкѣ.

— Іисусе Христе!—бормотала она,—о, барыня, милая!... спасенія нашего ради... что съ вами?

Она припала къ Дырковой на колѣни, схватила ея руки, поднесла къ своимъ губамъ и разразилась отчаяннымъ плачемъ. Тогда Милордъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на мать и съ испуганнымъ лицомъ вскочилъ съ лавки.

— Мама! крикнулъ онъ.

При его голосѣ блѣдныя, судорожно сжатыя губы шевельнулись и прошипѣли:

— Нищій! нищій! принцъ мой нищій...

Черезъ минуту она сказала еще:

— Боже! сжалься надъ нимъ!

Губы Дырковой вновь сомкнулись крѣпко, а широко открытые глаза смотрѣли въ пространство стекляннымъ, мертвеннымъ, страшнымъ взглядомъ...

Спустя нѣсколько минутъ, сосѣдки, призванныя Людвисей на помощь, сбѣжались со всѣхъ сторонъ со вздохами и криками изумленія, а Милордъ, растерявшійся, блѣдный, схватилъ шляпу и кинулся въ городъ. Когда онъ возвратился вмѣстѣ съ докторомъ, сосѣдки и Людвися уже раздѣли Дыркову и положили ее въ постель. Старая женщина лежала неподвижно, съ закрытыми глазами. Ея тѣло едва вырисовывалось угловатыми линіями изъ подъ стараго клѣтчатаго одѣяла. Неподвижность и желтизна лица дѣлали ее похожею на печальную восковую фигуру, а жизнь проявлялась только въ выраженіи нѣмаго отчаянія и въ крѣпко сжатыхъ губахъ. Короткое, отрывистое дыханіе ея иногда переходило въ стонъ, изсохшія руки то грозили чему то, то складывались молитвеннымъ движеніемъ, точно хотѣли подняться къ небу. Напрасно докторъ долго и настойчиво распрашивалъ ее,—она вѣроятно и не слыхала его словъ. Когда Милордъ наклонился и заговорилъ съ нею, на губахъ ея промелькнула слабая улыбка, а по комнатѣ пронесся шопотъ, въ которомъ слышался безконечный ужасъ:

— Нищій! нищій! мой принцъ нищій!... Боже! сжалься надъ нимъ!

Послѣ долгаго изслѣдованія, и испробовавъ нѣсколько медицинскихъ средствъ, докторъ вполголоса сказалъ Милорду:

— Ваша мать умираетъ отъ отчаянія...

Въ разныхъ углахъ комнаты послышался шопотъ:—И отъ голода! и отъ холода также!

Докторъ ушелъ, но оставшіяся кумушки-сосѣдки начали припоминать различные случаи изъ послѣдняго времени жизни Дырковой, — какъ она почти ничего не ѣла и не пила, жила въ нетопленныхъ комнатахъ и жадно сберегала каждый грошъ для своего сына.

— Похудѣла, высохла, силы, бѣдняжка, потеряла, и теперь умираетъ отъ голода и отъ слабости,—слышалось во всѣхъ углахъ.

Высокій, изящно одѣтый молодой человѣкъ слушалъ все это, — слушалъ и забивался въ самый темный уголъ комнаты, какъ будто хотѣлъ скрыться отъ людскихъ глазъ, невидать своей матери, умирающей отъ отчаянія и... голода.

Вечеромъ сосѣдки разошлись по домамъ и въ комнатѣ, кромѣ больной, остались только трое: Рембскій, сидящій возлѣ постели и грустно смотрящій на лицо своего стараго друга, Людвися и молчаливый, неподвижный Раймундъ. Рембскій зажегъ желтую свѣчку и поставилъ ее на пустой сундукъ,— сосѣдняя комната осталась неосвѣщенной. Около полуночи, посреди гробовой тишины, царствовавшей вокругъ, раздался серебристый звукъ маленькаго колокольчика. То былъ знакъ, что къ умирающей приближается послѣднее утѣшеніе. Дверь изъ сѣней отворилась и изъ тѣни появилась фигура ксендза въ бѣломъ стихарѣ и длинной черной верхней одеждѣ. За нимъ виднѣлся мальчикъ съ сверкающими въ темнотѣ церковными сосудами и еще позвякивающимъ колокольчикомъ. Людвися подняла голову и пронзительно вскрикнула:

— Боже Милосердый! уже и ксендзъ-пробощъ пришелъ со святыми Дарами!

Дырковa открыла глаза, увидала ксендза, протянула къ нему руки и яснымъ шопотомъ проговорила:

— Святой отецъ! я ничего не помню! Да будетъ Господь Богъ такъ милосердъ къ моему сыну, какъ вѣрно то, что я ничего не помню... Ничего, кромѣ горя его, бѣдняжки моего милаго...

Она то поднимала руки кверху, то съ отчаяніемъ ломала ихъ, а голосъ ея становился все громче и громче.

— Онъ теперь нищій... принцъ мой нищій... Свергли моего ангела съ высокаго неба... Что съ нимъ будетъ, что съ нимъ будетъ? кто утѣшитъ его скорбь, куда онъ преклонитъ голову? Куда его занесутъ ночи, когда у него нѣтъ ни дома, ни пристанища... ничего нѣтъ!.. Сердце его уязвили, невѣсту у него отняли, все ушло отъ него, а я, бѣдная, ничѣмъ не могу помочь ему и должна въ горѣ и невзгодѣ

оставить его на этомъ свѣтѣ, а сама идти къ престолу Царя небеснаго, жаловаться на несчастіе моего сынка... Ой! горе ему! горе! горе!...

Ея изсохшая грудь волновалась отъ смертельныхъ судорогъ, изъ впалыхъ глазъ полились слезы и заструились по желтымъ, какъ воскъ, щекамъ.

Ксендзъ тихимъ, важнымъ голосомъ разспрашивалъ о ея грѣхахъ и проступкахъ. Дыркòва горячо заговорила:

— Ни въ чемъ я не грѣшна, святой отецъ! ни въ чемъ я не провинилась противъ него, когда воспитывала его для счастья и величія, когда до самаго солнца хотѣла поднять его на своихъ рукахъ! Ни въ чемъ я, святой отецъ, передъ нимъ, сынкомъ моимъ не провинилась, когда еще купала его, причесывала и духами спрыскивала, чтобъ онъ былъ, какъ барчонокъ, чтобы люди низко кланялись ему...

Ксендзъ перебилъ ее... Не о сынѣ ея спрашиваетъ онъ. Въ чемъ она провинилась противъ Бога?

— Исповѣдуюсь передъ Богомъ и передъ тобою, святой отецъ, что я не сдѣлала для своего сына всего того, что должна была сдѣлать... Я ѣла, пила, роскошествовала и чужимъ людямъ раздавала... Мнѣ нужно было не заботиться о своемъ глупомъ тѣлѣ и не обращать вниманіе на чужое горе, а все копить для него, все копить... мнѣ нужно было пойти къ родителямъ его невѣсты, поклониться имъ въ ноги, плакать и просить... нужно было какую нибудь помощь для него изъ подъ земли выцарапать, изъ камня выгрызть, у людей вымолить... Я не сдѣлала этого и вотъ теперь исповѣдуюсь передъ Богомъ и передъ вами, что считаю себя виною горя моего ребенка...

И, сильно ударяя себя въ грудь, она съ неизмѣримымъ сокрушеніемъ повторяла:

— Моя вина! моя вина! моя тяжкая вина!

Такова была исповѣдь Дыркòвой. Всѣ усилія, всѣ суровыя или мягкія увѣщанія не могли извлечь изъ ея памяти и сердца другаго воспоминанія и сокрушенія, кромѣ воспоминанія о сынѣ и сокрушенія о его горѣ. Когда священникъ спрашивалъ ее о ея грѣхахъ передъ Богомъ, она исповѣдовалась во мнимыхъ винахъ передъ сыномъ, когда приказывалъ ей молиться о своей душѣ, старушка шептала:

— Смилуйся надъ нимъ, Боже! смилуйся надъ нимъ!

На разсвѣтѣ въ узкой, сводчатой комнатѣ царила полная тишина. Кровать Дыркòвой приставили къ окну, а въ окно, сквозь тусклыя стекла виднѣлась раскидистая груша, покрытая желтыми листьями. Свѣчка, горѣвшая на сундукѣ, угасла, старая, худая и унылая собака притащилась въ комнату и свернулась въ клубокъ подъ кроватью; въ ногахъ

больной, на клѣтчатомъ одѣялѣ, спалъ желтый котъ, а когда совсѣмъ разсвѣло, изъ сосѣдней комнаты прилетѣли два сѣрыхъ голубя, усѣлись на спинкѣ кровати и тихонько заворковали. Больная подняла вѣки, улыбнулась и слабымъ, но звучнымъ, какъ серебряный колокольчикъ, голосомъ, запѣла:

Прилетѣли голубочки,
Перепелка съ ними...

Она быстро поднялась, сѣла на кровати и посмотрѣла въ окно. Глаза ея блестѣли, на желтыхъ щекахъ виднѣлся яркій румянецъ, бѣлые волосы разсыпались по рубашкѣ и обнажили высокій, ясный лобъ. Дыркöва посмотрѣла въ окно и подняла глаза къ небу, на которомъ свѣтился бѣлый полумѣсяцъ, полуприкрытый розовыми тучками, и проговорила:

На раннемъ небѣ
Блестящій мѣсяцъ
Съ полночной стражи...

Она вдругъ остановилась, потому что голуби слетѣли на окно и заворковали. Дыркöва точно испугалась чего-то, сложила руки и запѣла стихъ:

Голосистый мой, соловушка,
Ты не пой такъ звонко,
Не тревожь ты сна спокойнаго
Моего ребенка.

И, точно укачивая кого то въ своихъ объятіяхъ, она продолжала:

Спи, сыночекъ мой,
Баю, Райко мой!
Въ глазки я тебя цѣлую,
Царскій тронъ тебѣ дарую,
Милый мальчикъ мой!

Громкое рыданіе вырвалось изъ мужской груди и молодой человѣкъ, стоявшій въ углу комнаты, подошелъ и упалъ на колѣна у спинки кровати... Прошло нѣсколько минутъ, тихое пѣніе женщины и громкое рыданіе мущины стихли. Надъ мертвой головой старой женщины по прежнему ворковали голуби, молодой человѣкъ не отрывалъ губъ отъ ея уже остывшей руки, а старикъ, въ пальто орѣховаго цвѣта, перенося взглядъ отъ этой картины на небо, которое начинало отливать всѣми цвѣтами золота и лазури, шепнулъ:

— Только Ты, Всемогущій, можешь рѣшить, кто изъ этихъ двоихъ несчастныхъ былъ палачемъ, и кто жертвой!

Перевелъ **Вуколъ Лавровъ.**

Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Служба въ архивахъ, работа въ погодинскомъ древлехранилищѣ, первые труды (1840—1848 г. [111]).

Перейдемъ теперь ко второй эпохѣ въ исторіи развитія славянофильства, эпохѣ его окончательнаго сложенія, когда къ старшему поколѣнію примкнулъ цѣлый рядъ молодыхъ силъ и среди нихъ двѣ замѣчательныя личности: Кон. Сер. Аксаковъ и Юр. Ѳед. Самаринъ. Какъ въ двадцатыхъ годахъ среди отдѣльныхъ лицъ, а также профессоровъ университета мы видимъ стремленіе къ изученію Шеллинговой философіи, такъ въ позднѣйшую пору встрѣчаемъ такое же стремленіе относительно Гегелевой; встрѣчаемъ также кружки, посвятившіе себя занятію философіей и именно съ такой же всеобъемлющей программой, какъ и ихъ предшественники. Здѣсь не мѣсто излагать подробно причины, почему философія Гегеля и на Западѣ и у насъ замѣнила собой философію Шеллинга и его предшественниковъ, замѣтимъ только, что чувство, игравшее такую видную роль въ философіи Шеллинга, являлось чрезвычайно шаткимъ основаніемъ для построеній системъ: еще пока дѣло шло лишь въ общихъ положеніяхъ, то это еще было незамѣтно, но разъ философія налагала, такъ сказать, свою схему на внѣшнюю жизнь человѣческаго общества въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, неопредѣленность ея сразу бросалась въ глаза: цѣлостность оставалась лишь въ призракѣ, въ мечтѣ. Вотъ противъ такого направленія и выступилъ Гегель со своей системой, являющейся так. обр. въ извѣстной степени реакціей противъ Шеллингіанства. Вотъ что говоритъ Гаймъ: „наука должна перестать фантазировать и снова должна

*) «Русская Бесѣда» 1895 г. кн. 2.

[111]) Мы воспользовались для этой главы кромѣ печатнаго матеріала, который укажемъ въ своемъ мѣстѣ, свѣдѣніями изъ Арх. Имп. Моск. Ун. и рук. Ив. Дм., хранящ. у Ельп. Вас. Барсова.

дѣлаться строгой, основательной, настоящей наукой; мнимо геніальную восторженность не должна выдавать на счетъ разсудка; философія должна подчиниться строгимъ правиламъ опредѣленнаго метода [112]): въ этомъ заключалось содержаніе философіи Гегеля сравнительно съ Шеллинговой. Далѣе, какъ Шеллингъ главнымъ образомъ посвятилъ свои труды основнымъ началамъ своей философской системы, такъ Гегель обратилъ огромное вниманіе на выработку всей системы въ ея развитіи и между прочимъ остановился на общественномъ строѣ, на что, какъ указываетъ Гаймъ, имѣли вліяніе первоначальныя юридическія занятія Гегеля [113]): это особенно отразилось въ исторіи науки права, на чемъ, впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай остановиться. Таково въ общихъ чертахъ значеніе Гегелевой философіи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которой находились К. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Что касается К. С. Аксакова, мы знаемъ, что онъ родился въ коренной, исполненной старыхъ преданій русской помѣщичьей семьѣ, о которой такъ много любопытнаго мы находимъ въ знаменитой „Семейной хроникѣ“ (С. Т. Аксакова [114]). Росъ онъ подъ надзоромъ русскихъ людей, въ деревнѣ, откуда несомнѣнно и вынесъ живое чувство любви къ народу, которое и хранилъ до смерти своей. Въ юности на К. С. Аксакова имѣлъ вліяніе М. П. Погодинъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что развивалъ и укрѣплялъ задатки, воспринятые К. С. Аксаковымъ еще въ родной семьѣ; однако это вліяніе скоро ослабѣло и прекратилось съ поступленіемъ К. С. Аксакова въ студенты. Въ университетѣ К. С. Аксаковъ сошелся со Станкевичемъ и его товарищами, явившимися прямыми преемниками кружка Кн. Оболенскаго съ Веневитиновымъ, искавшимъ, какъ и прежній кружокъ, цѣлостнаго міровоззрѣнія, которое и надѣялись выработать себѣ при помощи философіи. Кружокъ Станкевича или лучше сказать, зародышъ его сначала обратился къ Шеллинговой философіи, которая уже довольно сильно окрѣпла въ обществѣ и въ самомъ университетскомъ преподованіи, тѣмъ болѣе, что въ то время еще въ полной силѣ было романтическое направленіе въ литературѣ, подготовлявшее для философій Шеллинга почву въ своихъ сторонникахъ; при этомъ съ философіей Шеллинга кружокъ знакомился въ ея перво-

---

112) См. Гайма «Гег. и его вр.» Ж. М. Н. Пр. 1860, № 4, стр. 19.

113) Ibibem.

114) Любопытныя замѣчанія въ днев. Погодина, характеризующія семью Аксаковыхъ; приведемъ одно: «Аксаковъ заколачиваетъ окно въ Европу, прорубленное Петромъ» см. Барсукова Ж. и пер. М. П. Погодина т. II стр. 315, также т. III стр. 43 и др. см. о вліяніи и близости Погодина т. IV стр. 51—52, сводъ данныхъ для библіографіи у Венгерова: «Крит.-библ. слов.» т. I «К. С. Аксаковъ».

начальномъ, еще не мистическомъ характерѣ, подъ вліяніемъ которой, какъ мы видѣли, въ извѣстной степени были старшіе славянофилы: въ то время кружокъ могъ пользоваться лишь книгами [115]); здѣсь, мы полагаемъ, объясняется та легкость, съ какою онъ перешелъ вскорѣ къ философіи Гегеля: въ тотъ періодъ Шеллинговой философіи между философами этими еще не было того рѣзкаго различія, которое получилось впослѣдствіи, когда ученіе Гегеля получило характеръ реакціи противъ ученія Шеллинга [116]). Переходъ къ Гегелю мало выясненъ историками кружка Станкевича [117]), но во всякомъ случаѣ едвали здѣсь съ самаго начала участвовалъ вполнѣ сознательный выборъ: изученіе философіи въ кружкѣ было довольно поверхностно, далѣе нѣсколькихъ книжекъ не шло [118]); однако увлеченіе философіей, рядъ талантливыхъ людей, бывшихъ въ кружкѣ, сдѣлали то, что ученіе Гегеля утвердилось, даже получило у нѣкоторыхъ приверженцевъ своихъ у насъ своеобразное толкованіе, чуть не поссорившее членовъ кружка [119]), а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ постепенно подготовляться переходъ къ новому направленію, который уже шелъ въ полной силѣ на Западѣ Европы: реакціонный романтизмъ и связанныя съ нимъ системы уступали мѣсто новому движенію прогрессивному, низвергавшему старые идеалы и ставившему на ихъ мѣсто свои: самой консервативной Гегельянской философіи пришлось послужить именно первой ступенью къ этому движенію. Наши молодые философы въ своемъ увлеченіи даже не замѣчали одинъ существенный недостатокъ Гегелевой системы: при всей своей всеобъемлемости, при всей точности и стройности своей она являлась чѣмъ-то холоднымъ, сухимъ, въ ней всюду господствовала ужасающая правильность, уничтожавшая всякое свободное чувство, столь дорогое для человѣка въ силу самой своей неопредѣленности; для нихъ все съ избытковъ восполняла самая жизненность ихъ самихъ, ея хватило бы одѣть любой скелетъ, не исключая и скелета Гегелевыхъ построеній. Особенно это приложимо къ К. С. Аксакову. Очень характерно, что Бакунинъ, первенствовавшій въ кружкѣ по своимъ знаніямъ и философскимъ способностямъ, разсортировывая своихъ друзей по степенямъ развитія и отведя для себя, конечно,

---

[115]) См. Пыпина «Бѣлинскій его жиз. и пер.» т. I стр. 91 и слѣд. также Анненкова «Н. В. Станкевичъ» Рус. Вѣст. 1857 г. т. 7 стр. 461—462, 702 и слѣд.

[116]) См. Гайма: «Гегель и его время» Ж. М. Н. Пр. 1860 г. Кн. 4 стр. 2.

[117]) см. Анненкова: «Н. В. Станкевичъ» Рус. Вѣст. 1857 г. т. 7 ст. 703—704: (Станкевичъ) «перешелъ втайнѣ отъ петербургскаго друга, къ системѣ (Гегеля), производившей тогда сильное волненіе въ Германіи; Пыпина «Бѣл. его ж. и пер.» т. I стр. 159.

[118]) См. Анненкова: «Н. В. Станкевичъ» Рус. Вѣст. 1857 г. кн. 7 стр. 727.

[119]) Станкевича «Т. И. Грановскій» стр. 114; Анненкова «С. Н. Станкевичъ» прил. стр. 316 (отд. изд.); письма Огарева «Рус. Мыс.» 1889 г. № 1 стр. 2.

наивысшую степень, удѣлилъ К. С. Аксакову самую низшую — „прекраснодушіе“, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ будетъ значить человѣка, живущаго по преимуществу чувствомъ, а не разсудкомъ [120]). Была и еще особенность у К. С. Аксакова отъ другихъ членовъ кружка: всѣ они внѣ всякаго сомнѣнія любили родину, полагаемъ, любили и русское, но эти качества у К. С. Аксакова составляли основную черту характера, что и придавало его взглядамъ особую своеобразность и что отразилось впослѣдствіи на всѣхъ его трудахъ; на этой-то почвѣ онъ и нашелъ себѣ друга и отчасти, пожалуй, ученика въ Ю. Ѳ. Самаринѣ, нѣсколько позже окончившемъ университетъ. Сблизившись сначала въ силу общности нѣкоторыхъ воззрѣній, они особенно подружились, когда стали готовиться къ магистерскому экзамену: они сдѣлались просто неразлучными. Ю. Ѳ. Самаринъ принадлежалъ, какъ и К. С. Аксаковъ, къ старинной дворянской семьѣ, очень похожей на семьи старшихъ славянофиловъ по своему характеру; впрочемъ, кажется, въ семьѣ Самариныхъ было допущено въ извѣстной степени „западное“ вліяніе, отъ котораго окончательно Ю. Ѳ. Самаринъ отрѣшился лишь впослѣдствіи [121]). Послѣ тщательнаго домашняго воспитанія Ю. Ѳ. Самаринъ поступилъ въ университетъ и здѣсь особенное вліяніе, по собственному его признанію, оказалъ на него М. П. Погодинъ; мы уже указывали, въ какомъ духѣ было это вліяніе [122]). По окончаніи университета Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ сейчасъ сказали, сблизился съ К. С. Аксаковымъ. Оба молодые друга ревностно готовились къ экзамену и появлялись въ московскомъ обществѣ, въ которомъ встрѣчали людей самаго разнообразнаго направленія и между прочимъ старшихъ славянофиловъ и ихъ немногихъ послѣдователей. Здѣсь мы приходимъ къ одному изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи развитія славянофильства: слитіе младшаго, гегельянскаго національнаго направленія со старшимъ. Что же представляли изъ себя въ то время воззрѣнія К. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина? О нихъ въ общемъ можемъ судить по письму Ю. Ѳ. Самарина къ члену французской палаты депутатовъ Могену (Mauguin) посѣтившему въ то время Москву: въ этомъ письмѣ именно представлено какъ бы исповѣданіе основныхъ воззрѣній К. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина: содержаніе письма таково: авторъ сначала говоритъ о трехъ періодахъ въ развитіи національнаго русскаго чувства: національности инстинктивной, подражанія, наконецъ, національности сознательной, а затѣмъ излагаетъ самое содержаніе національности: два основ-

---

120) «Русь» 1881 г. № 8.
121) Мат. для біогр. въ пред. къ V т. Соч. Ю. Ѳ. Самарина стр. XXXVII.
122) «Русь» 1880 г. № 1 стр. 19.

ныя начала ея: православіе и самодержавіе; что касается перваго, то авторъ сравниваетъ его съ католичествомъ и протестантствомъ и приходитъ къ убѣжденію, что православіе сохранилось въ чистотѣ и избѣгло тѣхъ гибельныхъ односторонностей, которыя исказили католицизмъ и протестанство; монархическому принципу авторъ придаетъ огромное значеніе; вся русская исторія, по его мнѣнію, „есть ничто иное, какъ развитіе этого принципа“, что и подтверждаетъ краткимъ обзоромъ русской исторіи [123]). Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ лишь общій очеркъ, нѣчто въ родѣ введенія; кажется, К. С. Аксаковъ долженъ былъ представить проявленіе этихъ началъ въ русской дѣйствительности, т. е. то содержаніе, которое лишь отчасти затронуто Ю. Ѳ. Самаринымъ. Вотъ что писалъ послѣдній К. С. Аксакову: „хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы, въ своихъ замѣткахъ уяснили ему, чего я не успѣлъ сдѣлать, т. е. то, какимъ образомъ нѣмцы избавили насъ отъ ига Франціи и приготовили, своими поэтическими произведеніями и своею философіею, къ періоду разумной національности. Я также ничего не сказалъ о народномъ характерѣ, языкѣ и повѣрьяхъ и т. д., зная, что вы объ этомъ пишете“ [124]). Къ сожалѣнію отвѣтное письмо К. С. Аксакова не сохранилось. Сравненіе взглядовъ письма со взглядами славянофиловъ и Погодина чрезвычайно любопытно: относительно первыхъ легко замѣтить, что самая существенная разница заключается въ томъ, что православіе, легшее въ основу ученія славянофиловъ и около того времени проведенное такъ рѣзко чрезъ всю жизнь русскаго народа Ив. Вас. Кирѣевскимъ, здѣсь занимаетъ лишь одно изъ мѣстъ, а не господствуетъ надъ всѣмъ: такимъ образомъ отсутствуетъ не болѣе, ни менѣе, какъ самая суть философскаго ученія славянофиловъ, въ остальномъ мы находимъ много сходства: указаніе на иноземное вліяніе, на чистоту православія, на особый характеръ русской исторіи, наконецъ, та глубокая вѣра въ будущее Россіи и Славянства, которая прекрасно выразилась въ слѣдующихъ словахъ: „мы вѣримъ въ призваніе славянскихъ племенъ къ великому дѣлу возрожденія; это дѣло, мы знаемъ, придется совершить намъ однимъ и безъ чьей-либо помощи; намъ въ этомъ дѣлѣ не будутъ сочувствовать народы Запада“ [125]). Еще болѣе сходства было съ М. П. Погодинымъ по его воззрѣніямъ, и правъ былъ М. П., когда, прослушавъ письмо Ю. Ѳ. Самарина, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Самаринъ читалъ письмо къ Могену, въ коемъ увидѣлъ съ удовольствіемъ

---

[123]) Рус. Арх. 1880 г. кн. 2 стр. 254—269.
[124]) Ibidem стр. 253.
[125]) Рус. Арх. 1880, кн. 2, стр. 269.

плодъ своихъ лекцій [126]). Однако мы знаемъ, что К. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ въ это время уже относились нѣсколько скептически къ направленію, котораго представителями были Погодинъ и Шевыревъ, и которое опредѣлено Пыпинымъ, какъ направленіе оффиціальной народности [127]); въ этомъ отношеніи К. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ примыкали отчасти къ взглядамъ кружка Станкевича, въ которомъ горячо всегда возставали противъ казеннаго патріотизма, несоотвѣтствующаго искреннему чувству, противъ того самоуслажденія настоящимъ порядкомъ вещей, которое идетъ рука объ руку съ такимъ патріотизмомъ [128]). По окончаніи экзаменовъ оба друга принялись за диссертаціи: особенно любопытна была работа Самарина, которому приходилось коснуться многихъ вопросовъ, затрогивавшихъ исторію и ученіе церкви у насъ и на Западѣ, а также отношенія церкви и государства, вопросовъ, которыми давно уже интересовались славянофилы. Сначала Ю. Ѳ. Самаринъ работалъ самостоятельно, однако, набирая матеріалы, изучая ихъ и излагая свой трудъ по частямъ, онъ не могъ не бесѣдовать съ друзьями по поводу полученныхъ имъ рѣшеній того или другого вопроса, тѣмъ болѣе, что эти друзья сами думали надъ этими вопросами, сами рѣшали ихъ и не всегда, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ; завязывались споры, оказавшіе потомъ не малое вліяніе на окончательное сложеніе взглядовъ Ю. Ѳ. Та-

---

[126]) Барсуковъ: «Ж. и пер. М. Погодина» т. V, стр. 483.

[127]) «Хар. лит. мнѣн. отъ двад. до сор. год.»

[128]) Так. обр. возставали не противъ содержанія взглядовъ этого направленія, а противъ личностей, такъ исповѣдывавшихъ ихъ; это отношеніе, конечно, не у всѣхъ было; примѣшивалось кое-что поглубже: въ нѣкоторыхъ вопросахъ было принципіальное несогласіе; между прочимъ о Западѣ, его просвѣщеніи и т. д. Любопытно объясненіе Шевырева разногласія между нимъ и тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ, между прочимъ, К. С. Аксаковымъ: «скоро возникъ антагонизмъ между мною и Станкевичемъ, стоявшимъ во главѣ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ и К. С. Причиною тому была Гегелева философія. Я вмѣстѣ со всѣми своими сверстниками и друзьями былъ шеллингіанцемъ. Съ Гегелевымъ ученіемъ я познакомился заграницею, въ Римѣ, и узналъ его изъ живыхъ устъ польскаго поэта Горчинскаго... Когда я возвратился въ Россію и принялъ каѳедру, ученіе Гегеля начало сильно распространяться у насъ. Тогда стали выходить разныя части его философіи, обработанныя его учениками. Тогда и у насъ отозвалось ученіе Гегелево въ лекціяхъ профессоровъ Рѣдкина, Крюкова и, позднѣе, Грановскаго... Нѣмецкая поэзія ввела его (Аксакова) и въ нѣмецкую философію. Когда онъ принялся за Гегелеву эстетику, то возникали между нами безпрерывные споры, и вотъ откуда объясняется, почему не долго длилось его очарованіе отъ моихъ лекцій, равно какъ и Станкевича, вліянію котораго онъ подвергался» см. письмо къ И. С. Аксакову по поводу восп. К. С. Аксакова; письмо любопытно, какъ свидѣтельство современника тогдашнихъ (т. е. 20-хъ и 30-хъ гг.) кружковъ. Колюпановъ «Біогр. А. И. Кошелева» т. I, кн. 2, стр. 130—131. Кстати г. Колюпановъ допускаетъ забавное недоразумѣніе: объясняя, почему Шевыревъ не пользовался популярностью у студентовъ, онъ приводитъ мѣсто изъ письма Шевырева, гдѣ послѣдній говоритъ, что онъ созданъ для каѳедры и для сцены, т. е. быть профессоромъ и сценичнымъ писателемъ (дѣло шло о постановкѣ одного произведенія Шевырева), Колюпановъ понялъ, что Шевыревъ хотѣлъ быть актеромъ.

кимъ былъ споръ съ А. Н. Поповымъ, жившимъ у Хомякова и находившимся подъ его вліяніемъ; этотъ споръ, изложенный въ цѣломъ рядѣ писемъ и посвященный вопросамъ о развитіи церкви и о возможности церковной системы, уже можетъ служить указаніемъ того основного разногласія, которое особенно рѣзко выступило нѣсколько позднѣе: Ю. Ѳ. Самаринъ не отдавалъ еще церкви того высокаго значенія, которое признавали за ней старшіе славянофилы и ихъ молодые сторонники: онъ признавалъ въ ней развитіе сознанія жизненной стороны ея, т. е. возведеніе жизни въ стройную систему догматовъ, въ чемъ уже можно видѣть до нѣкоторой степени несовершенство, или лучше сказать, относительное совершенство. Не согласился съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и К. С. Аксаковъ по этому вопросу, примкнувшій по своему взгляду къ Хомякову; это было первое разногласіе друзей. Спорилъ Ю. Ѳ. Самаринъ и съ Кирѣевскимъ и съ Хомяковымъ. Подъ вліяніемъ этихъ споровъ Ю. Ѳ. почти совершенно измѣнилъ свой трудъ [129 и 130]). Когда диссертація была готова, Ю. Ѳ. приступилъ къ новому гигантскому труду, о которомъ такъ писалъ А. Н. Попову: „изученіе православія, конечно, ограничившееся однимъ моментомъ—проявленіемъ въ немъ двухъ односторонностей, католической и протестанской, привело меня къ тому, что православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука, что вопросъ о церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля“. Такимъ образомъ Ю. Ѳ. Самаринъ задумалъ оправдать православіе гегелевой философіей и ревностно принялся за изученіе ея (любопытно, что до этого, т. е. до 1843 г. Ю. Ѳ. былъ очень

---

[129]) Въ матер. для біогр. Ю. Ѳ. Самарина приведенъ слѣд. отрывокъ изъ его записной книжки: (23 Октября) «Мой споръ съ Кирѣевскимъ сильно меня поколебалъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ я увлекся призракомъ? Многое нужно изучить основательнѣе «Соч. т. V, пред. стр. XLI, стр. 2, въ слѣдующемъ году Ю. Ѳ. въ записной же книжкѣ пишетъ: «Никоновская лѣтопись прочтена и сдѣланы выписки и т. д. написана вторая часть диссертаціи до Петра... написаны три статьи о развитіи церкви противъ Пашкова... написано много отрывковъ для первой части» стр. 1. Если примемъ въ соображеніе, что къ октябрю предшествующаго года первая часть была окончена, то, вѣроятно, Ю. Ѳ. совсѣмъ оставилъ ее кромѣ фактической части.

[130]) Это время вообще было замѣчательно для Ю. Ѳ.; вотъ, какъ онъ самъ говоритъ о немъ: «Въ то время, о которомъ говоришь ты (письмо къ Аксакову), между нами не было еще согласія, ибо я находился подъ сильнымъ твоимъ вліяніемъ... Ты первый высказалъ для меня всѣ неясныя ощущенія души моей, неопредѣленныя сочувствія требованія пробудившейся мысли. Я все принималъ отъ тебя; я не былъ еще въ состояніи съ тобою спорить. Подъ твоимъ вліяніемъ опредѣлился мой образъ мыслей. Мы шли не вмѣстѣ, а я шелъ за тобою. Этотъ образъ мыслей сдѣлался наконецъ вполнѣ моимъ. Когда мы разошлись въ понятіяхъ? Когда я началъ заниматься диссертаціею, богословіемъ, а ты филологіей. Вотъ, когда мы разошлись, т. е. пошли независимо другъ отъ друга». Соч. Ю. Ѳ. Самарина, т. V, пред. стр. LXXVIII. Так. обр. вмѣстѣ съ возрастомъ мѣнялись и вліянія, подъ которыми былъ Ю. Ѳ.

поверхностно знакомъ съ нею) и сейчасъ же столкнулся съ основнымъ вопросомъ объ отношеніи философіи къ религіи: вотъ мѣсто изъ наброска письма къ Хомякову, показывающее, къ какому разрѣшенію этого вопроса склонялся Ю. Ѳ.: „я думаю, что если наука существуетъ какъ отдѣльная отъ искусства и религіи сфера духа, то она должна быть сферою высшею, послѣднимъ моментомъ развитія идеи“... и потомъ нѣсколько подробнѣе: „Она (мысль) признала религію, какъ отдѣльную сферу со всѣми ея особенностями, съ таинствами и чудесами; но это признаніе возможно только при признаніи другой высшей сферы—философіи, которую укрѣпляетъ за собою разумъ, и, примиряясь съ сферою религіи, навсегда отъ нея удаляется“. Однако на такомъ рѣшеніи Ю. Ѳ. Самаринъ не могъ остановиться; вспомнимъ лишь мотивы, вліявшіе на это рѣшеніе: чувство вѣры, глубоко вкорененное въ душѣ Ю. Ѳ., подверглось критическому анализу подъ вліяніемъ изученія философіи; сначала казалось, что можно оправдать его послѣдней, но при выясненіи вопроса оказалось, что оправданіе сводится просто къ рабству, подчиненію вѣры наукѣ, но внутренее чувство протестовало противъ этого,—являлось сомнѣніе, правильно ли это подчиненіе, гдѣ истина, въ таинственномъ ли чувствѣ или въ холодномъ разсудкѣ, наконецъ, въ состояніи ли онъ приводить къ познанію истины; и Ю. Ѳ., стремившійся, какъ и другіе его современники, найти въ философіи цѣлостность міровоззрѣнія въ концѣ концовъ утратилъ ту цѣлостность, которую имѣлъ раньше, сохраняя вѣру, вынесенную изъ семьи. Хомяковъ, предсказавшій борьбу Ю. Ѳ., указалъ и ту слабую сторону философіи, которая должна была не удовлетворить въ ней Ю. Ѳ.: „наука не вѣрна себѣ до сихъ поръ, смѣшивая признанное съ сознаннымъ и (не смѣйтесь) страдая постоянно тѣмъ недугомъ, въ которомъ она упрекаетъ мистиковъ“, т. е. и въ наукѣ многое приходится принимать на вѣру, если прибавимъ къ этому холодность, которою невольно вѣетъ отъ логическаго пониманія окружающаго насъ міра и насъ самихъ, гдѣ все то, что живетъ, чувствуетъ, страдаетъ, въ концѣ концовъ обращается въ болѣе или менѣе сложныя машины. Вотъ прямо идущія отъ души слова Ю. Ѳ., прекрасно характеризующія его настроеніе: „Кажется, никогда такъ сильно не было во мнѣ раздвоеніе; мнѣ невыносимо тяжело и грустно. Я не ребенокъ, ты это знаешь; тебѣ я могу высказать все. Много ночей я провелъ въ деревнѣ безъ сна, въ горькихъ слезахъ и безъ молитвы. Бездѣлицу мы вычеркнули изъ нашей жизни: Провидѣніе—и послѣ этого можетъ быть легко и спокойно на сердцѣ!.. Болѣе чѣмъ когда-нибудь мнѣ нужно твое сочувствіе, полное, довѣрчивое“. Но К. С. Аксаковъ, если и могъ оказать сочувствіе, то, во всякомъ случаѣ, скорѣе указавъ спасеніе въ

чувствѣ вѣры, чѣмъ въ логическихъ формулахъ: К. С. Аксакова не даромъ считали полуправославнымъ, полугегельянцемъ даже въ пору увлеченій его философіей, онъ былъ настолько православенъ, что и сомнѣніе не могло закрасться въ его чистую душу; сомнѣнія въ Ю. Ѳ. возникли, какъ видимъ, самостоятельно. Внутренній разладъ въ душѣ Ю. Ѳ., невозможность найти разрѣшенія сомнѣній въ наукѣ, наконецъ, бесѣды со старшими славянофилами и особенно съ Хомяковымъ сдѣлали то, что Ю. Ѳ. обратился къ православію, какъ его признавали и понимали старшіе славянофилы [131 и 132]). Съ присоединеніемъ Ю. Ѳ. Самарина вопросъ о сплоченіи кружка исчерпывается: К. С. Аксаковъ, какъ мы сейчасъ сказали, собственно и раньше близко стоялъ къ славянофильству и во многомъ соглашался съ ними; когда пришлось ему внимательнѣе провѣрить свои убѣжденія, перебрать свои философскіе взгляды, то здѣсь и сомнѣнія не могло возникнуть: К. С. прямо пришелъ къ философско-религіозному міровоззрѣнію славянофиловъ: на него повліяло отчасти общеніе со старшими славянофилами и удаленіе своихъ прежнихъ товарищей, возбуждавшее его къ изученію разныхъ основныхъ вопросовъ, обращеніе, если такъ можно выразиться, Юрія Ѳ., наконецъ, споры съ западниками, опредѣлившіе точнѣе основные вопросы ихъ и славянофиловъ. Не мудрено, въ виду этого, что о переходѣ К. С. Аксакова къ старшимъ славянофиламъ ничего нигдѣ не упоминается [133]). Что же дало старшему поколѣнію новое (кромѣ К. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина къ нимъ еще ранѣе ихъ примкнули Поповъ, Валуевъ, Языковъ и др. второстепенные члены)? Дало оно много: оно внесло свѣжій, полный силъ элементъ. Старшее поколѣніе, выросшее въ ту пору, когда стѣсненіе литературы было слишкомъ сильно, и испытавшее въ лицѣ И. В. Кирѣевскаго это на себѣ, какъ-то замкнулось, сосредо-

---

[131]) У Герцена находимъ очень интересное указаніе, какъ К. С. Аксаковъ относился къ вопросу, такъ волновавшему его друга: «Я говорилъ долго съ Аксаковымъ, желая посмотрѣть, какъ онъ примирилъ свое православіе съ своимъ гегельянизмомъ, но онъ и не примиряетъ, онъ признаетъ религію и философію, разными областями и позволяетъ имъ жить какъ-то вмѣстѣ». Соч. А. И. Герцена, т. I, стр. 72.

[132]) Соч. Ю. Ѳ. Самарина т. V, пред. см. стр. XLI—LXXIII; здѣсь приведена и переписка.

[133]) Въ своихъ ст., писанныхъ въ началѣ 50-хъ годовъ, К. С. Аксаковъ уже высказываетъ взгляды тождественные со взглядами старшихъ славянофиловъ вполнѣ: вѣра, православіе ставится К. С. въ основу жизни русскаго народа; православіе русскаго народа указываетъ его высокій удѣлъ, отличающій его отъ другихъ; оно нашло въ немъ достойное вмѣщеніе: «Исторія Русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни». Соч. т. I, стр. 19. К. С. Аксаковъ къ этому времени отрѣшился отъ нѣкоторыхъ взглядовъ болѣе частныхъ, въ которыхъ расходился со старшими славянофилами (напр. о Петрѣ, какъ въ диссертаціи К. С. о Ломоносовѣ).

точилось въ кружкѣ; новое поколѣніе рвалось къ дѣлу и возбуждало старшихъ,—именно съ новымъ поколѣніемъ и открываются журналы и другія славянофильскія изданія. Далѣе, старшее поколѣніе заботилось главнымъ образомъ лишь о выработкѣ основъ своего ученія, широкія мечты, высказанныя еще Веневитиновымъ о созданіи и проведеніи во всѣ сферы науки и жизни ученія, оказались только мечтами; пожалуй, за разработку болѣе частныхъ вопросовъ старшее поколѣніе и не въ состояніи было взяться: здѣсь мало свѣтлой головы, мало большой, но не систематизированной начитанности; здѣсь требуется усидчивость, чисто техническая сноровка, много спеціальныхъ знаній, здѣсь нужно быть ученымъ. Въ лучшемъ положеніи было молодое поколѣніе: оно получило серьезную подготовку, испытало свои силы надъ учеными трудами, наконецъ, имѣло образецъ въ состояніи тогдашней европейской науки. По многимъ ея отраслямъ оказывала огромное вліяніе Гегелева философія, принципы которой принимались за основанія при построеніи той или другой научной системы, а это состояніе всецѣло отражалось и у насъ; въ то время у насъ образовалась цѣлая плеяда молодыхъ гегельянцевъ: гегельянство новыхъ славянофиловъ сближало ихъ съ ними; далѣе, они во многомъ могли стоять на одной почвѣ со своими современниками въ силу самого образованія и, проповѣдуя свое ученіе, бороться съ противниками ихъ собственнымъ оружіемъ.

Такъ окончательно сформировался славянофильскій кружокъ и снова выступилъ на научно-литературное поприще, а ранѣе этого уже былъ журналъ, раздѣлявшій въ извѣстной степени его воззрѣнія, — „Москвитянинъ“ Погодина, но отъ котораго славянофилы постоянно сторонились. Этотъ журналъ, гдѣ главнымъ работникомъ былъ Шевыревъ, по своему содержанію не могъ быть имъ пріятенъ: отчасти въ силу убѣжденій Погодина и Шевырева, отчасти (и это, кажется, главное) въ силу тяжелыхъ условій тогдашней литературы, вызывавшихъ много недомолвокъ или, наоборотъ, слишкомъ уже патріотическихъ изъявленій; „Москвитянинъ“ не очень былъ прямолинеенъ, многое, что въ немъ восхвалялось, вызывало у другихъ строгое осужденіе; наконецъ, общія воззрѣнія не отличались выработанностью: хотя въ журналѣ часто повторялись символы, принимаемые славянофилами, хотя Шевыревъ въ своихъ статьяхъ проводилъ сплошь и рядомъ мысли славянофиловъ, однако, самое главное, тотъ православный взглядъ ихъ, который они клали въ основу всего своего ученія, никогда не былъ послѣдовательно проведенъ: то, что для славянофиловъ являлось лишь частностью, то здѣсь особенно подчеркивалось и выдвигалось. Но въ „Москвитянинѣ“ были и другія стороны, заслуживающія большаго вниманія: М. П. Погодинъ, самъ историкъ, отвелъ довольно много

мѣста своимъ и другихъ авторовъ статьямъ по разнымъ историческимъ вопросамъ, а также издалъ цѣлый рядъ памятниковъ, имѣвшихъ свою цѣну, какъ историческіе источники. Въ это время М. П. Погодинъ продолжалъ работать по русской исторіи и издалъ первые три тома своихъ „Изслѣд., лекц. и замѣч. по Рус. исторіи"; въ нихъ какъ бы подводился итогъ всѣмъ предшествующимъ трудамъ М. П., такимъ образомъ сюда вошли и разсмотрѣнные нами выше труды, и новые,—такимъ является третій томъ о Норманскомъ періодѣ; въ этомъ томѣ М. П. Погодинъ сначала излагаетъ событія древнѣйшаго, до удѣльнаго періода нашей исторіи, а затѣмъ, начиная съ VII-й гл., разсматриваетъ военное дѣло, древне-русскую торговлю, религію, грамотность, языкъ и образованность, право, частную жизнь, народный характеръ, наконецъ, лекціи объ образованіи русскаго государства и параллель Русской исторіи съ исторіей Западно-Европейскихъ государствъ, гдѣ развилъ взгляды, высказанные имъ еще въ 30-хъ годахъ. Здѣсь мы собственно видимъ внутреннюю исторію древняго періода Русской исторіи; такимъ образомъ М. П. Погодинъ, очистивъ и оправдавъ критическими трудами своими достовѣрность Нестора, получилъ въ свое распоряженіе богатѣйшій матеріалъ, которымъ и воспользовался, разбивъ его по рубрикамъ, которыя представляла ему принятая схема исторической жизни общества. Внутренней же исторіи, какъ сейчасъ увидимъ, были отчасти посвящены самые первые труды Ив. Дм. Бѣляева.

Въ предыдущей главѣ мы остановились на томъ, что Ив. Дм. поступилъ на службу сначала въ управленіе Архива, наход. при Моск. Деп. Пр. Сен. а потомъ въ одинъ изъ Сенатскихъ архивовъ—Архивъ Старыхъ Дѣлъ. Служба Ив. Дм. проходила такъ: поступилъ онъ сверхштатнымъ чиновникомъ (лишь 29-го Декабря 1844 г. онъ по распоряженію испр. долж. Тов. Мин. Юст. былъ причисленъ къ Деп. Мин. Юст.) и занялъ должность письмоводителя, переименованную вскорѣ въ правителя дѣлъ, при Ивановѣ, завѣдывавшемъ тогда архивами и извѣстномъ въ литературѣ нѣсколькими трудами, посвященными архивамъ. Въ этой должности и пробылъ Ив. Дм. до 4 Ноября 1848 г., когда его назначили Совѣтникомъ въ Государств. Моск. Арх. Стар. Дѣлъ. [134]) Занятія Ив. Дм. состояли прежде всего въ канцелярской работѣ и, кажется, на немъ лежала почти вся работа, по крайней мѣрѣ въ бумагахъ Ив. Дм. сохранились писанные рукой Ив. Дм. черновики разнаго рода офиціальныхъ бумагъ, даже непосредственно касающихся самого Иванова, какъ напр.

---

[134]) Арх. Имп. Моск. Ун. Дѣла Совѣт. № 466 за 1852-й г. и № 311 за 1873-й.

рапорты начальству и т. под. [135]). Затѣмъ, что особенно пріятно было Ив. Дм., шло раскапываніе архивныхъ богатствъ; а въ какомъ состояніи были эти богатства можно судить по тому, что они во время нашествія французовъ были вывалены частью въ кремлевскій ровъ, гдѣ и перезимовали: даже опытныхъ архивистовъ поражали безчисленныя груды вязокъ и столбцевъ, которыми уставлены были сверху до низу залы архивовъ, остатокъ административной дѣятельности Московскаго государства, при этомъ пыль лѣтомъ и холодъ зимой: все дѣлало занятія эти чистымъ подвигомъ [136]) Ив. Дм. въ 1845 г. былъ командированъ въ „Госуд. Стар. Дѣлъ, Сенат., Разр. и Вотч. Арх., для наблюденія тамъ за прінсканіемъ „указовъ, не бывшихъ въ распоряженіи издателей 1 и 2-го Пол. Соб. Зак.“ По свидѣтельству формулярнаго списка „порученіе это (было) исполнено имъ очень удовлетворительно, и его неутомимая дѣятельность въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ непосредственнымъ руководствомъ г. инспектора (Иванова), послужила тогда къ открытію многихъ историческихъ и юридическихъ документовъ, неизвѣстныхъ дотолѣ никому“; въ Мартѣ 1848 г. Ив. Дм. поручено было заняться разсмотрѣніемъ древнихъ документовъ Гос. Арх. Стар. Дѣлъ въ истор. и юрид. отношеніи въ видахъ приведенія въ порядокъ ихъ: это порученіе возложено было „по особенному къ нему (Ив. Дм.) довѣрію, какъ кандидату Нрав. Политическихъ наукъ и Дѣйст. Чл. Мос. Общ. Ис. и Др. Рос.“, коимъ званіемъ уже тогда пользовался Ив. Дм. Возложена была на Ив. Дм. и еще работа въ 1846 г. „кромѣ прямыхъ его обязанностей по текущему дѣлопроизводству. Г. Инспекторъ Архивовъ поручилъ ему въ особенности ознакомленіе вновь поступавшихъ чиновниковъ съ древними почерками, вышедшими нынѣ совершенно изъ употребленія, и дать собственнымъ архивнымъ ихъ занятіямъ такое направленіе, которое бы облегчало прінсканіе древнихъ документовъ въ архивахъ. Составленная имъ для сей послѣдней цѣли подъ руководствомъ Г. Инспектора форма описанія содѣйствовала въ распредѣленіи занятій“ [137]). Вотъ оффиціальныя свидѣтельства о служебной дѣятельности Ив. Дм.; имѣемъ и собственное его, переданное С. А. Петровскимъ, человѣкомъ близко стоявшимъ къ Ив. Дм.: „Служба (въ архивахъ) совершенно совпала съ его занятіями и онъ служилъ не просто по формѣ, какъ чиновникъ, а вкладывалъ душу въ свои занятія. Здѣсь нашелъ онъ обширное поле для своей дѣятельности. Съ жаромъ принялся за чтеніе всевозможныхъ книгъ, грамотъ

---

[135]) Рукоп. И. Дм., хран. у Ельп Вас. Барсова.

[136]) «Ж. и Тр. П. М. Строева» Барсукова стр. 321—333; также см. исторію арх. въ «Оп. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст.»

[137]) Арх. Им. Моск. Ун. Дѣла Сов. № 466 за 1852 г. и № 311 за 1873-й г.

и столбцовъ, содержащихъ богатѣйшія свѣдѣнія о формѣ, составѣ и дѣятельности нашихъ старыхъ приказовъ, о дѣлахъ судебныхъ и административныхъ. Ив. Дм. любилъ вспоминать это время и съ удовольствіемъ разсказывалъ, какъ онъ сидѣлъ и зачитывался архивными документами, приходя раньше чѣмъ полагается и уходя послѣ всѣхъ" [138]). Эти занятія много значили для Ив. Дм.; онъ чрезъ нихъ получилъ то огромное знаніе архивныхъ матеріаловъ, которое по справедливости признаютъ за нимъ [139]); получилъ живое, такъ сказать, непосредственное знакомство со стариннымъ [140]) управленіемъ Московскаго Государства, съ жизнью его. Къ этому времени, кажется, относится страсть Ив. Дм. собирать различные старинные акты и вообще произведенія письменности, откуда постепенно разрослось его собраніе рукописей. Занятіе архивнымъ матеріаломъ не ограничилось только правительственными архивами; близость Ив. Дм. къ М. П. Погодину, о которой мы уже не разъ упоминали, доставила ему иное занятіе: Погодинъ предложилъ Ив. Дм. заняться описаніемъ своего древнехранилища, достигшаго къ 40-мъ годамъ весьма почтенныхъ размѣровъ. Объ этихъ занятіяхъ Ив. Дм. мы узнаемъ изъ письма къ Строеву М. П. Погодина (Строевъ предлагалъ поручить ему описаніе) слѣд.: „г. Бѣляевъ работаетъ два года (писано въ 1846 г.), описалъ до 500 рукописей, исписалъ до 200 листовъ. Судите сами—могу ли я вдругъ отказать ему и погубить трудъ молодого человѣка, который надѣется пріобрѣсти имъ честь и имя?" [141]). Этотъ трудъ не удалось исполнить Ив. Дм., отчасти въ виду огромности работы, отчасти въ виду недосуга, отчасти, наконецъ, вслѣдствіе того, что Ив. Дм. не могъ утерпѣть, чтобы помимо описанія не заняться и изслѣдованіемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ [142]). [143]). Въ этотъ періодъ впервые Ив. Дм. всту-

---

[138]) «Отч. и рѣч., произ. въ тор. собр. Им. Моск. Ун. 12 ян. 1874 г.: «Ив. Дм. Бѣляевъ» С. Петровскаго стр. 65.

[139]) См. Бест.-Рюм. Рус. Ист. т. I.

[140]) О томъ, какъ зналъ Ив. Дм. Московскіе архивы, мы слышали слѣд. любопытный случай отъ Пет. Ник. Мрочекъ-Дроздовскаго: когда Пет. Ник., занимаясь магистерской диссертаціей, встрѣтилъ надобность въ дѣлахъ Моск. Губ. канцеляріи, то, несмотря на всѣ поиски и его самого и архивныхъ чиновниковъ, не могли найти этихъ дѣлъ; когда объ этомъ узналъ Ив. Дм., лежавшій уже тогда на смертномъ одрѣ, то, пошутивъ надъ молодыми архивистами, сказалъ, чтобы поискали въ одномъ изъ корридоровъ надъ шкафами, стоявшими съ лѣвой стороны: и дѣйствительно документы оказались тамъ.

[141]) См. Барсукова «Ж. и Тр. П. М. Строева» стр. 453—454 также его-же «Рус. Палеолог. Сорок. год.» стр. 63—64 пр. 47.

[142]) Строевъ о неудачѣ описанія замѣтилъ, что неудача произошла: «такъ какъ онъ (М. П. Погодинъ) дѣйствовалъ студентами, отъ которыхъ нельзя было ожидать и не вышло ничего дѣльнаго», см. вышеназв. соч., Однако, вѣроятнѣе, кажется, будетъ предположеніе, что помѣшала огромность дѣла; чтобы дать понятіе о гигантской работѣ, которую взялъ на себя Ив. Дм., приведемъ здѣсь выдержки описанія древнехранилища М. П. Погодина въ это время, могущія дать о немъ понятіе: «Рукописи, Ста-

пилъ и на учено-литературное поприще. Въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. мы видимъ первый трудъ Ив. Дм., появившійся въ печати: это была небольшая рецензія на „Истор. опис. одеж. и воор. Рос. войскъ“ (см. ч. III кн. 6 стр. 367); затѣмъ мы видимъ цѣлый рядъ рецензій, помѣщавшихся въ „Москвит.“ въ 1843, 44, 45 и 46 гг. и посвященныхъ трудамъ по архивному дѣлу и археологіи [144]). Это указываетъ, на что въ то время были направлены занятія Ив. Дм.: они находились въ извѣстной связи съ описаніемъ древнехранилища М. П. Погодина. Въ своихъ рецензіяхъ Ив. Дм. постоянно указываетъ на важность и необходимость разработки археологическихъ сокровищъ. Въ 1844 г. въ „Москвит.“ же появляется и первый трудъ Ив. Дм., представляющій самостоятельное изслѣдованіе, это: „Гор. Москва съ его уѣздомъ“ (см. ч. I кн. I и ч. III кн. 5 оконч. нѣтъ). Здѣсь Ив. Дм. всецѣло находится подъ вліяніемъ М. П. Погодина: его трудъ представляетъ не болѣе какъ сводъ лѣтописныхъ и документальныхъ (отчасти археологическихъ) свидѣтельствъ, чѣмъ сильно походитъ по внѣшности на труды М. П.; впрочемъ, этотъ трудъ первый въ печати имѣлъ предшественника въ ст. „О рус. войск. въ цар. Мих. Ѳед. и до Пет. Вел.“ [145]) и въ ст. О древ. и нов. мон. сист. на Руси“ [146]); въ первомъ изъ этихъ

рославян. церков. книги; кн., печатан. при Петрѣ I; грам. и судебн. дѣла; автографы; монеты; образа живописные, мѣдные, деревянные и т. д. кресты мѣдные и серебряные; древнія печати; разныя вещи, оружіе; вещи изъ Чудск. копей. Собствен. письма Имп. Петра I и др. матеріалы для новой исторіи, матеріалы для истор. русской словесности. Бумаги, принад. нашимъ ученымъ. Собраніе рукописей, въ него вошли собранія Строева, Филатова, важнѣйшая часть Лаптева, Калайдовича, Большакова, собственное М. П. Собраніе рукописей расположено по отдѣленіямъ: 1) Священное писаніе 2) «рукописи историческія: лѣтописи, хроногр., степен. книги, особен. сказ. путешеств., сборники юридич.; собр. законовъ; сборники» «въ Историческомъ собраніи лѣтописей считается до 15, хроногр. всѣхъ редакцій до 15. Нѣсколько степен. книгъ. Историч. сборниковъ (главнѣйшая часть въ собраніи г. Строева) до 50. Число всѣхъ рукописей положить можно болѣе 1200, т. е. втрое, чѣмъ у гр. Румянцева и г. Царскаго, болѣе чѣмъ въ Синод. библіотекѣ, и не менѣе, чѣмъ въ бывш. библіотекѣ у гр. Толстого. Харатейныхъ между ними до 50». «Въ каждомъ изъ сихъ отдѣловъ главнѣйшія сочиненія находятся во множествѣ списковъ. Евангелій (тетрад. и апрак., толк. и благовѣстн.) до 30. Псалтырей до 10 и т. д.» «Граматъ до 200 (со временъ Романовыхъ полная юрид. коллекція. Здѣсь же заключ. все собраніе знаменитаго юриста нашего пр. Сандунова). Образовъ до 30. Между ними древній образъ св. Владиміра вмѣстѣ съ Борисомъ и Глѣбомъ... Монетъ до 2000.., крестовъ до 2000, изъ коихъ многіе принадлежатъ къ глубочайшей древности, еще Византійскіе. Образовъ мѣдныхъ до 60. Между ними около 10, такъ наз. Черногривенъ, съ изобр. змія. Шитыхъ 8 (есть съ надписями) печатныхъ до 20 (между ними печ. митр. Кипр.) и т. д. см. «Москвит.» 1844 г. ч. III кн. 4 стр 169—176.

[143]) у Барсукова «Ж. и тр. М. П. Погодина» т. VII найдемъ указаніе о счастливыхъ находкахъ въ древнехранилищѣ Ив. Дм.

[144]) Перечисленіе ихъ легко можно отыскать въ прил. I.

[145]) см. Прот. Засѣд. Моск. об. Ис. и Др. Рос. 1842 г. Марта 28 Рус. ист. сбор. кн. 6, стр. 39.

[146]) Ibidem 1843 г. Нояб. 27 ibidem стр. 58.

трудовъ Ив. Дм. опять таки всецѣло примыкаетъ къ М. П. Погодину по методу и по самому выбору вопроса, въ III т. „Изслѣд." М. П. Погодина мы найдемъ соотвѣтствующую главу; что касается второй, то она по характеру сходна съ предыдущими, представляя сводъ данныхъ. На основаніи перваго изъ трудовъ Ив. Дм. былъ избранъ соревнователемъ Моск. Об. Ис. и Др. Рос. на засѣданіи 28-го Марта 1842 г. [147]), оба труда появились позже (въ 1846 г.) въ изданіи общества и встрѣчены были въ общемъ довольно благосклонно. Съ этого времени Ив. Дм. ревностно сотрудничаетъ въ Обществѣ и мы видимъ цѣлый рядъ статей Ив. Дм. въ Чтеніяхъ: въ 1846-мъ г. кн. 4 помѣщена ст.: „О сторож., стан. и полев. служ. на пом. Укр. Моск. госуд.", примыкающая по своему характеру къ ст.: „О руск. войскѣ", а также ст. „О хронологіи Нестора и его продолж." и „О Нестор. лѣтоп.", наконецъ, въ „Москвит." 1848 г. мы видимъ большое, основанное на тщательномъ изученіи матеріаловъ, изслѣдованіе „О позем. влад. въ Моск. госуд." (кн. 1, 2, ч. II кн. 3, ч. III кн. 5, ч. IV кн. 7, ч. V кн. 9) и соотвѣтствующее въ этомъ другимъ вышеприведеннымъ. Изъ всѣхъ этихъ трудовъ нѣсколько выдѣляется „О нест. лѣтоп.", о которомъ сейчасъ скажемъ, а теперь укажемъ на общій характеръ дѣятельности Ив. Дм., насколько она выразилась въ этихъ его трудахъ: занявшись изученіемъ письменныхъ и вещественныхъ матеріаловъ, оставшихся отъ древности, Ив. Дм., имѣя въ лицѣ М. П. Погодина надежнаго руководителя, естественно занялся различными отдѣлами внутренней исторіи и нѣкоторыми разысканіями по вспомогательнымъ историческимъ наукамъ; естественно также, что онъ пошелъ по способу обработки по стопамъ своего учителя. Въ приложеніи къ ст. „О руск. войскѣ" и „О сторож. и стан. службѣ", а также и актами, помѣщенными въ Чтен. за 1846 г. Ив. Дм. сталъ печатать матеріалы по русской исторіи. Въ Общ. съ 1846 г. Ив. Дм. участвовалъ, какъ дѣйствительный членъ, будучи выбранъ по предложенію новаго секретаря Бодянскаго. Мы сейчасъ сказали, что отъ другихъ произведеній нѣсколько отступаетъ ст. „О Нест. лѣт."; дѣло въ томъ, что насколько въ первыхъ трудахъ Ив. Дм. остороженъ въ своихъ выводахъ, тщателенъ въ изученіи матеріаловъ, на столько въ этой статьѣ мы не найдемъ этого: авторъ задался выяснить то представленіе, какое имѣлъ Несторъ о древней русской исторіи и въ то же время доказать непогрѣшимость Нестора: авторъ увлекся Несторомъ и такъ высоко превознесъ его, что впалъ въ крайность: фантазія оказалась сильнѣе, нежели холодный, критическій

[147]) Ibidem. Ранѣе 30 Нояб. 1840 г. читаемъ въ протоколѣ засѣданій общества, что «представилъ секретарь извѣстіе о пяти каменныхъ крестахъ въ селѣ Пять крестовъ близъ Коломны, доставленное канд. Бѣляевымъ «Рус. ист. сбор.» т. VI стр. 15.

разсудокъ. Эта статья вызвала серьезныя возраженія со стороны М. П. Погодина [148]). До насъ дошелъ еще чрезвычайно интересный разборъ Иваномъ Дм. „Изсл., зам. и лек.“ М. П. Погодина, именно трехъ первыхъ томовъ: онъ позволяетъ судить объ отношеніи взглядовъ бывшаго учителя и ученика. Предварительно замѣтимъ, что въ своихъ критическихъ трудахъ за это время Ив. Дм. часто вспоминаетъ скептиковъ и честитъ ихъ довольно сильно [148]), также становится на сторону норманистовъ [149]), вообще показываетъ полное единомысліе съ М. П. Погодинымъ не только въ формѣ своихъ трудовъ, но и въ содержаніи ихъ. Но въ разборѣ Изслѣд. М. П. Погодина Ив. Дм. уже высказываетъ взгляды и отличные отъ взглядовъ М. П. Погодина: прежде всего Ив. Дм. защищаетъ Нестора и его достовѣрность, или лучше сказать непогрѣшимость отъ М. П. Погодина; уже отсюда можно видѣть, что Ив. Дм. въ этомъ пошелъ гораздо далѣе М. П.; онъ начинаетъ уже здѣсь руководствоваться просто чувствомъ вѣры въ несомнѣнное достоинство Нестора, а не ученымъ анализомъ (это особенно замѣтно въ указанной выше ст. О Нест. лѣтоп.); далѣе, Ив. Дм. возражаетъ противъ мнѣнія, что варяги были призваны для защиты, противъ мнѣнія объ оторванности Новгорода отъ остальной Русской земли, наконецъ, сѣтуетъ на автора за то, что тотъ мало обратилъ вниманія на родной, славянскій элементъ; [150]) не трудно замѣтить во всѣхъ этихъ возраженіяхъ одинъ основной тонъ, замѣтный отчасти и во взглядѣ на Нестора: Ив. Дм. ревниво оберегаетъ достоинство горячо любимой русской старины отъ всякаго хоть малаго сомнѣнія въ немъ; въ этомъ онъ вполнѣ примыкаетъ къ самымъ горячимъ славянофиламъ, какъ Пет. Вас. Кирѣевскій, о которомъ мы уже замѣтили нѣсколько выше, что и онъ нападалъ въ этомъ же духѣ на М. П. Погодина: въ этомъ Ив. Дм. подавалъ ему руку. Так. обр. можно отмѣтить извѣстную самостоятельность Ив. Дм. отъ М. П.; впрочемъ, въ это время она еще только замѣтна лишь по нѣкоторымъ вопросамъ; можно отмѣтить и болѣе тѣсное сходство со взглядами нѣкоторыхъ славянофиловъ; а такъ какъ около этого времени мы имѣемъ несомнѣнное доказательство того, что Ив. Дм. сблизился съ ними [151]), то только теперь и можемъ предполагать, что и Ив. Дм. своими

---

148) «Москвит.» 1846 ч. IV кн. 8, стр. 178—179.

149) Ibid 1844 ч. II кн. 9 стр. 155.

150) «Москвит. 1846 ч. IV кн. 5, стр. 180, 181, 186, 191 и др.

151) См. письмо Хомякова къ Ю. Ѳ. Самарину «Рус. Арх.» 1879 кн. II. Хомяковъ упоминаетъ, что Ив. Дм. написалъ «О поз. влад.» (1848 г.); упоминаніе это своимъ тономъ говоритъ объ Ив. Дм., какъ о человѣкѣ хорошо извѣстномъ обоимъ. Замѣтимъ здѣсь, что среди многочисленныхъ писемъ, воспоминаній и т. д., касающихся славянофиловъ, объ Ив. Дм. хранится молчаніе. Напр. приведенное нами замѣчаніе Хомякова единственно во всей доселѣ изданной перепискѣ первыхъ славянофиловъ. Мы имѣемъ

знаніями сталъ участвовать въ ихъ общемъ дѣлѣ и въ свою очередь получать отъ нихъ извѣстное воздѣйствіе. Ранѣе средины сороковыхъ годовъ, т. е. сложенія въ окончательномъ видѣ славянофильскаго кружка, едва ли Ив. Дм. былъ близокъ къ славянофиламъ: въ самомъ дѣлѣ, мы нарочно съ особою подробностью разсмотрѣли постепенное образованіе славянофильскаго кружка, постарались выдѣлить его отличительныя особенности, рядомъ съ этимъ мы указывали, какъ жилъ и въ чемъ проходила жизнь Ив. Дм., спрашиваемъ, было ли что либо общее между славянофилами и Ив. Дм.? Одни были люди богатые, свободные, широко философски образованные, думавшіе объ основныхъ вопросахъ умственной жизни, а Ив. Дм. въ это время работалъ, какъ волъ, въ пыли, въ грудахъ старыхъ приказныхъ дѣлъ или сидѣлъ по цѣлымъ днямъ за скучной канцелярской перепиской, и затѣмъ, Ив. Дм. былъ такъ религіозенъ, такъ далекъ отъ сомнѣній, что ему даже и не казалось нужнымъ строить православную всеобъемлющую философскую систему; для него было и такъ все ясно и понятно. Нѣтъ, Ив. Дм. не былъ съ ними тогда. Но когда съ сороковыхъ годовъ послѣдовало сліяніе съ младшимъ поколѣніемъ, послѣдовало оживленіе въ дѣятельности славянофильскаго кружка и эта дѣятельность помимо опредѣленія основныхъ вопросовъ перешла уже не въ мечтѣ только, а и на дѣлѣ къ проведенію ихъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ знанія и даже дѣйствительной жизни, когда явилась потребность не только въ общихъ взглядахъ, то и въ частной разработкѣ матеріаловъ, въ этой кропотливой „ученой“ работѣ, то здѣсь нашлось много общаго и помимо философскихъ взглядовъ у Ив. Дм. и славянофиловъ, здѣсь то и произошло сближеніе, постепенно окрѣпшее и оказавшее несомнѣнно вліяніе на Ив. Дм. [152]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Секретарство Ив. Дм. въ Мос. Об. Ист. и Др.; ученые труды его; профессорство въ Мос. Ун. (1848—1857 г.) [153]).

Въ предыдущихъ главахъ мы очертили сколь можно кратко сложеніе славянофильскаго ученія до того момента, когда Ив. Дм. сталъ

еще свидѣтельство о близости Ив. Дм. къ Валуеву: однако въ изданіяхъ его Ив. Дм. не участвовалъ см. «Гражд.» 1873 г. № 49.

[152]) Однако Ив. Дм. не участвовалъ ни въ сборникахъ 40-хъ годовъ, ни въ «Москвит.» редакціи Ив. Вас. Кирѣевскаго.

[153]) Матеріаломъ для этой главы кромѣ печатнаго, который укажемъ въ своемъ мѣстѣ, послужили рукоп. Ив. Дм., хранящ. у Ельп. Вас. Барсова, а также свѣдѣнія, почерпнутыя изъ Арх. Имп. Моск. Ун.; наконецъ, мы воспользовались рукоп. Ив. Дм., хранящ. въ Моск. Пуб. и Рум. Муз.

въ извѣстной степени ученикомъ его; сдѣлали мы это для выясненія отношеній Ив. Дм. къ славянофиламъ за это время, такъ какъ непосредственныхъ, прямыхъ указаній по этому вопросу до насъ не дошло и приходилось судить по общему положенію дѣла; теперь мы будемъ касаться славянофильскаго ученія и его исторіи лишь настолько, насколько оно непосредственно касалось Ив. Дм. Мы указали новое движеніе славянофиловъ въ срединѣ сороковыхъ годовъ: среди различныхъ вопросовъ поднятыхъ въ это время и развитыхъ нѣсколько позже мы остановимся на двухъ, касающихся русской исторіи и крестьянства. Первые славянофилы лишь отчасти коснулись русской исторіи: они, главнымъ образомъ, остановились на исторіи просвѣщенія въ Россіи и то только намѣтили главныя эпохи въ ней, что же касается собственно былевой и бытовой исторіи, исторіи внѣшней и внутренней жизни, то она отступала на второй планъ. До насъ дошелъ взглядъ Хомякова на общій ходъ русской исторіи, приведемъ его: „первый періодъ исторіи Русской представляетъ федерацію областей независимыхъ, охваченныхъ одною цѣпью охранной стражи. Эгоизмъ городовъ нисколько не былъ измѣненъ случайностью варяжскаго войска и варяжскихъ военачальниковъ, которыхъ мы называемъ князьями, не представляя яснаго смысла въ этомъ словѣ. Единство языка было безплодно, какъ и вездѣ: этому насъ учитъ древній міръ Эллады. Единство вѣры не связывало людей, потому что она пришла къ намъ изъ земли, отъ которой вѣра сама отступилась, почувствовавъ невозможность ее пересоздать. Когда же гроза Монгольская и властолюбіе органически созданнаго княжества Московскаго разрушило границы племенъ, когда Русь срослась въ одно цѣлое,—жизнь частей исчезла, но люди, отступившись отъ своей пограничной дѣятельности въ удѣлахъ и областяхъ, не могли еще перенести къ новосозданному цѣлому теплаго чувства любви... Россіи еще никто не любилъ въ самой Россіи: ибо, понимая необходимость государства, никто не понималъ его святости". „Между тѣмъ, когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены на жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ сказать, другъ подлѣ друга, язва безнравственности общественной распространилась безмѣрно, и всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить новый папскій престолъ. Явился Петръ и, по какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни

отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова государство, онъ ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза“ [154]). Здѣсь мы видимъ довольно полную картину внѣшняго государства, но внутреннія силы, двигавшія событіями, остаются въ сторонѣ: можно заключить только на основаніи печальнаго положенія, которое наступило вслѣдствіе преобладанія внѣшняго развитія, что сила заключалась именно въ этомъ внутреннемъ развитіи, что основа историческаго развитія кроется въ немъ, внѣшнее развитіе является своего рода необходимымъ зломъ. Впрочемъ, въ концѣ онъ оговариваетъ свою слишкомъ мрачную картину прошлой жизни Россіи, приводя наши лучшія стороны сравнительно съ Западомъ, которыя, какъ мы видѣли выше, были особенно развиты М. П. Погодинымъ [155]). Инымъ характеромъ отличается взглядъ Ив. Вас. Кирѣевскаго, изложенный имъ въ своемъ отвѣтѣ Хомякову: Ив. Вас., какъ мы уже указали, былъ въ этомъ отвѣтѣ вѣренъ себѣ до послѣдней черты: полагая христіанство и именно православіе основою жизни, внѣшнее проявленіе которой играетъ лишь болѣе или менѣе служебную роль, онъ и въ исторіи Руси, въ исторіи жизни ея точно также все сводилъ къ основѣ ея — къ православной церкви: приведемъ это замѣчательное мѣсто ст. Ив. Вас.: „Разсматривая общественное устройство прежней Россіи, мы находимъ многія отличія отъ запада, и во-первыхъ: образованіе общества въ маленькіе, такъ называемые, міры. Частная личная самобытность, основа западнаго развитія, была у насъ такъ же мало извѣстна, какъ самовластіе общественное. Человѣкъ принадлежалъ міру, міръ ему. Поземельная собственность, источникъ личныхъ правъ на Западѣ, была у насъ принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько въ правѣ владѣнія, во сколько входило въ составъ общества. Но это общество не было самовластное, и не могло само себя устроивать, само изобрѣтать для себя законы, потому что не было отдѣлено отъ другихъ ему подобныхъ обществъ, управлявшихся однообразнымъ обычаемъ. Безчисленное множество этихъ маленькихъ міровъ, составлявшихъ Россію, было все покрыто сѣтью церквей, монастырей, жилищъ уединенныхъ отшельниковъ, откуда постоянно распространялись повсюду одинакія понятія объ отношеніяхъ общественныхъ и частныхъ. Понятія эти мало по малу должны были переходить въ общее убѣжденіе въ обычай, который замѣнялъ законъ, устроивая по всему пространству земель, подвластныхъ нашей Церкви, одну мысль, одинъ взглядъ, одно стремленіе, одинъ порядокъ жизни. Это повсемѣстное однообразіе обычая

---

[154]) Соч. Хомякова, т. I. стр. 374—375. Ст. «О стар. и нов.».
[155]) Ibidem. стр. 376—377.

было, вѣроятно, одною изъ причинъ его невѣроятной крѣпости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени, сквозь все противодѣйствіе разрушительныхъ вліяній, въ продолженіе 200 лѣтъ стремившихся ввести на мѣсто его новыя начала. Вслѣдствіе же крѣпкихъ, однообразныхъ и повсемѣстныхъ обычаевъ, всякое измѣненіе въ общественномъ устройствѣ, не согласное съ строемъ цѣлаго, было невозможно. Семейныя отношенія каждаго были опредѣлены прежде его рожденія; въ такомъ же предопредѣленномъ порядкѣ подчинялась семья міру, міръ болѣе обширный—сходкѣ, сходка—вѣчу и т. д., покуда всѣ частные круги смыкались въ одномъ центрѣ, въ одной православной церкви“ [156]). Ив. Вас. такимъ образомъ, предполагалъ въ древней Руси духовную цѣльность, отсюда понятенъ его взглядъ, что разъ основа—православіе получило въ своемъ проявленіи на Руси, православной русской церкви, замѣшательство, разладъ, то результатомъ этого явились нестроенія внутренней, а въ силу ихъ и внѣшней жизни [157]) [158]). Замѣтимъ, что въ приведенномъ отрывкѣ находится какъ бы клѣточка, изъ которой впослѣдствіи разрослась славянофильская историко-политическая теорія. Намъ остается упомянуть еще объ единственной ст. Петра Вас. Кирѣевскаго, посвященной именно русской исторіи: „Письмо къ М. П. Погодину О др. рус. истор.“ („Москвит.“ 1845 г., ч. II, № 3): критикуя взгляды М. П. Погодина, выраженные въ его „параллели между Рус. истор. и Западноевропейской“, Пет. Вас. излагаетъ начало (статья осталась неоконченной) рус. ист., какъ онъ понимаетъ его: „Еще въ VI-мъ вѣкѣ, говоритъ П. В., византійскіе историки описываютъ намъ государственный бытъ славянъ почти такой же, какъ Несторъ. Вообще всѣ извѣстія, какъ иностранныхъ, такъ и славянскихъ лѣтописцевъ, согласны, что государственное устройство всѣхъ славянскихъ племенъ основано было на отношеніяхъ родовыхъ. Всѣ племена славянскія состояли изъ отдѣльныхъ родовъ. У каждаго рода былъ свой старѣйшина или глава; у цѣлаго племени былъ одинъ общій старѣйшина и, наконецъ, всѣ племена составляли одинъ народъ, соединенный около одного

---

[156]) Соч. И. А. Кирѣевскаго, т. I, стр. 194—195.

[157]) Ibidem, стр. 199.

[158]) Взглядъ о значеніи церкви или вообще христіанства былъ высказанъ И. В. Кирѣевскимъ, какъ мы уже видѣли еще въ его замѣч. ст. «Девят. вѣкъ». Онъ указываетъ, что Римская церковь, получивъ наслѣдіе классическаго міра, какъ просвѣтительное начало, создала крѣпкую связь между западными христіанскими народами: «у насъ сила эта (православіе) была не столь ощутительна, не столь всемогуща, и Россія, раздробленная на удѣлы, не связанные духовно, на нѣсколько вѣковъ подпала владычеству татаръ, на долгое время остановившихъ ее на пути къ просвѣщенію и т. д.» ibidem, стр. 77. Ясно отсюда, какъ измѣнились за восемь лѣтъ взгляды Ив. Вас.

общаго всѣмъ главы, или старѣйшины", это Пет. Вас. подтверждаетъ, приводя названія на различныхъ славянскихъ языкахъ старѣйшинъ. Однако, согласно Маціевскому, на котораго ссылается П. В. „это родовое управленіе во многомъ было не похоже на патріархальное управленіе израильтянъ, или арабовъ, потому что роды славянъ, хотя и жили отдѣльно, но управлялись народными собраніями". „Деревня рѣшала свои дѣла на мірской сходкѣ; когда встрѣчались дѣла, касающіяся до цѣлаго рода, родъ собирался въ свой городъ, на общій совѣтъ, или вѣче, на которомъ присутствовали всѣ, способные носить оружіе и совѣщались о дѣлахъ подъ предсѣдательствомъ своихъ старѣйшинъ. Точно такимъ же образомъ собиралось вѣче племенное и вѣче народное, но только съ тѣмъ различіемъ, что тамъ естественно не могла присутствовать вся масса народа, а собирались уже одни старѣйшины всѣхъ родовъ". Въ подтвержденіе П. В. приводитъ сравненіе съ Чешской исторіей, событія которой и излагаетъ кратко и др., принявъ въ соображеніе свидѣтельство отечественныхъ источниковъ. П. В. заключаетъ, „что у нихъ существовалъ тотъ же самый внутренній порядокъ племенъ, какъ у всѣхъ славянскихъ народовъ: что у насъ также внутреннее устройство каждаго племени основано было на отношеніяхъ родовыхъ, что и у насъ были главы родовъ.... что князья у нихъ были и прежде призванія Рюрика, что въ каждомъ племени между князьями и городами было точно тоже чиноначаліе старѣйшинства, и что общественныя дѣла точно также рѣшались вѣчемъ, которое имѣло свои степени, отъ деревенскаго міра и до вѣча городоваго и племеннаго". Затѣмъ, П. Вас. переходитъ къ вопросу о существованіи связи между племенами и приходитъ къ выводу, что вообще связь существовала и племена распадались на сѣверный и южный союзы, но связь между этими союзами гораздо труднѣе показать. На этомъ и заканчивается трудъ П. В. [159]). Такимъ образомъ въ трудѣ П. В. Кирѣевскаго мы видимъ первую попытку построенія историко-юридической родовой теоріи, дальнѣйшее развитіе которой, правда, въ самостоятельной и своеобразной формѣ мы видимъ въ трудахъ Кавелина, Соловьева и нѣсколько позже Чичерина. Дѣло въ томъ, что ученіе о родовомъ бытѣ, который принималъ еще Эверсъ, получило въ сороковыхъ годахъ развитіе въ силу той поддержки, которую это ученіе находило въ гегельянскомъ взглядѣ о родѣ, обществѣ и государствѣ, постепенно смѣнявшихъ другъ друга; а въ это время ученіе Гегеля у насъ усердно проповѣдывалось съ профессорскихъ каѳедръ, занимавшіе которыя молодые профессора были еще подъ

---

[159]) «Москвит.», 1845, ч. II, № 3, стр. 18—44.

свѣжимъ впечатлѣніемъ вынесенныхъ изъ заграницы знаній [160]). Первую теорію историко-юридическаго характера находимъ въ ст. Кавелина: отмѣтивъ сначала то важное значеніе, которое всецѣло принадлежитъ христіанству и новому времени въ дѣлѣ возвышенія личности на степень „человѣка, какъ человѣка“ (стр. 316), неизвѣстную древности, и указавъ, что у германцевъ въ силу самаго характера ихъ рано образовалось такое пониманіе личности, авторъ не видитъ ничего подобнаго у насъ на Руси: „начала личности (у славянъ) не существовало“ (стр. 320), отсюда весь „законъ“ развитія нашего внутренняго быта: „оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности“ (стр. 321). Авторъ указываетъ, что первоначально у насъ существовалъ семейный бытъ, который, постепено распадаясь, вынудилъ избраніе старѣйшинъ, существованіе общихъ потребностей вызывало необходимость собраній: „поселенія становятся общинами“ (стр. 325). „Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ большемъ и большемъ его распаденіи. По мѣрѣ того, какъ возрастала особность семей, и онѣ вживались въ свои особенные интересы, единство общинъ продолжало слабѣть. Власть изъ рукъ общинныхъ старѣйшинъ переходитъ къ главамъ семействъ, къ старѣйшинамъ отдѣльныхъ, родственныхъ союзовъ. Наконецъ, первые исчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности. Ихъ мѣсто заступаютъ вѣчевыя собранія. Вмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы-старѣйшины надъ семьями. Непріязненныя столкновенія между ними, ссоры и вражды неминуемы. Открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ“ (стр. 326). Мы нарочно остановились на этомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь въ зародышѣ видно то же самое, что болѣе опредѣленно выражено относительно болѣе поздняго періода. „Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена и въ огромныхъ размѣрахъ

---

[160]) Вотъ какъ біографъ Грановскаго Станкевичъ описываетъ это время: «Большею частью въ 1835 г. являлись въ московскій университетъ молодые профессора, готовившіеся на кафедры въ германскихъ университетахъ. Между ними были не только ученые спеціалисты, но и люди многосторонняго образованія; большинство изъ нихъ въ своемъ научномъ воспитаніи испытало вліяніе движенія философской мысли въ Германіи тридцатыхъ годовъ. Новые профессора были слушателями и учениками Бена, Риттера, Савиньи, Эйкгорна, Раумера, Ранке и другихъ, но многіе изъ нихъ слушали также филосовскія лекціи еще самого Гегеля или учениковъ его, Ганса, Мишеле и другихъ. Молодые ученые были одушевлены вѣрою въ благотворную силу науки и надѣялись воспитать въ юномъ поколѣніи слушателей разумныхъ и преданныхъ дѣятелей русскаго государства и общества. Замѣчательнѣйшими изъ профессоровъ на юридическомъ факультетѣ были П. Г. Рѣдкинъ и Н. И. Крыловъ, а въ историко-филологическомъ Чивилевъ и Крюковъ». «Т. Н. Грановскій», стр. 99—100. Кавелинъ былъ непосредственнымъ ученикомъ этого ряда блестящихъ ученыхъ.

развивался бытъ племенной. Мы можемъ судить объ этомъ по разительному сходству племеннаго устройства съ общиннымъ. Общины принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенныя вѣча. Были и племенные старѣйшины—князья“ (стр. 326). Огромное значеніе имѣло призваніе варяговъ: „Они принесли съ собою первые зачатки гражданственности и политическаго, государственнаго единства всей русской земли“. „Они приносятъ съ собою дружину, учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него даже названія“ (стр. 329). Варяги постепенно и довольно скоро слились со славяно-русскимъ населеніемъ. Но „въ лицѣ потомства Ярослава Великаго, или правильнѣе, Владиміра, выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія семья, разросшаяся потомъ въ цѣлый родъ“ (стр. 330) и далѣе: „Весь нашъ государственный бытъ, отъ Ярослава до усиленія Москвы, есть исторія развитія родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка“ (стр. 331). Разложеніе выразилось въ началѣ во враждѣ двухъ началъ родоваго и семейнаго „территоріальнаго и личнаго“ (стр. 332), потомъ въ совершенномъ упадкѣ родоваго начала, между тѣмъ происходило осѣданіе князей на сѣверо-востокъ, наконецъ, усиленіе власти великаго князя вслѣдствіе монгольскаго владычества: здѣсь уже видѣнъ зародышъ будущаго государства; что касается другихъ элементовъ русскаго общества, то авторъ останавливается на дружинѣ, рисуетъ постепенное ославяниваніе ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣненіе ея характера: она вступаетъ къ князю въ отношенія полудоговорныя: князь былъ ея начальникомъ и вмѣстѣ становился ея отцемъ и братомъ; (стр. 335) вмѣстѣ съ осѣданіемъ князей осѣдаетъ и дружина (стр. 346); между тѣмъ въ то время, когда князья враждуютъ между собой, „на время оживаетъ сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потомъ сокрытое отъ насъ варяжскимъ слоемъ—общинное начало. Мы видѣли, что само въ себѣ оно не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Оно клонилось все болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ, первомъ, необходимомъ условіи всякой гражданственности, а покоилось на началѣ кровномъ, которое, отрицая оба, отрицало и древній общинный бытъ“ (стр. 337). Особенное развитіе общины получили на сѣверѣ и между ними Новгородъ. Съ того времени, какъ князья получили вотчинный характеръ, начинается упадокъ общиннаго начала, ожившаго было во время усобицъ: „Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами“ (стр. 345), что не благопріятствуетъ общиннымъ порядкамъ. Съ вотчиннымъ характеромъ, но уже съ новымъ понятіемъ о

великокняжеской власти, а въ связи съ этимъ съ новымъ порядкомъ наслѣдованія являются московскіе князья и постепенно собираютъ подъ свою власть русскую землю. «Уничтоженіе удѣльной системы и соединеніе Россіи въ нераздѣльное цѣлое, подъ властью одного великаго князя, было не только началомъ новой эпохи въ нашей политической жизни, но важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи всего нашего внутренняго быта. Политическая система, изданная московскими князьями—нѣчто совершенно новое въ русской исторіи; она представляетъ полное отрицаніе всѣхъ прежнихъ системъ въ самомъ основаніи. Ярославова система покоилась на родовомъ началѣ и раздробила Россію на княжества; семья послѣ Андрея Боголюбскаго обратила княжество въ вотчины, дѣлившіяся до безконечности. Въ московской системѣ территоріальное начало получило рѣшительный перевѣсъ надъ личнымъ. Кровные интересы уступили мѣсто политическимъ; держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи“ (стр. 352—353). „Но личность и идея государства сначала едва видимы подъ старыми, установившимися формами“; сначала все развитіе идетъ медленно: „въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій старое было слишкомъ поколеблено, но не разрушено; новое проникло въ жизнь, многое въ ней измѣнило, но не отрѣшилось отъ историческихъ формъ, подъ которыми появилось (стр. 355); эта-то борьба стараго и новаго и составляетъ содержаніе русской исторіи отъ Грознаго до Петра[160]). Въ этой замѣчательной статьѣ мы обратимъ вниманіе на одну сторону: главное вниманіе автора, очевидно, обращено на государственную власть въ ея представителяхъ князьяхъ, все равно будутъ ли они старѣйшинами, родовыми князьями, вотчинными князьями, все равно подъ какими бы названіями они не были: народъ, масса упоминается подробно лишь въ началѣ, потомъ она играетъ второстепенную роль. Скоро Кавелинъ провелъ свой взглядъ вполнѣ, какъ на властей, такъ и на народъ. Въ своей извѣстной диссертаціи: „Истор. отн. между рус. княз. Рюрик. дома“ Соловьевъ подробно развилъ мысль о значеніи рода въ междукняжескихъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулъ родовое начало въ русской исторіи; какъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ родъ смѣнился началомъ государственнымъ, такъ было и въ народѣ, но Соловьевъ развилъ это лишь въ исторіи Россіи, пока же это подразумѣвалось: въ своемъ разборѣ Кавелинъ и остановился главнымъ образомъ на этомъ подразумѣваніи: „государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ,

[160]) Соч. Кавелина, т. I.

ясно, что въ то время онѣ были высшей и единственной возможной формой быта для древней Руси“ (стр. 464); „всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самаго патріархальнаго, родового быта“ и далѣе: „принявъ въ основаніе мысль, что каждый народъ есть живой, цѣльный, саморазвивающій организмъ, котораго различныя стороны не распадаются на безсвязныя или только механически между собою соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единородной жизни, нельзя уже было разсматривать нашу государственную жизнь отдѣльно отъ другихъ сторонъ. Теперь на нее взглянули, какъ на одно изъ выраженій организма; слѣдовательно, имъ, а ничѣмъ-либо постороннимъ и сверхъестественнымъ надо было ее объяснить“ (стр. 456—457). Такимъ образомъ все изложеніе получаетъ особый смыслъ: въ исторіи князей видна, какъ въ фокусѣ исторія русскаго народа. Съ этой точки зрѣнія Кавелинъ не во всемъ соглашается съ Соловьевымъ, онъ находитъ, что „Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и, наконецъ, ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми—этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно“ (стр. 463) и Кавелинъ указываетъ, что Соловьевъ не обратилъ вниманія на вотчинный характеръ князей, указанный подробно въ разсмотрѣнной выше статьѣ Кавелина; отсюда Кавелинъ и находитъ рядъ недостатковъ въ сочиненіи Соловьева [161]). Эта критика любопытна тѣмъ, что устраняетъ въ принципѣ односторонность, указанную нами и ставитъ важный вопросъ объ исторіи народа, какъ живого организма, исторію народа въ полномъ смыслѣ слова. Высказанныя Кавелинымъ и Соловьевымъ теоріи, хотя въ корнѣ своемъ и вышли, кажется, изъ славянофильскаго кружка [162]), въ томъ видѣ, какъ они появились не могли не вызвать возраженія со стороны славянофиловъ: самый характеръ ихъ шелъ рѣшительно въ разрѣзъ съ ихъ идеальнымъ представленіемъ о старорусской жизни, да и по содержанію можно было многому возразить: Самаринъ подъ иниціалами М...

---

161) Ibidem, т. II.

162) См. Бест.-Рюм.: «Біогр. и хар.», свидѣтельство А. Н. Попова стр. 261. о Кавелинѣ извѣст.: его связи со славянофилами, да и въ воззрѣніяхъ было много общаго; въ ст. «Вѣст. Евр.» 1866 г. кн. II, онъ еще болѣе склонился къ нимъ: «курсъ К. Д. Кавелина, въ основахъ мало различавшійся отъ курса Соловьева, но останавливавшійся преимущественно на бытовой сторонѣ: такъ у г. Кавелина много мѣста занималъ древній славянскій бытъ, котораго Соловьевъ, выдвинувшій на первый планъ политическую исторію, не касался» «Біогр. и хар.», стр. 265. Соловьевъ возражалъ на разборъ Кавелина и его мнѣніе о вотчинномъ характерѣ ibidem стр. 264—9.

З... К. написалъ разборъ ст. Кавелина: „Взглядъ на юридическій бытъ въ др. Руси“ и помѣстилъ въ „Москвит.“ (1847 г. кн. 3). Сначала онъ указываетъ на неправильность въ общей постановкѣ статьи: она написана по готовымъ уже западнымъ выводамъ, по сравненію съ западной исторіей (стр. 141, 146); отсюда авторъ впадаетъ въ односторонность: „христіанство внесло въ исторію идею о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ человѣка, говорите вы, человѣка, отрекающагося отъ своей личности, прибавляемъ мы и подчиняющаго себя безусловно цѣлому. Это самоотреченіе каждаго въ пользу всѣхъ, есть начало свободнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно обязательнаго союза людей между собою. Этотъ союзъ, эта община, освященная вѣчнымъ присутствіемъ св. Духа, вся церковь“ (стр. 140). Упомянувъ о первоначальномъ періодѣ, изложенномъ Кавелинымъ, по мнѣнію автора, болѣе удачно, онъ переходитъ ко мнѣніямъ его относительно общины: „слѣдя за развитіемъ русскаго государства, онъ упустилъ изъ виду русскую землю, забывая, что земля создаетъ государство, а не государство землю. Мы видимъ, говоритъ онъ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Несмотря на всѣ натяжки автора, мы видимъ противное въ призваніи князей, увидѣли бы тоже въ принятіи христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли“... „Нѣтъ; общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, и никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить“ (стр. 152). Въ этихъ немногихъ словахъ вся суть возраженій автора, далѣе онъ только разсматриваетъ съ этой точки другіе выводы Кавелина и отвергаетъ ихъ. Въ заключеніи авторъ выставляетъ рядъ положеній, въ которыхъ развиваетъ свой взглядъ на исторію Россіи [163]). Такимъ образомъ Самаринъ поставилъ совершенно

[163]) Эти положенія такъ любопытны, какъ изложеніе взглядовъ на исторію славянофиловъ, что мы приведемъ здѣсь ихъ: «мы... думаемъ, 1) что развитіе Германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода; что путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности, до идеи о человѣкѣ, то есть о началѣ абсолютнаго соединенія и подчиненія личностей подъ верховный законъ, логически дойти нельзя, потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ въ синтетическій. 2) Что это начало (идея человѣка, или точнѣе идея народа) явилось не какъ естественный плодъ развитія личности, но какъ прямое ему противодѣйствіе и проникло въ сознаніе передовыхъ мыслителей западной Европы изъ сферы религіи. 3) Что западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы—требованіе общины. 4) Что это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею; что въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною. 5) Что общинный бытъ славянъ основанъ не

-ную задачу для исторіи, чѣмъ Кавелинъ: развитіе должно въ концѣ концовъ привести человѣка къ церкви, а не къ отвлеченной человѣчности и въ этомъ и долженъ заключаться смыслъ исторіи; любопытно, что ставя противоположное начало, Самаринъ, тѣмъ не менѣе, держится такого же взгляда на построеніе исторіи вообще, какъ и Кавелинъ; только у него въ силу принятаго начала выдвинута та сторона, которая упомянута Кавелинымъ какъ-то вскользь: это—земля, народъ (это указано и Самаринымъ). Съ тѣхъ поръ такая постановка дѣлается обязательной для всѣхъ историковъ славянофиловъ: отчасти призналъ ее и Кавелинъ во второй уже изъ приведенныхъ нами статей его. Самаринъ указалъ только основныя положенія русской исторіи, дальнѣйшая же разработка и выясненіе ихъ выпала на долю Аксакова, Ив. Дм. и др. Въ одномъ письмѣ Хомякова мы находимъ любопытное указаніе о занятіяхъ Аксакова древнимъ періодомъ русской исторіи: „Онъ сдѣлалъ кое-какія весьма остроумныя и важныя открытія въ первомъ періодѣ нашей исторіи, которымъ онъ до сихъ поръ не занимался“ [164]). Письмо помѣчено мартомъ 1849 г.; кажется, здѣсь рѣчь идётъ объ изгояхъ, статья о которыхъ появилась въ 1850-мъ г.; въ „Моск. Сборн.“ 1852 г. мы уже видимъ изслѣдованіе „О древ. бытѣ у слав. вооб. и у рус. въ особен.“, гдѣ Аксаковъ дѣлаетъ полную критику родовой теоріи: Аксаковъ сначала указываетъ на недостаточно точное опредѣленіе самаго понятія родъ и семья у сторонниковъ родовой теоріи и предлагаетъ свое, затѣмъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ, указывающихъ, что на Руси и вообще у славянъ былъ общинный, а не родовой бытъ: свидѣтельства эти: иностранные писатели, „Судъ Любуши“ и Лѣтопись Нестора; изъ послѣдней имъ приводится цѣлый рядъ фактовъ, отчасти уже указанныхъ въ предыдущей ст. Самарина, какъ то: призваніе варяговъ, и др.; изъ этихъ примѣровъ Аксаковъ выводитъ, что въ древней Руси бытъ былъ семейный и именно общинновѣчевой [165]). Дальнѣйшее развитіе

на личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія. 6) Что въ національный бытъ славянъ христіанство внесло сознаніе и свободу; что славянская община, такъ сказать, растворившись, приняла въ себя начало общенія духовнаго и стала какъ бы свѣтскою, историческою стороною церкви. 7) Что задача нашей внутренней исторіи опредѣляется какъ просвѣтленіе народнаго общиннаго начала общиннымъ-церковнымъ. 8) Что внѣшняя исторія наша имѣла цѣлью отстоять и спасти политическую независимость того же начала не только для Россіи, но для всего славянскаго племени, созданіемъ крѣпкой государственной формы, которая не исчерпываетъ общиннаго начала, но и не противорѣчитъ ему». «Москвит.» 1847 г., кн. III, стр. 172—173. Въ существѣ дѣла эти положенія легко замѣтить во всѣхъ произведеніхъ славянофиловъ по русской исторіи; выражены они еще ранѣе, теперь же Ю. Ѳ. Самаринъ лишь точнѣе формулировалъ ихъ.

[164]) См. письма къ Ю. Ѳ. Самарину. «Рус. Ар.», 1879 г., кн. II, стр. 335.

[165]) Соч. К. С. Аксакова, т. I.

взглядовъ Аксакова найдемъ въ ст. „Объ основныхъ началахъ рус. исторіи“.

Въ этой ст. особенно проведенъ взглядъ о различіи въ древней Руси Государства и Земли: это Аксаковъ видитъ еще въ призваніи варяговъ и потомъ въ земскихъ соборахъ и вообще въ послѣдующей исторіи. Здѣсь Аксаковъ дѣлаетъ сравненіе русской исторіи съ западно-европ., изъ котораго выводитъ, что у насъ во всей жизни народной царствовала внутренняя правда въ то время, какъ на Западѣ жизнь шла путемъ внѣшней правды, государства. У насъ въ основѣ легло добровольное призваніе; „въ призваніи добровольномъ означались уже отношенія земли и государства—взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ, вслѣдствіе добровольнаго призванія“. „Явился, продолжаетъ Аксаковъ, великій князь и потомъ царь Московскій и всея Руси, наслѣдственный и самодержавный. Отношеніе земли и государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность—были основою ихъ отношеній. Подобно тому какъ князь созывалъ вѣче, царь созывалъ земскую думу или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Кто читалъ эти думы, тотъ знаетъ, какъ просто излагалось въ нихъ дѣло... Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы были здѣсь, а обоюдное искренное желаніе пользы. Здѣсь не ораторствовали, а говорили, и слово не превышало дѣло“ [166]). Объ остальныхъ основныхъ взглядахъ Аксакова мы уже упоминали. Такъ выразилось славянофильское и западническое воззрѣніе на основные вопросы Русской исторіи и не трудно отмѣтить ихъ сходство и различіе: какъ тѣ такъ и другіе примкнули къ существовавшимъ ранѣе теоріямъ о происхожденіи въ русскомъ обществѣ государственнаго порядка, какъ тѣ такъ и другіе къ внѣшнимъ историческимъ событіямъ, вліявшимъ на ходъ исторіи, присоединили еще ученіе о развитіи общественноправовыхъ формъ: перехода изъ первоначальнаго состоянія въ болѣе сложныя формы; и притомъ, замѣчательно, предметомъ служитъ весь народъ, а не правительство его, какъ было прежде; собственно говоря этотъ взглядъ еще удержался въ нѣкоторой степени въ исторіи Соловьева, которую не даромъ упрекалъ еще Аксаковъ въ томъ, что это исторія государства, а не народа; но въ теоретическомъ построеніи П. В., непосредственно въ

[166]) Соч. К. С. Аксакова, т. I: о религіозномъ характерѣ взглядовъ мы упоминали уже; имѣемъ и здѣсь: «Подъ вліяніемъ вѣры въ нравственный подвигъ, возведенный въ степень исторической задачи цѣлаго общества и т. д.» образовался такой строй жизни.

связи съ нимъ Кавелина и особенно Аксакова народное начало проведено во всей полнотѣ, однако никому изъ нихъ не удалось написать народной исторіи: вся ихъ заслуга состояла въ томъ, что они намѣтили общій планъ. И такъ мы видимъ въ общей схемѣ сходство, но какъ разнится содержаніе: у однихъ въ идеалѣ личность, смыслъ исторіи заключается именно въ освобожденіи ея отъ разнаго рода связывавшихъ ее оковъ, у другихъ община-церковь, въ неясной формѣ существующая теперь, смыслъ исторіи заключается въ приведеніи ея въ возможно высшую степень совершенства. Что касается развитія взглядовъ объ общинѣ, землѣ, то изъ приведеннаго нами изложенія ученія славянофиловъ вопросъ самъ собой разрѣшается; основные элементы и общіе мотивы образовавшагося въ трудахъ Самарина и Аксакова ученія выражены еще первыми славянофилами: Самаринъ и Аксаковъ примкнули къ нимъ и частью параллельно Кавелину и Соловьеву, частью на основаніи собственныхъ трудовъ разработали и оформили ихъ, на сколько нашли указанія въ русской исторіи. Во второй половинѣ 40-хъ годовъ былъ возбужденъ одинъ вопросъ, участіе въ которомъ сначала въ теоріи а впослѣдствіи и въ разрѣшеніи его на дѣлѣ составило самую свѣтлую сторону въ исторіи славянофильства — вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вопросъ этотъ давно уже назрѣлъ; въ наше время даже какъ то дико подумать о возможности крѣпостного права со всѣми его ужасами, а между тѣмъ тридцать два года тому назадъ это былъ еще фактъ, а въ то время, и много десятковъ лѣтъ ранѣе, не мало было людей гуманныхъ, образованныхъ въ лучшемъ значеніи этого слова, наконецъ, просто христіанъ, которые не могли не видѣть всей отвратительности крѣпостной зависимости, всего ужаса порабощенія человѣческой личности. И еще въ прошломъ столѣтіи среди лучшихъ людей видимъ движеніе въ пользу освобожденія; правда, движеніе было слабо, не могло бороться съ массою невѣжественнаго общества и съ неблагопріятными обстоятельствами и замерло, но не прекратилось; оно жило въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ жило убѣжденіе въ торжествѣ истины. Потомъ не разъ поднимался вопросъ объ освобожденіи: мы уже указывали, какъ этотъ вопросъ занималъ образованныхъ людей еще въ 20-хъ годахъ, занималъ и въ 40-хъ. Въ это время правительство дѣлаетъ цѣлый рядъ попытокъ къ улучшенію положенія крестьянъ, попытокъ, которые могли послужить и первымъ шагомъ къ освобожденію, и хотя много людей въ обществѣ было вообще расположено враждебно къ такимъ попыткамъ, но находились и горячіе поклонники и сторонники такихъ мѣръ, благородныя имена которыхъ хранитъ исторія [167]). О слявянофилахъ мы знаемъ, что указъ 2 Апр. 1842 г.

---

[167]) См. Семевскаго «Крест. вопр.»

о временнообязанныхъ крестьянахъ встрѣтилъ въ средѣ ихъ сочувствіе, по крайней мѣрѣ онъ послужилъ темой для статьи Хомякова, имѣвшей цѣлью успокоить лицъ, перепуганныхъ этимъ указомъ, и показать, что можно перейти отъ личнаго полновластія и произвола къ добровольнымъ сдѣлкамъ, не потрясая коренныхъ основъ нашего сельскохозяйственнаго быта [168]). Однако до 1844 г. освобожденія крестьянъ „какъ вообще и всѣхъ вопросовъ практическихъ, въ (славянофильскомъ) кружкѣ только касались въ разговорахъ и преніяхъ, имѣвшихъ своимъ средоточіемъ болѣе общіе принципіальные вопросы“ [169]) [170]). Только во вторую половину вопросъ объ освобожденіи получилъ особенное значеніе; и, согласно указанію біографа Ю. Ѳ. Самарина, важную роль здѣсь играла служба Ю. Ѳ. въ Лифляндскомъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ: „здѣсь ему пришлось, повидимому случайно, столкнуться лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ вопросомъ, поставленнымъ притомъ не теоретическими соображеніями, а выдвинутымъ самою жизнью и требовавшимъ поэтому неотложнаго рѣшенія“ [171]), и притомъ онъ не только познакомился съ вопросомъ на дѣлѣ, но познакомился и съ разными мѣрами разрѣшенія его, выработалъ свой взглядъ на нихъ, словомъ Лифляндскій комитетъ 1846 г. былъ приготовительною школою для дальнѣйшей дѣятельности Ю. Ѳ., по крестьянскому вопросу въ Россіи“ [172]). Съ этого времени въ письмахъ Ю. Ѳ. къ его друзьямъ постоянно проскальзываютъ мысли о необходимости освобожденія и притомъ не только въ однихъ теоретическихъ разсужденіяхъ, а на самомъ дѣлѣ. [173]). Въ 1847 г. во время своихъ побывокъ въ Москвѣ Ю. Ѳ. получилъ возможность подробнѣе подѣлиться мыслями со своими друзьями: онъ „выдвигалъ въ этихъ бесѣдахъ вопросы практическіе и доказывалъ необходимость содѣйствовать правительству въ ихъ рѣшеніи“ [174]). Въ Москвѣ Ю. Ѳ. нашелъ союзниковъ, пришедшихъ самостоятельно къ вопросу объ освобожденіи и работавшихъ уже надъ нимъ: въ то время уже цѣлый рядъ отдѣльныхъ лицъ въ разныхъ мѣстахъ поднималъ вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ [175]). Особенно ревностно работалъ А. И. Кошелевъ, который дѣятельность свою такъ опредѣлилъ впослѣдствіи: „въ виду того, что

---

[168]) Самарина «Хомяковъ и кр. вопр.» Рус. Бес. 1860 г. т. II. — Соч. Хомякова т. I.

[169]) Соч. Самар. т. VII пред. стр. XXV.

[170]) Ср. слова Хомякова. Соч. т. II, стр. 87 пр. ср. письмо П. В. Кирѣевскаго «Рус. Арх.» 1873 г. № 8 стр. 1345—1346.

[171]) Соч. Самар. т. VII пред. стр. XXV.

[172]) Ibidem стр. XXIV—XXV.

[173]) Ibidem стр. XXIX и слѣд.

[174]) Соч. Самар. т. VII, стр. XXVII.

принятіе со стороны правительства общей мѣры по освобожденію крестьянъ и дворовыхъ людей, было, въ то время болѣе, чѣмъ сомнительно, я предлагалъ друзьямъ своимъ хотя частнымъ образомъ освобождать своихъ людей отъ произвола и для этого устроить между крестьянами самоуправленіе, совершенно отдѣлить ихъ земли отъ господскихъ земель и установить положительныя и точныя отношенія какъ къ отправленію барщинныхъ работъ, такъ и къ уплатѣ оброка" [175]). Пытался работать А. И. Кошелевъ и среди рязанскаго дворянства, пытался поднять дѣло и въ высшихъ сферахъ, но безуспѣшно [176]). Да и среди самихъ друзей его нашлось не мало несогласныхъ; всѣ сходились въ признаніи безнравственности крѣпостного права, но въ мѣрахъ избавленія отъ этой безнравственности расходились; прежде всего явилась оппозиція по вопросу о содѣйствіи правительству. „Вы спрашиваете, писалъ Хомяковъ, не раздѣляю ли я вашего мнѣнія о томъ, что можно и должно намъ дѣйствовать за одно съ * или напротивъ, не думаю ли, какъ другіе, что никогда съ нимъ дѣйствовать не должно" [177]). И далѣе жалуется, что „Аксаковъ невозможенъ въ приложеніи практическомъ" [178]). Дѣло шло о компромиссѣ. Кажется, въ концѣ концовъ мнѣніе Хомякова восторжествовало: „намъ непремѣнно предстоитъ двоякая дѣятельность, на которую я смотрю, какъ на положительную обязанность; дѣятельность наукоообразнаго изложенія теоріи, (съ полемикою), какъ бы общество ни встрѣчало это изложеніе холодно и тупо, и дѣятельность практическаго приложенія, какъ бы оно ни было затруднительно и перехвачено всякими препятствіями. Наша эпоха, можетъ быть, по преимуществу зоветъ и требуетъ къ практическому приложенію. Вопросы подняты, и такъ какъ эти вопросы историческіе, то они могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ путемъ историческимъ, т. е. реальнымъ проявленіемъ въ жизни" [179]). Такимъ образомъ сопротивленіе шло со стороны теоретиковъ, но возставали противъ отдѣльныхъ лицъ и на практической почвѣ; такъ противъ компромисса Кошелева возставалъ П. В. Кирѣевскій по чисто практическимъ соображеніемъ, неудобности и малой пользы его. [180]). Но какъ бы то ни было вопросъ былъ поставленъ; и въ частности это выразилось въ занятіяхъ исторіей крестьянъ и въ обсужденіи вопроса о поземельной

---

[175]) См. Семевскаго: Крес. вопр. т. II, также Колюпанова: «Біогр. Кошелева» т. II, стр. 103 и слѣд.

[176]) «Рус. Арх.» 1873 г. № 8, стр. 1360.

[177]) «Рус. Арх.» 1879 г. № 11, стр. 328—329.

[178]) Ibidem стр. 330.

[179]) Ibidem стр. 330—331.

[180]) «Рус. Арх.» 1873 г. № 8. О холодномъ отношеніи И. В. Кирѣевскаго, см. Колюпанова «Біогр. А. И. Кошелева», т. II, стр. 83.

собственности [181]); при чемъ пришли къ выводу, что собственность надъ землею всецѣло принадлежитъ общинѣ—государству, а отдѣльнымъ лицамъ—только право наслѣдственнаго съ правомъ отчужденія или безъ него, различнаго въ своихъ степеняхъ пользованія. Мысль выраженная еще въ 1838 г. И. В. Кирѣевскимъ и точнѣе формулированная Ю. Ѳ. Самаринымъ и К. Аксаковымъ [182]). Хотя послѣ 1848 г. славянофилы и подпали опалѣ, вопросъ продолжалъ жить и развиваться [183]).

Гроза, такъ тяжело отразившаяся на нашемъ образованномъ обществѣ, коснулась и Моск. Общ. Ист. и Др. Рос., несмотря, казалось, на самый безобидный предметъ его занятій. Общество предприняло изданіе иностранныхъ извѣстій о Россіи и въ 1848 г. выпустило соч. Джемса Флетчера, въ этомъ увидѣли неблагонадежность и поднялась цѣлая буря, соч. Флетчера было конфисковано; предсѣдатель и секретарь удалились изъ Общества, при чемъ Бодянскому,—онъ былъ тогда секретаремъ,—предложено было помѣняться мѣстами съ Григоровичемъ, бывшимъ ранѣе въ Казани; само Общество лишилось права безъ надзора цензуры выпускать свои изданія, словомъ опала была полная [184]) [185]). Въ такое трудное время

---

[181]) Работалъ Самаринъ: Соч. т. VII, стр. XXXIV и Черкасскій см. «Рус. Арх.» 1880 г. см. письма Хомякова «Рус. Арх.» 1879 г. № 11, стр. 331.

[182]) См. по ст. «Въ отв. А. С. Хомякову», соч. т. I.

[183]) См. записка Кошелева у Колюп. «Біогр. А. И. Кошелева», т. II, стр. 35; также см. «Рус. Арх.» 1879 г. № 11, стр. 355.

[184]) Въ то время враждовало два сильныхъ человѣка: гр. Уваровъ, министръ Нар. Пр., и гр. Строгановъ, бывшій попеч. моск. окр.; каждый имѣлъ своихъ приверженцевъ и партій въ Общ. Въ Москвѣ существовалъ слухъ, что все дѣло совершилось по доносу гр. Уварову Шевырева, и что былъ замѣшанъ и Погодинъ (это думалъ и Бодянскій см. Кочубинскаго «О. М. Бодян. въ его днев.» «Ист. Вѣст.» 1887 г. № 12 стр. 509 и слѣд. также письма къ Строгонову см. «Рус. Стар.» 1890 г. кн. 1 стр. 54), но, судя по документамъ, изданнымъ въ «Рус. Арх.» за 1892 г. (по нимъ нап. ст. Пыпина: «Изъ ист. славяноф.« «Вѣст. Евр.» 1893 № 9), здѣсь просто была особая строгость вслѣдствіе волненій 1848 г. и заговоровъ въ Россіи, которымъ придали такой же, какъ и на Западѣ характеръ: Бартеневъ прямо свидѣтельствуетъ о невѣрности слуха (ibidem); дѣло, впрочемъ, остается темнымъ; можемъ указать лишь на то, что и до сей поры Флетчеръ подъ спудомъ и хлопоты объ его изданіи не увѣнчались успѣхомъ (О судьбѣ отпечат. соч. см. у Титова «Рус. Стар.» 1890 г. кн. 4), что скорѣй свидѣтельствуетъ въ пользу Бартенева.

[185]) Лишеніе права безъ цензуры издавать свои труды было чувствительно для Общества; вспомнимъ, что такое была тогдашняя цензура: въ рук. Ив. Дм. хран. въ Моск. Пуб. и Рум. Муз., находится въ высшей степени любопытная статья М. П. Погодина (собственноручная съ датой 1855 г.), въ которой такъ описана тогдашняя цензура: «Теперь нельзя говорить ни о крестьянахъ, ни о помѣщикахъ, ни о купцахъ, ни о дворянахъ, ни о духовныхъ, ни о военныхъ, ни о чиновникахъ, ни о сановникахъ,—ничего кромѣ общихъ мѣстъ. Кромѣ того есть множество предметовъ, подлежащихъ гуртомъ запрещенію, чтобы ни было о нихъ сказано, напр. о смутномъ періодѣ, о народномъ чувствѣ, объ общинахъ и проч. «Братіе»—цензура не пропускаетъ ни за что выраженій этого рода, потому что ими проповѣдуется равенство. О богатыхъ слова Спасителя никакъ не могутъ пройти, потому что ими показывается расположеніе къ комунизму. Точно также бѣдный не смѣетъ жаловаться на судьбу свою, потому что такая жалоба выражаетъ неудовольствіе настоящимъ порядкомъ въ обще-

и былъ избранъ Ив. Дм. въ секретари Общ.: онъ самъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ А. Н. Попову, что: „я не искалъ секретарства и принялъ его только изъ уваженія къ Общ.“ [186]) Ив. Дм. съ перваго же раза пришлось зарыться въ работу по своему секретарству: надо было принять дѣла отъ бывшаго секретаря Бодянскаго, что оказалось очень не легко, такъ какъ Бодянскій медлилъ и не присылалъ ни бумагъ по Общ., ни оригиналовъ рукописей, ни статей, печатавшихся въ то время; наконецъ, у Бодянскаго были рукописи и книги изъ архивовъ, которыхъ требовали, а Бодянскій и не думалъ присылать. Между тѣмъ текущія дѣла стояли, что, конечно, вызывало еще больше неудовольствія противъ Бодянскаго; такъ что постановлено даже было ходатайствовать предъ попечителемъ о понужденіи его къ возвращенію [187]) [188]). Послѣ этихъ хлопотъ предстояло выработать планъ новаго изданія Общ. Бодянскій придалъ Чтеніямъ извѣстный характеръ: самъ славистъ и малороссъ, онъ открылъ преимущественно дорогу славянскимъ и въ частности малорусскимъ матеріаламъ, что въ извѣстной степени обусловлено было и связями самого Бодянскаго, Ив. Дм. никогда не занимаясь въ

ствѣ... Чистота и строгость цензурныхъ нравовъ дошла до того, что даже цѣловаться любящимъ они позволяютъ съ трудомъ! Народныя пословицы, пѣсни, повѣрья запрещены, какъ будто народъ узнаетъ ихъ изъ книгъ, а не доставляетъ самъ въ книги для изслѣдователей исторіи. Для древнихъ нѣтъ пощады: «Персы», трагедія Эсхила, запрещается, потому что представляетъ много примѣненія для Крымской экспедиціи. Запрещается Психея, изъ «Зол. Осла» Апулеева, подлинникъ Богдановичевой «Душеньки». Платонъ, котораго святые отцы называютъ языческимъ христіаниномъ, лежитъ подъ спудомъ у переводчика уже нѣсколько лѣтъ! Дантовъ Адъ изувѣченъ. Всѣ старые классич. наши произведенія подвергаются новому разсмотрѣнію: изъ Крылова, котораго вся Россія знаетъ наизусть, исключены цѣлыя басни, Державина многіе стихи погибли для настоящаго поколѣнія, даже изъ Голиковыхъ Дѣяній Петра Вел. сдѣланы многія исключенія, и благонамѣренный Загоскинъ не избѣгнулъ терзаній! Пушкина стихотворенія ходили по мытарствамъ два года, пока велѣлъ пропустить ихъ все-таки самъ Государь Императоръ. Точно та же исторія повторилась съ сочиненіями Гоголя. Съ Хомякова дорогого нашего поэта, оставшагося отъ Пушкинскаго періода, взята подписка, чтобы онъ даже не читалъ какихъ-то своихъ произведеній. Многіе изъ достойнѣйшихъ молодыхъ писателей лишены гражданскихъ правъ цензурныхъ по самому странному недоразумѣнію. Еслибъ судить о прежнихъ авторахъ по настоящимъ понятіямъ цензуры, то императрицу Екатерину за ея Наказъ слѣдовало бы оставить въ сильномъ подозрѣніи, отдать подъ строгій надзоръ полиціи. Карамзина за его Іоанна Грознаго должно бы посадить въ крѣпость на всю жизнь. Капниста за «Ябеду» послать на поселеніе, Грибоѣдова за «Горе отъ ума» и Пушкина за его стихотворенія повѣсить, а Гоголя колесовать...» А какой вредъ они причинили далѣе задаетъ вопросъ М. П., «ничего—кромѣ славы; цѣлый рядъ цензоровъ, это вредитъ болѣе чѣмъ сами сочиненія». ст. о Цензурѣ»—Рук. И. Д. Бѣляева, хран. въ Моск. Пуб. и Рум. Муз. № 66 (1575).

[186]) «Рус. Арх.» 1886 кн. 10, стр. 241 (11 нояб. 1849 г.).

[187]) Письма см. Прилож. II. См. также прот. Общ. за 1848 г. (Благодаря любезности Ельп. Вас. Барсова мы могли воспользоваться бумагами общества за время секретарства Ив. Дм., хран. въ рукоп. его; мы воспользовались ими, такъ какъ не всѣ они напечатаны во Времен).

[188]) См. также пис. Кубарева у Барсукова «Рус. Палеол. сор. год.».

этомъ направленіи, будучи по преимуществу историкъ-юристъ, конечно, не могъ, да и не хотѣлъ продолжать это направленіе; онъ выработалъ свой планъ изданія Общ, измѣнившаго свое названіе изъ „Чтеній“ во „Временникъ“ (напеч., въ 1 кн. Врем.), гдѣ указалъ, какъ главную задачу общества, разработку и изданіе матеріаловъ по внутренней исторіи Россіи (въ прил. мы помѣстили рѣчь Ив. Дм., гдѣ имъ подробно развиты мысли, отчасти высказанныя теперь); этотъ планъ въ средѣ членовъ вызвалъ возраженія: особое мнѣніе подалъ Строевъ, напавшій на форму заявленія, также не согласенъ былъ и другой членъ—Ундольскій: кажется, здѣсь шли личные расчеты: секретарства многіе добивались, а у Строева и ранѣе было неудовольствіе на Ив. Дм. за разборъ „Выходовъ“ [189]) [190]), однако планъ былъ утвержденъ и „Врем.“ сталъ издаваться. Существуетъ мнѣніе, что „Врем.“ вообще представляетъ шагъ назадъ противъ „Чтеній“, но главнымъ основаніемъ этого мнѣнія служитъ то, что содержаніе „Врем.“ не отличается разнообразіемъ, и что сокращено въ немъ было число отдѣловъ [191]). Мы укажемъ только, что историко-юридическая сторона, на которую обратилъ главное вниманіе Ив. Дм., лучше поставлена во „Врем.“, чѣмъ въ „Чтен.“ Бодянскаго; также выше стоитъ и изданіе юридическихъ матеріаловъ; что же касается вообще болѣе скромнаго характера, если можно такъ выразиться, изданія, то онъ объясняется тѣми условіями, въ которыхъ приходилось работать въ Обществѣ Ив. Дм. Хотя и были образованы въ помощь Ив. Дм. комитеты ученый и экономическій [192]) но они, кажется, только стѣсняли его дѣятельность, отнимая много времени на чисто формальныя сношенія. Были и несогласія, которыя по поводу плана „Врем.“ мы уже указали; въ письмѣ Ив. Дм. къ А. Н. Попову читаемъ: „Вы говорите, что я тружусь для Общества почти одинъ.... на меня смотрятъ, какъ на искавшаго сей должности, и придираются къ бездѣлкамъ“ [193]). На собственныхъ, уже имѣвшихся членовъ, стало быть, надежда была плохая, но можно было привлечь свѣжія силы? Здѣсь опять встрѣчаемъ затрудненіе: по уставу общества число дѣйствительныхъ членовъ было ограничено 30-ю; это прежде не соблюдалось строго и не мало было членовъ сверхъ

---

[189]) Ельп. Вас. Барсовъ издалъ въ «Чт. Им. Мос. Об. Ис. и Др. Рос.» 1884 г. эти мнѣнія и вообще извѣстія объ утвержденіи плана изъ бумагъ Ив. Дм.

[199]) О «Выходахъ» см. «Москв.» 1844 т. V кн. 9 также Барсукова: «Ж и Тр. И. М. Строева» стр. 39.

[191]) См. Срезневскаго «Сб. Ак. Н. т. XVIII стр. 41 также «Рус. Стар.» 1879 г. (окт.) Иконникова «Оп. рус. исторіог.» т. I кн. 1.

[192]) См. Прот. въ «Дѣл. Об. Ис. и Др.»; въ экономич. комитетѣ первенствовалъ Погодинъ (кажется, вообще въ это время было сильно его вліяніе на дѣла Общества. Въ «Дѣл. Общ.» мы видѣли помѣты объ отсылкѣ нѣкот. на домъ къ Мих. Пет.).

[193]) «Рус. Арх.» 1879 кн. VI стр. 241 (11 нояб. 1849 г.).

того, но со времени опалы Общ. приходилось обращать болѣе вниманія на точное соблюденіе устава, поэтому представлялось или измѣнить уставъ или, сохраняя его, отказаться отъ притока свѣжихъ силъ: Общество постановило прибѣгнуть къ первому и Спасскимъ былъ выработанъ уставъ, впрочемъ, не получившій утвержденія [194]) тогда нашли еще одинъ выходъ: перевели многихъ дѣйствительныхъ въ почетные члены, чѣмъ и освободилось нѣсколько вакансій [195]). Это, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшеніе положенія Общ. въ глазахъ высшаго начальства, (кажется, благодаря хлопотамъ А. Н. Попова) [196]) дало возможность Общ. свободнѣе отнестись къ дѣлу избранія, а слѣдовательно и привлеченія членовъ въ свой составъ. Это наступило уже во второе трехлѣтіе секретарства Ив. Дм., когда можно было уже вздохнуть полегче. Въ первое же трехлѣтіе необходимо еще упомянуть въ высшей степени запутанное финансовое положеніе Общества, никогда не располагавшаго большими финансовыми средствами; въ секретарство Бодянскаго предпринято было Общ. печатаніе отдѣльныхъ сочиненій членовъ Общ. на счетъ Общ. (кажется, это началось еще въ секретарство Погодина, но при Бодянскомъ достигло большихъ размѣровъ); при этомъ сочиненія туго расходились. Слѣдствіемъ такого порядка веденія дѣла было: въ Общ. имѣлось на 18,138 р. 60 к. изданій и 7,674 р. $66^3/_4$ коп. долгу, а правительственная субсидія почти сполна шла на печатаніе періодическаго изданія Общ.; долгъ надо было уплатить и, такъ какъ частныхъ пожертвованій не предвидѣлось (за все секретарство Ив. Дм. была пожертвована лишь тысяча руб. и нѣсколько книгъ и тому под.), то волей неволей приходилось экономить, что опять таки заставляло съузить дѣятельность Общ.; только благодаря этому и удалось постепенно погасить долгъ [197]). Эти трудности пришлось преодолѣть Ив. Дм. въ первые годы секретарства и только къ серединѣ 50-хъ годовъ, какъ мы сейчасъ сказали, положеніе Общ. улуч-

---

[194]) См. «Дѣл. Мос. Общ. Ис. и Др,» проектъ устава съ измѣн. рукой Ив. Дм.

[195]) См. спис. член. и сорев. Общ. въ «Дѣл. Общ.» По дѣлу принятія Буслаева въ члены сохранился отзывъ Ив. Дм.: Буслаевъ, предлож. Калачевымъ, Соловьевымъ и Хомяковымъ въ дѣйст. чл.; Ив. Дм. указывалъ въ своемъ отзывѣ, что у Буслаева нѣтъ трудовъ для Общ. спеціально и что нельзя его принять сверхъ комплекта: Ив. Дм. поддерживали Кубаревъ и Спасскій; здѣсь, кажется, были свои партійные счеты еще уваровцевъ и строгановцевъ, см. Рук. Ив. Дм., хран. въ Мос. Пуб. и Рум. Муз. № 66 (1575) л. 266.

[196]) См. прот. 1856 г. и 1852 г.; въ это время были избр. въ поч. члены Мин. Нар. Пр. Ширин.-Шихм. и товар. его Норовъ, въ дѣй. чл. А. Н. Поповъ. Въ 1854 г. испрошено благоволеніе Моск. Общ. Ис. и Др. см. Днев. Никитенка «Рус. Стар.» 1890 г. кн 5, стр. 281.

[197]) См. «Дѣла Общ.»; отчеты секрет. 30 нояб. 1854 г. и ранѣе. Заяв. Экон. ком. къ 1 янв. 1849 г.; также отчеты книгопр. и казначея. Сокращеніе расходовъ достигнуто тѣмъ, что перестали печатать отдѣльныя сочиненія и оттиски см. прот. за время секр. Ив. Дм.

шилось: въ составъ общества вступилъ рядъ новыхъ дѣятельныхъ ученыхъ, поддерживавшихъ своими трудами его изданіе; упрощенна дѣятельность Общ. возвращеніемъ стараго порядка—чтенія на засѣданіяхъ предлагаемыхъ статей; наконецъ, введенъ новый отдѣлъ библіографіи, въ которомъ сталъ работать цѣлый рядъ молодыхъ соревнователей: словомъ Общ. выбралось на торную дорогу. Такъ продолжалось до марта 1857 г. (Ив. Дм. въ это время дослуживалъ третье трехлѣтіе); въ это время совершились большія перемѣны: попечителемъ Моск. учебн. окр. былъ назначенъ Ег. Пет. Ковалевскій, который и заинтересовался дѣлами общ.: мы видимъ его, присутствующимъ на засѣданіяхъ; въ тоже время Чертковъ сложилъ предсѣдательство въ Общ.; на засѣданіи 13 Марта 1857 г., узнаемъ изъ протокола, когда стало извѣстно объ удаленіи Черткова, собирается много лицъ, обыкновенно не бывавшихъ на засѣданіяхъ (между прочимъ Коршъ, Бодянскій, Катковъ, Буслаевъ) и среди нихъ Е. Пет. Ковалевскій, по предложенію котораго и рѣшено просить о предсѣдательствѣ вновь гр. Строганова, что и порѣшили единогласно. Строгановъ принялъ предложеніе: Ив. Дм. подалъ просьбу объ увольненіи и на его мѣсто избранъ Бодянскій [198]). Такъ кончилось секретарство Ив. Дм. Въ чемъ собственно выразилась дѣятельность Ив. Дм.? Административная дѣятельность видна изъ нашего очерка, объ ученой же и издательской предоставимъ слово самому Ив. Дм.: „въ продолженіи моего секретарства, возобновлявшагося по выборамъ общества три раза съ 1848 г., издано подъ моею редакціей 25 книгъ Времен., въ которыхъ, кромѣ историческихъ изслѣдованій моихъ собственныхъ и другихъ членовъ общества и постороннихъ лицъ, напечатаны были замѣчательные въ исторической литературѣ матеріалы большею частью, отысканные мною самимъ, или такіе, которые хотя и были извѣстны прежде меня, но почему то ускользали отъ вниманія ученыхъ, таковы: 1-е) офф. разр. кн. 7123, 24 и 25 годовъ, до меня нѣтъ ни одного изслѣдованія; 2-е) кн. Сеунчей 7123 года; 3-е) помѣст. дѣла; 4-е) дѣла о губн. стар., 5-е) лѣт. Ѳед. Кир. Нормантскаго; 6-е) писц. Новгор. кн. 7008, 7090, 91 годовъ; 7-е) торг. кн. начала XVII в.; 8-е) письма кн. В. В. Голицына и Ан. Ил. Безобразова, превосходно характеризующія семейный и хозяйственный бытъ Русскихъ дворянъ въ XVII в.; 9-е) расх. кн. Нов. митр. Никона; 10-е) приправ. кн. Московскаго и Рязанск. уѣздовъ 7094 и 7124 годовъ, весьма важныя для объясненія правъ поземельнаго владѣнія въ Россіи въ XVI и XVII ст.; 11-е) иное сказ. о самозванцѣ;

---

[198]) «Дѣла Общ.» прот. засѣд. 13 мар. 1857 г. Въ «Дѣл. Общ.» находится прошеніе Черткова объ увольненіи: по случаю поѣздки заграницу для лѣченія.

12-е) росп. полев. мѣры 1709 г.; 13-е) Статутъ вел. кн. Литовск. 1588 г. и ст. вел. кн. Литовск. 1566 г., изъ нихъ первый хотя и былъ напечатанъ въ типогр. Мамоничей на русс. яз., но составляетъ библіогр. рѣдкость въ наше время, а другой никогда не былъ напечатанъ; 14-е, спис. съ прик. дѣлъ Спасоприлуцкаго монастыря съ 204 по 206 г.; списокъ сей превосходно характеризуетъ тогдашнее судопроизводство и составляетъ новый доселѣ неизвѣстный источникъ для изслѣдователей русск. права, и служитъ указаніемъ на другіе подобные источники и 15-е) трeб. обыв. вел. кн. Литовск., на соймѣ Варшавск., данный року 1581, хотя въ прежнее время напечатанный, но составляющій библіогр. рѣдкость“ [199]). Затѣмъ Ив. Дм. упоминаетъ матеріалы, помѣщенные другими. Упоминаніе глав. обр. матеріаловъ очень характерно: оно показываетъ, что особенно цѣнилъ въ своей дѣятельности Ив. Дм., что преслѣдовалъ въ своемъ „Времен.“ (срав. рѣчь прилож. III) [200]). Но кромѣ матеріаловъ помѣщено Ив. Дм. во „Времен.“ цѣлый рядъ изслѣдованій: одни изъ нихъ касаются исторіи нашего государственнаго строя вообще, какъ напр. ст., которой открывается Врем.: „Дружина и земщина“, или въ частности населенія „Служилые люди“ (Врем. кн. 3); біографіи вел. кн.; наконецъ, очерки по древней нашей исторій: „Рус. зем. предъ приб. кн. Рюр. въ Новгородъ“, „кн. Рюр. съ братьями и друж.“, „Русь въ пер. сто лѣтъ отъ приб. кн. Рюр.“; помѣщены также ст. по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ: „о земледѣліи въ др. Руси.“, также о лѣтоп., по нумизматикѣ и много предисловій къ матеріаламъ (ст. „О поз. влад. въ Мос. гос.“ Врем. кн. 11—перепечатана съ незначительными поправками въ текстѣ изъ „Москвитянина“ 1848 г.). Всѣ эти труды имѣютъ одинъ общій характеръ: они отличаются Погодинской тщательностью въ пользованіи матеріаломъ, но имѣютъ и то, чего недостаетъ Погодину: ихъ изложеніе является связнымъ, проникнутымъ общею идеею; эта общая идея относится собственно къ статьямъ о населеніи и очеркамъ русс. исторіи: идеи отчасти уже выражены были Ив. Дм. въ ст. „Чтеній“: „Отн. придн. гор. къ Вар. кн.“ (Чт. 1848 кн. 7), частью въ „Гор. на Руси до Монг. ига“ (Ж. М. Н. Пр. 1848 г. ч. LVII) и въ помянутой ст. „Москвит.“ „О позем. влад.“: эти взгляды Ив. Дм. примыкаютъ къ славянофильскому ученію объ обществѣ и государственной власти,

---

[199]) «Отч. за 1855, 56 и 57 г.» (не точно за все секретарство) см: «Дѣл. общ.»; въ концѣ «отч.» свѣд. о фин. полож. Общ.; отчетъ писанъ Ив. Дм. собственноручно.

[200]) Часть матер. для 1-й кн. Врем. была изготовлена не Ив. Дм.; Бодянскій пишетъ: «между 24 л.составл. нынѣш. кн. «Врем.» цѣлыхъ 9-ть изготовлены мною для «Чтен.» и однако же, хотя гдѣ ни на есть одно словцо «пригот. было для Чтен.» см. «ст. «Еп. Кир. Мелитопольскій «Рус. Стар.» 1890 г. кн. 10 стр. 203.

выставленному какъ мы видѣли впервые М. П. Погодинымъ и философски обоснованному Ив. Вас. Кирѣевскимъ, Хомяковымъ и позже Самаринымъ и Аксаковымъ; въ частности Ив. Дм. является сторонникомъ общиннаго быта. Одна разница только въ трудахъ Ив. Дм. и славянофиловъ: у тѣхъ намѣченъ лишь общій планъ, брошено лишь нѣсколько свѣтлыхъ мыслей; Ив. Дм. обосновываетъ ихъ, изъ лѣтописей, актовъ онъ вводитъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу ихъ, подробно разработываетъ самые вопросы. За это время Ив. Дм. дѣлается членомъ Од. общ. Ис. и Др. Русс., основаннаго Надеждинымъ и Мурзакевичемъ, въ „Зап." котораго Ив. Дм. помѣстилъ ст. „О сѣвер. побер. Чер. Моря" (членъ съ 29 апр. 1848 г.[201]) и „Им. Русс. Геог. Об.", гдѣ въ „Зап." Общ. помѣстилъ ст. „О геогр. свѣд. на Руси съ XI—XV в. (кн. V) (членъ съ 29 декаб. 1850 г.[202])[203]). Так. обр. Ив. Дм. работая въ Общ. и по службѣ (онъ продолжалъ служить см. ниже), тѣмъ не менѣе находилъ время и для другихъ обществъ, находилъ время и для сотрудничества въ разныхъ журналахъ и изданіяхъ. Такъ, за описываемый періодъ мы видимъ статьи его въ „Москвит.", однако въ немъ Ив. Дм. по прежнему продолжалъ работать урывками: новыя вѣянія, проникшія въ редакцію „Москвит." съ молодыми талантливыми писателями, съ Островскимъ, Ап. Григорьевымъ во главѣ [204]), не придали большаго оживленія исторической части его; тамъ по прежнему помѣщались статьи Погодина и нѣк. др. и съ прежнимъ характеромъ; но зато Ив. Дм., если не своими произведеніями, которыя онъ и не могъ особенно ссужать, такъ какъ у него былъ на рукахъ свой „Врем.", куда уходила главная часть, то помогалъ личнымъ трудомъ: изъ письма къ Лешкову (см. прил. II) мы видимъ, что Ив. Дм. держалъ корректуру статей, переписывался съ сотрудниками и вообще несъ, что называется, черную работу. Изъ этого же письма узнаемъ и нѣкоторые взгляды Ив. Дм.: онъ уже говоритъ о „нашемъ" лагерѣ, конечно, понимая подъ этимъ славянофиловъ и ихъ союзниковъ, въ противоположность тогдашнимъ западникамъ съ Грановскимъ во главѣ, съ которымъ полемика не прекращалась. Видимъ также ст. Ив. Дм. въ „Кіевлянинѣ" Максимовича, въ „Моск. сбор." 1852 г., въ „Арх. истор. юрид. свѣд. (т. IV) Калачева, наконецъ, въ „Зап. Имп. Арх. Общ." (т. V); помѣщалъ также Ив. Дм. ст. и въ „Ж. М.

---

[201]) «Біогр. сл. пр. Мос. ун.» т I Автоб. зам. стр. 136.

[202]) Ibidem.

[203]) Эту статью Ив. Дм. передѣлалъ вслѣдствіе замѣчаній А. Н. Попова см. письма къ А. Н. Попову «Рус. Арх.» 1886 г. 10 стр. 251 отъ 12 сент. 1950 г. Послужила ли на пользу эта передѣлка?

[204]) См. Венгерова «Молод. ред. Москвит. «Вѣст. Евр.» 1886-й г. кн. 3.

Н. Пр.“ (1855 г. № 6), въ „Юбилейн. сбор. моск. унив.“ („Какъ пон. давн. въ разн. вр. и рус. общ. и законод.“), въ „Словарѣ пр. Моск. Ун.“ (біогр. Горюшкина, Васильева и своя автобіографія) и др. Мы нарочно дѣлаемъ этотъ нѣсколько скучный перечень спеціальныхъ трудовъ Ив. Дм., чтобы указать съ одной стороны невѣроятное трудолюбіе Ив. Дм. [205]), а съ другой отмѣтить общій его недостатокъ на который указалъ еще Погодинъ въ своей статьѣ, посвященной молодымъ ученикамъ его и разбору ихъ трудовъ („Москвит.“ 1847 г.): Ив. Дм. страшно разбрасывался и хотя вслѣдствіе этого труды выигрывали въ числѣ, но, конечно, теряли въ качествѣ: это все работы по тому или другому отдѣльному вопросу, при чемъ авторъ, преимущественно основываясь на изданныхъ уже лѣтописяхъ, группируетъ добытыя изъ нихъ данныя, дѣлая нерѣдко остроумныя обобщенія и подъ часъ болѣе или менѣе основательныя догадки: во всѣхъ этихъ статьяхъ лишь указанныя нами три статьи „Временника“ о начальномъ періодѣ рус. исторіи, а въ связи съ ними ст. въ „Зап. Од. Об. Ис. и Др. Рос.“ представляютъ сколько нибудь выработанное цѣлое [206]). Равнымъ образомъ эта разбросанность мѣшала Ив. Дм. посвятить себя спеціально „Врем.“ или какому нибудь изданію, а между тѣмъ это, на нашъ взглядъ, скорѣе вредило Ив. Дм., заставляя постоянно приноравливаться къ цѣлямъ, преслѣдываемымъ изданіямъ и опять таки не давая сосредоточиться.

И при всемъ множествѣ ученыхъ работъ Ив. Дм. онъ продолжалъ служить въ своемъ Арх. Стар. Дѣлъ [207]). Кромѣ обычныхъ занятій, связанныхъ съ должностью совѣтника (были и особыя обязанности: такъ въ 1849 г. Ив. Дм. ревизовалъ кн. и суммы Москов. синод. типогр. [208]);

---

[205]) Вотъ слова Погодина, указывающія еще на цѣлый трудъ Ив. Дм., котораго мы имѣемъ лишь части (друж. и земщ. и т. д.) «О мнѣніяхъ Г. Бѣляева въ его превосходномъ трудѣ объ администраціи древняго Москов. государства, я скажу свое мнѣніе, когда увижу его вполнѣ. О, если бы почтенный труженникъ получилъ средство посвятить все свое время этому важному и общеполезному сочиненію. «Москвит.» 1848 г. ч. V стр. 83.

[206]) Отчасти, хотя и въ далекой связи, какъ подготовительный матеріалъ для будущей исторіи, можно отнести сюда и др. статьи: «О полож. духовен.» и т. д между прочимъ и біографіи князей; о нихъ читаемъ: «по моему мнѣнію безъ предварительныхъ біографій нельзя писать исторіи, въ которой была бы видна жизнь и характеръ, хотя главныхъ двигателей». «Рус. Арх.» 1886 г. кн. 10 стр. 253. Письм. къ А. Н. Попову.

[207]) Мы видѣли, что въ 1849 г. Ив. Дм. былъ назначенъ туда совѣтникомъ; это назначеніе состоялось по ходатайству Погодина и личному Ив. Дм. у А. Н. Попова, служившаго при гр. Блудовѣ; вотъ что писалъ А. Н. Попову Ив. Дм.; указавъ, на ходатайство Погодина и изложивъ свою просьбу, Ив. Дм. продолжаетъ: «Вообще всѣ ваши требованія по отысканію древнихъ актовъ, по занятіи мною должности совѣтника, могли бы исполняться съ точностію и быстротою, тѣмъ болѣе, что тогда я могъ бы дѣйствовать независимо и безъ просьбъ у другихъ, которыя обыкновенно не всегда исполняются и служатъ немалымъ препятствіемъ дѣлу». «Рус. Арх.» 1886 г. кн. 10 стр. 240 (2 Авг. 1840 г.).

[208]) См. Дѣл. Сов. Арх. Имп. Мос. Ун., д. № 466 за 1852 г. и 311 за 1873 г.

на Ив. Дм. возложены была вмѣстѣ съ Ундольскимъ работы (предварительныя) по изданію въ свѣтъ записныхъ и разрядныхъ книгъ о службѣ придворной, военной и гражданской [209]). О ходѣ занятій Ив. Дм. мы можемъ познакомиться изъ писемъ Ив. Дм. къ гр. Блудову, напечатанныхъ Ельп. Вас. Барсовымъ [210]) (см. также прилож. II): впослѣдствіи изъ этихъ работъ образовались матеріалы для изданія „Дворц. Разр.“ и „Разр. кн.“ [211]) [212]). Вотъ все, что мы знаемъ объ этой дѣятельности Ив. Дм. [213]). Въ 1852 г. 29 декабря съ Ив. Дм. произошла перемѣна, открывавшая новую дорогу въ его жизни, дорогу, о которой онъ едва могъ мечтать: Высоч. приказомъ онъ былъ переведенъ въ Моск. унив. исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ Ист. рус. законодат. [214]). Так. обр. Ив. Дм. сдѣлался профессоромъ и могъ, наконецъ, отдаться всецѣло любимымъ своимъ занятіямъ, которымъ посвятилъ свою жизнь: правда, въ то время какъ другіе вступаютъ на каѳедру во цвѣтѣ силъ и здоровья, въ періодъ жизни, самый богатый свѣжими силами ума, когда способности достигаютъ высшаго развитія, Ив. Дм. вступилъ уже пожилымъ человѣкомъ за сорокъ лѣтъ, проведшимъ всю лучшую пору жизни въ пыльныхъ архивахъ надъ старинными бумагами, человѣкомъ съ вполнѣ сложившимися и отчасти опредѣлившимися въ предшествующихъ трудахъ взглядами. Преподаваніе исторіи законодат., того, что теперь называемъ

---

[209]) Ibidem.

[210]) «Чтен. Им. Моск. Об. Ис. и Др. Рос.» 1884 г. кн. I; письма хран. въ рук. Ив. Дм. у Ельп. Барсова.

[211]) Объ этомъ кромѣ помян. писемъ см. письма Ив. Дм. къ А. Н. Попову «Рус. Арх.» 1886 г. кн. 10 и тамъ же письма Ундольскаго къ А. Н. Попову: между Ив. Дм. и Ундольскимъ, не смотря на всю дружбу ихъ, было какое то недовѣріе.

[212]) Въ письмахъ къ А. Н. Попову Ив. Дм. упоминаетъ о св. запис. объ издан. законод. части до уложенія, см. «Рус. Арх.» 1886 г. стр. 256 Эта записка въ собствен. черновикѣ такова: сначала авторъ указываетъ на составной характеръ уложенія и важность знать источники его и вообще предшств. законод. памятники; потомъ авторъ указываетъ на разнообразные виды встрѣчающихся памятниковъ излагаетъ правила изданія и самый порядокъ его, см. рук. И. Д. Бѣляева, хран. въ Моск. Пуб. и Рум. Муз. №16 (1576) л. 20. Викторовъ въ «Собр. рук. И. Д. Бѣляева» дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о разр. кн., коими пользовался Ив. Дм. при подготовкѣ матеріаловъ, отсюда можно до нѣкоторой степени судить о самомъ матеріалѣ, который былъ так. обр. подготовленъ См. стр. 75.

[213]) Въ 1850 г. Ив. Дм. хлопоталъ о мѣстѣ цензора, что ему впрочемъ не удалось; вотъ что онъ писалъ А. Н. Попову: «Въ нашемъ служебномъ углу древностей что годъ то новость; теперь министръ хлопочетъ переформировать наши штаты и особенно сократить ихъ, и моя должность, какъ я видѣлъ уже въ проектѣ, уничтожается, слѣдовательно, хочешь не хочешь, а ищи другой службы. А теперь есть въ Москов. Ценз. Комитетѣ три праздныхъ вакансіи цензоровъ, которыя рѣшительно зависятъ отъ Мин. Нар. Пр. Нельзя ли какъ нибудь объ этомъ попросить у Дим. Ник.? Онъ, можетъ быть, вступится въ мое положеніе и попроситъ кн. Шир.-Шихматова опредѣлить меня на одну изъ праздныхъ цензорскихъ вакансій въ Москвѣ» «Рус. Арх.» 1886 г., кн. 10 стр. 250-251 (12 сен. 1850 г.):

[214]) См. упом. выше дѣла. Арх. Имп. Моск. Ун. и автобіогр. зап. Слов. пр. Моск. Ун., т. I стр. 136.

исторіей русс. права, въ то время было поставлено уже довольно хорошо трудами Кавелина и Калачева, а ранѣе Морошкина: мы видѣли уже, какъ въ тридцатыхъ годахъ стояло преподаваніе этого предмета: при богатствѣ матеріаловъ, входящихъ въ кругъ исторіи рус. законодательства и, слѣдовательно, широкомъ полѣ для разработки его, былъ одинъ существенный недостатокъ: не доставало теоретической подготовки у нашихъ профессоровъ; всѣ попытки Горюшкина построить какую-нибудь систему исторіи русс. законод. выразились въ довольно нестройномъ трудѣ, хотя и замѣчательномъ по своему времени (Ив. Дм. ставилъ его выше другихъ до появленія соч. Рейца [215]): вотъ, какую характеристику даетъ самъ Ив Дм. его „Руководству къ позн. Рос. законоис.“: „Горюшкинъ много читалъ и много слышалъ о разныхъ системахъ законовѣдѣнія, но ни одной изъ нихъ не изучилъ надлежащимъ образомъ; а посему принявшись составлять свою систему Рус. законовѣдѣнія, волей-неволей, былъ вовлеченъ во многія запутанности, надѣлалъ множество раздѣленій, и перемѣшалъ имъ же самимъ задуманный порядокъ изложенія..... основною мыслію системы Горюшкина было представить постепенное развитіе права отъ одного лица и семей до правъ международныхъ, но когда онъ приступилъ къ самому изложенію и объясненію сихъ правъ, то постоянно началъ уклоняться отъ своего порядка и перемѣшалъ одни права съ другими“ [216]). Такова была первая попытка самостоятельнаго построенія системы. Послѣ Горюшкина, какъ мы видѣли, Сандуновъ привилъ взглядъ на исторію рус. законодательства, какъ на искусство, а его преемникъ Смирновъ изъ боязни, или по какимъ другимъ соображеніямъ, не рѣшился указать и избѣжать односторонности Сандунова. Только съ Морошкинымъ начинается болѣе основательное изученіе; Морошкинъ, думалъ самъ написать курсъ, но по появленіи Рейца рѣшилъ удовольствоваться имъ, снабдивъ переводъ только своими примѣчаніями [217]). Во всякомъ случаѣ трудъ Рейца („Оп. о рос. зак.“) являлся своего рода эпохой въ исторіи рус. права или, какъ тогда выражались, законодательства: кромѣ прекраснаго изложенія внѣшней исторіи законодательства тамъ можно было найти систематическое разсмотрѣніе содержанія разнаго рода памятниковъ исторіи законодательства „первая ступень къ исторіи права“. Въ сороковыхъ годахъ является цѣлый рядъ талантливыхъ ученыхъ, европейски образованныхъ, которые и кладутъ основу дальнѣйшему развитію историческаго изученія права: особенно подвинулась разработка внѣшней исторіи права,

---

215) «Слов. пр. Моск. Ун.», т. I стр. 256.
216) Ibidem стр. 255.
217) См. предисл. къ «Оп. рос. зак.»

исторіи законодательныхъ памятниковъ, что въ общемъ очеркѣ сдѣлано было уже Рейцемъ. Укажемъ здѣсь на вліяніе М. П. Погодина: Поповъ и Калачевъ были его учениками и оба посвятили свои труды памятникамъ законодательства: это явленіе (были и друг. изслѣдователи кромѣ двухъ названныхъ; между проч. нѣсколько позже и Ив. Дм. написалъ статью о номоканонѣ: „о знач. номок. въ исторіи разв. рус. законод.“, статья, оставшаяся неизданной [218]) кажется, нужно поставить въ связи съ господствовавшей въ то время борьбой со скептиками и тщательными изученіями историческихъ памятниковъ. Мы знаемъ, что въ Москов. Университ. читались курсы внѣш. исторіи права и Калачевъ даже считалъ это основой преподаванія [219]), но рядомъ съ этимъ направленіемъ замѣтно и другое, которое отразилось на разсмотрѣнномъ уже нами: „Взглядѣ на юрид. бытъ др. Руси“; мы здѣсь отмѣтимъ еще разъ общій характеръ этой статьи: попытка представить органическое развитіе исторіи русскаго народа, выяснить общія начала этого развитія. Так. обр. общій ходъ развитія науки намѣтилъ уже двѣ стороны ея, внѣшнюю и внутреннюю исторію права: исторію законодательства и исторію быта, когда выступилъ на каѳедру Ив. Дм. До насъ дошли первоначальный планъ лекцій и первые курсы (не вполнѣ) лекцій Ив. Дм.: сравнивая между собой сохранившіяся программы и позднѣйшій курсъ Ив. Дм., легко можно замѣтить, что уже ко второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ курсъ былъ выработанъ въ главныхъ чертахъ: Ив. Дм. только вносилъ туда результаты своихъ послѣднихъ работъ, самая же схема курса осталась почти безъ измѣненія, лишь первые его курсы представляютъ различіе: Ив. Дм. читалъ сначала курсъ внѣшней исторіи законодательства, предметъ хорошо знакомый Ив. Дм. въ силу его служебныхъ занятій: въ этомъ курсѣ Ив. Дм. излагаетъ источники исторіи законодательства, т. е. преданія, лѣтописи, памятники древняго законодательства и особенно богатый разрядъ, оффиціальныя административныя книги; этотъ отдѣлъ особенно любопытенъ и показываетъ все богатство свѣдѣній Ив. Дм. въ архивныхъ матеріалахъ [220]). Въ другихъ курсахъ намѣчены уже въ общемъ послѣдующія „Лекціи по исторіи рус. законодат.“ Любопытно въ нихъ указаніе на самый „методъ“, положенный въ основу преподаванія Ив. Дм.: Ив. Дм. выходилъ изъ того пониманія памятниковъ законодательства, что они являются выраженіемъ жизни народной, съ которой находятся во взаимодѣйствіи

---

[218]) См. рук. Ив. Дм., хран. у Ельп. Вас. Барсова.
[219]) См. біогр. Калачева «Сл. пр. Мос. Ун.», т. I.
[120]) Рук. Ив. Дм., хран. у Ельп. Вас. Барсова.

и въ органической связи; вслѣдствіе этого исторія законодательства, состоитъ изъ обзора внутренней жизни народа за извѣстные періоды и разсмотрѣнія самихъ памятниковъ въ такомъ порядкѣ: опредѣлить ихъ значеніе и отношеніе къ жизни общества, изучить каждую мысль памятника отдѣльно, руководствуясь уже добытымъ прежде понятіемъ о жизни народа, потомъ соображать связь мыслей въ цѣломъ памятникѣ или въ одновременномъ ряду памятниковъ и допытываться основной и главной мысли цѣлаго законодательства въ данное время“ [221]), затѣмъ, Ив. Дм. указываетъ третій отдѣлъ: разсмотрѣніе, какъ памятники прилагались въ жизни [222]). Что касается самого содержанія курса, то въ немъ развиты мысли Ив. Дм. объ общинномъ бытѣ древней Руси, о дружинѣ и земщинѣ, о народѣ и государственной власти, мысли, по которымъ Ив. Дм. вполнѣ примыкаетъ къ славянофиламъ; оригинальнымъ, свойственнымъ одному Ив. Дм. можно считать только мнѣніе о первоначальныхъ городскихъ поселеніяхъ-общинахъ, о переходѣ изъ рода въ общину вслѣдствіе переселенія и поселеніи среди иноплеменныхъ туземцевъ; наконецъ, подробное развитіе ученія о земщинѣ и дружинѣ, ихъ взаимоотношеніяхъ и отношеніяхъ къ князю. Наконецъ, намъ остается еще сказать, что къ этому времени у Ив. Дм. уже образовалось (вѣроятно, еще со времени службы въ архивахъ) богатое собраніе рукописей, которымъ онъ и пользовался при изданіи „Временника“. Когда у Ив. Дм. образовался достатокъ въ денежномъ отношеніи, то онъ завелъ обширныя связи съ торговцами старинными книгами и документами: такъ мало по малу образовывалось то богатое собраніе рукописей и актовъ, которое теперь составляетъ достояніе Мос. Пуб. и Рум. Муз. [223]).

С. А. Гадзяцкій.

(Продолженіе будетъ).

---

[221]) Рук. Ив. Дм., хран. у Ельп. Вас. Барсова.
[222]) Ibidem.
[223]) Ив. Дм. знали хорошо всѣ московъ букинисты; въ бытность нашу въ Москвѣ мы разговорились съ однимъ старичкомъ-букинистомъ на Смолен. рынкѣ, около котораго жилъ Ив. Дм.: мы спросили, не продаются ли соч. Ив. Дм.; хотя ихъ и не оказалось, но букинистъ вспомнилъ Ив. Дм., какъ, бывало, онъ постоянно заходилъ и любилъ рыться въ книгахъ; «добрѣйшій былъ баринъ», заключилъ старичекъ-букинистъ...

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Памяти Павла Іосифа Шафарика *).

Православная церковь сегодня чествуетъ память св. Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, плодами дѣятельности которыхъ воспользовались мы, русскіе, болѣе всѣхъ Славянъ.

„Ѡбаю свѧтаа, хвалитсѧ славно градъ салоунскыи, Кириле свѧте и Меѳодие, Мисиѧ и Панониѧ и Моравьскаа землѣ блажене, славѧщи и вопіющи васъ“ поется въ старинномъ канонѣ святымъ первоучителямъ. Воспѣваютъ и славятъ своихъ святыхъ просвѣтителей всѣ Славяне-христіане, но лишь у Православнаго Славянства всегда сохранялась память о нихъ, только Православный Славянскій міръ не переставалъ слышать, и нынѣ слышитъ ихъ слово, ихъ ученіе. Лишь со времени дѣятельности своихъ первоучителей Славяне стали причастны просвѣщенію и заняли свое мѣсто въ исторіи Европы. Святое слово славянской проповѣди ихъ возродило, ихъ научило, ихъ направило къ участію въ міровомъ прогрессѣ,—оно опредѣлило ихъ единство и дало Славянамъ основную отличительную черту ихъ сущности и нравственнаго облика.

Прошло тысячелѣтіе. Славянство провело его раздробленнымъ на части, и его историческія судьбы были трудны и печальны. Сознаніе общности и единства, потребность взаимныхъ связей чувствовались всегда, но лишь по временамъ находили свое выраженіе. Когда началась сводка прожитаго, историческая правда перемѣшалась съ вымысломъ и догадками. Наступило время возрожденія славянъ,—нужна была провѣрка и оцѣнка ихъ силъ, нужна была историческая правда о нихъ, явилась необходимость узнать дѣйствительное положеніе раздробленнаго на части Славянскаго міра, пересчитать оставшихся славянъ...

Второго мая протекло столѣтіе со дня рожденія того ученаго, который исполнилъ эту трудную задачу, и въ эти дни вспоминали о немъ на славянскомъ Югѣ и Западѣ. Я разумѣю „отца славянской на-

---

*) Рѣчь, произнесенная проф. П. А. Кулаковскимъ въ торжественномъ Засѣданіи Славянскаго Общества 11 мая 1895 года.

уки“ славака-чеха Павла Іосифа Шафарика, друга Михаила Петровича Погодина, по выраженію котораго его дружба съ Шафарикомъ была его „радостью жизни“.

Дѣятельность Шафарика прошла у рабочаго стола въ бѣднѣйшей обстановкѣ, среди трудныхъ житейскихъ обстоятельствъ, но та область, которой онъ отдавалъ всѣ свои силы, была полна источниками жизни, и запыленныя хартіи вѣковъ, освѣщенныя его испытующимъ взглядомъ, вливали новую жизнь во все Славянство, оживляли уже застывающіе по мѣстамъ члены огромнаго славянскаго организма.

Шафарикъ родился въ странѣ Словаковъ, въ деревнѣ Кобеляровѣ. Потомокъ чешскихъ поселенцевъ—„чешскихъ братьевъ“, укрывшихся въ Карпатскихъ горахъ отъ гоненій іезуитовъ, нещадно уничтожавшихъ послѣ 30-лѣтней войны все, что напоминало о проповѣди Гуса, сынъ евангелическаго пастора, Павелъ Шафарикъ съ ранняго дѣтства предназначался къ духовному званію. Родители желали, быть можетъ, видѣть въ своемъ младшемъ сынѣ преемника своему отцу въ Кобеляровѣ. Окончивъ гимназическій курсъ въ Рожновѣ и Добшинѣ въ 1820 г., 15-тилѣтній Шафарикъ поступилъ въ евангелическій лицей въ Кежмаркѣ. Преподаваніе въ училищахъ въ Венгріи шло въ это время на латинскомъ и лишь отчасти на нѣмецкомъ и мадьярскомъ языкѣ. О томъ, чтобы обучали и мѣстному, славянскому языку, не могло быть и рѣчи. Шафарикъ, подобно другимъ современнымъ дѣятелямъ чешской литературы и науки, почти случайно познакомился съ новымъ оживленіемъ чешской словесности. Пользуясь общеніемъ со студентами Сербами и Угроруссами въ Кежмаркѣ, Шафарикъ познакомился съ кириллицей и, вѣроятно, съ сербскими народными пѣснями по только-что тогда вышедшей „Песмарицѣ“ Вука Караджича. Онъ сталъ и самъ собирать народныя пѣсни Словаковъ и писать чешскія стихотворенія, слѣдуя обычаю своего времени, почти обязательному для начинающихъ писателей. Въ 1814 году вышелъ въ Левочѣ небольшой сборникъ этихъ стихотвореній Шафарика: Tatranská Musa, а собранныя имъ народныя пѣсни вошли въ сборникъ словацкихъ пѣсенъ Коллара (1823 г.). Въ Кежмаркѣ Шафарикъ познакомился съ первыми произведеніями Юнгманна, Пухмайера и др. Уже здѣсь у него возникала мысль посвятить себя изученію славянъ, ихъ судебъ и ихъ положенія.

Въ 1815 г. Шафарикъ отправился въ Іену для продолженія своихъ богословскихъ занятій въ тамошнемъ университетѣ. Здѣсь онъ провелъ два года, здѣсь обнаружились въ немъ всѣ задатки будущаго великаго ученаго изслѣдователя Славянъ. Съ особенною любовью онъ отдавался занятіямъ историческимъ и философскимъ, и въ его запискахъ

того времени уже видно, какъ онъ старался отмѣтить для себя все, что находилъ въ прочитанныхъ имъ книгахъ о Славянахъ, ихъ языкѣ, исторіи, литературѣ. Шафарикъ уже въ ту пору интересовался литературою Югославянъ, для изученія которой онъ впослѣдствіи сдѣлалъ столь много.

Въ нѣмецкой жизни и литературѣ это было время возбужденнаго чувства народности и сознанія германскаго единства. Извѣстный Вартбургскій съѣздъ молодежи въ 1817 г. въ память Лютера служилъ нѣкоторымъ выраженіемъ этого настроенія Нѣмцевъ. Подъемъ нѣмецкаго духа не могъ не произвести впечатлѣнія на молодыхъ Славянъ, учившихся въ германскихъ университетахъ: они не могли не сравнивать положеніе Нѣмцевъ и Славянъ, не могли не видѣть общности языка и литературы у нѣмцевъ, ихъ территоріальной близости, единства ихъ интересовъ, живости ихъ общенія и взаимнаго знанія различныхъ частей своего племени... У Славянъ ничего этого не было. Мало того, у отдѣльныхъ народностей не было пробуждено чувство народнаго самосознанія. Если Колларъ, пріѣхавшій въ Іену вскорѣ послѣ отъѣзда оттуда Шафарика, явился затѣмъ восторженнымъ поэтомъ славянскаго единства и проповѣдникомъ славянской взаимности, то у Шафарика въ это время созрѣло убѣжденіе въ необходимости всесторонняго изученія Славянства, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. И то, и другое должно открыть пути для будущаго...

Въ 1817 году Шафарикъ писалъ Палацкому изъ Іены: „Стойте! Еще не проиграно! Живъ Богъ, живо небо, которое раньше или позже увѣнчаетъ успѣхомъ старанія своихъ вѣрныхъ. А если бы все это было только мечта, только идея,—что же? Умремъ и мы, какъ наши отцы, ничего не добившись, но умремъ за идею... Но наши опасенія напрасны: проснулись и грады Славянскіе, какъ бы ни были они разбросаны на широкомъ просторѣ. Съ новымъ поколѣніемъ всюду расцвѣтетъ новая сила,—все, что было мертво,—уже начинаетъ двигаться“. Съ такою глубокою вѣрою въ предстоящее оживленіе Славянъ проѣзжалъ Шафарикъ въ 1817 г. чрезъ Прагу, гдѣ познакомился со старымъ Добровскимъ и молодыми братьями Юнгманнами, Ганкою и др. Послѣ возвращенія изъ Іены, проведя два года въ Пресбургѣ, гдѣ онъ завязалъ тѣсную дружбу съ Палацкимъ, молодой докторъ философіи Шафарикъ принялъ мѣсто учителя и директора только-что основанной православной сербской гимназіи въ Новомъ Садѣ. Здѣсь онъ провелъ 14 лѣтъ. Это было время подготовки Шафарика къ важнѣйшимъ его трудамъ, время собиранія матеріаловъ для освѣщенія самыхъ темныхъ страницъ славянскаго прошедшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ время основательнаго зна-

комства съ современнымъ положеніемъ Славянъ. Сербы тогда оживали политически и литературно. За Дунаемъ Миланъ Обреновичъ искусно старался укрѣпить внутреннюю полунезависимость своего княжества отъ Турокъ, добытую Сербами съ такимъ геройствомъ,—по сю сторону Дуная и Савы Сербы обнаруживали большую литературную дѣятельность. Вукъ Караджичъ уже провозгласилъ начало новаго слога и языка сербской письменности, а красота и богатство сербскаго народнаго творчества обратили вниманіе на Сербовъ во всей европейской литературѣ. Шафарикъ принялъ участіе въ сербскомъ литературномъ возрожденіи и въ первыхъ выпускахъ „Сербской Лѣтописи“ за 1825 г., при самомъ ея основаніи, были уже напечатаны нѣкоторыя его статьи, вошедшія впослѣдствіи, какъ отдѣльныя главы въ другія его сочиненія. Въ Новомъ Садѣ, который тогда Сербы любили величать „Сербскими Аѳинами“, онъ сблизился со всѣми выдающимися сербскими писателями и учеными. Извѣстный сербскій одописецъ и ученый, архимандритъ, впослѣдствіи епископъ, Лукіанъ Мушицкій, въ своихъ одахъ къ Шафарику просилъ его воспитать Сербамъ „Пиндаровъ, Флокковъ и Гомеровъ“ и, прощаясь съ нимъ, при его переѣздѣ въ Прагу, въ 1833 г., называлъ его „почти посербленнымъ“ и взывалъ: „Ты же намъ буди и въ Празѣ другомъ!“

Своею близостью къ тогдашнимъ границамъ Турціи, Новый Садъ представлялъ много удобствъ для Шафарика, и ему отсюда было легче получать нужныя свѣдѣнія изъ славянскаго Юга и Юго-запада. Отсюда же онъ наблюдалъ за подготовленіемъ литературнаго и политическаго движенія у Хорватовъ, извѣстнаго подъ именемъ „Иллирскаго“.

Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ начерталъ планъ и приготовился къ ученымъ трудамъ, давшимъ прочныя основанія новѣйшей наукѣ о Славянахъ,—здѣсь положено начало его „Славянскимъ Древностямъ“ и „Народописи“, двумъ его трудамъ общеславянскаго характера и значенія.

Въ 1826 г. Шафарикъ напечаталъ въ Будѣ свою „Исторію Славянскаго языка и литературы“. Это сочиненіе представляетъ въ сущности первый очеркъ всего того, что впослѣдствіе было имъ разработано. Въ немъ впервые сведены и систематизированы различныя свѣдѣнія о славянахъ какъ объ ихъ прошедшемъ, такъ и о настоящемъ, объ ихъ языкѣ, литературѣ, ихъ положеніи. Примѣчанія и ссылки свидѣтельствовали о громадной начитанности молодого ученаго. Если вспомнить, какъ было трудно въ эту пору литературное общеніе между славянами, съ какимъ трудомъ доставались книги (изъ Россіи книги получались тогда черезъ годъ послѣ ихъ выписки), какъ недостаточны были матеріальныя средства Шафарика, молодость автора,—то современный изслѣдователь Славянства долженъ съ удивленіемъ и глубокимъ уваже-

ніемъ преклониться предъ громадностью этого труда. Тутъ впервые Славяне были разсмотрѣны, какъ нѣчто единое, цѣлое, раздѣленное на виды, болѣе или менѣе близкіе между собою. При этомъ Шафарикъ имѣлъ и практическія, патріотическія цѣли. Онъ хотѣлъ отразить нападки на Славянъ. Не разъ онъ отмѣчаетъ ненависть и презрѣніе, съ корыми относились къ Славянамъ Нѣмцы и Мадьяре, и отмѣчаетъ различныя нелѣпости въ отзывахъ о Славянахъ европейскихъ, нѣмецкихъ и мадьярскихъ ученыхъ и писателей. Въ этомъ трудѣ Шафарикъ представляетъ славянина по природѣ и всей своей сущности истиннымъ гражданиномъ міра, всегда отстаивавшимъ свою добычу и свои права; отъ свободы любящихъ миръ Славянъ и отъ процесса ихъ литературъ онъ ожидалъ осуществленія идеи чистаго гуманизма. „Пріятное чувство овладѣваетъ каждымъ патріотически настроеннымъ человѣкомъ, при взглядѣ на новѣйшее время національной культуры Славянъ, писалъ Шафарикъ. Нельзя не признать, что воодушевленная дѣятельность въ пользу столь святого и прекраснаго дѣла, которое пробуждаетъ, если не массу той или другой народности, то по крайней мѣрѣ выдающихся ея членовъ къ бодрой жизни, принесетъ послѣ мрачнаго утра солнечный день храброму, но миролюбивому народу,—народу, во всей жизни котораго раздается много созвучій юношески поэтической Греціи, и что нужно еще только стать на ту степень эстетической и ученой культуры, на которой нѣкогда стояли Греки, чтобы приблизиться къ нимъ и въ осуществленіи идей чистаго гуманизма". Но есть и большее различіе въ положеніи Грековъ и Славянъ. „Какъ несходны обстоятельства Грековъ и Славянъ, образующія духовную жизнь", восклицаетъ Шафарикъ. „Каждое изъ греческихъ племенъ, хотя и писало на своемъ нарѣчіи, какъ Славяне, но всѣ племена употребляли одинъ и тотъ же алфавитъ, одну и туже орѳографію! А Славяне?" На этотъ вопросъ о славянскихъ азбукахъ находимъ отвѣтъ въ одномъ изъ его писемъ Коллару въ томъ же 1826 г., когда вышла „Исторія славянскаго языка и литературы". Защищая отъ нападокъ новую чешскую систему графики, столь неправившуюся Копитару, Шафарикъ такъ отзывается о кириллицѣ: „Болѣе мудрые чужеземцы знаютъ цѣну кирилловскаго алфавита и признаютъ: мы же ее умаляемъ.—Гротенфельдъ и другіе говорятъ, что никогда въ мірѣ не было алфавита, столь сотвѣтственно принаровленнаго къ звукамъ слова. Онъ совѣтуютъ, чтобы онъ былъ принятъ всѣми филологами, какъ всеобщій для всѣхъ языковъ міра,—а мы, свои, забрасываемъ эту азбуку, умаляемъ ея значеніе. Святые Кириллъ и Меѳодій! или тѣ, кто были изобрѣтателями и усовершенствователями этой азбуки, простите намъ нашъ грѣхъ! Быть можетъ,

только чужеземщина затуманила нашъ взглядъ, только чужой голосъ звучитъ и отзывается въ этомъ нашемъ къ ней отношеніи"...

Таковъ взглядъ Шафарика на значеніе той азбуки, которою св. Славянскіе первоучители объединили Славянъ въ отношеніи письменности, Шафарикъ съ большою любовью и ревностью отдавался изслѣдованіямъ о церковно-славянскомъ языкѣ, о дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, о происхожденіи кириллицы и глаголицы, о югославянскихъ, кирилловскихъ и глаголическихъ памятникахъ.

Здѣсь же, въ Новомъ Садѣ, началось знакомство Шафарика съ русскими людьми, чрезъ посредство русскаго славянскаго дѣятеля Кеппена, посѣтившаго его въ 1822 г.

Но продолжимъ обзоръ жизни Шафарика.

Положеніе Шафарика въ Новомъ Садѣ становилось весьма тяжелымъ по различнымъ причинамъ. Съ одной стороны онъ видѣлъ, что не всѣ сербскіе дѣятели и вожди руководятся искренно-народными побужденіями и съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ разошелся, съ другой—высшимъ властямъ онъ казался опаснымъ, какъ протестантъ по вѣроисповѣданію. И вотъ, по высшему требованію, онъ былъ лишенъ директорства въ 1825 г. и только по особому заступничеству оставленъ учителемъ Новосадской гимназіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становились для него условія жизни въ Новомъ Садѣ. Шафарикъ не могъ отказаться отъ своихъ начатыхъ ученыхъ изслѣдованій и для ихъ окончанія и изданія рѣшилъ во чтобы то ни стало выбраться изъ Новаго Сада. Переписавшись съ друзьями въ Прагѣ, онъ избралъ чешскую столицу мѣстомъ для продолженія работъ. И вотъ, среди чешскихъ патріотовъ образовался небольшой кружокъ съ Палацкимъ во главѣ, который составилъ складчину для выдачи ежемѣсячно отъ 30 до 40 гульд. Шафарику въ теченіе пяти лѣтъ, чтобы онъ могъ продолжать свои работы. Помощь эта оказывалась весьма деликатно, какъ будто бы она шла изъ „Чешской Матицы", общества, имѣющаго цѣлью поддерживать ученыя предпріятія. Объ оффиціальномъ мѣстѣ въ Прагѣ или въ Чехіи Шафарикъ и не мечталъ, ибо тогда евангелики и вообще протестанты рѣшительно не допускались на подобныя должности.

Шафарикъ съ радостью принялъ этотъ выходъ изъ труднаго положенія и переѣхать въ Прагу. Онъ не убоялся матеріальнаго недостатка, ибо онъ имѣлъ въ виду высшія цѣли. Онъ былъ изъ тѣхъ людей высшаго порядка, которые ради идеальныхъ творческихъ цѣлей забываютъ о себѣ. Здѣсь-то Погодинъ, лично познакомившись съ Шафарикомъ въ 1835 г., видѣлъ рукописи „Славянскія Древности", приготовленныя къ печати. Онъ видѣлъ тѣсное, бѣдное жилище Шафарика,

его болѣе чѣмъ скромный бытъ: „здѣсь-то живетъ и съ такими-то малыми средствами дѣйствуетъ великій мужъ, одинъ изъ первыхъ представителей милліоннаго народа, пекущійся о судьбѣ его на будущія времена, безъ его вѣдома, не только безъ благодарности,—безъ славы, признаваемый вполнѣ, можетъ быть, десятью-двадцатью человѣками во всей Европѣ, работающій до упаду отъ утра до вечера надъ сими тяжелыми, изнурительными сочиненіями, коихъ никто почти не покупаетъ, не читаетъ, не знаетъ. О, сколь ничтожными показались мнѣ всякіе нелѣпые проекты и мечтанія!“ При этомъ Погодинъ выражаетъ желаніе, чтобы Шафарику была оказана подлежащая матеріальная поддержка.

Погодинъ тогда же сдѣлалъ прекрасную характеристику Шафарика: „Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, пламенная вѣра въ Бога,—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово... Какая высокая рѣчь? одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ; только племена, народы занимали его. Онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ ежедневныхъ происшествій и говорилъ о вѣковѣчныхъ послѣдствіяхъ. Что за величественное спокойствіе! Увѣренность въ святости дѣла, въ высокости своего призванія изображалась на его лицѣ, слышалась въ звукахъ его голоса. Я внималъ великому, мужу не смѣя дохнуть, опасаясь проронить одно слово, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Казалось, что я слышу голосъ съ того свѣта, предо мною стоитъ мужъ временъ апостольскихъ!“ Это глубокое впечатлѣніе, произведенное Шафарикомъ на Погодина, не потеряло своей силы до конца жизни великаго славяно-чешскаго ученаго.

Тогда же возникло предположеніе призвать Шафарика на основанную университетскимъ уставомъ 1835 г. каѳедру славянскихъ нарѣчій въ старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ—московскомъ. Это былъ третій случай предположеній переѣзда Шафарика въ Россію. Шафарикъ не принялъ предложенія графа Строганова, московскаго попечителя. Онъ готовился въ это время печатать свои „Славянскія Древности“, да и не хотѣлъ въ Россіи, по его словамъ, „показаться чужимъ, *нѣмцемъ*“, а научиться какъ слѣдуетъ писать и говорить по русски онъ уже не разсчитывалъ.

Связи и сношенія Шафарика съ русскими представляютъ вообще большой интересъ и въ исторіи русскаго просвѣщенія весьма важны.

Живя въ Новомъ Садѣ, Шафарикъ выписывалъ и получалъ много русскихъ книгъ. Кёппенъ поддерживалъ съ нимъ живыя сношенія и принималъ большое участіе въ замыслахъ призвать Шафарика въ Россію.

Имя президента Россійской Академіи и министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова неразрывно связано съ первыми заботами объ успѣшномъ развитіи славянской науки въ Россіи. Еще въ половинѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія возникла мысль объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ и тогда уже шла рѣчь о Шафарикѣ, какъ о кандидатѣ на одну изъ этихъ каѳедръ. Въ 1830 г., было рѣшено основаніе особой „Славянской библіотеки“ при Россійской Академіи, опредѣлены штаты и былъ сдѣланъ выборъ библіотекарей изъ ученыхъ славянъ. Въ числѣ прочихъ библіотекарей былъ приглашаемъ и Шафарикъ, вмѣстѣ съ Ганкою и Челяковскимъ. Планъ этотъ, однако, не осуществился, какъ не осуществился тогдашній замыслъ издать всеславянскій словарь. Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ продолжалъ эту заботу Шишкова о ростѣ Славяновѣдѣнія въ Россіи и о поддержкѣ выдающихся въ наукѣ Славянъ. Я уже упоминалъ о третьемъ и послѣднемъ приглашеніи Шафарика на каѳедру въ Москву, также не имѣвшемъ послѣдствій.

Когда молодые русскіе ученые, готовясь къ занятію славянскихъ каѳедръ въ Россіи, стали странствовать по славянскимъ землямъ—это были: Бодянскій, Срезневскій, Григоровичъ, Прейсъ,—имя Шафарика пользовалось уже громкою извѣстностью. Всѣ они находились въ близкихъ отношеніяхъ къ Шафарику. Бодянскій особенно много учился у него. „Шафарикъ для меня, писалъ Бодянскій изъ Праги Погодину въ 1838 г.,—цѣлая Академія, ему я болѣе всѣхъ обязанъ... Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ Славянщины; это—цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о Славянахъ“. Бодянскій и былъ главнымъ переводчикомъ на русскій языкъ важнѣйшихъ сочиненій Шафарика и распространителемъ его взглядовъ и ученій. Надеждинъ, Максимовичъ, П. В, Кирѣевскій, С. М. Соловьевъ, который подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Шафарикомъ задумывалъ было составить краткую всеславянскую исторію. Грановскій, Иванишевъ, Касторскій и многіе другіе извѣстные русскіе ученые и дѣятели—входили въ личное знакомство и связи съ Шафарикомъ. Но самая тѣсная дружба, основанная на общей любви къ изысканіямъ славянской старины и общности взглядовъ, была у Шафарика съ М. П. Погодинымъ. Московскій ученый и дѣятель русской литературы, Погодинъ относился „съ благоговѣніемъ“ къ личности и труду Шафарика. Благодаря Погодину, нѣсколько разъ была оказана матеріальная поддержка изъ Россіи Шафарику, частнымъ путемъ изъ Москвы отъ русскихъ людей, понимавшихъ важное значеніе науки о Славянахъ, то болѣе значительная изъ Россійской Академіи и государственнаго казначейства.

Въ 1837 г. вышли „Славянскія Древности" Шафарика,—трудъ замѣчательный, незамѣнимый и по нынѣ по своей цѣльности, по богатству и основательности выводовъ. Изслѣдованіе древнѣйшаго, доисторическаго періода жизни Славянъ, сопряженное съ необычайными трудностями, особенно въ то время, было сдѣлано Шафарикомъ въ высшей степени обстоятельно. Жизнь Славянъ тутъ освѣщена до начала XI-го вѣка. Шафарикъ провелъ и обосновалъ мысль, что Славяне—такіе же древніе обитатели Европы, какъ и другія племена, ее населяющія. Тутъ впервые подвергнуты надлежащей критикѣ источники древнѣйшей исторіи Славянъ, и темныя страницы Славянскаго прошедшаго получили освѣщеніе. Если наука нашего времени, обогащенная многочисленными изслѣдованіями по археологіи, исторической географіи, этнографіи и т. д., теперь исправила бы отдѣльныя части труда Шафарика, то все же выводы этого изслѣдованія о древности населенія Славянъ въ Европѣ твердо установлены. „Славянскія Древности" представляютъ первый и единственный до нынѣ ученый трудъ, охватывающій все Славянство въ древнѣйшій періодъ его жизни, какъ единое цѣлое.

Въ Россіи „Древности", скоро сдѣлавшіяся извѣстными въ переводѣ Бодянскаго, были встрѣчены съ большимъ восторгомъ и уваженіемъ. Россійская Академія, послѣ выхода первыхъ выпусковъ „Древностей", наградила Шафарика золотою медалью. Вскорѣ Шафарику было назначено и значительное денежное пособіе въ 5000 рублей. Это случилось въ концѣ 1838 года не безъ участія и вліянія Погодина. Вотъ что писалъ о Шафарикѣ министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Императору Николаю Павловичу: „Павелъ Шафарикъ — глава чешскихъ литераторовъ—соединяетъ ученость сѣверныхъ германцевъ съ обширнымъ и основательнымъ познаніемъ литературъ и исторій всѣхъ вѣтвей Славянскаго племени. Ученый свѣтъ обязанъ ему розысканіями о происхожденіи Славянъ и исторій славянскихъ литературъ; теперь онъ приводитъ къ окончанію самое важное изъ своихъ твореній: „Славянскія Древности", котораго первый томъ уже напечатанъ. Сверхъ того онъ готовитъ къ изданію географію славянскихъ нарѣчій съ картами, Душановы законы, новое изданіе суда Любушина съ учеными поясненіями. Шафарикъ представляетъ рѣдкій примѣръ дѣятельности, неутомимости, терпѣнія и борьбы съ судьбой, слишкомъ къ нему неблагосклонной". Мотивируя свое представленіе о пособіи Шафарику и Ганкѣ, министръ Уваровъ замѣчаетъ, что благодаря отчетамъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, посланныхъ имъ въ Славянскія страны, онъ самъ сдѣлался, по его выраженію, „какъ бы повѣреннымъ тайныхъ чувствованій и желаній Славянскихъ литера-

торовъ“. Далѣе онъ говоритъ: „Развитіе возрождающейся словесности Славянскихъ племенъ сопровождается тамъ не менѣе замѣчательнымъ усиленіемъ привязанности и стремленія къ соплеменной Россіи. Въ Россіи славяне видятъ единственную представительницу самобытности Славянской; въ правительствѣ русскомъ могущественнаго блюстителя славянской народности“. Докладъ Уварова оканчивается слѣдующими словами: „Щедроты Русскаго Царя, изліянныя на представителей славянской учености на Западѣ, будутъ приняты признательными соплеменниками нашими, какъ благодѣяніе цѣлому народу, еще болѣе укрѣпятъ благотворныя связи между нами и ими и пріобрѣтутъ Россіи новыхъ друзей“.

Такъ смотрѣли люди власти въ ту пору на отношенія между Россіей и выдающимися Славянскими дѣятелями!

Въ 1842 г. вышелъ второй трудъ Шафарика общеславянскаго значенія. Это была „Славянская Народопись“ съ первою этнографическою картою Славянскихъ народовъ. Если „Слав. Древн.“ охватывали Славянство при началѣ его исторической жизни и знакомили съ жилищемъ и судьбами Славянъ въ древнѣйшій періодъ, то „Славянская Народопись“ давала надежныя свѣдѣнія объ ихъ настоящемъ. Въ ней сообщались краткія свѣдѣнія по исторіи, языку и литературѣ каждой славянской народности, опредѣлялись территорія, предѣлы, численность ихъ и т. д. Основаніемъ различенія славянъ по народностямъ Шафарикъ бралъ нарѣчіе. Эта книга и приложенная къ ней карта возбудили въ свое время обвиненіе Шафарика въ панславизмѣ, этомъ пугалѣ Нѣмцевъ и Мадьяръ...

Если бы Шафарикъ ничего больше не далъ, кромѣ этихъ двухъ сочиненій общеславянскаго характера, то все же его имя заняло бы навсегда почтеннѣйшее мѣсто въ исторіи Славянской науки и развитія славянскаго самосознанія. Но Шафарикъ напечаталъ много трудовъ и изысканій по различнымъ вопросамъ науки о славянахъ: о церковно-славянскомъ языкѣ, какъ было уже упомянуто, о старо-сербской литературѣ и языкѣ, о глаголической письменности, о происхожденіи славянскихъ азбукъ—кириллицы и глаголицы, издалъ немало памятниковъ древней юго-славянской письменности. Немало было сдѣлано имъ для изученія старо-чешской литературы и ея языка. Нѣкоторые изъ важныхъ его трудовъ были изданы только послѣ его смерти. Я хотѣлъ остановить ваше благосклонное вниманіе только на тѣхъ трудахъ Шафарика, которые имѣютъ по преимуществу общеславянскій характеръ и значеніе.

Въ 1845 г. въ Прагѣ услышанъ былъ, наконецъ, голосъ Шафарика о необходимости открыть каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Праж-

скомъ университетѣ. Такія каѳедры уже существовали въ русскихъ университетахъ и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ. Еще въ 1841 г. Шафарикъ ѣздилъ въ Берлинъ, по приглашенію прусскаго правительства, для выработки положенія о каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій въ берлинскомъ университетѣ, и былъ приглашенъ ее занять, но предложенія этого онъ не принялъ. Онъ желалъ служить родинѣ и посвятить свой трудъ чешской народности. Въ 1845 г. онъ, по желанію эрцгерцога Стефана, составилъ записку о славянской каѳедрѣ въ Прагѣ, и Палацкій рекомендовалъ на нее Шафарика. „Это знаніе—сила, писалъ Палацкій,—и не можетъ быть безразличнымъ для нашего государства, увеличивается или падаетъ его сила въ нашихъ предѣлахъ, особенно въ виду сѣвернаго сосѣда, въ рукахъ котораго оно не было бы незамѣтнымъ или не важнымъ моментомъ“. Палацкій упоминалъ о приглашеніяхъ, которыя не разъ получалъ Шафарикъ изъ Россіи и Берлина.—Если Копитаръ носился съ мыслью объ учрежденіи Славянской Академіи, ея значенія среди Славянъ, то Палацкій, мечтавшій о федеративномъ устройствѣ и ославяненіи Австріи, также опасался быстраго подъема славянской науки въ Россіи, ибо въ этой наукѣ онъ справедливо видѣлъ одно изъ великихъ орудій вліянія и дѣятельности Славянской Россіи. Извѣстно что Россійская Академія прекратила свое существованіе вскорѣ послѣ смерти Шишкова и между высшимъ русскимъ ученымъ учрежденіемъ и Славянами прервались—хочется вѣрить—лишь на время живыя связи, подобныя тѣмъ, какія были въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, когда было даже рѣшено основать особую Славянскую библіотеку при Академіи, издавать всеславянскій словарь и т. д.

Но меттерниховская политика рѣшительно не имѣла въ виду и не желала подъема Славянъ въ Австріи,—она пользовалась Славянами, только какъ орудіемъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Лишь въ 1848 г. было разрѣшено Шафарику начать чтенія частнымъ образомъ по этой каѳедрѣ, но Шафарикъ предпочелъ остаться библіотекаремъ пражскаго университета, которымъ онъ былъ тогда назначенъ. Въ этомъ году смятеній въ Австріи въ Вѣнѣ собрана была комиссія о преобразованіи школъ, и Шафарикъ былъ приглашенъ въ число ея членовъ.

Онъ тутъ выступилъ рѣшительнымъ борцомъ за введеніе чешскаго языка въ преподаваніе. „Только въ воплощеніи духа народнаго, писалъ онъ тогда въ своей запискѣ,—живетъ духъ человѣческій. Человѣческое можетъ быть достигнуто единственно чрезъ посредство народного. Подражаніемъ чужому и проникновеніемъ чужого народного духа въ нашъ народъ мы уничтожаемъ свой народный духъ и дѣлаемъ свой народъ рабомъ другого народа. Въ этомъ смыслѣ родной языкъ и народность

не есть высшая цѣль нашего существованія,—но они—данное природою и непремѣнное средство къ достиженію высшихъ и святѣйшихъ цѣлей жизни, духовнаго и нравственнаго совершенствованія". Извѣстно, однако, что послѣдовало за 1848 г. Спасенная Славянами Австрія „удивила міръ своею неблагодарностью" относительно Россіи и Славянъ и наградила Славянъ нѣмеченіемъ...

Въ 1848 г. Шафарикъ единственный разъ въ жизни выступилъ какъ участникъ широкаго политическаго движенія. Онъ принялъ званіе предсѣдателя чешско-словацкаго отдѣла въ первомъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ. Въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи съѣзда, сказалась вся душевная боль великаго славянина, посѣдѣвшаго надъ изученіемъ и критикою славянскаго прошедшаго, и его вѣра въ славянское будущее. Вспомнивъ о засѣданіяхъ парламента во Франкфуртѣ, куда приглашался и Палацкій, Шафарикъ объясняетъ цѣль Славянскаго съѣзда необходимостью славянамъ посовѣтоваться о своемъ будущемъ и своихъ нуждахъ. „Какой же приговоръ произносятъ о насъ другіе народы наши сосѣди—Нѣмцы, Мадьяре, Итальянцы? Признаемъ и не скроемъ его, какъ бы горекъ онъ ни былъ. Ихъ приговоръ такой, что мы неспособны къ высшей политической жизни только потому, что мы Славяне. „Славянинъ", такъ гласитъ ихъ судъ, „отъ природы осужденъ на рабство, на подданство другимъ избраннымъ, болѣе даровитымъ и благороднымъ народамъ". Кто же тѣ, которые такъ судятъ о насъ? Это тѣ, которые до сихъ поръ держали надъ нами желѣзную руку и держатъ еще отчасти; тѣ которые стригли волну нашихъ овецъ,—которые тучнѣли мозгомъ нашихъ костей; тѣ, которые питались пòтомъ и мозолями нашихъ крестьянъ; тѣ, за которыхъ воевали и кровь свою проливали наши братья, сыны нашихъ дорогихъ матерей; тѣ, которые называютъ себя образователями и защитниками нашими, которые насъ лишаютъ славянской народности и которыхъ мы, стало быть, называемъ притѣснителями нашими, убійцами нашихъ душъ... Это положеніе не должно продолжаться. Жребій народовъ брошенъ; наступила и для насъ рѣшительная пора раньше, чѣмъ мы надѣялись. Невинность передъ совѣстью и Богомъ—ничего не значитъ передъ судомъ міра сего, передъ судомъ народовъ. Либо очистимся на дѣлѣ и докажемъ, что мы способны къ свободѣ, либо преобразимся быстро въ Нѣмцевъ, Мадьяръ и Итальянцевъ, чтобы для другихъ народовъ не быть дольше въ тягость и обиду, чтобы не перенести нашего позора и нашего униженія на нашихъ сыновъ. Или достигнетъ того, чтобы съ гордостью сказать передъ народами: „Я—Славянинъ", или перестанетъ быть Славянами. Моральная смерть—наихудшая смерть, а моральная жизнь—высшая жизнь. Поэтому мы раньше,

чѣмъ сдаться на милость другимъ народамъ, заглянемъ поглубже внутрь нашихъ душъ, посмотримъ, какая въ нихъ моральная сила, попытаемся, сможемъ ли мы доказать имъ, что мы умѣемъ владѣть и посохомъ свободы, такъ какъ они насъ обвиняютъ, что мы до сихъ поръ были только молотомъ и орудіемъ рабства... Ибо все, что подъ солнцемъ и надъ солнцемъ, превосходитъ моральная сила... Изъ рабства нѣтъ дороги къ свободѣ безъ борьбы: либо побѣда и свободная національность,— либо почетная смерть и по смерти слава!"

Вотъ чего требовалъ Шафарикъ отъ славянъ! Нравственнаго подъема и борьбы за нравственную свободу самоопредѣленія. Онъ указывалъ Славянамъ величайшее изъ орудій міра—нравственную силу, чтобы съ гордостью они могли произнести предъ народами свое имя! Эта прекрасная рѣчь Шафарика, вызвавшая самыя бурныя оваціи оратору, даетъ въ сущности программу и для теперешней дѣятельности Славянъ, разъединяемыхъ раздорами и потому противъ воли, а иногда и сознательно являющихся орудіемъ въ рукахъ своихъ собственныхъ враговъ. Шафарикъ властно указалъ Славянамъ ихъ слабую сторону и потребовалъ нравственнаго подъема, при которомъ было бы возможно единеніе и опредѣленіе общихъ цѣлей. Если бы было достаточно нравственной силы у Славянъ, то прекратилась бы — такъ сказать—манія величія, составляющая нынѣ одну изъ важныхъ причинъ взаимныхъ раздоровъ между различными славянскими народностями: тутъ Сербы воскрешаютъ давно потерявшія силу права на владѣніе различными частями Болгарскихъ странъ, тамъ Болгаре вспоминаютъ о когда-то бывшихъ болгарскихъ владѣніяхъ и поселеніяхъ на территоріи Сербовъ,—тамъ Хорваты стараются воскресить свои забытыя права на сербскія земли, а тутъ Поляки готовы служить каждому чужому господину, предаваясь неосуществимымъ мечтамъ о воскрешеніи польской государственности и возвращеніи подъ свою власть русскихъ земель, а пока лишаютъ русскаго духа Червоную Русь, лукаво придумывая какой-то особый „руській" народъ.. Эта болѣзнь сравнительно недавняя у Славянъ и несомнѣнно излѣчима. Нуженъ подъемъ народнаго духа и нравственной силы, нужно истинное пониманіе народныхъ интересовъ,—и уничтожить все то, что пристало къ славянскимъ народностямъ, во время долговременнаго ихъ подчиненія чужимъ народамъ, рабства чужой культурѣ, и сами они перестанутъ служить чьимъ бы то ни было орудіемъ, сознавъ себя частью одного великаго Славянскаго организма.

Въ 1848 г. Шафарикъ былъ назначенъ библіотекаремъ Пражской университетской библіотеки, въ которой съ 1841 г. занималъ невидную должность кустоса. Послѣдніе годы жизни Шафарика были омрачены неду-

гомъ. Постоянный умственный напряженный трудъ, условія, въ которыхъ ему пришлось жить и работать, недостатокъ средствъ, склонность къ болѣзнямъ надорвали здоровье Шафарика и у него стали появляться припадки нервнаго разстройства. 35 лѣтъ тому назадъ 11 (23) мая 1860 г. Шафарикъ бросился съ моста въ Велтаву, но былъ спасенъ. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку и черезъ годъ умеръ 15 (27) іюня 1861 г.

Всѣ труды Шафарика проникнуты глубокою любовью къ Славянамъ и предмету изслѣдованія. Нѣмецкій ученый Нейманъ (1867), говоря о „Славянскихъ Древностяхъ“ Шафарика, замѣчаетъ: „У славянина любовь до такой степени торжествуетъ надъ обратившеюся въ прахъ древностью, что совершенно оживляетъ ее и облекаетъ въ органическую форму“. Съ такою же оживляющею любовью относился Шафарикъ ко всѣмъ славянскимъ народностямъ. Онъ любилъ каждую и интересовался особенностями нарѣчія каждой и ея бытомъ и историческими судьбами. Поэтому онъ былъ противъ всякихъ измышленій общаго языка для Славянъ. „Боже мой, писалъ онъ Коллару въ 1826 г., если бы у насъ была хоть искра народной жизни, не написалъ ли бы уже давно тотъ или другой славянскій филологъ общую грамматику всеславянскую, т. е. соединилъ бы грамматики всѣхъ десяти славянскихъ нарѣчій по одной системѣ, чтобы при помощи одной книги мы могли научиться легко всѣмъ нарѣчіямъ“. Но эту любовь къ Славянскому разнообразію онъ не простиралъ такъ далеко, чтобы желать раздробленія силъ и безъ того раздѣленныхъ и потому слабыхъ Славянъ. Напротивъ того, онъ желалъ удержать единеніе или сближеніе литературнаго языка тамъ, гдѣ оно уже существовало. Такъ, онъ не вполнѣ одобрительно относился къ поспѣшности реформы Вука Караджича въ сербской письменности и, будучи Славакомъ и славацкимъ патріотомъ, не одобрялъ литературнаго обособленія Словаковъ отъ Чеховъ. Онъ искалъ сохраненія историческихъ традицій въ литературѣ и потому опасался, что переворотъ, произведенный въ словацкой письменности Гурбаномъ и Штуромъ, можетъ „оторвать, по его выраженію, настоящее и будущее Словаковъ въ умственномъ и литературномъ отношеніи отъ ихъ прошедшаго“.

Ясный, критическій умъ Шафарика во всемъ искалъ точнаго знанія и потому Шафарикъ интересовался дѣйствительнымъ положеніемъ Славянъ и не желалъ, по его выражерію, „ловить воздухъ“ (povetří lapati), а дѣйствительность представляла разнообразность славянскихъ діалектовъ. Но онъ признавалъ необходимость стремиться къ сближенію Славянъ между собою, къ той „взаимности“, о которой говорилъ столь много Колларъ. Онъ одобрялъ принятіе Гаемъ для хорватской письменности одного съ Сербами нарѣчія и видѣлъ въ этомъ шагъ впередъ

въ развитіи Славянства. Сближеніе между Славянами можетъ произвести только взаимное ознакомленіе и просвѣщеніе. „Пока Сербъ, пишетъ Шафарикъ, полагаетъ, что Турокъ болѣе близкій ему пріятель, чѣмъ Чехъ, Полякъ или Словенецъ, пока Чехъ, Славенецъ и т. д. расхваливаетъ Нѣмца и считаетъ его своимъ, а презираетъ Серба, Болгарина и т. д., пренебрегаетъ ими и уклоняется отъ нихъ, какъ отъ Турокъ или дикарей, до той поры нельзя и думать о всеславянской азбукѣ“. Поэтому главнѣйшею, первою цѣлью должно быть ознакомленіе славянъ между собою. Литературное объединеніе Славянъ представлялось Шафарику если и возможнымъ, то весьма далекимъ: „если хотимъ помочь народности, писалъ онъ Коллару, мы должны идти къ народу и его языку, какъ онъ существуетъ, а не обращаться къ мечтаніямъ. Вѣкъ Кирилловъ и Меѳодіевъ уже миновалъ...“ Какое славянское нарѣчіе и какая славянская азбука станутъ всеславянскими, рѣшитъ уже не перо, а только *мечъ*,—потоки крови пророютъ очертанія буквъ: тамъ, гдѣ потечетъ ихъ больше всего, тамъ возникнутъ общеславянскій языкъ и алфавитъ“. Шафарикъ твердо держался этой мысли о необходимости *меча* для того, чтобы проложить путь къ объединенію Славянъ въ письменности. Чрезъ 25 лѣтъ послѣ того, какъ онъ написалъ вышеприведенное Коллару, онъ писалъ извѣстному руссофилу, чешскому патріоту и писателю, католическому священнику Антонину Марку въ 1850 году по поводу его мнѣній объ общеславянскомъ языкѣ, что онъ „въ теоріи и идеяхъ“ по этому вопросу вполнѣ согласенъ съ нимъ, но „съ практической точки зрѣнія предвидитъ, что если не все, то по крайней мѣрѣ многое для насъ и для нашего вѣка останется pium desiderium“. Далѣе Шафарикъ замѣчаетъ: „Пока насъ не объединитъ внѣшняя сила и послѣ Богъ не дастъ въ единомъ цѣломъ новой духовной жизни, до той поры будутъ тщетны старанія отдѣльныхъ ученыхъ возмѣстить недостатокъ политической жизни или единымъ правописаніемъ, или единымъ письменнымъ языкомъ,—мы разлетимся въ разныя стороны и впослѣдствіи еще болѣе, чѣмъ теперь. Но оставимъ это Провидѣнію“. И такъ, это дѣло будущаго, дѣло, при которомъ необходимо содѣйствіе благопріятно сложившихся обстоятельствъ.

Вліяніе Шафарика на распространеніе знаній о Славянахъ у насъ и на ростъ славянской идеи въ Россіи и ея политикѣ главнымъ образомъ шло черезъ посредство первыхъ русскихъ славистовъ-профессоровъ. Самое преподаваніе науки о Славянахъ съ университетскихъ каѳедръ въ Россіи направлялось трудами Шафарика. Въ теченіе 25 лѣтъ мой незабвенный учитель Осипъ Максимовичъ Бодянскій читалъ съ славянской каѳедры Московскаго университета свои курсы, распре-

дѣляя ихъ на два вида: „Славянскія Древности“ и „Народопись“, согласно двумъ трудамъ Шафарика общеславянскаго значенія. Между извѣстными учениками Бодянскаго нѣкоторые служили Россіи на поприщѣ дипломатическомъ, какъ Гильфердингъ и Новиковъ.

Обратимся къ настоящему. Въ чемъ подвигъ жизни и труда Шафарика можетъ быть нынѣ поучителенъ для насъ?

Шафарикъ не разъ говорилъ, что Славянамъ слѣдуетъ говорить о нихъ только правду. Въ наше время Славяне представляютъ уже далеко не то, что нѣкогда—во время дѣятельности Шафарика. Теперь уже вполнѣ самостоятельна Сербія, воскресившая даже свой старый титулъ *Кралевства*, Болгары уже пользуются свободой, купленной подвигомъ и кровью Россіи, Черногорія со своими славянскими орлами развилась и выросла, — на Западѣ и на Югѣ въ Чехіи, Хорватіи, Крайнѣ, Далматіи—быстро поднимается народное самосознаніе. Даже тамъ, гдѣ какъ у Словаковъ и Угро - и Червоно-русовъ — грубое насиліе властвующихъ народностей, презирающее даже права Славянъ, данныя отъ природы человѣку на свой языкъ и сознаніе своей народности, даже тамъ растетъ и укрѣпляется въ массѣ сознаніе своей славянской самобытности и особности своего славянскаго достоинства. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, Славяне должны слышать правдивый судъ о себѣ и своихъ дѣлахъ, напоминаніе о своихъ обязанностяхъ, ободреніе въ тяжкой борьбѣ съ чужимъ насиліемъ, укоръ и осужденіе за ошибки и уклоненія, строгое, но любящее слово. Безразличіе отношеній, индиферентизмъ—есть смерть, и лишь тотъ, кто любитъ, можетъ судить... Нужна критика и провѣрка какъ внутренняго положенія каждой славянской народности, такъ и отношеній славянскихъ народныхъ разновидностей между собою и къ Россіи. Это—нашъ долгъ, долгъ русскихъ людей, какого бы политическаго ученія или лагеря мы ни держались.

Если безспорно вѣренъ афоризмъ: „Россія полезна Славянамъ уже тѣмъ, что она существуетъ“, то не менѣе вѣрно и то положеніе, что Славяне представляютъ именно тотъ элементъ въ Европѣ, которымъ существенно опредѣляется характеръ нашихъ политическихъ отношеній и задачъ. Вѣрно то, что когда-то сказалъ поэтъ, обращаясь къ Славянамъ:

«Вамъ не прощается Россія,
«Россіи не прощаютъ васъ»!..

Для того, чтобы мы, русскіе люди, могли правильно исполнить нашу обязанность относительно Славянъ и опредѣлить значеніе и роль Славянъ въ великихъ задачахъ Россіи, нужно знаніе Славянства. Нужно не только научное изученіе Славянъ, но и широкая распространенность

знаній и свѣдѣній о нихъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества и народа. Нужно знаніе не только прошедшаго, но и настоящаго, нужно внимательное отношеніе къ тому Славянскому міру, въ нѣдрахъ котораго развивается своя жизнь и идетъ своими путями.

Пусть эти пути идутъ согласно съ русскими путями, пусть эта жизнь направляется согласно съ великими задачами и цѣлями Славянской Россіи! Это такъ же важно для самихъ Славянъ, какъ и для Россіи. А для того, чтобы были ясны эти пути, нужна постоянная и основательная критика и провѣрка дѣйствій Славянъ, наблюденіе за борющимися ихъ партіями, за теченіями и идеями, въ нихъ господствующими. Для критики необходимо знаніе критикуемаго предмета.

Не станемъ скрывать отъ себя, что мы вообще мало знаемъ, мало изучаемъ Славянъ, и настоящее еще меньше, чѣмъ прошедшее. Можетъ быть, этимъ объясняются нѣкоторыя слабыя стороны въ нынѣшнихъ отношеніяхъ Славянъ и Россіи. Смѣло признаемся въ этомъ недостаткѣ нашего просвѣщенія. Въ университетахъ преподаваніе о Славянахъ ограничено только однимъ факультетомъ и сведено въ узкія рамки самимъ уставомъ. Въ среднихъ училищахъ, если и даются нѣкоторыя свѣдѣнія о Славянахъ, то они ничтожны, особенно при сравненіи съ тѣмъ, что сообщается о различныхъ европейскихъ народахъ, даже древнихъ азіатскихъ. Это оправдывается требованіями общаго образованія. Но почему же знаніе о Славянахъ можетъ быть исключено изъ этихъ требованій? Развѣ они не принимали участія въ созиданіи европейской цивилизаціи? Развѣ они не играли никакой роли въ исторіи Европы? Развѣ они не дали Европѣ и своихъ великихъ людей? Развѣ они не ближе къ намъ и не важнѣе для насъ многихъ другихъ народовъ Европы? Развѣ ихъ судьбы не дороже для насъ, чѣмъ судьбы Испанцевъ, Португальцевъ, Голландцевъ? Если въ нѣмецкой, французской, даже славянской печати нерѣдко встрѣчаемъ крайнее незнаніе, даже невѣжество суда о Россіи и русскомъ народѣ, если мы имѣемъ право упрекнуть иной разъ даже людей науки и европейской славы въ предвзятости взглядовъ, въ незнаніи Россіи вообще и русскаго труда въ области идей и науки, то признаемъ — нерѣдко заслуживаемъ подобнаго же упрека со стороны Славянъ сами за малое знаніе ихъ. Наша ежедневная печать, за небольшимъ исключеніемъ, пользуется свѣдѣніями о текущей жизни Славянъ изъ вторыхъ рукъ и часто мутныхъ источниковъ нѣмецкихъ, англійскихъ и мадьярскихъ, и вмѣсто того, чтобы давать основной тонъ сужденіямъ о славянскихъ дѣлахъ, нерѣдко сама влечется по чужимъ пятамъ. На русской печати лежитъ великій долгъ живымъ словомъ освѣщать важнѣйшій для Россіи изъ всѣхъ европейскихъ вопросовъ—Славянскій вопросъ.

Ложь боится свѣта,— кроясь во мракѣ, она рождаетъ раздоръ и ненависть. Для правды нѣтъ тьмы. Правда и знаніе рождаютъ любовь, а любовь творитъ и созидаетъ. Да устранимъ укоры въ недостаткѣ знанія Славянства и признаемъ нашъ долгъ изучать Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, развивать слово о нихъ во всѣхъ областяхъ! И если чего можно пожелать въ этотъ день воспоминанія о Святыхъ Первоучителяхъ и Просвѣтителяхъ всего Славянства, такъ именно того, чтобы слово, это сильнѣйшее орудіе изъ всѣхъ орудій міра, пробивая упорныя преграды, воздвигнутыя хитроумною политикою Европы для огражденія насъ отъ Славянъ и Славянъ отъ насъ, пробивало стѣны взаимнаго равнодушія и незнанія, чтобы оно укрѣпляло связи между всѣми частями раздробленнаго Славянскаго міра. Пожелаемъ расширенія преподаванія о Славянахъ въ нашихъ университетахъ, возстановленія каѳедръ „Исторіи Славянскихъ законодательствъ“. Пожелаемъ, чтобы русская наука о славянахъ, уже занявшая почетное положеніе въ Европѣ, все глубже и шире развивала свою дѣятельность. Пожелаемъ, чтобы наша печать служила не измѣнчивымъ прихотямъ дня, не вкусамъ и мѣняющемуся настроенію толпы, а направляла бы общественную мысль въ сознаніи государственной и народной важности Славянскаго вопроса, чтобы она всегда являлась правдивымъ зеркаломъ дѣйствительнаго положенія Славянскихъ дѣлъ, и смѣло, во всеоружіи авторитетнаго знанія и пониманія и съ полнотою убѣжденія, произносила свой судъ о Славянствѣ. Это будетъ служба ея Россіи, служба великая и трудная, но плодотворная.

На памятникѣ надъ могилою Шафарика, вблизи Жижковой горы, значится кирилловская славянская надпись:

«Въ красныхъ міра сего въспиталъ се еси отъ юности своея.»

Надпись взята съ покрова, которымъ прикрыты мощи Сербскаго князя Лазаря, погибшаго въ роковомъ для Славянскаго юга Косовскомъ бою.

Да проникнемся сознаніемъ, что отъ юности своей мы должны познавать красоту Славянскаго міра!

Вѣчная память Шафарику!
Вѣчная слава Шафарику!

Платонъ Кулаковскій.

Русско-буковинскія дѣла.

Борьба между поляками и русскими въ Австріи въ послѣднее время распространилась изъ Галичины также и на сосѣднюю съ нею провинцію—Буковину. И здѣсь эта борьба происходитъ на національно-религіозной, какъ и въ Галиціи, почвѣ.

Занимая пространство около 184 кв. миль, княжество Буковина расположено на сѣверо-восточномъ склонѣ Карпатъ, между Бѣлымъ Черемошемъ (притокомъ Прута), Днѣстромъ, русской Бессарабіей и Румыніей. Юго-западная часть ея—гористая, съ продолговатыми долинами, а сѣверо-восточная — плоская и напоминаетъ своимъ видомъ сосѣднюю Подолію. Благопріятный климатъ и плодородіе почвы издавна привлекали сюда поселенцевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ восточная Европа сдѣлалась ареной исторической жизни, этотъ уголокъ занялъ выдающееся мѣсто. Особенное значеніе пріобрѣлъ онъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда турки завоевали Балканскій полуостровъ, Молдавію и Валахію. Буковина была мѣстомъ, гдѣ происходили столкновенія между поляками и турецкими полчищами. Такъ какъ отсюда можно было легко вторгаться въ Семиградію, сѣверную Венгрію, Галичину и Молдавію, то поляки и угры стремились овладѣть этимъ краемъ. Угры считали его принадлежащимъ къ Семиградіи и не хотѣли допустить, чтобы онъ достался полякамъ.

Въ виду стратегической важности Буковины необходимо упомянуть объ этнографическихъ отношеніяхъ этого края, такъ какъ кромѣ природныхъ свойствъ страны національныя особенности жителей имѣютъ въ этомъ отношеніи немаловажное значеніе.

Въ этомъ отношеніи самымъ крупнымъ событіемъ было завоеваніе Дакіи римскимъ императоромъ Траяномъ въ 106 г. и поселеніе въ ней итальянскихъ выходцевъ. Хотя въ 271 г. римляне уступили Дакію готамъ, но ихъ поселенцы сумѣли сохранить свою народность въ по-

слѣдующее время переселеній и вторженій иноплеменныхъ народовъ. Остались ли они въ нынѣшней Семиградіи, или вмѣстѣ съ римскими легіонами искали убѣжища на Балканскомъ полуостровѣ—еще до сихъ поръ не выяснено исторіей. Въ шестомъ, седьмомъ, восьмомъ и девятомъ вѣкахъ въ нынѣшней Семиградіи, Валахіи и Молдавіи мы видимъ славянъ, давшихъ горамъ, рѣкамъ и мѣстностямъ славянскія названія, сохранившіяся до сихъ поръ.

Другимъ крупнымъ событіемъ, опредѣлившимъ дальнѣйшій ходъ исторіи восточно-прикарпатскихъ странъ, — было вторженіе угровъ въ Паннонію въ концѣ девятаго вѣка. При уграхъ исподволь падаетъ славянская стихія Семиградіи и Молдаво-Валахіи и вмѣсто нея выступаютъ на сцену — румыны. Славяне, ослабленные съ одной стороны степными народами—печенѣгами, потомъ половцами и татарами, съ другой же стороны—уграми, должны были уступить свое мѣсто румынамъ. Румынская стихія распространялась изъ двухъ мѣстностей, служившихъ, кажется, долгое время для нея убѣжищемъ: изъ Фогарашскихъ горъ (на югѣ Семиградіи) и Мараморошскихъ горъ (на сѣверѣ Семиградіи). Изъ первой области вышли поселенцы Валахіи, изъ второй—Молдавіи и Буковины. Румыны постепенно поглотили остатки славянскаго населенія Семиградіи, Молдавіи и Валахіи, принявъ однако его гражданскую и религіозную образованность. Древнеславянскій языкъ былъ у нихъ не только языкомъ церкви и школы, но также и управленія. Такимъ образомъ, можно считать румынъ славяно-романскимъ народомъ.

Своимъ успѣхомъ,—какъ показываютъ этнологи,—румынская національность обязана румынскимъ женщинамъ. Онѣ, какъ утверждаютъ посторонніе наблюдатели, плодовитѣе славянскихъ женщинъ, старательнѣе ухаживаютъ за дѣтьми и ревниво охраняютъ свою народность. Иноплеменники, женившись на румынкахъ, примыкаютъ къ румынской народности.

Буковина вмѣстѣ съ Молдавіей получила свое румынское населеніе въ концѣ XIII в. изъ Мараморошской котловины надъ верхней Тиссой и горъ, окаймляющихъ Семиградію съ сѣвера. Вѣроятно румыны нашли здѣсь много славянъ, съ которыми и смѣшались, такъ какъ черты лица и тѣлосложеніе буковинскихъ и молдаванскихъ румынъ мало подходятъ къ римскому типу, довольно рѣзко выступающему только въ Валахіи.

Сходство между молдавскими румынами и славяно-русами, населяющими Червонную Русь, вмѣстѣ съ единствомъ образованности, основанной на славяно-восточной церкви, были впослѣдствіи причиной дружескихъ отношеній молдавскихъ румынъ и червоно-русовъ. Когда въ 15, 16 и 17 вв.

поляки и латинское духовенство всѣми силами притѣсняли православныхъ въ Галичинѣ и стремились ополячить и окатоличить ея населеніе, червоно-русы не вынесли бы ужаснаго гнета, и могли бы, совершено погибнуть, если бы не помощь православныхъ господарей Молдавіи, помогавшихъ сооруженію церквей и снабжавшихъ ихъ церковною утварью, а также оказывавшихъ нравственную поддержку единовѣрцамъ. Тѣсная духовная связь между православными церквами и монастырями въ Червонной Руси и Молдавіи тянется впродолженіи всего этого періода.

Въ 1769 г., во время турецкой войны, Россія заняла Буковину и держала ее въ своей власти до 1775 г. Въ 1774 г. австрійская императрица Марія потребовала возвращенія этого края, принадлежащаго будто-бы Семиградіи. Она желала обезпечить въ стратегическомъ отношеніи Семиградію и Галичину со стороны Россіи. Россія удовлетворила ея требованія, и Буковина 25-го февраля 1777 г. была объявлена австрійской областью. Согласно взгляду австрійскаго правительства, смотрѣвшаго на тотъ край съ точки зрѣнія военной тактики, онъ былъ подчиненъ военному управленію вплоть до 1786 г.

Въ 1783 г. вновь пріобрѣтенный край посѣтилъ императоръ Іосифъ II, приписывавшій, какъ извѣстно, школѣ значеніе политическаго орудія. Въ виду этого онъ приказалъ генералу Сплени, правителю страны, устроить народныя школы съ нѣмецкимъ языкомъ, какъ главнымъ, а также и съ валашскимъ. Учителей приглашали изъ Угріи и Семиградіи. Согласно съ Бидерманомъ (Bidermann. „Die Bukowina unser oesterreichischer Verwaltung Lemberg 1879 p. 75), имѣвшимъ подъ руками бумаги государственнаго архива, — уже тогда нѣкоторые изъ чиновниковъ, знакомыхъ съ жизненными условіями новой области, обращали вниманіе австрійскаго правительства на мѣстныхъ русскихъ, какъ на стихію наиболѣе пригодную для образовательныхъ цѣлей. „Русскіе въ Буковинѣ,—говорится въ одномъ изъ докладовъ,—не такъ хитры, какъ румыны; они трудолюбивѣе и лучшіе земледѣльцы“... Однако австрійское правительство по отношенію къ Буковинѣ руководилось иными соображеніями, отличными отъ ея плановъ относительно Галичины. Въ Галичинѣ правительство Іосифа II сочло цѣлесообразнымъ признать существованіе русскаго народа и даже поддержать его, чтобы получить въ немъ противовѣсъ польскимъ стремленіямъ. Въ Буковинѣ поляковъ не было и австрійское правительство выдвинуло здѣсь на первое мѣсто румыновъ предпочтительно передъ русскими, соединенными съ Россіей языкомъ и религіозными вѣрованіями. Въ Галиціи русскіе были—сплошь уніаты, а въ Буковинѣ—православные. Въ 1775 г. здѣсь числилось 45 мужскихъ и 9 женскихъ православныхъ монастырей и ни одного уніатскаго.

Такимъ образомъ Буковина получила нѣмецко-румынскую окраску. Въ училищахъ преподаваніе велось на нѣмецкомъ и на валашскомъ языкахъ, административнымъ языкомъ былъ языкъ нѣмецкій, въ провинцію нахлынули нѣмецкіе чиновники, ремесленники и купцы. Населеніе стало смѣшаннымъ, что и до сихъ поръ составляетъ ея отличительную черту. Кромѣ исконныхъ жителей, малороссовъ и румынъ,— здѣсь живутъ нѣмцы, чехи, мадьяре, евреи, армяне и русскіе старообрядцы, поселившіеся въ 1783 г. при императорѣ Іосифѣ II.

Пренебреженіе австрійскаго правительства къ русскимъ въ Буковинѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка породило у нѣкоторыхъ писателей мнѣніе, что во время присоединенія Буковины къ Австріи здѣсь не было русскихъ, и что они только впродолженіи XIX в. послѣдовательно переселились сюда изъ Галичины. Этотъ взглядъ опровергается однако тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основанной тамъ въ 1786 г. духовной семинаріи (Clericalschule) въ 1800 г. на 54 воспитанника приходилось двѣ трети русскихъ (Bidermann). Были здѣсь и русскіе православные приходы, такъ какъ императорскій рескриптъ отъ 20 февраля 1784 г., вводящій въ Буковинѣ метрическія книги, былъ составленъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Какъ образецъ книжнаго русскаго языка, существовавшаго въ то время въ Буковинѣ, приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этого рескрипта.

„Мы, Іосифъ II, милостію Божію избранный императоръ римскій, всегда царствъ прибавитель, король Германіи, Венгріи, Чешскій, Галиціи и Лодомеріи и прочая, великій князь Австріи, князь Бургундіи и Лотарингіи и проч. и проч.

Реестры или метрики родящихся, вѣнчающихся и погребающихся такъ ради общаго правленія, яко и знаменитыхъ особенныхъ фамилій— весьма суть полезны. Общее правленіе получаетъ оттуда о помноженіи или умаленіи числа родящихся, бракосочетаній, о большемъ или меньшемъ числѣ умирающихъ полезное увѣдомленіе...

§ 1. Всякій іерей того ради долженъ отъ перваго текущаго Майя текущаго лѣта въ своей парафіи три книги имѣть, т. е. ради записыванія вѣнчанныхъ, книгу ради записыванія родящихся и книгу умираемыхъ (sic). Книга вѣнчаемыхъ должна ведлугъ формуляра, подъ номеромъ I прилученномъ слѣдующіи имѣть рубрики: годъ, мѣсяцъ и день вѣнчанія, номеръ дому, имя и прозваніе жениха, исповѣданіе вѣры и сколько лѣтъ, младенецъ (sic очевидно полонизмъ: młodzieniec) ли или вдовствующій, имя и прозваніе невѣсты, ея исповѣданіе, коего вѣка, дѣва ли или вдовствующая, имя и прозваніе свидѣтелей и санъ ихъ... Данъ въ нашемъ престольномъ градѣ Вѣднѣ 20 дня мѣсяца февраля 1784.

Римскаго же наслѣдственнаго владѣнія двадесять четвертаго года. Іосифъ м. п.—Іоаннъ Руд. графъ Хотекъ. По приказу Его Цесарскаго Величества власною рукою: Іоаннъ Вѣнцеславъ Марчелѣкъ“.

Однако устраненіе русскаго языка изъ училищнаго преподаванія придавило умственную жизнь русскихъ. Выходившее изъ нѣмецкихъ школъ поколѣніе отчуждалось отъ народа, въ разговорѣ употребляло нѣмецкій или русскій языкъ, онѣмечивалось или орумынивалось. Особенно нѣмецкій языкъ пріобрѣлъ подавляющій перевѣсъ. На немъ говорили не только чиновники и учителя, но и православные священники и румынскіе бояре. По русски говорило только простонародье и если у отдѣльныхъ образованныхъ лицъ иногда пробуждалась любовь къ русской народности, то они были этимъ обязаны знакомству съ великорусской письменностью. Между бумагами умершаго въ 1844 г. Гаврiила Продана, брата экзарха Василія, найдено было въ рукописи стихотвореніе, имѣвшее эпиграфомъ слова Державина:

Здѣсь всюду радость, плескъ и лики
. . . . здѣсь жизнь, любовь.

Какъ образецъ языка этой поэзіи приводимъ изъ этого стихотворенія отрывокъ:

«Отъ страни, юже буки обрастаютъ,
Кою Карпатъ зефиры охлаждаютъ
Дажь до Баваръ горы посящей боръ
И больша Езера Італіяновъ,—
До Еридопа и Далматъ Османовъ
И до преяростнаго сербска Истра—
Здѣсь есть насѣянно весей—городовъ,
А въ нихъ отъ всѣхъ щастливишихъ видъ народовъ
И восклицающаго звукъ оркестра».

(Напечатано въ Буков. календ. на 1876 г.).

Какъ ни тяжела и ни неудачна эта поэзія, все же она свидѣтельствуетъ о благихъ намѣреніяхъ ея сочинителя и о томъ участіи, которое имѣла великорусская письменность въ дѣлѣ пробужденія народнаго сознанія русскихъ въ Буковинѣ.

* * *

Національное самосознаніе вспыхнуло въ Буковинѣ, также какъ и въ Галиціи,—въ 1848 г. Кстати будь сказано, что 1-го мая 1786 г. послѣ устраненія военной администраціи, Буковина была присоединена къ Галиціи подъ названіемъ Черновицкаго округа. Движеніе, охватившее

въ 1848 г. Галицію, весьма естественно увлекло также и Буковину. Хотя вѣнское правительство, занимавшееся съ эпохи великой французской революціи дѣлами западной и средней Европы и обращавшее мало вниманія на Буковину,—въ 1849 г. отдѣлило опять Буковину отъ Галиціи и сдѣлало ее по стратегическимъ разсчетамъ отдѣльной провинціей,—все же однако зародившееся въ 1848 г. русское національное движеніе не погибло. Русскій языкъ наравнѣ съ валашскимъ получилъ доступъ въ народныя школы и среднія учебныя заведенія. Первымъ доказательствомъ пробужденія умственной жизни буковинскихъ русскихъ была появившаяся въ 1849 г. книга: „Пѣсни, псалмы и стихи Василія Ферлеевича". Есть тутъ и духовныя стихотворенія, пѣснь въ честь православнаго митрополита Евг. Гакмана и стихотвореніе въ честь императора Франца Іосифа. Языкъ книги напоминаетъ языкъ Гавріила Продана. Затѣмъ печатныя произведенія на русскомъ языкѣ начали появляться все чаще и чаще. Выдающимся поэтомъ страны однако можно считать Юрія Федьковича (Гординскаго).

На Юріи Федьковичѣ отражается переломъ въ культурномъ развитіи Буковины. Онъ родился въ 1834 г. въ селѣ Сторонпѣ-Путиловѣ; отецъ его былъ дворяниномъ и занималъ должность мандатора (нѣчто вродѣ теперешнихъ земскихъ начальниковъ въ Россіи) въ Путиловѣ, а мать — дочь православнаго священника. Уніатъ отецъ велѣлъ крестить сына латинскому ксендзу. Перейдя на службу въ Черновицы, отецъ началъ пить и бросилъ жену и дѣтей. Мать была принуждена сама трудиться и воспитывать пятерыхъ дѣтей. Въ 1852 г. Юрій Федьковичъ былъ зачисленъ въ рекруты и сначала служилъ деньщикомъ у своего капитана. Имѣя страсть къ ученію, онъ научился самоучкой говорить по французски и нѣмецки, много читалъ и настолько образовалъ себя, что въ 1859 г. былъ произведенъ въ офицеры. Находясь съ полкомъ въ Черновицахъ, онъ познакомился съ преподавателемъ черновицкой гимназіи Рудольфомъ Нейбауэромъ, который посовѣтовалъ ему испробовать свои силы въ области поэзіи. Федьковичъ началъ писать стихи по нѣмецки, но русскіе его друзья Антонъ Кобылянскій и Константинъ Гарбаль научили его читать и писать по русски и убѣдили писать стихи на мѣстномъ буковинско-русскомъ нарѣчіи. Съ молодымъ поэтомъ сблизился редакторъ львовской газеты „Слово", Богданъ Дѣдицкій, пріобрѣтшій его окончательно для русской литературы и издавшій въ 1862 г. собраніе его стихотвореній.

Буковинская Русь нашла отличнаго организатора въ лицѣ Василія Продана, бывшаго сначала священникомъ въ Лашковцахъ, Коцманскаго уѣзда, а потомъ соборнымъ проповѣдникомъ и экзархомъ въ Черново-

цахъ. О. Василій (род. въ 1809, ум. въ 1880 г.), поселившись въ 1865 г. въ Черновицахъ, посвятилъ послѣдніе годы своей жизни заботамъ о томъ, чтобы въ столичномъ городѣ Буковины образовать центръ русско-народной жизни. По его почину осенью 1868 г. было основано литературное общество „Русская Бесѣда", предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ цѣлыя десять лѣтъ. Чтобы объединить русскихъ на политическомъ поприщѣ и упорядочить ихъ политическую дѣятельность, о. Василій основалъ въ 1870 г. политическое общество „Русскую Раду".

Проданъ взялся за сплачиваніе русскихъ силъ въ Буковинѣ весьма своевременно, когда въ Галиціи польская политика успѣла путемъ украинофильства разъединить тамошнихъ русскихъ. Дѣйствительно, около 1870 г. галицкіе украинофилы подъ покровительствомъ Поляковъ организовали партію, задававшуюся пока литературными цѣлями. Въ Буковинѣ у нихъ приверженцевъ не было, за исключеніемъ одного судейскаго чиновника Михаляка, не пользовавшагося большимъ вліяніемъ.

Галицкіе украйнофилы обратили свое вниманіе на Буковину и пригласили оттуда во Львовъ въ 1872 г. Юрія Федьковича. Онъ заключилъ съ ними договоръ, въ силу котораго обязался за 50 р. ежегоднаго жалованья доставлять 24 печатныхъ листа въ годъ различнаго рода литературныхъ произведеній: повѣстей, стихотвореній и т. п. Федьковичъ прибылъ во Львовъ въ 1872 г. но пробылъ въ немъ только 14 мѣсяцевъ, такъ какъ у него возникли недоразумѣнія съ заправилами львовской украинофильской партіи. Онъ разочаровался въ галицкихъ украинофилахъ. Они,—какъ потомъ утверждалъ онъ,—представились ему съ самой дурной стороны, обнаруживая крайнее самолюбіе и стремленіе къ чинамъ и матеріальнымъ благамъ. Но не смотря на полученныя имъ во Львовѣ впечатлѣнія, онъ не охладѣлъ къ направленію, пробивавшемуся въ украинской словесности. Проникнувшись нѣмецкою пессимистическою философіей Шопенгауэра и будучи по натурѣ склоненъ къ мистицизму, онъ полюбилъ Шевченко и пытался подражать ему въ сѣтованіи на человѣческую нужду.

О. Василію Продану удалось соединить буковинскихъ русскихъ для общей дѣятельности. Хотя каѳедру русской словесности въ Черновицкомъ университетѣ, основанномъ въ 1875 г., занялъ украйнофилъ Онышкевичъ и въ Буковину прибыло нѣсколько украйнофильствующихъ чиновниковъ, изъ которыхъ наиболѣе дѣятельнымъ былъ Титъ Ревâковичъ, судья въ Садогорѣ, — однако при жизни Продана малорусскій сепаратизмъ не могъ никакъ привиться въ большинствѣ буковинскаго населенія. Только когда не стало Продана, совершилося это. Послѣ его смерти малорусскіе сепаратисты взяли верхъ въ „Русской Бе-

сѣдѣ" и въ обществѣ „Народный Домъ", — и вытѣснили изъ нихъ старорусcовъ, признававшихъ литературное и національное единство маллороссовъ съ великороссами. Вождями сепаратистовъ были: членъ областного окружного суда въ Черновицахъ Ис. Винницкій, уніатскій священникъ Целестинъ Костецкій, занявшій каѳедру русской словесности по смерти Онышкевича, — экстраординарный профессоръ университета Смаль-Стоцкій, чиновникъ министерства финансовъ Тыминскій и нѣсколько другихъ лицъ. Ихъ было мало, партія ихъ была слабѣе старорусской, но она производила много шума и много кричала о себѣ. Правительство вначалѣ не благоволило имъ въ лицѣ своего представителя—областного президента Алезани, но потомъ велѣло его преемникамъ—барону Пино и графу Пачи помогать имъ и стараться поддержать малорусское сепаратическое движеніе. Благодаря поддержкѣ правительства украйнофилы въ 1887 г. основали въ Черновицахъ маленькій журналъ „Буковину", первымъ редакторомъ которой былъ вышеупомянутый Федьковичъ. Старорусcы остались безъ собственнаго органа, такъ какъ ихъ литературная газета „Родимый Листокъ", выходившая съ 1879 г., въ 1882 г. прекратила свое существованіе, благодаря тому, что редакторъ ея Н. М. Огоновскій, замѣшанный въ политическомъ процессѣ Ольги Грабарь во Львовѣ, былъ заключенъ въ тюрьму и вынужденъ былъ отказаться отъ публицистической дѣятельности. Старорусcы помѣщали свои литературные труды въ львовскихъ старорусскихъ печатныхъ органахъ. Въ Буковинѣ старорусское направленіе поддерживали учителя—свящ. Шанковскій, профессоръ славистики въ Черновицкомъ университетѣ Калужняцкій, Браникъ, вышеназванный Огоновскій, Кириловичъ, Глѣбовицкій, Билинкевичъ и докторъ медицины Василій Волянъ.

* * *

Подъемъ малорусскаго сепаратизма въ Буковинѣ совпалъ съ временемъ международнаго осложненія въ области европейской политики, вслѣдствіе возникновенія союза Германіи съ Австро-Венгріей, къ которому примкнула Италія. Австро-Венгрія еще съ 1870 г. начала обращать большее вниманіе на буковинскія дѣла вслѣдствіе вліянія Бисмарка, толкавшаго ее на Востокъ. Изъ того же источника отчасти родилась мысль основать въ Черновицахъ нѣмецкій университетъ — мы говоримъ— „отчасти",—такъ какъ кромѣ этого правительствомъ въ этомъ дѣлѣ руководили и другія соображенія. Такъ какъ львовскій университетъ какъ разъ въ это время пріобрѣлъ чисто польскій характеръ, то тогдашнее министерство сочло нужнымъ учредить въ сѣверо-восточной части

монархіи новый очагъ нѣмецкой культуры, долженствовавшій поддерживать нѣмецкую національность въ Галиціи и Буковинѣ. И такъ Черновицкій университетъ могъ быть лишь отчасти плодомъ международной политики. Но другое явленіе—переселеніе Поляковъ въ Буковину, начавшееся съ 1880 г.,—было несомнѣнно плодомъ германской политики, стремящейся отвлечь Поляковъ къ Востоку, занять ихъ румынскими и малорусскими дѣлами и лишить ихъ, такимъ образомъ, возможности отстаивать польскую національность въ Силезіи, Познани и Пруссіи.

До 1880 г. въ Буковинѣ было немного Поляковъ, всего нѣсколько тысячъ ремесленниковъ и разночинцевъ. Нужно сказать, что гдѣ ни появляются Поляки, тамъ, хотя бы число ихъ было самое ничтожное, они организуются, соединяясь въ общества. Въ 1869 г. они основали въ Черновицахъ общество, подъ названіемъ „Чительня", съ обширною программой, обнимавшею кромѣ задачъ благотворительности и взаимной матеріальной поддержки, также и литературно-культурныя цѣли въ видѣ устройства спектаклей, музыкальныхъ вечеровъ, гимнастическихъ клубовъ, распространенія польскихъ книгъ и поддерживанія родной словесности. Другая „Чительня" съ такими же цѣлями возникла въ мѣстечкѣ Вашковцахъ.

Начиная съ 1880 г. Поляки начали наплывать въ Буковину во множествѣ. Это были уже не ремесленники и разночинцы, а чиновники, учителя, монахи, помѣщики, іезуиты, — вообще люди образованные. Архіепископъ Фелинскій, покинувъ Россію, поселился въ Черновицахъ. Въ 1882 г. былъ основанъ польскій журналъ „Газета Польска", выходящій до сихъ поръ въ Черновицахъ. Поляки сейчасъ же заключили союзъ съ Армянами и малорусскими сепаратистами. Наиболѣе дѣятельными лицами въ вопросѣ о соединеніи и укрѣпленіи польскихъ силъ въ этомъ краѣ были:—помѣщикъ баронъ Капри, Армянинъ Григорій Богдановичъ, чиновники и учителя:—Мяновскій, Дылевскій, Дворскій и ксендзъ Фишеръ. Возникли новыя польскія общества: „Коло польское" для управленія политическими дѣлами буковинскихъ Поляковъ, „Коло пань" (общество польскихъ женщинъ), „Соколъ" (гимнастическое общесто), „Огниско" (общество студентовъ университета). Всѣ эти общества находятся въ Черновицахъ. „Чительня польская" пріобрѣла въ собственность два дома и ея библіотека возросла до 8000 томовъ. Поляки вскорѣ купили десять помѣстій и усилились до того, что въ 1892 г. избрали четырехъ депутатовъ въ сеймъ (на 30 депутатовъ). Въ настоящее время въ Черновицахъ числится до 10,000 поляковъ, въ черновицкой же гимназіи, въ 1893 г., было 87 учениковъ польской народности, почти столько же, сколько было въ ней Русскихъ

(100) и Румынъ (98). Польскіе чиновники при первомъ же своемъ появленіи въ этой области показали себя съ плохой стороны. Начальникъ финансоваго вѣдомства провинціи, гофратъ Трщинецкій, совѣтникъ Шпендлингъ и таможенный чиновникъ Кобѣрскій занимались взяточничествомъ, дѣйствовали рука объ руку съ контрабандистами и совершили множество подлостей. Вѣнское правительство рѣшилось наказать виновныхъ, но, не довѣряя черновицкому суду, назначило разбирательство дѣла въ вѣнскомъ судѣ. Послѣдній въ 1892 г. приговорилъ Трщинецкаго къ 4-хъ лѣтнему, Шпендлинга къ 3-хъ лѣтнему, Кобѣрскаго къ 2-хъ лѣтнему тюремному заключенію, а нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ къ меньшимъ наказаніямъ. Этотъ процессъ подорвалъ нѣсколько положеніе Поляковъ въ Буковинѣ. Осенью 1892 г. гр. Паче, человѣкъ вспыльчивый и задорный, поссорился съ областнымъ маршаломъ Мустацци и покинулъ постъ областного президента (управляющаго финансовыми и политическими дѣлами провинціи) и его мѣсто занялъ баронъ Краусъ. Краусъ лишилъ Поляковъ и украйнофиловъ правительственной поддержки и склонился на сторону Румынъ и Старорусcовъ. Буковинскіе украйнофилы обратили свои взоры на намѣстника Галиціи гр. Казиміра Бадени и оттуда стали получать поддержку.

Противъ польскаго вторженія возстали Румыны. Когда въ іюлѣ 1892 г. польскіе „соколы“ (гимнасты) прибыли въ Черновицы изъ Львова, ихъ встрѣтилъ далеко не радушный пріемъ: Румыны ихъ поколотили. Православное духовенство Буковины встревожилось латинопольской пропагандой и митрополитъ Сильвестръ Моpapію-Андріевичъ принужденъ былъ призадуматься надъ вопросомъ объ охраненіи православія. На успѣхи уніи онъ пока не можетъ однако жаловаться. Въ 1835 г. въ Буковинѣ было 14 уніатскихъ приходовъ съ 41,089 исповѣдниками. Не смотря на то, что въ 1884 г. учреждено было вблизи Буковины уніатское епископство въ Станиславовѣ, могущее воздѣйствовать въ уніатскомъ духѣ на Буковину, оказалось однако, что въ 1893 г., хотя прежнее число уніатскихъ приходовъ увеличилось до 16, число уніатовъ уменьшилось до 23,864 душъ. Число уніатовъ увеличилось лишь въ Черновицахъ съ 5,597 (въ 1835 г.) на 7,484 души. Также половина села Раранче перешла въ унію. За то въ г. Сучавѣ число уніатовъ уменьшилось съ 4,679 (1835 г.) до 1,780 (1893 г.) и въ Коцманѣ съ 3,259 до *540* душъ. Католическая и уніатская пропаганды могутъ однако расчитывать на успѣхъ, если буковинскій православный митрополитъ будетъ и впредь вести румынизаторскую политику и стараться, какъ это до сихъ поръ дѣлалось, румынить русскихъ. Подъ управленіемъ только-что скончавшагося недавно митрополита Сильвестра

Морарію-Андріевича число православныхъ священниковъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ, уменьшилось и въ чисто русскихъ приходахъ поставлялись румынскіе священники, не умѣющіе говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ. Среди такихъ обстоятельствъ православные русскіе въ Буковинѣ ради сохраненія своей національности, поневолѣ принуждены будутъ примкнуть къ уніатамъ. Въ этомъ намѣреніи ихъ утвердятъ и поддержатъ Поляки, старающіеся латинить галицкихъ Русскихъ, *ибо православные буковинцы всегда дѣйствовали и будутъ дѣйствовать* въ православномъ, противномъ католичеству, духѣ на своихъ соплеменниковъ въ Галичинѣ. Вѣдь покойный о. Наумовичъ первое побужденіе въ православномъ направленіи получилъ изъ Буковины. Румынизаторскіе замашки проявляетъ также „Общество румынскихъ дамъ", задавшееся цѣлью румынить русскихъ дѣвочекъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Нѣчто о синдикатахъ отечественныхъ и иноземныхъ.

Задумывались-ли вы, читатель, когда-нибудь надъ вопросомъ—почему въ Лондонѣ *русскій* сахаръ продается въ два раза дешевле, чѣмъ у насъ въ Россіи? Знаете ли вы, что намъ, русскимъ, было бы гораздо выгоднѣе выписывать русскій сахаръ изъ-за границы, чѣмъ покупать его на мѣстѣ, если бы, конечно, ввозныя пошлины не препятствовали такому обходу со стороны обывателя въ ущербъ интересовъ заводчиковъ. Каюсь, что по простотѣ душевной я объяснялъ себѣ это диковинное явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ въ Россіи цѣны на сахаръ устанавливаются синдикатомъ заводчиковъ и *только имъ однимъ*, такъ какъ серьезныхъ конкуррентовъ у него нѣтъ, а заграницей нашему синдикату приходится конкуррировать съ иностранными производителями. Я не зналъ вовсе, что сахарозаводчики вывозятъ заграницу сахаръ *себѣ въ убытокъ*, побуждаемые къ тому однимъ, такъ сказать, патріотизмомъ. Объ этомъ хотя „глухо и неясно“, но все же сказано въ оффиціальной ихъ запискѣ „Синдикатъ сахарозаводчиковъ, причины его возникновенія, его дѣятельность и значеніе для свеклосахарной промышленности въ Россіи“. Жалко, однако, что высокія пошлины мѣшаютъ нѣмецкимъ и англійскимъ сандикатамъ обнаруживать ихъ патріотизмъ: они, быть можетъ, также продавали бы намъ сахаръ (и другіе продукты) дешевле, чѣмъ своимъ землякамъ.

Говоря откровенно, я не вѣрю сахарозаводчикамъ, будто они вывозятъ заграницу себѣ въ убытокъ: во 1-хъ это было бы неблагородно по отношенію къ русскому потребителю, на обязанности котораго лежитъ вѣдь не только доставлять имъ барыши (да еще какіе!), но и покрывать ихъ убытки, а во 2-хъ, громадное увеличеніе количества посѣвовъ свекловицы (за время существованія синдиката на 50 т. десятинъ) лучше всего доказываетъ, что „излишки“, отправляемые заграницу, ни чуть

не пугаютъ сахарозаводчиковъ!.. [1]) „Сладко“ живется синдикатамъ-сахарозаводчиковъ, но и ихъ постигаютъ иногда разочарованія и даже крупныя непріятности. Особенно сильно должна была ихъ огорчить послѣдняя резолюція Кіевскаго окружного суда. Судъ, хотя и не коснулся вопроса о томъ, законенъ ли или противозаконенъ договоръ сахарозаводчиковъ, но тѣмъ самымъ, что потребовалъ представленія довѣренностей отъ всѣхъ участниковъ синдиката, поставилъ ихъ въ безвыходное, можно сказать, положеніе. Вотъ какъ разсуждаетъ по этому поводу „Кіевлянинъ“:

„Если судъ не удовольствовался синдикатнымъ договоромъ и призналъ необходимымъ представленіе довѣренностей отъ участниковъ синдиката, то, казалось бы, можно пополнить этотъ пробѣлъ представленіемъ довѣренностей отъ всѣхъ участвующихъ въ нормировкѣ заводовъ. Но тогда возникнетъ вопросъ: имѣютъ ли право *акціонерные* сахарные заводы выдавать довѣренности на вступленіе въ договоры и обязательства, не предусмотрѣнные уставами этихъ акціонерныхъ компаній? Юридическія права компаній не предполагаются, а должны быть точно означены въ уставахъ. Товарищества сахарныхъ заводовъ учреждены для производства сахара, а не для нормировочныхъ договоровъ; вывести же изъ права на производство и продажу сахара право акціонерныхъ компаній на вступленіе въ синдикатъ, почти такъ же трудно, какъ доказать право на сліяніе нѣсколькихъ акціонерныхъ предпріятій въ одно путемъ частнаго договора. Синдикатный договоръ лишаетъ акціонерныя товарищества сахарныхъ заводовъ извѣстной части ихъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ ихъ новому учрежденію, распоряжающемуся ихъ матеріальными интересами и налагающему на нихъ извѣстныя обязательства. Но уставы акціонерныхъ заводовъ такого органа вовсе не знаютъ; въ этихъ уставахъ имѣются только директора, правленія и общія собранія акціонеровъ, а никакого „бюро сахарозаводчиковъ“ не полагается. Создать новый органъ, который пріобрѣтаетъ огромное значеніе и получаетъ право распоряжаться дѣлами акціонерныхъ компаній, эти компаніи, безъ спеціальнаго измѣненія своихъ уставовъ, едва ли имѣли право. Такимъ образомъ, прежде, чѣмъ двинуться дальше, процессъ синдиката долженъ сбросить съ дороги этотъ камень преткновенія. Правда, указываемый нами вопросъ не поставленъ въ рѣшеніи окружного суда; но такъ какъ искъ синдиката споткнулся на право представительства и законнаго уполномочія, то вопросъ придется развернуть во всей его полнотѣ. Та-

---

[1]) Вывозъ сахара заграницу по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1895 г. равнялся 4.253,529 п., а въ 1891 г.—7.568,887 п.

кимъ образомъ, можетъ случиться, что прежде, нежели рѣшать вопросъ о законности или незаконности синдикатовъ вообще, сахарный синдикатъ придется признать юридически несостоятельнымъ потому, что очень значительное число его членовъ не имѣло права вступить въ договоръ, въ качествѣ акціонерныхъ предпріятій, и вступленіемъ въ синдикатъ нарушило свои уставы".

Недавно вышло очень обстоятельное изслѣдованіе проф. Янжула о синдикатахъ [1])! Почтенный профессоръ собралъ обширный и при томъ весьма любопытный матеріалъ, но, къ сожалѣнію, освѣтилъ его нѣсколько односторонне. Профессоръ сильно подчеркиваетъ различіе, существующее между синдикатами промысловыми и торговыми, причемъ относится къ первымъ до того снисходительно, что положительно непонятными становятся—и та буря негодованія, которую вызываетъ въ обществѣ дѣятельность синдикатовъ и тѣ крайнія мѣры, которыя принимаютъ противъ нихъ нѣкоторыя законодательства.

Трудно, однако, въ нѣсколькихъ словахъ объяснить исходную точку зрѣнія профессора и то, что можно имѣть противъ нея; къ тому же вопросы о причинахъ возникновенія синдикатовъ, объ условіяхъ ихъ дѣятельности, объ отношеніи къ нимъ государства,—представляютъ захватывающій интересъ и требуютъ возможно полнаго обслѣдованія. Синдикатъ есть порожденіе капитала и конкурренціи,—обстоятельство скажемъ между прочимъ, вполнѣ достаточное для квалификаціи его нравственной физіономіи. Еще не такъ давно ученые политико-экономы видѣли въ свободной конкурренціи залогъ будущаго благополучія для человѣчества: конкурренція казалась лучшимъ регуляторомъ цѣнъ на рынкѣ, считалась необходимѣйшимъ условіемъ дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Дѣйствительно подъ вліяніемъ идей свободной конкурренціи пали всѣ старыя, ненавистныя народамъ, монополіи, поразителиные успѣхи промышленности удешевили ея издѣлія, не смотря на повышеніе заработной платы и необходимость орудованія дорого стоющими машинами. Скоро, однако, стали сказываться и темныя стороны этой помощи, которыя, выступая все рѣзче и мрачнѣе, заставили многихъ усумниться въ спасительности конкурренціи. Вызываемое зарвавшейся конкурренціей перепроизводство издѣлій, вмѣстѣ съ стремленіемъ во чтобы-то ни стало уничтожить конкуррента, приводитъ къ паденію цѣнъ ниже стоимости производства,

---

[1]) И. И. Янжулъ—«Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки» 1895 г., изд. Д-та Торговли и Мануфактуръ.

что съ своей стороны неизбѣжно ведетъ къ промышленнымъ кризисамъ. Учрежденія лопаются, множество рабочихъ остается безъ куска хлѣба. Эта бѣшенная борьба, скрывающаяся подъ благонамѣреннымъ словомъ, эта „конкурренція“ вредитъ даже потребителю, такъ какъ товары, въ цѣляхъ ихъ крайняго удешевленія, изготовляются часто очень дурно, а сплошь и рядомъ просто поддѣлываются.

Необходимость настойчивой борьбы съ указанными послѣдствіями конкурренціи сознана всѣми, но раньше, чѣмъ государственные люди и ученые успѣли придумать что-нибудь для всѣхъ полезное, промышленники нашли вѣрнѣйшее средство, которое не только оградитъ ихъ отъ дурныхъ послѣдствій конкурренціи и обезпечитъ имъ громаднѣйшіе барыши, но можетъ, пожалуй, доставить имъ господство надъ остальнымъ человѣчествомъ. Средство это—синдикаты. Вмѣсто того, чтобы истощать свои силы и уменьшать свои барыши въ братоубійственной борьбѣ, промышленники объединяются нынѣ въ союзы для совмѣстныхъ дѣйствій противъ потребителя. „Съ семидесятыхъ годовъ настоящаго вѣка, говоритъ проф. Янжулъ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и непосредственно затѣмъ почти во всей Европѣ, замѣчается многознаменательное явленіе: начинаютъ создаваться и быстро развиваются, какъ бы наверстывая потерянное время, различнаго рода предпринимательскіе союзы, соглашенія, сговоры, комбинаціи и соединенія капиталистовъ, или такъ называемые картели или синдикаты. Всѣ они имѣютъ своей ближайшей цѣлью: существующія уже крупныя предпріятія въ области передвиженія, торговли и промышленности—преимущественно акціонерныя компаніи—превратить въ еще болѣе крупныя и сильныя общества, увеличить ихъ размѣръ. Прежніе милліоны основнаго капитала для предпріятія считаются нынѣ уже незначительными и замѣняются десятками и сотнями милліоновъ. *Цѣлыя отрасли того или иного производства въ странѣ или цѣлые десятки желѣзнодорожныхъ линій и каналовъ, захватываются въ собственность одного обширнаго и могущественнаго союза, составляющаго въ одно и тоже время и естественную, и легальную монополію прошлаго*“ [1]). Добавимъ отъ себя, что сфера дѣятельности синдиката можетъ и не ограничиваться территоріей государства, въ которомъ онъ возникъ: цѣны напримѣръ, на нефть и керосинъ устанавливаются для всего міра двумя хозяевами-синдикатами—американскимъ Standart Oil Company и русскимъ союзомъ керосинозаводчиковъ; весьма вѣроятно, что эти два синдиката соединятся когда-нибудь (и можетъ быть очень скоро) въ одинъ

---

[1]) Тоже соч., стр. 3.

союзъ [1]), и тогда весь міръ, все человѣчество, по отношенію къ одному изъ предметовъ первой необходимости, попадетъ въ лапы одного барышника. Та-же исторія, что съ нефтью, можетъ повториться и съ сахаромъ, и съ каменнымъ углемъ, желѣзомъ и т. д., и т. д. Нечего сказать—утѣшительные виды!.. Возрастающая ежедневно власть барышниковъ-царьковъ не можетъ не пугать общество; въ Америкѣ они такъ уже сильны, что даже законъ съ ними подѣлать ничего не можетъ— печальный примѣръ, который необходимо имѣть въ виду правителямъ тѣхъ странъ, гдѣ опасность не достигла такихъ размѣровъ и гдѣ борьба съ грядущимъ зломъ можетъ еще быть успѣшной. Странными, поэтому, представляются старанія нѣкоторыхъ ученыхъ убѣдить общество въ полезности этой новой формы промышленной жизни. Г. Янжулъ также оптимистически смотритъ на синдикаты, хотя онъ проводитъ рѣзкую грань между синдикатами промысловыми (производителей) съ одной стороны и торговыми, а въ особенности спекулятивными (посредниковъ) съ другой; при чемъ симпатіями профессора пользуются лишь сидинкаты 1-го рода [2]). Мы позволяемъ себѣ, однако, не согласиться съ мнѣніемъ профессора и думаемъ, что промысловые синдикаты гораздо опаснѣе торговыхъ, хотя дѣятельность ихъ на первый взглядъ кажется менѣе вредною.

„Торговые синдикаты, по словамъ г. Янжула, имѣютъ своимъ назначеніемъ исключительно возвышеніе заработка посредниковъ, безъ всякаго вознагражденія за то публики эквивалентомъ какой-либо соотвѣтственной услуги“ (стр. 300); промысловые же синдикаты, по опредѣ-

---

[1]) Объ этомъ были уже разговоры и очень серьезные.

[2]) Примѣрами синдикатовъ промысловыхъ могутъ служить всѣмъ извѣстные синдикаты керосинозаводчиковъ, сахарозаводчиковъ и проч. Какъ на образчикъ синдикатовъ торговыхъ укажемъ на Чикагскій синдикатъ битаго мяса. Чикагскіе мясники, по заключеніи синдиката, сразу подняли цѣны на мясо (3 цента на фунтъ); дѣятельность чикагскаго синдиката простирается на громадную территорію. Мясники одного города, сообщаетъ британскій консулъ Вальтеръ Ляпалль въ оффиціальномъ отчетѣ за 1888 г., не захотѣли вступить въ сношеніе съ этимъ синдикатомъ чикагскихъ мясниковъ и за это были жестоко наказаны, такимъ сильнымъ пониженіемъ цѣнъ на свѣжее мясо, ежедневно доставляемыми ими изъ Чикаго, что должны были бросить свое занятіе.

Примѣромъ спекулятивнаго синдиката можетъ служить знаменитый «мѣдный» синдикатъ, задавшійся цѣлью пріобрѣсти всю мѣдь, добываемую въ мірѣ съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ перепродать ее по какой угодно будетъ синдикатамъ цѣнѣ. «Мѣдному» синдикату, во главѣ котораго стоялъ извѣстный въ парижскихъ финансовыхъ сферахъ Secretan, удалось привлечь къ своей сферѣ громадные капиталы и отчасти достигнуть намѣченной цѣли: цѣны на мѣдь поднялись втрое. Но противъ ожиданій спекулянтовъ количество добываемой мѣди все возростало и далеко превзошло спросъ. Силы синдиката истощились, онъ остановилъ покупки и цѣны на мѣдь разомъ упали, произошелъ крахъ, обошедшійся однимъ французскимъ капиталистамъ въ 277 мил. фр.! (Янжулъ, цит. соч., стр. 81—85).

ленію того же автора, суть постоянные союзы промышленниковъ съ цѣлью предупрежденія паденія цѣнъ на извѣстные товары ниже стоимости производства. „Ближайшая задача такого синдиката состоитъ въ регулированіи производства ради предупрежденія промышленнаго кризиса“ (стр. 420). Сопоставленіе послѣдняго опредѣленія съ первымъ можетъ навести на мысль, будто промысловые синдикаты учреждаются какими-нибудь Гракхами въ интересахъ общественнаго блага, а не такими же барышниками и не съ тою же цѣлью, какъ и торговые синдикаты. Но пусть эта „ближайшая задача“ намѣчена правильно. Можно ли, однако, ограничиваться изученіемъ однѣхъ ближайшихъ задачъ и успокоиваться на томъ, что онѣ-де благонамѣренны, когда не трудно предугадать уже и болѣе отделанныя послѣдствія дѣятельности синдикатовъ? Помимо того, что самое „регулированіе производства“ есть въ сущности „избіеніе младенцевъ“, истребленіе всѣхъ болѣе слабыхъ промышленниковъ, участь которыхъ, какъ вслѣдствіе беззащитности ихъ, такъ и громадной численности, должна болѣе интересовать государство, чѣмъ дальнѣйшее обогащеніе нѣскольких милліонеровъ,—помимо этого образованіе синдиката (всякаго) имѣетъ всегда вредныя послѣдствія, какъ для потребителей, такъ и для рабочихъ. Отсутствіе конкурренціи необходимо ведетъ къ поднятію цѣны, если не сейчасъ, то черезъ нѣкоторое время. Любопытной иллюстраціей этого положенія можетъ служить приведенное въ книгѣ г. Янжула показаніе одного американскаго промышленника, члена синдиката льнянаго масла. Конечно, показаніе отъ начала до конца разсчитано на то, чтобы произвести выгодное впечатлѣніе въ пользу синдиката; тѣмъ не менѣе мы находимъ тамъ слѣдующее мѣсто: „Нужно сознаться, что синдикатъ поднялъ нѣсколько цѣну льнянаго масла, но слѣдуетъ съ другой стороны принять во вниманіе, что цѣна эта уже нѣсколько лѣтъ, благодаря чрезмѣрной конкурренціи, была гораздо ниже нормальной. Конечно, нѣкоторыя изъ горячихъ головъ между нами, очень настаивали поднять цѣны вверхъ, когда обнаружилось, что въ нашихъ рукахъ очутилась абсолютная монополія промышленности льняного масла всей страны, но огромное большинство были *настолько практичны*, что единодушно потребовали лишь справедливыхъ цѣнъ и т. д.“ Нѣтъ сомнѣнія, что та-же *практичность* приведетъ къ другой политикѣ, когда синдикатчики почувствуютъ себя въ полной безопасности отъ отечественной и иностранной конкурренціи...

Кромѣ поднятія цѣнъ, угрожающаго интересамъ потребителей, распространеніе промысловыхъ синдикатовъ будетъ имѣть еще одно послѣдствіе гораздо болѣе опасное, а именно *окончательное закабаленіе*

рабочаго класса. Если и въ настоящее время можно съ полнымъ основаніемъ считать положеніе рабочаго слишкомъ зависимымъ, то что-же мы должны сказать о томъ времени, когда на весь міръ или хотя бы для данной страны въ каждой промышленности будетъ по одному хозяину, отъ котораго и уйти-то некуда будетъ!

Можно ли, однако, остановить дальнѣйшее развитіе промышленныхъ союзовъ, или намъ ничего другого не остается какъ отдаться могучему теченію жизни, противъ котораго, нравится ли оно намъ или нѣтъ, мы равно безсильны? Г. Янжулъ категорически высказывается въ пользу послѣдняго рѣшенія. „На основаніи данныхъ всей настоящей книги, заканчиваетъ авторъ свой трудъ, слѣдуетъ заключить, что путемъ законодательныхъ мѣръ нѣсколько замедлить развитіе промышленныхъ синдикатовъ, конечно, возможно, но надѣяться этимъ способомъ остановить или уничтожить синдикаты совсѣмъ, т. е. всецѣло,—въ такой же степени немыслимо и даже наивно, какъ вѣрить, подобно средневѣковымъ алхимикамъ, въ возможность и дѣйствительность элексира юности, который де можетъ остановить время и навсегда сохранить человѣку молодость!“

Итакъ, г-да синдикатчики, придите и владѣйте нами...

Намъ кажется, что авторъ не въ правѣ дѣлать этого вывода. Его прекрасная книга убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что „пѣснь свободной конкурренціи и индивидуализма уже спѣта“, что дальнѣйшая монополизація промышленности неизбѣжна. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что въ будущемъ мыслима лишь синдикатная форма промышленности.

Мы знаемъ другую форму, еще болѣе пригодную къ сосредоточенію капитала, при которой сохраняются всѣ выгоды „крупнаго“ производства и которая въ то же время, будучи основана на началахъ нравственныхъ, охраняетъ одинаково всѣ интересы. Мы разумѣемъ, конечно, государство. Новѣйшая исторія промышленности, въ особенности транспортнаго дѣла доказываетъ, что государство превосходно справляется съ весьма сложными промышленными предпріятіями. Едвали можетъ подлежать сомнѣнію, что желѣзнодорожное дѣло въ Германіи, напримѣръ, ведется гораздо честнѣе, выгоды отъ него распредѣляются гораздо правильнѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ничуть не сомнѣваемся, что государство отлично справилось бы также съ производствомъ сахара, масла, съ добычей нефти и т. д.

Государство не только можетъ, но и должно замѣнять собою синдикаты; ибо установленное для общаго блага всѣхъ, оно не можетъ допустить закрѣпощенія всего населенія нѣсколькими плутократами; по-

мимо того, скопленіе громаднѣйшихъ средствъ въ немногихъ рукахъ представляетъ прямую опасность для самого государства, такъ какъ милліарды, къ сожалѣнію, даютъ возможность во многихъ странахъ вліять даже на законодательныя учрежденія.

Наши законы запрещаютъ всякія соглашенія торговцевъ и промышленниковъ, устраиваемыя съ цѣлью повышенія цѣнъ.

По ст. 913 улож. о нак. „за стачку, сдѣлку или другое соглашеніе торгующихъ къ возвышенію цѣнъ на предметы продовольствія, виновные подвергаются наказаніямъ и взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1180 сего уложенія“.

Ст. 1180 гласитъ: „За стачку торговцевъ или *промышленниковъ* для возвышенія цѣны не только предметовъ продовольствія, но и другихъ необходимой потребности товаровъ, или для непомѣрнаго пониженія сей цѣны, въ намѣреніи стѣснить дѣйствія привозящихъ или доставляющихъ сіи товары, а черезъ то препятствовать и дальнѣйшему въ большемъ количествѣ привозу оныхъ, зачинщики такихъ противузаконныхъ соглашеній подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ и т. д.“ Образующіе синдикатъ съ цѣлью повысить свои барыши должны были бы подвергаться болѣе тяжкому наказанію по общему принципу уголовнаго права, въ силу котораго члены преступной шайки наказываются строже, чѣмъ дѣйствующіе лишь по соглашенію. Въ стачкахъ торговцевъ, по всей вѣроятности, и у насъ недостатка не было и нѣтъ, но образованіе крупныхъ синдикатовъ, вообще говоря, какъ-то не клеится. Вотъ что пишетъ одно освѣдомленное лицо изъ коммерческаго міра проф. Янжулу: „Между нашими фабрикантами нерѣдко устраивались соглашенія держаться опредѣленныхъ цѣнъ на товары. Иниціаторами являлись большею частью самые крупные мануфактуристы. Соглашенія эти однако очень скоро разстраивались. Дѣло происходило обыкновенно слѣдующимъ образомъ: являлся какому-либо мануфактуристу торговецъ (покупатель), желавшій пріобрѣсти на 200—300 т. р. товара и требовалъ уступки — к. Соблазнъ большой, и мануфактуристъ обыкновенно не выдерживалъ. Въ послѣднемъ случаѣ продажа производилась подъ строгимъ секретомъ, какъ выражаются по коммерчески, „на ушко“—писался счетъ по цѣнѣ, условленной синдикатомъ и т. д., но полученіе было, конечно, по дѣйствительной продажной цѣнѣ!!“... Пока наши фабриканты ведутъ себя по-дѣтски, но въ близкомъ будущемъ, можно надѣяться и они *созрѣютъ* и будутъ также свято исполнять синдикатныя условія, какъ ихъ европейскіе и американскіе коллеги.

М. Т.

Московское городское кредитное общество, въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

(Окончаніе [1]).

IV. Положеніе Московскаго домовладѣнія вообще и домовъ, оставшихся за Кредитнымъ Обществомъ—въ частности.

Неоднократно задавался вопросъ: какіе-же убытки (хоть приблизительно!) можетъ ожидать наше общество послѣ ликвидаціи дѣлъ по *оставшимся уже* за нимъ имуществамъ и какіе его ждутъ по тѣмъ имуществамъ, кои еще *не* поступили въ его «вѣдѣніе», владѣльцы которыхъ (изъ числа постоянныхъ недоимщиковъ, друзей Правленія) еще находятъ возможность брать подъ нихъ, вопреки Устава, дополнительныя и иныя ссуды, но которыя *неминуемо должны остаться за обществомъ*, разъ поступятъ на торги, такъ какъ покупателей на нихъ не найти.

Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, дать нельзя, но попытаемся изъ тѣхъ данныхъ, которыя намъ извѣстны по домамъ, уже оставшимся, вывести какой-нибудь приблизительный отвѣтъ.

Вотъ какъ рисуетъ, вообще, положеніе Московскаго домовладѣнія, при теперешнихъ условіяхъ, одинъ изъ членовъ Московскаго Кредитнаго Общества [2]):

«Мы имѣемъ возможность сказать прямо: *всѣхъ недоимокъ общество никогда не получитъ и никогда всѣ дома не продадутся безъ убытковъ для общества.* Причинъ этому разнообразныхъ, и внѣшнихъ, и внутреннихъ, много и мы безъ всякихъ предисловій и начнемъ съ нихъ.

Внѣшнія причины:

1) Въ 1890 году общественное управленіе Москвы предприняло возвышеніе доходности московскихъ домовъ, съ цѣлью увеличенія налоговъ на дома въ пользу городской казны. Мѣра эта выражается теперь нерѣдко тѣмъ, что городской налогъ платится не только съ доходнаго рубля, но и съ такого рубля, котораго и само домовладѣніе не получаетъ.

2) Неурожай въ 1891 году отразился очень неблагопріятно и на московскомъ домовладѣніи; онъ остановилъ пріѣздъ въ Москву множества лицъ

---

[1]) См. «Русскую Бесѣду», книжку III.
[2]) См. № 205 «Гражданина» за 1894 г.

для временнаго проживанія — съ одной стороны, а съ другой — десятки тысячъ другихъ лицъ обязаны были выѣхать изъ Москвы за черту ихъ осѣдлости по незаконности проживанія ихъ въ ней. Такимъ образомъ, непріѣздъ однихъ и выѣздъ другихъ лицъ, въ одно и то-же время, въ количествѣ сотенъ тысячъ временныхъ жителей Москвы, оставилъ десятки тысячъ незанятыхъ квартиръ и большой недочетъ въ доходахъ московскаго домовладѣнія.

3) Холера въ 1892 году потребовала усиленной и экстренной очистки Москвы, и по крайней малочисленности городского санитарнаго обоза, очистка эта производилась съ помощью вольныхъ санитарныхъ обозовъ по неимовѣрно возвышеннымъ цѣнамъ, что потребовало со стороны домовладѣльцевъ милліонныхъ расходовъ—съ одной стороны, а съ другой—городское самоуправленіе, устанавливая возвышенную оцѣнку доходности домовъ въ пользу городской казны, отчисляло извѣстный процентъ на санитарныя потребности и на очистку домовъ по старымъ расчетамъ, не принимая во вниманіе послѣдующихъ и современныхъ чрезвычайныхъ требованій на эти статьи расходовъ.

4) Въ этомъ-же 1892 году установленъ однопроцентный земскій сборъ съ доходовъ московскаго домовладѣнія по возвышенной городскимъ самоуправленіемъ оцѣнкѣ, т. е. установлена земская повинность и съ фиктивныхъ доходовъ, которыхъ московское домовладѣніе и само не получаетъ; и

5) въ то-же время шла экстренная и настойчивая перестройка каменныхъ плитныхъ тротуаровъ, согласно съ обязательными постановленіями, на тротуары асфальтовые, т. е. вѣчный матеріалъ замѣнился скоро портящимся; попустительство это городского самоуправленія обошлось московскому домовладѣнію въ новые милліоны. И все это совершилось въ самое тяжелое время для домовладѣнія.

Но это не все. Для полноты картины, могущей изобразить вообще современное состояніе московскаго домовладѣнія, необходимо указать на нѣкоторыя изъ общихъ причинъ: быть можетъ, это послужитъ на пользу домовладѣльцевъ, быть можетъ, *это вызоветъ благосклонное вниманіе къ ихъ тяжелому положенію и облегченіе въ томъ, что, не нарушая сущности дѣла, можетъ устранить многое, или-же сдѣлать это многое болѣе удобнымъ и болѣе легкимъ въ исполненіи.* Во всякомъ-же случаѣ отступленіе это съ прямой дороги къ кредитному обществу можетъ дополнить и всесторонне освѣтить дѣйствительное положеніе заемщиковъ этого общества.

Народное здравіе въ большихъ городахъ требуетъ извѣстныхъ обязательныхъ расходовъ на санитарныя и полицейскія мѣры — это одинъ и самый главный изъ вопросовъ первой потребности массовой жизни городовъ, но обусловливаться онъ долженъ-бы временемъ, мѣстомъ и обстановкой. Такъ, напримѣръ, Петербургъ, Варшава, Одесса и другіе подобные имъ города, требуютъ однихъ санитарныхъ и полицейскихъ мѣръ, соображаясь со скученностью многоэтажныхъ построекъ, тѣснотою дворовъ, густою заселенностью и проч. А въ Москвѣ, Кіевѣ и другихъ подобныхъ имъ городахъ съ рѣдкими двухъ и рѣдко трехъэтажными постройками и множествомъ древесныхъ насажденій съ довольно рѣдкимъ

заселеніемъ — мѣры эти могли-бы во многомъ измѣниться или облегчить данныя требованія безъ всякаго вреда народному здравію. Далѣе. Уборка и очистка улицъ и дворовъ также будетъ имѣть большую разность между указанными городами: одни должны убирать десятки и сотни квадратныхъ саженъ, а другіе—сотни и тысячи; однимъ это будетъ стоить десятки и сотни рублей, а другимъ — сотни и тысячи; одни дома даютъ доходу сотни и тысячи, а другіе — тысячи и десятки тысячъ, и проч., и проч.

Рамки статьи и спеціальная ея цѣль не даютъ возможности развить и довести до конца всю ту разность, которая, естественно, существуетъ между названными городами. Замѣтимъ только вообще, что едва-ли было-бы цѣлесообразно примѣнять однѣ и тѣ-же мѣры, одни и тѣ-же средства и въ одни и тѣ-же сроки—очистки домовъ и уборки улицъ, какъ въ однихъ, такъ и въ другихъ городахъ, и что для послѣднихъ городовъ одинаковыя требованія были-бы неизмѣримо тяжелѣе, непосильнѣе, чѣмъ въ первыхъ городахъ. Однимъ словомъ, для уравненія условій санитарныхъ и полицейскихъ требованій нужно было-бы сдвинуть дома въ Москвѣ, уничтожить сады и полисадники, построить новыя зданія, воздвигнуть 4-е и 5-е этажи и увеличить населеніе на цѣлый милліонъ, и только тогда условія уравнялись-бы между названными городами и полицейскія требованія отвѣчали-бы задачѣ, но до этого москвичамъ еще очень далеко. А между тѣмъ кто-же создалъ данное положеніе, какъ не наши-же отцы отечества—наше самоуправленіе? Сами не умѣютъ или не хотятъ работать, и потому надергали, нахватали готовыхъ чужихъ правилъ и, ни мало не думая, занесли ихъ въ обязательныя постановленія, забывъ Крыловскую басенку:—«а безъ ума перенимать и Боже сохрани какъ худо». Но вотъ является энергичный человѣкъ, съ выдающеюся изъ ряда подвижностью, онъ и требовалъ отъ всѣхъ и вся точнаго исполненія обязательныхъ постановленій, изданныхъ нашимъ самоуправленіемъ. По Москвѣ стонъ стоитъ и есть отъ чего: Москва занимаетъ 60 квадратныхъ верстъ; можно-ли, напримѣръ, сдѣлать уборку, очистку и вывозку кучъ льда и снѣга въ теченіе дня, а по обязательнымъ постановленіямъ должно (§ 11). Нужны тысячные обозы и цѣлая армія рабочихъ! Энергичная полиція гнѣвается, штрафы сыпятся дождемъ, кутузки не могутъ помѣстить всѣхъ кліентовъ полиціи... Цѣлая треть Москвы имѣетъ дома только для собственнаго проживанія, и всѣ требованія отъ домовъ, въ которыхъ живутъ скученно десятки и болѣе семей, совершенно излишни для первыхъ. Но кого-же винятъ въ данномъ положеніи сами отцы отечества?.. Ужъ, конечно, не самихъ себя! Но Москва должна знать, кто виноватъ.

Все это надо было сказать мимоходомъ для правильнаго пониманія положенія заемщиковъ, и *особенности недоимщиковъ*, ибо цѣль наша заключается въ томъ, чтобы указать причины, которыя форсированно усугубляютъ упадокъ силъ заемщиковъ съ одной стороны, а съ другой — удостовѣрить, что въ обывателяхъ Москвы нынѣ водворилась какая-то паника противъ пріобрѣтенія домовъ въ Москвѣ. Нерѣдко даже вторыя закладныя отказываются отъ своихъ денегъ и правъ оставлять заложенные имъ дома за собою, и дома остаются за обществомъ.

Такимъ образомъ, внѣшнія и общія причины, въ средѣ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ кредитное общество, сильно вліяютъ на тяжесть жизни московскаго домовладѣнія. Это фактъ, съ которымъ волею или неволею считаться надо, но, во всякомъ случаѣ, отсюда еще далеко до публичныхъ торговъ и отдачи домовъ своихъ въ кредитное общество. Значитъ, настоящую и непосредственную причину надо искать въ иномъ мѣстѣ.

И, дѣйствительно, настоящія причины заключаются во *внутреннихъ порядкахъ* самого общества, именно: въ неисполненіи устава общества правленіемъ и въ неисполненіи инструкцій оцѣночною комиссіею и архитекторами. Многіе заемщики, увлекаемые высокими оцѣнками и легкими ссудами, попали въ безысходное положеніе. Они думаютъ только о сегодняшнемъ днѣ, боясь какихъ-либо перемѣнъ въ установившемся порядкѣ, и поддерживаютъ его во что-бы то ни стало. И потому правленіе и весь строй управленія сильны недоимщиками, которые все утверждаютъ и все поддерживаютъ. По уставу § 69, недоимщиковъ совсѣмъ не полагается, а ихъ у насъ въ настоящее время цѣлыя тысячи, они и рѣшаютъ на общихъ собраніяхъ большинствомъ голосовъ всѣ вопросы. Вотъ гдѣ коренится все зло, вотъ откуда пойдетъ скорбный стонъ по всей Москвѣ, какъ разоренныхъ недоимщиковъ, такъ и всѣхъ заемщиковъ, обязанныхъ платить по круговой порукѣ всѣ убытки, созданные нашимъ управленіемъ.

Подойдя къ такимъ крупнымъ выводамъ, тутъ уже мало однихъ словъ, тутъ уже требуются факты и цифровыя данныя, чтобы дать вѣру своимъ словамъ. *Въ интересахъ всѣхъ заемщиковъ*, мы не можемъ остановиться и предъ этимъ, мы дадимъ и то, и другое, хотя и въ краткомъ видѣ.

По домамъ оставшимся по безуспѣшности торговъ за обществомъ:

1) По дому Д. А. Анитова.

Въ 1881 году при пріемѣ дома въ залогъ оцѣночная комиссія показала валового дохода	18,716 р.
Ссуда была выдана	119,300 »
Когда домъ послѣ торговъ остался за обществомъ, то по акту пріемной комиссіи показано валового дохода.	10,635 »
При выдачѣ ссуды валовой доходъ былъ увеличенъ на	8,081 »
Къ 1 сент. 1893 г. оставалось. . . { долга	105,350 »
{ недоимокъ . .	42,603 »
	147,950 р.

2) По двумъ домамъ М. Я. Бучумова.

Въ 1887 году валового дохода показано	63,336 р.
Ссуда выдана	380,200 »

По пріемному акту валовой доходъ показанъ	30,000 р.
При выдачѣ ссуды валовой доходъ увеличенъ на	33,366 »
Къ 1 сент. 1893 г. оставалось. . . { долга	360,307 »
{ недоимокъ . .	41,873 »
	402,180 р.

3) По дому Буцковской.

Въ 1887 году валового дохода . .	16,520 р.
Ссуда выдана	105,000 »
По пріемному акту валовой доходъ показанъ	8,700 »
При выдачѣ ссуды валовой доходъ увеличенъ на	7,820 »
Къ 1 сент. 1893 г. оставалось . . { долга	90,089 »
{ недоимокъ . .	18,940 »
	109,029 р.

4) По дому И. П. Петрова.

Въ 1888 году при ссудѣ показано валового дохода	3,600 р.
Ссуда выдана	22,500 »
По пріемному акту валовой доходъ показанъ	1,704 »
При ссудѣ валовой доходъ увеличенъ на	1,896 »
10 февраля 1893 г. выдана дополнительная ссуда	2,300 »
Къ 1 сент. 1893 г. оставалось . . { долга	21,861 »
{ недоимокъ . .	1,870 »
	23,731 р.

По всѣмъ домамъ, остающимся нынѣ въ «вѣдѣніи» общества, естественно цифры будутъ мѣняться, сообразно цѣнности домовъ, но отношенія ихъ между собою будутъ оставаться почти одни и тѣ же, какъ показано сейчасъ, и потому продолжать выписки мы считаемъ совершенно излишнимъ. Общія же цифры видны изъ разбора баланса на 1-е марта 1894 г. «члена заемщика» и въ редакціонной замѣткѣ— въ началѣ этой статьи.

Для примѣра и полноты изложенія дѣла, мы приведемъ одинъ-два случая продажи домовъ:

а) Домъ Андреевой. Въ 1889 году былъ перезаложенъ съ долгомъ въ 76,800 р. Марта 14 дня 1892 г. выдана дополнительная ссуда въ 38,000 р., а 24 августа 1893 г., т. е. черезъ одинъ годъ и 4 мѣс., домъ этотъ остался за обществомъ и снова проданъ съ убыткомъ для общества въ 14,806 р.

б) Домъ Н. А. Евреинова. Въ 1881 году выдана была ссуда съ погашеніемъ прежняго долга въ количествѣ 128,800 р. Въ 1885 г. выдана была дополнительная ссуда въ 15,500 р. Въ 1888 г. выдана была вторая дополнительная ссуда въ 9,600 р. Въ 1891 г. выдана была третья дополнительная ссуда въ 10,200 р., всего 35,300 р., въ 1893 г. домъ этотъ остался за обществомъ, а въ 1894 г. домъ этотъ проданъ съ убыткомъ для общества въ 37,714 р.

И по одному, и по другому дому дополнительныя ссуды выдавались и неправильно, и совершенно излишне.

Изъ всего этого прежде всего обращаютъ на себя вниманіе *высокія оцѣнки;* оцѣночная комиссія и архитекторы *опредѣляютъ валовой доходъ* и предъ выдачею ссуды и при поступленіи дома въ общество, *ни мало не стѣсняясь показанною разницею цифръ.* А по дому Петрова выдана дополнительная ссуда по опредѣленію оцѣночной комиссіи архитекторовъ, удостовѣряющихъ, что домъ Петрова находится въ полной исправности и *вполнѣ обезпечиваетъ долгъ обществу, а ровно черезъ 6 мѣсяцевъ,* послѣ неуспѣшныхъ торговъ, домъ поступаетъ въ общество, и *та же самая комиссія заявляетъ правленію,* что не можетъ оставить этого дома за собою, по уставу, *по запущенности его* и полному отсутствію ремонта. *Гдѣ тутъ правда: въ первомъ или во второмъ случаѣ?* Затѣмъ ссуда выдана 22,500 р. и дополнительно 2,300 р., всего 24,800 р., а на публичныхъ торгахъ домъ имѣлъ долгу 23,731 р., т. е. менѣе оцѣнки и ссуды на 1,069 р. и, тѣмъ не менѣе, домъ не нашелъ покупателя. Это *новое доказательство неправильныхъ оцѣнокъ* и, само собою разумѣется, что какъ это, такъ и многое другое можно продѣлывать только при участливомъ попустительствѣ правленія общества. Сверхъ этого, все это происходитъ не въ глуши, въ провинціи, а въ Москвѣ, въ столицѣ, на виду у всѣхъ, въ томъ числѣ и у органовъ общественной гласности. Цензура тутъ ни при чемъ; видно и кромѣ цензуры есть орудія, которыя налагаютъ печать молчанія на московскія безцензурныя газеты?

Теперь, окинувъ однимъ взглядомъ все вышеизложенное, можно-ли придти къ заключенію, что всѣ недоимщики покроютъ всѣ свои недоимки, что всѣ дома, остающіеся за обществомъ, продадутся безъ убытковъ для общества и что всѣ дома, находящіеся нынѣ еще въ рукахъ недоимщиковъ, не станутъ поступать, не сегодня, такъ завтра, въ общество и не въ такомъ же-ли запутанномъ видѣ и не съ такими же оцѣнками, какъ и тѣ дома, которые находятся уже въ обществѣ? Положеніе дѣла и ходъ его даютъ на всѣ эти вопросы отрицательные отвѣты.

Но при такихъ условіяхъ что же насъ ожидаетъ впереди? А то же самое, что было съ петербугскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ, т. е. оно пережило крахъ и понесло убытковъ на 7 милліоновъ и отдало свое правленіе подъ судъ—хотя слишкомъ поздно; но общество то имѣло запаснаго капитала $4^1/_2$ милліона, а мы имѣемъ только одинъ милліонъ, да и тотъ фиктивный. Если бы мы вели дѣло по уставу, § 23, съ имуществами, остающимися за обществомъ, то у насъ запаснаго капитала не было бы совсѣмъ ни одной копѣйки. Сколько же мы при нашемъ крахѣ понесемъ убытковъ, никто сказать не можетъ и отдадимъ-ли мы

свое правленіе подъ судъ — это будетъ зависѣть отъ власти, а не отъ насъ: недоимщики у насъ все обѣлятъ.

Намъ остается присоединиться къ заключительной фразѣ автора вышепомѣщеннаго письма «члена-заемщика», что § 22 устава—по круговой порукѣ,—«стоитъ передъ нами въ угрожающей позѣ», но мы замѣнили бы глаголъ «стоитъ» глаголомъ «наступилъ». Мы уже остаемся безъ движенія и беззащитными, ожидая милости отъ министерства финансовъ, въ видѣ скорѣйшаго рѣшенія по ревизіи и благосклоннаго вниманія вообще къ московскому домовладѣнію...

Мы обѣщали дать отвѣтъ на вопросъ о дѣйствительной стоимости имуществъ, находящихся въ «вѣдѣніи» общества. Отвѣтъ на этотъ вопросъ вообще легко можно найти въ нашей статьѣ, а спеціальный отвѣтъ не можетъ дать намъ, кромѣ однихъ предположеній, ничего существенномъ наго. Отвѣтъ на него можетъ дать только будущее. Мы можемъ сказать положительно по этимъ имуществамъ только слѣдующее. Стоимость ихъ опредѣляется отъ 8 до 4 милліоновъ съ недоимками; имущества эти разбросаны по всей Москвѣ. Казалось бы, для правленія обязательно доложить объ этомъ общему собранію и просить избрать коммиссію изъ членовъ общества, пользующихся довѣріемъ общества, какъ въ нравственномъ такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, и поручить ей управленіе такимъ крупнымъ общественнымъ достояніемъ. Такая мѣра слагала бы съ правленія, по крайней мѣрѣ, отвѣтственность за управленіе, но, очевидно, правленіе не боится отвѣтственности: за него стоятъ массою недоимщики и все оправдаютъ, и потому оно поручило управленіе домами чиновнику правленія... Чиновникъ этотъ не связанъ никакими формальными обязательствами или инструкціею по отношенію къ охранѣ общественныхъ интересовъ и отвѣтственности за нихъ. Гдѣ нѣтъ никакихъ обязательныхъ правилъ, тамъ господствуетъ безпредѣльный произволъ. Вотъ какъ у насъ охраняются интересы заемщиковъ съ круговою порукою, вотъ какъ исполняютъ свой долгъ наши избранные, — и ничего съ ними не подѣлаешь! Исправные заемщики взываютъ къ власти»...

V. Настоящее нашего Общества.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію, что даетъ намъ *настоящее* положеніе дѣлъ нашего Общества, — настоящее, находящееся подъ усиленнымъ (сравнительно съ *прежнимъ*) контролемъ и правительства и общества и печати.

Это *настоящее* началось, собственно, *ревизіей* г. Шванебаха, назначенной по Высочайшему повелѣнію.

Приводимъ здѣсь содержаніе рапорта г. Шванебаха г-ну Министру Финансовъ, въ томъ видѣ какъ онъ былъ прочитанъ г. московскимъ городскимъ головой въ засѣданіи Городской Думы 14-го сего марта, а также и отчетъ объ этомъ засѣданіи [1])

---

[1]) Изъ «*Русскихъ Вѣдомостей*», № 76, 1895 г.

Въ засѣданіи московской Думы 14-го марта разсматривалось заявленіе нѣсколькихъ членовъ заемщиковъ московскаго городскаго кредитнаго Общества по вопросу объ упорядоченіи дѣлъ Общества. Въ октябрѣ прошлаго года 15 членовъ-заемщиковъ обратились въ Думу съ просьбой возбудить ходатайство о скорѣйшемъ приведеніи въ порядокъ дѣлъ московскаго городскаго кредитнаго Общества и о примѣненіи къ нему закона о замѣнѣ общихъ собраній членовъ-заемщиковъ собраніями ихъ уполномоченныхъ. При докладѣ этого заявленія Думѣ было доведено до свѣдѣнія гласныхъ сообщеніе начальника губерніи о послѣдовавшемъ, на основаніи ревизіи дѣлъ кредитнаго Общества, распоряженіи министра финансовъ относительно введенія въ московскомъ городскомъ кредитномъ Обществѣ собраній уполномоченныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Думѣ сообщено было, что управляющій министерствомъ финансовъ призналъ нужнымъ преподать правленію кредитнаго Общества указанія, могущія служить къ упорядоченію дѣлъ кредитнаго Общества. Дума тогда единогласно постановила просить городскаго голову собрать свѣдѣнія о результатахъ правительственной ревизіи дѣлъ городскаго кредитнаго Общества и доложить ихъ Думѣ. Въ засѣданіи 14-го марта городской голова сообщилъ Думѣ, что вслѣдствіе сношенія его съ министерствомъ финансовъ городскому управленію препровождена копія доклада, сдѣланнаго по поводу ревизіи дѣлъ кредитнаго Общества членомъ совѣта министерства финансовъ д. ст. сов. Шванебахомъ, и эта копія была прочитана въ засѣданіи Думы. Сообщая, что провѣрка кассовой наличности и кладовой Общества обнаружила полное соотвѣтствіе съ цифрами балланса и особыхъ вѣдомостей цѣнностей, въ баллансѣ не включенныхъ, г. Шванебахъ представляетъ далѣе слѣдующія заключенія: 1) Главный и существенный недостатокъ въ дѣятельности московскаго кредитнаго Общества состоитъ въ неправильности оцѣнокъ домовъ, принимаемыхъ въ залогъ. Многочисленные примѣры, приведенные въ отчетѣ, относящіеся къ разнымъ періодамъ существованія Общества, приводятъ къ убѣжденію, что отклоненіе отъ нормальныхъ условій дѣятельности проявилось въ Обществѣ чуть ли не съ первыхъ лѣтъ его образованія. Современная же дѣятельность Общества, когда крайне неблагопріятныя послѣдствія преувеличенныхъ оцѣнокъ дали себя почувствовать, не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы въ управленіи проявилось сознаніе необходимости поворота къ болѣе благоразумному веденію дѣла. 2) Слѣдствіемъ неправильныхъ оцѣнокъ оказывается: а) весьма значительное число домовъ, продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ (до 15% всѣхъ заложенныхъ домовъ); б) крупныя потери, уже понесенныя и имѣющія быть понесенными въ будущемъ на домахъ, остающихся за Обществомъ; в) усиливающаяся неисправность во взносѣ срочныхъ платежей со стороны немалозначительной части заемщиковъ и г) пополненіе недоимокъ дополнительными ссудами. 3) Ненормальное направленіе дѣятельности Общества привело къ потерѣ запаснаго капитала и къ значительному ослабленію противъ уставомъ опредѣленной нормы процентнаго и погасительнаго фондовъ. При такомъ положеніи дѣла особаго порицанія заслуживаетъ то, что Общество, отмѣнивъ съ 1873 года ½% сборъ съ заемщиковъ на расходы управленія, не возстановило взиманія этого сбора, не взирая на настойчивыя требованія министерства финан-

совъ. Для возстановленія и упроченія дѣлъ Общества, по мнѣнію г. Шванебаха, было бы необходимо: 1) безотлагательно возстановить взиманіе $^1/_2$% сбора; 2) существенно измѣнить пріемы оцѣнки домовъ, т. е. примѣнять правила устава и инструкціи не только по буквѣ, но по истинному ихъ разуму; 3) примѣнять съ надлежащей строгостью правила о взысканіяхъ съ неисправныхъ заемщиковъ и этимъ прекратить накопленіе значительныхъ по займамъ недоимокъ; 4) прекратить выдачу дополнительныхъ ссудъ на пополненіе недоимокъ; 5) вмѣстѣ съ тѣмъ для облегченія заемщиковъ надлежало бы, въ измѣненіе практикуемыхъ въ Обществѣ перезалоговъ путемъ выдачи новыхъ ссудъ съ погашеніемъ старыхъ долговъ (причемъ платежи по долгамъ не уменьшаются), принять порядокъ, существующій въ петербургскомъ городскомъ кредитномъ Обществѣ, при коемъ остатокъ долга переводится въ новую серію съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ срочныхъ платежей. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Шванебахъ добавляетъ, «что допущенныя въ московскомъ кредитномъ Обществѣ неправильности положили рѣзкую печать на порядокъ выборовъ исполнительныхъ органовъ. Противоуставныя льготы и преувеличенныя ссуды оказываются въ рукахъ правленія средствомъ обезпеченія себѣ въ общихъ собраніяхъ послушнаго большинства и услужливыхъ избирателей. Настоящій составъ управленія, связанный долголѣтними традиціями ненормальной дѣятельности, а также, какъ видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ въ отчетѣ дѣлъ, чисто личными цѣлями,—едва ли въ состояніи будетъ проявить искреннее стремленіе къ упорядоченію дѣлъ Общества. Но едва ли также надлежащіе исполнители необходимой реформы найдутся въ средѣ Общества, въ виду преобладанія на общихъ собраніяхъ элементовъ, извлекающихъ изъ существующихъ безпорядковъ личную выгоду; почему упорядоченія дѣлъ московскаго кредитнаго Общества трудно будетъ достигнуть безъ принятія, хотя бы временно, мѣръ чрезвычайныхъ. По прочтеніи доклада г. Шванебаха городской голова добавилъ, что послѣ этой ревизіи состоялось распоряженіе о введеніи въ московскомъ городскомъ кредитномъ Обществѣ собранія уполномоченныхъ и о возстановленіи $^1/_2$% сбора. Затѣмъ происходившіе въ декабрѣ первые выборы уполномоченныхъ возбудили въ городѣ толки объ ихъ неправильномъ производствѣ, и въ виду обращенныхъ къ городскому головѣ письменныхъ и словесныхъ жалобъ жителей г. Москвы относительно неправильностей, допущенныхъ при выборахъ уполномоченныхъ, К. В. Рукавишниковъ счелъ своей обязанностью доложить г. министру финансовъ объ этихъ жалобахъ. Г. министръ финансовъ сдѣлалъ представленіе въ комитетъ министровъ, и въ результатѣ явилось распоряженіе объ отмѣнѣ состоявшихся уже выборовъ уполномоченныхъ кредитнаго Общества и назначеніе г. министромъ члена совѣта министерства финансовъ т. с. Н. А. Иванова для руководства новыми выборами уполномоченныхъ. При такомъ положеніи дѣла городскому управленію осталось только пожелать, чтобы на новые выборы уполномоченныхъ явилось возможно большее число заемщиковъ, чтобы они произведены были въ интересахъ Общества, а не отдѣльныхъ лицъ. Въ связи съ этимъ сообщеніемъ было прочитано поступившее 10-го марта заявленіе 7-ми заемщиковъ кредитнаго Общества, въ которомъ они, напоминая, что городское кредитное Общество, согласно

его уставу, основано было городскимъ управленіемъ и подъ его контролемъ, выражали мнѣніе, что устраненіе городскаго управленія отъ фактическаго контроля и привело дѣла Общества къ упадку. На основаніи этого подавшія заявленія лица просили возбудить вопросъ въ Думѣ объ установленіи законнаго контроля со стороны города надъ дѣятельностью правленія кредитнаго Общества. По прочтеніи заявленія городской голова объяснилъ, что съ уполномоченнымъ отъ города въ правленіи Общества состоялъ съ 1890 года покойный Н. С. Четвериковъ и что въ виду его смерти надлежитъ Думѣ избрать новое лицо. На это гласные А. А. Шиловъ, И. И. Шаховской и другіе возражали, что Н. С. Четвериковъ только числился уполномоченнымъ отъ города, но не былъ допущенъ правленіемъ кредитнаго Общества къ исполненію своихъ обязанностей, а министерство, которому была принесена по этому поводу жалоба, отвѣтило, что городъ долженъ искать судомъ возстановленія своихъ правъ и допущенія уполномоченнаго. Городской голова однакожъ выразилъ надежду, что теперь не встрѣтится препятствій къ допущенію городскаго уполномоченнаго къ контролю дѣлъ Общества.

Результатомъ этой ревизіи пока была *замѣна общихъ собраній членовъ заемщиковъ* — собраніями *уполномоченныхъ* [1]), дальнѣйшіе же вопросы — о виновности и отвѣтственности Правленія, о мѣрахъ къ упорядоченію дѣлъ, объ изысканіи средствъ поправить эти дѣла и т. п.— оставлены до рѣшенія ихъ этими уполномоченными. Казалось-бы теперь-то ужъ пора-бы взяться за умъ, пора-бы начать серіозно думать о томъ, что онъ ждетъ — куда тамъ! Дѣло пошло совершено такъ же, какъ оно шло и ранѣе: съ одной стороны, полное равнодушіе большинства членовъ заемщиковъ и облигаціонеровъ, не явившихся даже на выборы, а съ другой—таже тѣсно сплотившаяся партія недоимщиковъ, заново одѣленная «дополнительными» ссудами, выбрала такой «составъ» уполномоченныхъ, при которомъ стало совершенно ясно, что Правленіе можетъ продолжать дѣлать что ему угодно еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ прежде. При этомъ при выборахъ были допущены и прямыя нарушенія закона.

Со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы и результатомъ явилась *отмѣна выборовъ* уполномоченныхъ.

Приведу здѣсь, тоже въ подлинникѣ, докладъ г-на Министра Финансовъ Комитету Министровъ по этому дѣлу.

Изложеніе дѣла.

Вслѣдствіе замѣченной Министерствомъ Финансовъ безпорядочности веденія дѣлъ въ Московскомъ Городскомъ Кредитномъ Обществѣ и значительнаго количества оставшихся за Обществомъ по безуспѣшности торговъ недвижимыхъ имуществъ, 23 сентября 1893 года Министромъ Финансовъ было испрошено Высочайшее соизволеніе на производство правительственной ревизіи дѣлъ означеннаго Общества. Произведенною

[1]) Опубликовано въ *собраніи узаконеній и распоряженій* Правительства 14-го октября 1894 г., за № 169, ст. 1231.

ревизіею обнаружено, что Правленіе выдавало ссуды по весьма возвышенной, по сравненію съ дѣйствительною стоимостью, оцѣнкѣ, и притомъ зачастую подъ постройки еще не оконченныя и не приносящія никакого дохода, а также выдавало дополнительныя ссуды, не вслѣдствіе увеличившейся стоимости и доходности имущества, а лишь для покрытія лежащихъ на имуществѣ недоимокъ въ платежахъ и въ то же время не принимало никакихъ закономъ установленныхъ мѣръ для взысканія недоимокъ и реализаціи имуществъ, оставшихся за обществомъ по безуспѣшности торговъ. Вслѣдствіе такой дѣятельности администраціи Общества оказалось, что при выпущенныхъ Московскимъ Городскимъ Кредитнымъ Обществомъ въ обращеніе облигацій на сумму 126 милл. руб. и при запасномъ капиталѣ въ 1.120,000 руб., сверхсрочныя недоимки за заемщиками достигли цифры 2.000,000 руб. и кромѣ того за Обществомъ осталось недвижимыхъ имуществъ по безуспѣшности торговъ на сумму до 2½ милл. руб., съ недоимками на нихъ до 600 тыс. руб., по каковымъ имуществамъ, равно по имуществамъ, долженствующимъ вслѣдствіе неисправности въ платежахъ владѣльцевъ ихъ поступить также въ вѣдѣніе Общества, нужно ожидать до 2½ милл. руб. убытка, на покрытіе каковаго убытка, какъ указано выше, не будетъ достаточно имѣющагося у Общества запаснаго капитала.

Въ виду такого положенія дѣлъ, признавъ нужнымъ дать Правленію вышеназваннаго Общества нѣкоторыя указанія относительно упорядоченія дѣлъ его, Министерство Финансовъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашло необходимымъ замѣнить общія собранія всѣхъ членовъ этого Общества собраніями уполномоченныхъ, въ каковомъ смыслѣ и былъ измѣненъ уставъ означеннаго кредитнаго учрежденія, и Правленію Общества предложено было немедленно озаботиться составленіемъ списковъ избирателей и затѣмъ сдѣлать указанныя въ уставѣ Общества публикаціи о созывѣ избирательныхъ собраній.

На основаніи §§ 60[1] и 60[5] устава Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества объявленія о созывѣ избирательныхъ собраній для выбора уполномоченныхъ должны быть опубликованы за мѣсяцъ до срока созыва ихъ; владѣльцы же недвижимыхъ имуществъ, заложенныхъ въ Обществѣ, должны вноситься въ избирательный списокъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по суммѣ полученныхъ изъ Общества ссудъ. Между тѣмъ соединенное присутствіе Правленія и Наблюдательнаго Комитета Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, вопреки вышеуказаннымъ §§ устава, произведя 13, 14 и 15 ноября 1894 года въ надлежащихъ газетахъ публикаціи о созывѣ избирателей, дни собраній назначило: перваго разряда—на 1-е, втораго разряда—на 2-е, и третьяго разряда — первой группы—на 3-е, второй группы — на 5-е и третьей группы на 7-е декабря 1894 года, а въ избирательные списки по раздѣламъ внесло членовъ не по суммѣ полученныхъ ими изъ Общества ссудъ, а по суммѣ оставшагося за ними ко дню составленія списковъ капитальнаго долга, вслѣдствіе чего нѣкоторыя лица, долженствовавшія стоять въ первомъ разрядѣ, попали во второй, а другія изъ низшаго разряда были перенесены въ высшій. Засимъ, согласно публикаціямъ, и были произведены въ указанныя выше числа, выборы уполномоченныхъ.

Въ виду столь существенныхъ отступленій отъ устава Общества, нѣкоторые изъ членовъ его обратились въ Министерство Финансовъ съ ходатайствомъ о признаніи вышеупомянутыхъ выборовъ недѣйствительными по предложеніи Правленію Общества произвести новые выборы, причемъ лица эти заявили, что, помимо неправильности внесенія членовъ въ избирательные списки по разрядамъ по суммѣ остающагося за ними капитальнаго долга Обществу, а не по суммѣ первоначально выданныхъ ссудъ, они лишены были возможности просмотрѣть списокъ избирателей, такъ какъ списокъ этотъ былъ выставленъ для обозрѣнія его въ теченіе двухъ недѣль всего лишь въ одномъ экземплярѣ и многими не могъ быть провѣренъ за невозможностью имѣть къ нему доступъ, а между тѣмъ имъ, просителямъ, извѣстно, что Правленіе выдало передъ выборами членамъ своей партіи на сумму до 2 милл. руб. дополнительныхъ ссудъ, на покрытіе числящихся за ними недоимокъ Обществу, съ цѣлію предоставленія имъ возможности участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ.

Признавая вышеупомянутыя дѣйствія Правленія Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества по созыву избирательныхъ собраній и составленію избирательныхъ списковъ неправильными и не согласными съ уставомъ Общества, Министерство финансовъ, въ отношеніи отъ 9-го декабря 1894 года за № 17.543, дало знать объ этомъ Правленію Общества, а лицамъ, ходатайствовавшимъ объ отмѣнѣ произведенныхъ выборовъ, сообщено было, что отмѣна таковыхъ по уставу Общества Министерству Финансовъ не предоставлена и что съ ходатайствомъ по сему предмету они могутъ обратиться въ судъ.

Засимъ, Московскій Городской Голова, въ поданной имъ Министру Финансовъ докладной запискѣ, указывая на изложенныя выше неправильности, допущенныя Правленіемъ Московскаго Городского Кредитнаго Общества при производствѣ выборовъ уполномоченныхъ и на то, что эти нарушенія были допущены съ цѣлію предоставленія большинства голосовъ лицамъ, сочувствующимъ нынѣшней администраціи Кредитнаго Общества, отъ котораго однако же нельзя ожидать упорядоченія дѣлъ Общества, также обратился съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ произведенныхъ выборовъ уполномоченныхъ Кредитнаго Общества и о назначеніи новыхъ, подъ личнымъ его, Головы предсѣдательствомъ. При этомъ коллежскій совѣтникъ Рукавишниковъ лично заявилъ Министру Финансовъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, едва ли члены Общества обратятся въ судъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ выборовъ, такъ какъ это сопряжено съ значительными процессуальными затрудненіями, при полной неизвѣстности имѣющаго послѣдовать по сему предмету рѣшенія судебнаго мѣста. Нынѣ и Правленіе Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, имѣя въ виду, что дѣйствія его по созыву избирательныхъ собраній и составленію списковъ избирателей признаны Министерствомъ Финансовъ неправильными, проситъ извѣстить его о томъ, должно ли оно немедленно сдѣлать публикаціи о созваніи собранія уже избранныхъ уполномоченныхъ или же приступить къ составленію новаго списка избирателей и созвать новыя избирательныя собранія для выбора уполномоченныхъ.

ЗАКОНЪ. Св. Зак., изд. 1892 г., Т. I, ч. II. Учрежденіе Комитета Министровъ. Ст. 24, п. 3.

СПРАВКА. Уст. Моск. Гор. Кред. Общ. Гл. IV, §§ 59—63.

Соображенія и заключеніе.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что правительственною ревизіею обнаружены значительные убытки и разстройство Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, происшедшіе вслѣдствіе неправильнаго веденія его дѣлъ нынѣшнею администраціею Общества, и что сдѣланныя Министерствомъ Финансовъ распоряженія по упорядоченію дѣлъ Общества едва-ли принесутъ ожидаемую отъ нихъ пользу, такъ какъ избранные уполномоченные, помимо допущенныхъ при производствѣ выборовъ ихъ существенныхъ отступленій отъ устава Общества, состояли, по удостовѣренію Московскаго Городского головы, изъ лицъ, сочувствующихъ нынѣшней администраціи Общества, и принадлежатъ къ партіи непользующейся довѣріемъ лучшей части членовъ означеннаго кредитнаго учрежденія, а между тѣмъ слѣдующему очередному собранію уполномоченныхъ, замѣнившему собою общее собраніе всѣхъ членовъ, предстоитъ разрѣшеніе весьма серьезныхъ для будущности Общества вопросовъ, а именно: избраніе нѣкоторыхъ членовъ Правленія, большинства членовъ Наблюдательнаго комитета и, наконецъ, принятіе, на основаніи данныхъ, добытыхъ правительственною ревизіею, мѣръ къ упорядоченію разстроеннаго положенія дѣлъ Общества, и разсмотрѣніе вопроса объ отвѣтственности лицъ, завѣдывавшихъ дѣлами Общества. Министерство Финансовъ не сочло себя вправѣ удовлетворить ходатайство нѣкоторыхъ членовъ вышеназваннаго Общества и Московскаго Городскаго Головы объ отмѣнѣ этихъ выборовъ и о назначеніи новыхъ, такъ какъ это право принадлежитъ лишь суду, и хотя въ Министерствѣ Финансовъ не имѣется свѣдѣній о томъ, чтобы кто либо изъ членовъ возбудилъ объ этомъ ходатайство въ судебномъ порядкѣ, но и въ томъ случаѣ, если судомъ будутъ отмѣнены произведенные нынѣ выборы уполномоченныхъ, положеніе дѣла едвали можетъ измѣниться къ лучшему по той причинѣ, что и при новыхъ выборахъ, производствомъ которыхъ будетъ завѣдывать нынѣшнее правленіе, партія, сочувствующая правленію, опять по всей вѣроятности, употребитъ всѣ усилія къ приведенію въ уполномоченные своихъ единомышленниковъ. Такимъ образомъ, казалось бы, представляется необходимость принять нынѣ же какія либо не указанныя въ уставѣ Общества, мѣры, съ цѣлію возможнаго обезпеченія правильнаго теченія и упорядоченія дѣлъ упомянутаго Общества.

Останавливаясь на разсмотрѣніи этого вопроса, Министръ Финансовъ находитъ, что такою мѣрою могла бы быть отмѣна Комитетомъ Министровъ произведенныхъ въ декабрѣ минувшаго года выборовъ уполномоченныхъ Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, со всѣми ихъ послѣдствіями, и предоставленіе Министру Финансовъ права назначить новые выборы уполномоченныхъ; во избѣжаніе же могущихъ возникнуть неудовольствій между партіями Кредитнаго Общества и думскою, произвести эти выборы не подъ предсѣдательствомъ Московскаго

Городского головы, а подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ лица, назначеннаго для сего Министромъ Финансовъ. Къ такому направленію означеннаго дѣла и Московскій Городской Голова отнесся сочувственно.

Его Императорское Высочество Московскій Генералъ-Губернаторъ съ своей стороны, также изволилъ изъявить свое согласіе на приведеніе въ исполненіе вышеупомянутаго предположенія Министерства Финансовъ.

На основаніи вышеизложеннаго Министръ Финансовъ полагалъ бы: 1) отмѣнить со всѣми послѣдствіями, произведенные въ декабрѣ 1894 г. выборы уполномоченныхъ Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, и 2) предоставить министру финансовъ право назначить, подъ предсѣдательствомъ избраннаго имъ лица, новые выборы вышеупомянутыхъ уполномоченныхъ, съ отнесеніемъ могущаго быть по сему предмету расхода на счетъ Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества.

О семъ тайный совѣтникъ Витте имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе Комитета Министровъ.

Подписалъ Министръ Финнасовъ *Витте.*

Назначенъ, какъ извѣстно, тайный совѣтникъ Н. А. Ивановъ наблюдать за выборами, который прибылъ въ Москву и занимается подготовителяными къ нимъ работами.

VI. Заключеніе.

Изъ всего вышеизложеннаго мы постараемся сдѣлать какой нибудь общій выводъ и сдѣлать заключеніе о томъ, что же ожидаетъ наше общество въ *будущемъ?*

Очевидно что можно сдѣлать только два предположенія,—или теперешнее Правленіе, пользуясь необъяснимымъ абсентеизмомъ всѣхъ наиболѣе исправныхъ своихъ членовъ, успѣетъ и при новыхъ выборахъ уполномоченныхъ добиться, въ свою пользу, громаднаго большинства, которое, по крайней мѣрѣ на первыхъ, самыхъ важныхъ, собраніяхъ уполномоченныхъ и оправдаетъ совершенно всѣ дѣйствія и проступки Правленія, разрѣшивъ его отъ всякой отвѣтственности разъ на всегда и уполномочивъ и въ дальнѣйшемъ итти, по прежнему, по пути выгодному и удобному для Правленія и его партіи, или—составить большинство уполномоченныхъ изъ лицъ независимыхъ отъ Правленія и его дѣяній, большинство, могущее вникнуть въ критическое положеніе нашихъ дѣлъ и указать мѣры къ выходу изъ этого положенія безъ крайнихъ убытковъ и потерь. На что же можно разсчитывать?

До сихъ поръ ни на одно собраніе не только не являлись *независимые* члены въ сколько нибудь достаточномъ для составленія рѣшенія количествѣ, но даже въ средѣ этихъ независимыхъ сложилось убѣжденіе, что «ходить на собранія не стоитъ», «все равно ничего не подѣлаешь съ партіей Правленія и только рискуешь нарваться на скандалъ» и т. п.

Надо отдать справедливость такимъ скептикамъ, что они бывали правы въ своихъ разсужденіяхъ: «бороться» законными средствами съ толпой въ 500—700 человѣкъ ярыхъ представителей «черной сотни»—извозчиковъ, трактирщиковъ, мастеровыхъ и т. п.—составлявшихъ большинство собраній, сплоченныхъ единствомъ интересовъ, понимавшихъ, что съ устра-

неніемъ теперешняго, *своего*, Правленія, кончится и ихъ хозяйничанье въ дѣлахъ и капиталахъ Общества—бывало немыслимо.

Эти «уважаемые члены» не остановились-бы, въ случаѣ чего, пустить въ ходъ и кулаки,—на что они не разъ и намекали, обращаясь къ лицамъ, рисковавшимъ выступать противъ Правленія...

Но, теперь выборы уполномоченныхъ, подъ предсѣдательствомъ особо командированнаго лица, не представляютъ какой нибудь опасности. Тутъ не будетъ никакихъ споровъ, не будетъ возбуждаемо, какихъ нибудь вопросовъ—просто *надо прійти и положить шаръ* тому или другому баллотирующемуся. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшись твердо всѣ независимые и благоразумные члены Кредитнаго Общества изъ числа *7500 дѣйствительныхъ членовъ его,* отнестись *хоть разъ* серьезно къ своей *обязанности* и прійди на выборы—700 или даже 1000 членовъ Правленской партіи—ничего не подѣлаютъ.

Стало-быть, весь вопросъ одумаются ли наши члены-заемщики, увидятъ ли они, наконецъ, куда мы идемъ и куда можемъ зайдти при такихъ порядкахъ, поймутъ-ли, наконецъ, вполнѣ ясно, что за эти дѣла *имъ, связаннымъ круговой порукой*, придется расплачиваться.

Что до меня касается—то, я прямо скажу,—сомнѣваюсь: я слишкомъ много видѣлъ примѣровъ халатнаго отношенія къ общественнымъ дѣламъ, до тѣхъ поръ пока «громъ не грянетъ», когда же онъ грянетъ, то обыкновенно ждутъ правительственной помощи, чтобы залѣчить раны, причиненныя имъ...

Итакъ, *вѣроятнѣе*, что Правленіе большинства не лишится, тѣмъ болѣе, какъ то показало дѣло Титова, у него *всегда* есть неисчерпаемый источникъ голосовъ... въ кассѣ Общества: стоитъ только изъ этой, самимъ же Правленіемъ вѣдаемой кассы, надавать облигацій «своимъ людямъ»—и большинство въ собраніи готово; т. к. по новому закону, всякій облигаціонеръ, *представившій* облигаціи на 5,000 руб., *пользуется въ собраніяхъ уполномоченныхъ одинаковымъ съ нимъ правомъ голоса* [1]).

Но, является еще вопросъ—стоитъ ли огородъ городить, можно-ли поправить дѣла Общества, и, слѣдовательно, стоитъ-ли хлопотать объ упорядоченіи его дѣлъ? Безъ сомнѣнія стоитъ.

---

[1]) На-дняхъ въ московскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію Титова въ похищеніи квитанціи изъ правленія московскаго городскаго кредитнаго Общества и предъявленіи по ней требованія возврата принадлежащихъ ему облигацій. Дѣло само по себѣ представляетъ мало интереса, но любопытна обстановка, при которой происходило преступленіе, характерны показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, достойны вниманія вообще всѣ тѣ выяснившіяся на судѣ обстоятельства, которыя иллюстрируютъ порядки въ нашемъ городскомъ кредитномъ Обществѣ. Процессъ далъ новыя безспорныя доказательства, что правленіе этого Общества, учрежденнаго на началахъ круговой поруки, безъ участія акціонернаго капитала, открыто допускаетъ и поощряетъ дѣйствія, которыя обычно практикуются въ акціонерныхъ компаніяхъ. На общихъ собраніяхъ въ акціонерныхъ компаніяхъ подставные акціонеры сдѣлались настолько обычными лицами, что безъ нихъ какъ будто невозможно представить себѣ общаго собранія. Доходитъ до того, что за фиктивную передачу акцій въ этихъ учрежденіяхъ высказываются открыто и увѣряютъ даже, будто только такимъ образомъ крупные акціонеры могутъ отстаивать свои интересы. Нечего и говорить, что такое объясненіе совершенно неправильно и можетъ быть оправдано лишь софистическими ухищреніями, на которыя особенно тароваты наши банковскіе дѣльцы. Однако приходится признать, что законъ, воспрещающій фиктивную передачу акцій, рѣдко достигаетъ цѣли, такъ какъ акціи обыкновенно передаются людямъ близкимъ, зависимымъ, и доказать фиктивность передачи почти невозможно. Даже въ тѣхъ

При введеніи $^1/_2$ % сбора, *при непремѣнномъ условіи уменьшенія* % по облигаціямъ и при законномъ и честномъ дальнѣйшемъ расходованіи образующихся отъ сего капиталовъ, раны Общества можно скоро залѣчить и сами плательщики этого сбора, за уменьшеніемъ процента по ссудамъ, почти не замѣтятъ убытковъ, весьма большихъ, которые будутъ покрыты $^1/_2$ % сборомъ.

Разъ это такъ, разъ на *само Общество*, на его дружную инициативу, надежды мало, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время, чтобы усилить свою партію, Правленіе не жалѣетъ никакихъ средствъ (тѣмъ болѣе, что и *средства* то эти общественныя!...) и выдало своимъ сторонникамъ *дополнительныхъ ссудъ болѣе чѣмъ на 10 милліоновъ*, чтобы изъ недоимщиковъ сдѣлать ихъ по виду исправными—средство для спасенія и всего московскаго домовладѣнія одно—не дожидаясь краха, взять дѣла въ руки правительства, урегулировать его, отстранивъ Правленіе и найти дѣйствительныхъ виновныхъ теперяшняго печальнаго положенія.

Такой пріемъ со стороны Правительства даже и обиднымъ—никому быть не можетъ—кто *невиноватъ*, кто чистъ, тому нечего бояться, что Правительство временно возьметъ дѣла въ свои руки. Бояться этого могутъ только тѣ, кто знаютъ, что этимъ только путемъ ихъ незаконныя дѣла выплывутъ на свѣтъ Божій, а при всякомъ иномъ рѣшеніи вопроса, они всегда сумѣютъ выйти сухими изъ воды. **В. Н. Семенковичъ.**

рѣдкихъ случаяхъ, когда подставной акціонеръ вздумаетъ обратить фикцію въ дѣйствительность и потребовать выдачи акцій, представленныхъ за него другими лицами, дѣло не доходитъ до суда, такъ какъ, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій оглашенія такого факта, фиктивный акціонеръ обыкновенно получаетъ удовлетвореніе и дѣло потухаетъ до вмѣшательства прокурорской власти. Не смотря на то, что въ случаѣ предъявленія требованія со стороны подставнаго акціонера нетрудно установить дѣйствительную принадлежность акцій, для хозяевъ предпріятія выгоднѣе прійти къ соглашенію съ лицами, предъявляющими совершенно незаконныя требованія, чѣмъ доводить дѣло до суда.

Случай, имѣвшій мѣсто въ кредитномъ Обществѣ, отличается отъ аналогичныхъ продѣлокъ въ акціонерныхъ Обществахъ именно тѣмъ, что дѣло не замяли, а довели до суда. Но этимъ и ограничивается разница: по существу порядки нашего кредитнаго Общества представляютъ точную копію тѣхъ пріемовъ, которые давно уже составляютъ темную сторону въ практикѣ акціонерныхъ компаній. На судѣ выяснилось, что заправилы Общества раздаютъ хранящіяся въ кассѣ, предназначенныя для выдачи ссудъ облигаціи лицамъ, участіе которыхъ въ общемъ собраніи представляется имъ почему-либо желательнымъ; люди, стоящіе во главѣ предпріятія, сознательно допускаютъ къ обсужденію дѣлъ на общемъ собраніи лицъ, не имѣющихъ на это права, выдавая имъ для предъявленія къ общему собранію облигаціи въ ссуду на короткое время. Словомъ, въ залѣ суда была обнаружена одна изъ старыхъ язвъ нашего дѣловаго міра. Лицо, вздумавшее воспользоваться полученными на этихъ условіяхъ облигаціями и похитившее квитанцію, понесло, конечно, заслуженную кару. Но значеніе процесса не въ этомъ только: онъ раскрылъ предъ глазами публики механизмъ общихъ собраній и показалъ въ истинномъ свѣтѣ положеніе его заемщиковъ. Когда къ участію въ собраніи допускаются не только заемщики, заложившіе свои дома въ кредитномъ Обществѣ, и дѣйствительные владѣльцы выпущенныхъ имъ облигацій, но также совершенно посторонніе лица, получившія на-прокатъ чужія облигаціи, тогда неудивительно, что интересы домовладѣльцевъ, для которыхъ учреждено кредитное Общество, находятъ весьма слабую защиту.

Общественное мнѣніе во всякомъ случаѣ не можетъ равнодушно относиться къ такимъ явленіямъ; но оно, разумѣется, безсильно до тѣхъ поръ, пока не находитъ твердой опоры въ законодательствѣ. А что настало время для пересмотра нашего законодательства, регламирующаго эту сферу предпріимчивости, — въ томъ не можетъ быть сомнѣнія.

ОРОШЕНІЕ ПОЛЕЙ.

Въ южныхъ полосахъ Россіи уже начались весеннія работы.

Не за горами и то время, когда въ газетахъ того края появятся рубрики подъ заглавіемъ „Виды на урожай". Если привести къ одному знаменателю всѣ толки, предсказанія и предположенія о будущемъ результатѣ всѣхъ трудовъ сельскаго хозяина—то мы убѣдимся, что все зависитъ исключительно отъ надеждъ на предстоящіе дожди.

До какихъ бы ахиллесовыхъ столбовъ не шагнули наши агрономы въ дѣлѣ обработки почвы, однако же безъ дождя всѣ ихъ труды превращаются въ ноль.

Директоръ Маріинской Земледѣльческой школы Сладковъ, говоря про хозяйство на ввѣренной ему фермѣ, свидѣтельствуетъ:

„Несмотря ни на хорошую, глубокую обработку полей, ни на „своевременный посѣвъ, ни на удобреніе, при отсутствіи дождя никогда нельзя быть увѣреннымъ, что не погибнетъ все! А при дождяхъ „получаются хорошіе урожаи при самой плохой обработкѣ земли и отсутствіи удобренія" [1]).

Это заявленіе представителя земледѣльческой школы намъ кажется весьма знаменательнымъ:

На небольшомъ клочкѣ земли сосредоточены почти всѣ факторы производства. Здѣсь и громадное количество инвентаря, живого и мертваго, и много образованныхъ работниковъ съ профессорами во главѣ, и всегда готовый капиталъ по первому требованію и, конечно, доведенные до совершенства пріемы обработки полей, словомъ вполнѣ интенсивное хозяйство; но результатъ, какъ видите, сходитъ на нуль, если только природа не надѣлитъ насъ самымъ главнымъ факторомъ производства—влагой.

---

[1]) Докладъ Сарат. Общ. сельск. хозяйств., 92 г. 41 и 42, стр.

Въ параллель къ этому директоръ Валуйскаго казеннаго участка, гдѣ введено орошеніе болѣе 3000 десятинъ, удостовѣряетъ, что „орошенные земли даютъ по 175 пуд. съ десятины *при самой плохой* обработкѣ“ (Землед. Газета № 6-й, за 1892 г. и № 44-й за 1891-й г.). Сопоставляя эти два доклада не трудно сдѣлать выводъ, что столь прославленная интенсивная система хозяйства не ведетъ ни къ чему. Но мнѣ могутъ возразить, что организація орошенія и есть собственно говоря одна изъ тѣхъ меліорацій, которая по своей дороговизнѣ ляжетъ такимъ тяжкимъ бременемъ на хозяйство, что возведетъ его въ санъ интенсивнаго. Совершенно вѣрно! При томъ положеніи вещей, что гг. инженеры вгоняютъ расходы на орошеніе во 100 руб. за десятину,— конечно приходится сложить оружіе и признать только-что приведенное возраженіе вполнѣ правильнымъ. Но если мы съумѣемъ вдесятеро убавить цифру расхода на устройство орошенія, то картина рѣзко измѣнится. Пока Россія еще мало населена, мы должны довольствоваться тѣми факторами, которые ничего намъ не стоятъ: свѣтъ, теплота и воздухъ—пусть одни работаютъ за насъ; а мы дадимъ лишь кой-какую обработку да сѣмена. Система эта будетъ безошибочна въ томъ случаѣ, если мы прибавимъ еще одинъ даровой факторъ, т. е. влагу. Тогда при 4-хъ даровыхъ силахъ: свѣта, теплоты, воздуха и влаги мы можемъ смѣло ждать богатыхъ урожаевъ при самой ничтожной затратѣ на рабочія руки. Я смѣло называю орошеніе, т. е. дачу влаги, даровымъ факторомъ, и я это докажу.

Предположимъ я засѣвалъ 400 десятинъ; при орошеніи-же я засѣю всего лишь 100 десятинъ. Не засѣявъ 300 десятинъ и потому неизрасходовавъ на каждую изъ нихъ по 20 руб., я получилъ сбереженіе въ 6000 руб. Эти 6000 руб. я истрачу на устройство орошенія моихъ 400 десятинъ [1]).

Такимъ образомъ, не прибѣгая къ займамъ, я даромъ устроилъ на вѣки орошеніе полей въ своемъ имѣніи. Но мнѣ возразятъ: а недоборъ дохода съ незасѣянныхъ 300 десятинъ? Изобразимъ для наглядности въ таблицѣ тѣ данныя, которыя мы получимъ при сравненіи 2-хъ хозяйствъ: одного—гдѣ поля орошены, а другого—гдѣ не орошены.

	Орошенное имѣніе.	Неорошенное.
Количество засѣва .	100 десят.	400 десят.
Количество пудовъ урожая, считая по 100 п. съ орошенной десятины и по 60 п. съ неорошен.	10.000 пуд.	24.000 пуд.

Расходъ.	2.000 руб.	8.000 руб.
Валовой доходъ при цѣнѣ въ 50 к. . .	5,000 руб.	12.000 руб.
Чистый доходъ . .	5.000—2.000=3.000 (+1000 р. доходу съ тѣхъ 300 десят., которыя брошены [1]) подъ траву [2]) = 4.000 р.).	12.000—8.000=4.000

И такъ, при перемѣнѣ хозяйствъ предположеннымъ мною способомъ владѣлецъ, сохранивъ 6.000 р., припасенные имъ съ весны на обработку, получаетъ въ итогѣ никакъ не меньше того хозяина, который засѣялъ всѣ свои 400 десят. Эти 6.000 р. мы затратимъ на устройство орошенія всѣхъ нашихъ 400 десятинъ.

Я докажу желающимъ, что при примѣненіи къ работѣ землекопныхъ машинъ устройство орошенія обойдется не дороже 17 рублей на десятину [3]). Теперь же перейдемъ къ перечню выгодъ, которыя дастъ намъ орошеніе полей.

Въ лѣтнія жары мы молимъ небеса ниспослать намъ влагу. Но мы забываемъ, что влага уже была намъ отпущена зимой въ совершенно достаточномъ количествѣ, и Творецъ, одѣлившій насъ этой влагой, не можетъ не прогнѣвляться за безумную растрату Его даровъ. Земные законы особенно строго караютъ хищенія такихъ предметовъ, которые чреваты надеждой удесятерить благосостояніе обкраденнаго владѣльца. Такъ, за кражу сѣмянъ какого либо хлѣба похитителю грозитъ высшая мѣра наказанія. Такъ же должна прогнѣвлять безумная растрата ниспосылаемаго безцѣннаго дара, т. е. того моря влаги, которое въ видѣ снѣга ниспадаетъ на наши поля въ теченіе зимы и которое должно бы было обогащать насъ.

Мудрый муравей долженъ внести поправку въ текстъ своихъ наставленій и дать намъ указаніе о необходимости заботиться не столько лѣтомъ о зимѣ, сколько зимой о лѣтѣ, и пословица: „лѣто зиму кормитъ“ должна быть обогащена прибавкой: „а зима лѣто поитъ“. Такое прибавленіе доводится слышать въ тѣхъ странахъ, гдѣ издавна организовано орошеніе полей.

---

[1]) Конечно, прежде чѣмъ забросить эти 300 десятинъ, надо обсѣмянить ихъ благородными злаками.

[2]) Эти 300 десятинъ не орошенныхъ луговъ всегда можно сдать не по 3 р. 50 к., а вдвое и втрое дороже, но я нарочно привожу самыя дешевыя цѣны.

[3]) Весь расходъ на орошеніе заключается въ земляныхъ работахъ. Примѣняя новыя землекопныя машины, насыпка кубической сажени земли обходится вдесятеро дешевле обычныхъ цѣнъ.

Пора заняться устройствомъ запрудъ для скапливанія въ нихъ снѣговой воды, дабы расходовать ее по мѣрѣ надобности лѣтомъ, а не давать ей весной уноситься бѣшеными потоками въ море, засоряя по дорогѣ русла рѣкъ и увлекая самыя питательныя части съ нашихъ полей; прислушаться къ голосамъ такихъ людей дѣла, какъ напр. г. Баталинъ, которые совѣтуютъ намъ и другіе пріемы для задержанія зимняго снѣга на поляхъ и замедленія таянія его [1]).

Помимо прямой, непосредственной пользы отъ орошенія полей, выражающейся въ постоянствѣ обильныхъ урожаевъ орошенной нивы, мы не должны забывать и тѣхъ косвенныхъ выгодъ, которыя не замедлятъ обнаружиться при устройствѣ этого дѣла. Такъ, значительно облегчится борьба съ саранчей (затопленіемъ залежей яичекъ) и другими бичами сельскаго хозяйства (суслики, овражки мыши и вредные для растенія микробы).

Появленіе значительной сѣти водныхъ бассейновъ въ запруженныхъ лощинахъ вызоветъ большее количество дождей въ лѣтнюю пору. Такъ, изъ доклада директора института инженеровъ путей сообщенія М. Н. Герсеванова мы узнаемъ, что въ имѣніи Павлова, Екатеринославской губ., гдѣ устроено орошеніе въ обширныхъ размѣрахъ, дожди проходятъ надъ орошеннымъ пространствомъ чаще, распространяясь и въ стороны на нѣсколько верстъ.

Этотъ фактъ заставляетъ припомнить тѣ жалобы сельскихъ хозяевъ, которыя вызваны были осушеніемъ Пинскихъ болотъ, дарившихъ наши поля такимъ обиліемъ облаковъ и дождей. Послѣ этого не можетъ не остановить на себѣ вниманіе мысль, высказанная мною объ устройствѣ внутренняго моря. Я предлагаю обязательно отчуждать $^1/_{100}$ изъ земли каждаго собственника, для устройства запрудъ на этихъ клочкахъ. Суммируясь, эти пруды дадутъ водную площадь въ 5.000.000 десятинъ [2]).

Помимо того, что изъ этихъ прудовъ будетъ производиться орошеніе, испаренія съ этого бассейна дадутъ громадное количество самостоятельныхъ облаковъ и, кромѣ того, будутъ способствовать охлажденію и превращенію въ капельножидкое состояніе, т. е. въ дождь, облаковъ, проносящихся съ моря.

Средства къ постройкѣ плотинъ должно дать Правительство въ долгосрочную ссуду. Въ крестьянскихъ же имѣніяхъ постройка плотинъ можетъ производиться собственнымъ трудомъ. Такъ какъ земляныя пло-

---

[1]) Прикрытіе сугробовъ, защитныя полосы, т. е. аллеи изъ быстро растущихъ деревьевъ, сжиманіе, притаптываніе снѣга и проч.

[2]) Я имѣю въ виду только одну Европейскую Россію, съ ея $^1/_2$ милліарднымъ пространствомъ земли.

тины принадлежатъ къ отдѣлу нетлѣнныхъ сооруженій, то поэтому они будутъ вѣчны и потребуютъ не погашенія, а только ремонта.

Далѣе, потратившись на устройство запрудъ для орошенія полей, владѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ почти безъ всякихъ расходовъ становится и рыбоводомъ.

Правительственные рыборазводные заводы за нѣсколько рублей высылаютъ десятки тысячъ оплодотворенныхъ икринокъ. Другихъ расходовъ на рыбоводство не существуетъ.

Вспомнивъ, какъ много говорилось о вредѣ отъ соленой рыбы, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ обратимъ нашъ взоръ на запруды, изъ которыхъ будемъ черпать всегда живую рыбу. Старинные бары возводили плотины исключительно для того, чтобы имѣть рыборазводные пруды и садки для живой рыбы.

Мы же, не имѣя теперь даровыхъ рабочихъ рукъ, которыми обладали наши дѣды, затрачивая деньги на постройку прудовъ, должны стараться извлекать наиразнообразнѣйшіе выгоды изъ этихъ затратъ.

Закончимъ перечень тѣхъ выгодъ, которыя приноситъ намъ орошеніе, указаніемъ на то обстоятельство, что лѣсоразведенію, о которомъ такъ много хлопочутъ, должно предшествовать орошеніе. Лѣсоразведеніе болѣе всего нужно для юга, но именно тамъ-то и встрѣтимъ страшнаго врага всякой растительности, т. е. изсушающій жаръ, доходящій до 45° R. Между тѣмъ, при орошеніи этотъ врагъ превращается въ союзника, такъ какъ при наличности влаги, чѣмъ выше температура, тѣмъ обильнѣе ростъ всякаго рода растеній.

Орошеніе на Кавказѣ и въ Закаспійскомъ краѣ имѣетъ за себя тысячелѣтнюю давность, тѣмъ не менѣе осторожные хозяева сторонились отъ мысли перенести на нашу почву это дѣло. Но вотъ явились смѣлые иниціаторы, не пожалѣвшіе пожертвовать свой капиталъ и свой трудъ на это новое дѣло и труды ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Милліоны вопросовъ теперь разрѣшены не теоретически, а практически.

Не золотыя горы сулитъ намъ орошеніе полей, но оно обезпечиваетъ сельскаго хозяина отъ тѣхъ колебаній въ цифрѣ урожая, отъ той неустойчивости въ доходахъ, благодаря которой порождается полная невозможность разобраться и сообразить, какого рода домашніе расходы я могу вести и стоитъ ли, наконецъ, посвящать себя дѣлу веденія хозяйствъ, когда знаешь твердо, что ничего вѣрнаго ждать отъ земли нельзя. При такомъ положеніи вещей сельское хозяйство является какой-то азартной игрой, отъ которой не можетъ не сторониться каждый обстоятельный человѣкъ; тогда какъ, наоборотъ, опредѣленный изъ года въ годъ неизмѣняющійся доходъ съ имѣнія вызоветъ большую привязанность помѣщиковъ къ

своему имѣнію и избавитъ ихъ отъ необходимости бросаться на „отхожія промысла“. У насъ привыкли съ плеча обвинять помѣщиковъ за абсентеизмъ, но если пристально разсмотрѣть и вслушаться въ объясненія, которыя вамъ дадутъ многія лица, покинувшія свои гнѣзда, то вы рѣзко измѣните свой взглядъ.

На самомъ дѣлѣ, крестьянинъ и купецъ могутъ въ тяжелый годъ съузить свои потребности до minimum'а. Совсѣмъ не то положеніе дворянина: какъ бы ни были стѣснены средства, тѣмъ не менѣе всѣ заботы только и сосредоточиваются на томъ, чтобы дать образованіе дѣтямъ. Поставивъ себѣ непреложной задачей неукоснительно достигнуть этой *цѣли*, приходится изыскивать вѣрныя *средства*. На доходы съ имѣнія также рискованно разсчитывать, какъ и на выигрышъ въ азартную игру. Остается одинъ выходъ: подыскивать другой источникъ дохода, хоть и менѣе излюбленный и заманчивый, но зато болѣе вѣрный. Въ результатѣ: имѣніе отдается за минимальную сумму въ аренду, или и вовсе продается, а владѣлецъ, покинувъ насиженное гнѣздо, переѣзжаетъ въ городъ и увеличиваетъ число лицъ, ищущихъ мѣстъ на государственной службѣ. Обратное явленіе не замедлило бы обнаружиться въ томъ случаѣ, если владѣлецъ убѣдится въ постоянствѣ цифры дохода съ своей земли. Пословица: „отъ добра, добра не ищутъ“ не замедлила бы оправдаться: помѣщики снова полюбятъ свои имѣнія, и господскіе дома пустѣть не будутъ. Теперь лицу, не покидающему своего имѣнія, становится непосильно жить въ деревнѣ одному, какимъ-то Робинзономъ. Но если сосѣднія имѣнія будутъ населены людьми интеллигентными,—то жизнь помѣщика измѣнится; работа въ тѣсномъ кругу образованныхъ людей пойдетъ скорѣе и Робинзонъ очутится среди своихъ согражданъ.

Постройка плотинъ.

Насыпка плотинъ отнюдь не должна производится ручнымъ трудомъ, а непремѣнно быками. Земляныя работы распадаются на 3 пріема. 1-й—взрыхленіе земли, 2-й—насыпка земли на тачку и 3-й—отвозка земли на плотину. 1) Взрыхлить землю помощью плуга обходится копѣйка за куб. саж. [1]). 2) Наборъ земли нужно дѣлать не ручной лопатой, а конной; конная лопата состоитъ изъ ящика въ $1^1/_2$ арш. длины, 1 арш. ширины и $^1/_2$ арш. вышины. Къ боковымъ доскамъ прикрѣпляются вальки и дышло для пары быковъ, а дно спереди обито желѣзомъ для

[1]) Лошадь вспашетъ легко $^1/_2$ десятины сороковыхъ на 2 вершка, и, такъ стоимость куб. саж. при цѣнѣ работы лошади въ день 70 коп. $= \frac{1600 \cdot 2}{48} = 1$ коп.

крѣпости. Къ задней стѣнкѣ ящика придѣланы рычаги. Если приподнять этими рычагами задъ тачки—то передній конецъ ея врѣжется въ рыхлую землю и при движеніи быковъ наберетъ въ нашу тачку земли въ теченіи какой нибудь $^1/_2$ минуты. Такимъ образомъ, наборъ куба земли обойдется въ дробь копѣйки.

Остается послѣдній третій пріемъ—передача набранной земли на плотину. Землекопы обычно везутъ всего какихъ нибудь 14 пуд. на плотину или одну семидесятую кубической сажени. Такимъ образомъ, при перевозкѣ земли на 100 саж. землекопъ, чтобы отвезти кубич. сажень земли, долженъ сдѣлать 70 концовъ или 70 . 200 = 14.000 саж. или 14.000 : 500 = 28 верстъ. Я же высыпаю набраннную землю не прямо на плотину, а сперва на платформу, вмѣщающую въ себѣ кубическую сажень земли. При этомъ условіи съ каждою изъ вышеописанныхъ тачекъ приходится дѣлать путь не въ 200 саженъ, а всего въ 2 и 4, много въ 10 саженъ. При этихъ условіяхъ одна тачка, чтобы насыпать полную платформу, должна сдѣлать не 28 верстъ, а всего 1 версту, по слѣдующему разсчету: тачка, какъ вмѣщающая въ себѣ кубическій аршинъ, = $^1/_{27}$ куб. саж. При подвозкѣ на платформу на дистанцію въ 10 саженъ доведется сдѣлать 27 концовъ по 20 сажень или всего путь, равный 27 . 20 = 540 саж. Насыпавъ платформу въ 1.000 пуд. я по рельсамъ везу ее на плотину. А въ это время тачки набираютъ и насыпаютъ землю на другую платформу. Способъ такой вполнѣ ясно не можетъ быть переданъ письменно безъ моделей, а потому лица, интересующіяся, благоволятъ пожаловать ко мнѣ, гдѣ я безвозмездно покажу имъ модели.

Г. И. Аристовъ.

ВЫШЛА ПЯТАЯ (МАЙСКАЯ) КНИГА

Ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Содержаніе: 1) Хлѣбъ. Романъ. Продолженіе. *Д. И. Мамина-Сибиряка.* 2) Исторія одного самоѣда (изъ путевыхъ впечатлѣній). Окончаніе. *К. Носилова.* 3) Ихъ души. Романъ *Gyp.* (Графини де-Мартель). Переводъ съ французскаго. *М. Н. Р.* Продолженіе. 4) Стихотвореніе *М. М. Гербановскаго.* 5) Богиня Діана. Повѣсть. Продолженіе *П. А. Сергѣенка.* 6) Камо грядеши? (Quo vadis?). Романъ изъ временъ Нерона. *Генрика Сенкевича.* Пер. съ польскаго *В. М. Л.* Продолженіе. 7) Англійская пугачевщина. *М. М. Ковалевскаго.* 8) Аренда земли въ Россіи и Ирландіи. *А. А. Мануйлова.* 9) Русскія поселенія въ Закаспійской области. *Г. В. Тарновскаго.* 10) Несчастный счастливецъ. (Сочиненія А. Н. Апухтина, посмертное изданіе, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1895 г.). *А. М. Скабичевскаго.* 11) Ричардъ III (изъ новой книги Георга Брандеса о Шекспирѣ). *В. М. С.* 12) Феличе Кавалотти. *С. В. Л.* 13) Математика, какъ наука и ея школьные суррогаты. *Вс. П. Шер—скаго.* 14) Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. Продолженіе. *П. Н. Милюкова.* 15) Условія распространенія образованія въ народѣ. *В. П. Вахтерова.* 16) Очерки провинціальной жизни. *И. И. Иванюкова.* 17) Иностранное обозрѣніе. 18) Внутреннее обозрѣніе: Сдѣлки на золото.—Отношеніе ихъ къ девальваціи.—Ихъ вѣроятное вліяніе на цѣнность серебра. — О мѣрахъ, предлагаемыхъ къ ослабленію сельскохозяйственнаго кризиса.—Первый съѣздъ дѣятелей по печатному дѣлу.—Къ вопросу о всеобщемъ обученіи.—† А. Н. Маклаковъ. 19) Современное искусство: Спектакль учениковъ московской консерваторіи *А. Б.* 20) Библіографическій отдѣлъ: I. Книги: Беллетристика. — Критика и публицистика. — Философія.—Исторія и исторія искусства.—Политическая экономія. — Юридическія книги.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Историческій Вѣстникъ», январь—февраль. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1895 г. 21) Объявленія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1895 годъ, (XVI годъ изданія).

Цѣна съ достав. и пересыл. во всѣ мѣста Россіи: на годъ—12 р., 9 м.—9 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. За границу: на годъ—14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м.—7 р., 3 м.—3 р. 50 к., 1 м.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка при подпискѣ: къ 1 апр., 1 іюля и 1 окт. по 3 рубля. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ не допускается. Принимается подписка: въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, уг. Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. 2—24. Въ Петербургѣ, въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій пр., д. Армянской церкви. Въ Кіевѣ, въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

ПЕРВЫЯ ГЛАВЫ романа Додэ «Маленькій приходъ» разсылаются новымъ подписчикамъ на 1895 годъ.

При редакціи открытъ **МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ**, съ пріемомъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

Доз. Цензурою СПВ., 28 мая 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

БЛАГОВѢСТЪ

Май

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

ГАЛИЦКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. ТИХОМІРОВА.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 23-го мая 1895 года.
Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ.**

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

ГАЛИЦКАЯ МИТРОПОЛІЯ

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. Тихоміровa.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова. Троицкая улица, № 18.
1895.

ВВЕДЕНІЕ.

Приступая къ нашему труду, мы заранѣе уже испытываемъ нѣкоторое смущеніе, опасаясь не выполнить той задачи, которая отъ насъ требуется. Дѣло въ томъ, что, рѣшаясь писать исторію Галицкой митрополіи и созерцая въ перспективкѣ весь ходъ нашей работы, мы со скорбію наталкиваемся на печальнѣйшее для насъ обстоятельство—на скудость, спутанность и нерѣдко фальшивость того историческаго матеріала, на основаніи котораго мы думаемъ построить зданіе нашей исторіи. Правда, мы имѣемъ подъ руками историческій матеріалъ, нерѣдко съ опредѣленнымъ содержаніемъ, а иногда и съ драгоцѣнными историческими указаніями, но этотъ матеріалъ слишкомъ недостаточенъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, чтобы на основаніи его создавать полную и подробно разработанную исторію Галицкой митрополіи. Въ разработкѣ историческихъ вопросовъ богатый матеріалъ даютъ обыкновенно хроники, лѣтописные своды и проч., но по нашему вопросу эти послѣдніе слишкомъ скупо дѣлятся своими указаніями, предлагая любознательному изслѣдователю или глухое, поистинѣ ужасное молчаніе, или же самыя общія, какъ бы мимоходомъ вырвавшіяся у лѣтописца, рѣдкія историческія замѣтки. Впрочемъ, русскія лѣтописи, при всей скудости церковно-историческихъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ отличаются тѣмъ прекраснымъ качествомъ, что въ нихъ мы находимъ обыкновенно (хотя, впрочемъ, и не всегда) объективно-безпристрастную, чуждую фальши и намѣренной извращенности историческую быль. Нельзя этого сказать про лѣтописи не русскаго происхожденія—лѣтописи польско-литовскія (Длугоша [a]), Стрыйковскаго, Быховца), въ которыхъ легко можно замѣтить и раскраску скудныхъ извѣстій первоисточниковъ, и произвольное сопоставленіе ихъ свидѣтельствъ, и допол-

неніе ихъ по личному усмотрѣнію хрониста-лѣтописца [1]). Но, обиженные и обездоленные лѣтописями, мы въ этомъ случаѣ можемъ утѣшиться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ составляютъ не единственный, да далеко и не главный источникъ, откуда мы можемъ почерпать нужныя свѣдѣнія по нашему вопросу. По обилію историческаго содержанія мы отдаемъ полное и всецѣлое преимущество предъ лѣтописями извѣстіямъ не русскаго или польско-литовскаго происхожденія, а извѣстіямъ, идущимъ изъ Константинопольской патріархіи. Мы разумѣемъ различныя грамоты Константинопольскихъ патріарховъ и отчасти—императоровъ, въ которыхъ находимъ упоминанія про существованіе въ то или иное время Галицкой митрополіи, находимъ нѣкоторыя имена самихъ Галицкихъ митрополитовъ и даже иногда болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ ихъ поставленіи [6]). Но, при всемъ томъ, мы съ прискорбіемъ должны сознаться, что мы все-таки располагаемъ слишкомъ небольшимъ количествомъ сырого историческаго матеріала. Недостаточность же его не можетъ, конечно, не отразиться на качествахъ нашей работы, на ея успѣшности и на ея результатахъ. Не имѣя подъ руками богатыхъ историческихъ данныхъ, мы volens-nolens будемъ вынуждены добавлять ихъ своими собственными соображеніями и догадками. Чувствуемъ, что въ этомъ случаѣ грозитъ намъ не малая опасность сбиться съ правильнаго пути, по которому долженъ итти истинный историкъ, и пуститься въ пространную область мечтаній и фантазій, свойственныхъ развѣ только однимъ романистамъ. Плоды всего этого могутъ оказаться весьма печальными, такъ какъ изъ-подъ нашего пера можетъ выйти не исторія Галицкой митрополіи, а исторія нашихъ фантазій о ней. А это послѣднее, конечно, всего менѣе желательно для насъ, такъ какъ мы думаемъ писать ничуть не романъ, а дѣйствительную исторію. Между тѣмъ мы хорошо знаемъ и помнимъ, какъ не легки тѣ условія, какія налагаетъ на себя и какихъ держится при своей работѣ мнящій себя истиннымъ историкомъ, а не романистомъ-мечтателемъ. Историкъ всегда долженъ стоять на почвѣ историческаго матеріала и его полагать въ основу своихъ изслѣдованій, допуская свои догадки только тогда, когда онѣ не только не противорѣчатъ историческимъ даннымъ, но, напротивъ, съ очевидностью ихъ подтверждаютъ и разъясняютъ. Это дѣло, конечно, не легкое, такъ-какъ оно предполагаетъ въ историкѣ не только умѣнье понимать сырой историческій матеріалъ и разбираться въ немъ, но и способность проникать въ его

---

[1]) Н. Дашкевичъ. Литовско-русск. госуд., условія его возникн. и прич. упадка (Унив. Изв. 1882 г. августъ, № 8, стр. 328).

глубокій, недоступный и невидимый для другихъ смыслъ,— предполагаетъ въ немъ такъ называемое „историческое чутье“, обладатель котораго научается читать не только по строкамъ, но и между строкъ, своимъ непосредственнымъ чутьемъ схватывая ихъ закулисный смыслъ. Слишкомъ было бы смѣло относить себя къ разряду такихъ идеальныхъ историковъ и потому естественно намъ приходить въ нѣкоторое смущеніе, еще не переступивъ и порога въ нашемъ изслѣдованіи. Но не будемъ заранѣе отчаяваться и постараемся сдѣлать все то, чего требуетъ задача нашего труда и что̀ позволяютъ сдѣлать лежащій предъ нами историческій матеріалъ и наши собственныя силы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Галицко-Владимірское княжество.

Предметъ нашего изслѣдованія составляетъ исторія Галицкой митрополіи; слѣдовательно, нашъ трудъ будетъ и долженъ носить характеръ церковно-историческій, посвященный разработкѣ вопроса о судьбахъ церковной жизни Галиціи. Но, будучи такого именно характера по своему содержанію, наше изслѣдованіе тѣмъ не менѣе не можетъ обойти своимъ вниманіемъ и не коснуться гражданской, политической исторіи Галицкаго княжества, поскольку эта послѣдняя стоитъ въ связи съ его церковной исторіей. Можно сказать даже болѣе, — возможность обстоятельнаго изслѣдованія вопроса о Галицкой митрополіи сама собою предполагаетъ серьезное и близкое знакомство съ политической жизнью не только Галиціи, но и всѣхъ соприкасавшихся съ нею сосѣднихъ державъ — Россіи, Литвы, Польши. Обстоятельное знакомство съ ихъ политической исторіей можетъ оказать не малую услугу въ разработкѣ нашего церковнаго вопроса, служа для насъ важнымъ подспорьемъ къ уясненію какъ общаго хода церковно-исторической жизни Галиціи, такъ и отдѣльныхъ моментовъ ея. Дѣло въ томъ, что исторія Галицкой митрополіи слагалась подъ условіями политической жизни южно-русскихъ земель, всегда стояла въ непосредственной связи съ ними и даже зависѣла отъ нихъ. Характеръ и направленіе этой жизни, дѣйствовавшіе во все время существованія митрополіи, не только поддерживали ее въ ея существованіи, но и вызывали ее въ то или иное время изъ небытія къ бытію. Въ виду этого, мы считаемъ положительно необходимымъ, рядомъ съ обозрѣніемъ судебъ Галицкой митрополіи, слѣдить и за постепеннымъ ходомъ политической жизни Галиціи, а отчасти и другихъ, имѣвшихъ отношеніе къ ней, сосѣднихъ съ нею государствъ. Ранѣе же этого, мы думаемъ предпослать нашей исторіи краткій схематическій очеркъ постепеннаго образованія, развитія и упадка Галицкаго княжества. Предпославъ этотъ очеркъ, мы, такъ сказать, расчистимъ мѣсто и для нашей исторіи, помѣщая ее не въ пустомъ, безжизненномъ пространствѣ, а въ живой, исторической обстановкѣ.

Начало Галиціи или, какъ иначе ее называютъ туземные жители, Галичины, восходитъ къ самымъ древнимъ временамъ Русскаго государства. Населенная древними племенами Тиверцевъ, Дулебовъ и Хорватовъ, она впервые вошла въ составъ его еще при Олегѣ, въ войскѣ котораго мы встрѣчаемъ названныхъ обитателей Галиціи [1]). Послѣ Олега она была завоевана Поляками; но во времена князя Владиміра была отнята у нихъ и присоединена къ русскимъ владѣніямъ. „Иде Володимиръ къ Ляхамъ, читаемъ мы въ Ипатьевской лѣтописи подъ 6489 годомъ, — и зая грады ихъ, Перемышль и Червень и ины городы“ [2]). Отнятыя у Поляковъ эти Галицкіе города Владиміръ передалъ, кажется, своему сыну Всеволоду, который, по отцовскому раздѣлу, еще при жизни его получилъ также и Владиміръ Волынскій [3]). Въ самомъ началѣ своего существованія Галицкая область находилась, такимъ образомъ, въ союзѣ съ княжествомъ Волынскимъ. Но, къ несчастію ихъ, это единеніе не всегда сохранялось, такъ что прошло не мало времени прежде, чѣмъ образовалось крѣпко сплоченное Галицко-Владимірское княжество. Вскорѣ послѣ смерти великаго князя Ярослава († 1054 г.) Владиміро-Галицкая область раздѣлилась на два княжества — Владимірское, гдѣ княжилъ внукъ Ярослава Давидъ, и Перемышльское, гдѣ засѣли Ростиславичи, правнуки Ярославовы. Одинъ изъ умныхъ и энергичныхъ Ростиславичей, кн. Владимірко (сынъ Володаря Ростиславича) расширилъ Перемышльскую область, присоединивъ къ ней землю Теребовльскую (1141 г.) и утвердилъ свою столицу въ Галичѣ [4]). Образовавъ изъ себя довольно значительную область, Галицкое княжество не долго сохраняло свою самостоятельность и уже при жизни послѣдняго Ростиславича — кн. Владиміра, Галичъ подпадалъ власти другихъ князей—Волынскаго князя Романа Мстиславича (1188 г.) [5]), а по изгнаніи его — королевича угорскаго Андрея [6]). Со смертью кн. Владиміра, который, по удаленіи угорскаго пришельца (1190 г.) опять занялъ Галицкій столъ [7]), прекратился родъ Ростиславичей, владѣвшихъ болѣе 100 лѣтъ Галиціей и успѣвшихъ поднять ее на степень довольно значительнаго и сильнаго княжества [8]). Въ 1199 году Галиціей овладѣваетъ знаменитый Романъ Мстиславичъ Волынскій, соединившій подъ

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. Истор. рус. ц. т. I, часть I, стр. 571.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 54 (изд. арх. комиссіи).
[3]) И. Чистовичъ. Очеркъ исторіи западно-русской Церкви, ч. I, стр. 3.
[4]) Исидоръ Шараневичъ. Исторія Галицко-Володимірской Руси... стр. 37.
[5]) Ипат. лѣт., стр. 136—137 (по полн. собр. рус. лѣт.),
[6]) Ibid.
[7]) Ibid. стр. 139.
[8]) И. Шараневичъ, стр. 62.

одной державой два важнѣйшія южно-русскія княжества — Волынь и Галицію [1]). Недолго пришлось Роману владѣть созданнымъ имъ сильнымъ и широкимъ княжествомъ (онъ былъ убитъ въ 1205 г.), но и въ это короткое время онъ успѣлъ создать о себѣ славу великаго человѣка и „приснопамятнаго самодержца всей Руси" [2]), побѣдоносно воевавшаго съ Ляхами, Литвой, Половцами и даже угорскими королями [3]). Славный Романъ могъ оказать даже помощь императору Византіи — Алексѣю III, разгромивши Половцевъ, опустошавшихъ греческую область — Ѳракію [4]). Самый Кіевъ дважды подпадалъ власти Романа, изгнавшаго оттуда своего тестя Рюрика [5]) [в]). Романъ слишкомъ сурово, а иногда и жестоко правилъ своей страной, желая сломить непокорное и привыкшее къ раздорамъ Галицкое боярство, такъ что, послѣ своей безвременной и неожиданной смерти, онъ не могъ оставить своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ Даніилу (4 л.) и Васильку (2 л.) твердой опоры и защиты въ странѣ. Тотчасъ же начались въ ней смуты, волненія и перевороты, въ которыхъ принимали участіе и внутренніе, и внѣшніе враги (Угры, Поляки). Законный наслѣдникъ Владиміро-Галицкаго княжества, Даніилъ Романовичъ нѣсколько разъ пытался сѣсть на княжескомъ столѣ и только въ 1235 г. окончательно утвердился на немъ [6]). Продолжительное княженіе Даніила было не менѣе славно, чѣмъ и княженіе его отца—Романа. Владѣнія же его еще болѣе расширились, такъ что соединенное Владимірско-Галицкое княжество обнимало при немъ почти всю нынѣшнюю Галицію, Волынь, Подолію, части Кіевской, Минской и Гродненской губерній, Люблинскую землю и значительную часть Молдавіи [7]). Правда, Волынью владѣлъ братъ Даніиловъ Василько, но этотъ послѣдній былъ только послушнымъ орудіемъ старшаго и сильнѣйшаго духомъ брата [8]), такъ что и при двоевластіи въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ сохранялось полное единство власти. Въ 1264 г. умеръ Данило, „князь добрый, хоробрый и мудрый.... второй по Соломонѣ", какъ съ теплымъ чувствомъ отзывается о немъ лѣтописецъ [9]). Этотъ знаменитый собиратель юго-западной Руси былъ, безспорно, великій, геніальный человѣкъ, но онъ все-таки не понималъ всего

---

1) Шараневичъ, стр. 64.
2) Ипат. лѣт., стр. 155.
3) Денисъ Зубрицкій. Исторія древняго Галичско-русскаго княжества, ч. III, стр. 31.
4) Галицкій истор. сборн. вып. III, прил. 2-е (Nicetas Choniates, p. 691).
5) Шаран. стр. 65; Истор. Рос. Иловайскаго т. II, стр. 40.
6) Ипат. лѣт., стр. 174—175.
7) Чистовичъ, стр. 5.
8) А. Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV стол., стр. 174.
9) Ипат. лѣт., стр. 202.

вреда дробленія страны на удѣлы и раздѣлилъ свои земли между своими сыновьями. Только внукъ его — Юрій Львовичъ, сынъ старшаго сына Даніилова — Льва, получившаго послѣ его смерти Галичъ, Перемышль и Драгочинъ, опять собралъ Владимірско-Галицкую Русь въ одно государство, принялъ, подобно дѣду, королевскій титулъ и именовался „rex Russiae et princeps Ladomeriae“ [г]). Казалось, что южная Русь сразу достигла того единства и цѣльности, которыхъ сѣверная добивалась продолжительными вѣковыми усиліями, но, къ несчастію, послѣ Даніила на Галицко-Владимірскомъ столѣ уже не было подобныхъ ему по уму и способностямъ преемниковъ, которые могли бы поддерживать былую славу княжества. Всѣ бывшіе послѣ него Галицко-Волынскіе владѣтели — Левъ, Юрій и его сыновья, не обладая талантливостью и силой духа, вели постепенно княжество не къ возвышенію и возвеличенію, а къ упадку и уничтоженію. На сугубое несчастіе Галицко-Владимірскаго княжества, послѣднее, кромѣ того, окружено было сильными сосѣдями. Рядомъ съ нимъ образовалось, росло и укрѣплялось княжество Литовское; подъ его бокомъ величаво стояло также королевство Польское. Стараясь шириться и увеличивать свои территоріи, то и другое зорко наблюдали надъ слабѣющимъ сосѣдомъ, каждую минуту готовясь растащить его на куски. Ждать имъ пришлось не долго. Уже при жизни Юрія Львовича, выступаетъ на сцену знаменитый Гедиминъ, князь Литовскій, въ столкновеніи съ которымъ погибаетъ князь Юрій (1301—1315 г.) [1]); держава его сильно колеблется и, видимо, уступаетъ главенство и первенство Литвѣ, къ которой Гедиминъ успѣваетъ присоединить оторванныя отъ нея нѣкоторыя области (Берестейскую и Турово-Пинскую земли) [2]) [д]). Послѣ Юрія осталось два сына — Андрей и Левъ. О княженіи ихъ извѣстно очень мало. Кажется, первое время они княжили вмѣстѣ, а затѣмъ раздѣлились — Андрей, какъ старшій, владѣлъ Владимірской и Галицкой землями, а Левъ держалъ Луцкъ [3]). Послѣ смерти братьевъ (не позднѣе 1324 г.) [4]) остался малолѣтній и, кажется, недужный [5]) наслѣдникъ — сынъ Андрея — Юрій II, который правилъ почти цѣлымъ Владимірско-Галицкимъ княжествомъ [е]) и умеръ въ 1336 или 1337 году, не оставивъ послѣ себя потомковъ [6]). Смерть его прекратила династію Галицкихъ князей — Романовичей и послужила нача-

[1]) В. Б. Антоновичъ. Очеркъ исторіи княжества Литовскаго до смерти Ольгерда, стр. 58; Шаран. 127.
[2]) Андріяшевъ, стр. 201; Шараневичъ, стр. 128.
[3]) Зубрицкій. Ист. III, стр. 250; Шараневичъ, стр. 129; Андріяшевъ, стр. 201.
[4]) Антоновичъ, стр. 51.
[5]) Шараневичъ, стр. 137.
[6]) Андріяшевъ, стр. 205.

ломъ борьбы за Галицко-Волынское наслѣдство между двумя его хищными сосѣдями—Литвой и Польшей. Выступили нѣсколько претендентовъ на Галицкій престолъ. Побѣду одержали два: Галиція досталась сыну Мазовецкаго князя—Болеславу Тройденовичу, родственнику Юрія Львовича по матери; Владимірская же и Луцкая земли, послѣ нѣкоторой борьбы, досталась Любарту Гедиминовичу [1]), женатому на дочери Льва Юрьевича и уже ранѣе владѣвшему Луцкимъ удѣломъ [2]) [ж]). Болеславъ своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ скоро возбудилъ общую ненависть въ своихъ подданныхъ и не позднѣе 1340 г. былъ ими отравленъ [3]). Смерть его послужила новымъ сигналомъ къ новой, продолжительной и упорной борьбѣ за его владѣнія и вообще за все Галицко-Волынское княжество. Борцами выступили Казиміръ, король Польскій, и Любартъ Гедиминовичъ, до самой своей смерти съ различнымъ успѣхомъ и перемѣннымъ счастіемъ боровшіеся за обладаніе имъ. Борьба была настойчивая и жестокая, ибо боролись на жизнь и на смерть двѣ сильнѣйшихъ державы — Польша и Литва, изъ которыхъ каждая стремилась утвердить свое господство и преобладаніе въ южной Руси. Нѣсколько разъ овладѣвалъ Казиміръ почти всѣмъ Галицко-Волынскимъ княжествомъ [1340 [4]), 1349 [5]) и 1366 г. [6])] и умеръ къ концу 1370 г. [7]) почти полнымъ побѣдителемъ. Послѣ его смерти Любартъ, лишенный громадной части своихъ владѣній, опять возвратилъ себѣ нѣкоторыя земли и сталъ владѣть всей Владимірской землей [8]). Галиція же уже окончательно отошла къ Польшѣ, переходя по преемству отъ одного Польскаго владѣтеля къ другому и, наконецъ, около 1434 г. она окончательно стала одною изъ Польскихъ провинцій [9]).

---

[1]) T. Dlugossi, Historia Polonica, lib. 9, pag. 1087.
[2]) Андріяшевъ, стр. 203.
[3]) T. Dlugossi, Hist. Pol. lib. 9, p. 1057.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid. стр. 1087; Анонимъ Гнезненскій, стр. 98 (въ переводѣ Зубрицкаго).
[6]) Dlugossi, p. 1149; Анон. Гнезн. стр. 99.
[7]) Dlugossi, lib. 10, pag. 2.
[8]) Dlugossi, Hist. lib. 10, p. 2; Анон. Гнезн., стр. 103.
[9]) И. Шараневичъ. Стародавныи Галицкіи городы, ч. II, стр. 118.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Причины возникновенія Галицкой митрополіи и непостояннаго, временно-періодическаго ея существованія.

Мы вкратцѣ прослѣдили политическую исторію Галицко-Волынскаго княжества и видѣли всѣ тѣ измѣненія, какія переживало оно въ ходѣ своей исторической жизни, постепенно вырабатывавшейся и возвышавшейся, но потомъ шагъ за шагомъ склонявшейся къ упадку и, наконецъ, совсѣмъ замершей съ утратой политической самостоятельности. Та же измѣнчивость и непостоянство составляютъ характерный признакъ и церковной жизни Галицкаго княжества. Впродолженіе цѣлаго столѣтія добивается Галиція учрежденія у себя особой, самостоятельной каѳедры, митрополіи, независимой отъ юрисдикціи Кіевскаго митрополита, церковному вѣдѣнію котораго она издревле принадлежала; но, иногда достигая цѣли и образуя изъ себя отдѣльную Галицкую митрополію, она тѣмъ не менѣе никогда не могла создать у себя постоянной каѳедры митрополита, которая никогда бы не пустовала и всегда имѣла бы своихъ замѣстителей. Правда, она имѣла въ то или иное время своихъ собственныхъ митрополитовъ, но митрополитовъ—чисто случайныхъ. Занимая извѣстное время митрополичью каѳедру, эти послѣдніе не только не оставляли послѣ себя преемниковъ, но и не сохранились даже и въ памяти народной. Ясно, что Галицкіе митрополиты, успѣвавшіе какъ-либо получить митрополичью каѳедру, чувствовали себя на ней только случайными пришельцами, обеспеченными на ней только на извѣстное время, благопріятствовавшее ихъ существованію. Когда же это благопріятное время проходило, то закрывалась и Галицкая митрополія; и проходило иногда не мало времени прежде, чѣмъ она опять возраждалась и возобновлялась. Такая измѣнчивость и непостоянство въ существованіи Галицкой митрополіи зависѣли отъ многихъ причинъ, которыхъ мы теперь не будемъ касаться, и постараемся сначала выяснить самыя причины и побужденія, вызывавшія въ то или иное время ее изъ небытія къ бытію. Раскрытіе ихъ уяснитъ намъ многое въ пониманіи судьбы нашей митрополіи и сообщитъ ея частнымъ, капризно разбросаннымъ и

разобщеннымъ фазисамъ въ ея существованіи нѣкоторую осмысленность и своего рода идейность; уясненіе этихъ причинъ покажетъ намъ, почему въ то или иное время возникала Галицкая митрополія и почему такъ неустойчиво и шатко было ея существованіе.

Какія же это были причины и откуда онѣ шли?

Исходить онѣ могли съ двухъ сторонъ—со стороны искавшихъ церковной самостоятельности Галиціи и со стороны удовлетворявшихъ исканіе ищущихъ. Говоря яснѣе,—виновниками учрежденія въ то или иное время особой Галицкой митрополіи были, во первыхъ, Галицкіе князья, просившіе себѣ собственнаго митрополита, а, во вторыхъ, Константинопольскіе патріархи, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ не отказывавшіе имъ въ просимомъ. Скажемъ о первыхъ, потомъ о вторыхъ.

Виновниками возникновенія въ то или иное время самостоятельной Галицкой митрополіи, какъ мы сказали, были прежде всего Галицкіе князья. Что же побуждало этихъ послѣднихъ искать церковной самостоятельности Галиціи? Побужденіемъ служили ихъ личныя и государственныя нужды, ради которыхъ имъ слишкомъ было важно имѣть своего, родного митрополита. Насколько важно, основательно и прямо законно было это ихъ желаніе, не трудно будетъ понять, когда мы выяснимъ себѣ, какое важное значеніе имѣлъ русскій митрополитъ не только въ церковномъ, но главное—въ политическомъ отношеніи. Отдѣленіе Галиціи отъ общерусской митрополіи, которою правилъ Кіевскій митрополитъ, совершавшееся нѣсколько разъ въ продолженіе XIV столѣтія, не могло произойти случайно, по какой-либо прихоти отдѣльныхъ личностей. Какъ событіе, касающееся коренныхъ основъ жизни, оно было подготовлено предшествовавшимъ ея ходомъ, выработавшимъ въ русской жизни тѣсное взаимодѣйствіе верховной власти духовной и свѣтской. Постараемся выяснить это.

Русская церковная власть всегда и вездѣ стремилась стоять близь и въ союзѣ съ княжеской властью, считая своей священной обязанностью крѣпко держаться этого союза съ нею и охранять ея интересы. Князь (удѣльный) съ участіемъ народа избиралъ епископа въ свое княжество, сажалъ его на епископскомъ столѣ и становился его духовнымъ сыномъ, добровольно подчиняясь духовному главенству избраннаго имъ отца—епископа. Но, будучи духовно подчиненъ епископу, князь никогда ни въ малѣйшей долѣ не лишался вслѣдствіе этого подчиненія своей гражданской власти, которая простиралась на всѣхъ его подданныхъ, не исключая и самого его духовнаго отца — епископа. Этотъ послѣдній, несмотря на свое духовное главенство, не имѣлъ личной самостоятельности (?) и всецѣло былъ подчиненъ князю, зависѣлъ отъ него и при своемъ избраніи, и въ продолженіе своего

епископства. Вслѣдствіе же своей зависимости отъ княжеской власти, обуславливавшей и обеспечивавшей его церковную власть (?) епископъ, естественно, всегда тяготѣлъ къ князю, защищалъ интересы послѣдняго и въ то же время на его личномъ благосостояніи основывалъ и утверждалъ свое собственное существованіе и благополучіе. Обращаясь къ отношеніямъ митрополитовъ къ великимъ князьямъ, мы замѣчаемъ то же самое. Слѣдя за жизнью митрополитовъ въ послѣ-монгольскій періодъ, мы встрѣчаемся съ такимъ явленіемъ: митрополиты, посвященные на митрополію Кіевскую и имѣющіе столъ въ Кіевѣ, уходятъ изъ него, избирая другое мѣсто для своего пребыванія. Чѣмъ объяснить это явленіе? Самымъ естественнымъ и прежде всего приходящимъ на умъ объясненіемъ представляется именно то, какое даетъ патріаршій Константинопольскій соборъ, своимъ опредѣленіемъ утвердившій перенесеніе каѳедры русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ. „Такъ какъ Кіевъ, въ которомъ изначала была соборная церковь митрополіи, читаемъ мы въ соборной грамотѣ, сильно пострадалъ отъ смутъ и безпорядковъ настоящаго времени и отъ страшнаго напора Аламановъ и пришелъ въ крайне бѣдственное состояніе, то святительски предстоятельствующіе на Руси, имѣя здѣсь не такую паству, какая имъ приличествовала, но сравнительно съ прежнимъ временемъ весьма недостаточную, такъ—что имъ не доставало необходимыхъ средствъ содержанія, переселились отсюда въ подчиненную имъ святѣйшую епископію Владимірскую, которая могла доставить имъ постоянные и вѣрные источники доходовъ“ [1]). Единственнымъ основаніемъ перенесенія митрополіи изъ Кіева во Владиміръ патріаршій соборъ выставляетъ недостаточность въ первомъ „необходимыхъ средствъ содержанія“, что зависѣло отъ его запустѣнія, вслѣдствіе наступившихъ смутъ и страшнаго напора сосѣднихъ Аламановъ [3]). Нельзя не признать, что основаніе, высказанное патріаршимъ соборомъ, непремѣнно должно было имѣть свою долю значенія; но намъ думается, что оно въ дѣлѣ перенесенія каѳедры митрополіи далеко не было самымъ важнымъ. Правда, Кіевъ и вся приднѣпровская Русь, начавшая пустѣть еще съ XII вѣка, послѣ татарскаго погрома еще болѣе запустѣла. Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ городѣ, едва насчитывали 200 домовъ. Но могло ли запустѣніе Кіева, отчего бы оно ни произошло, служить настолько достаточной причиной къ тому, чтобы жертвовать этимъ насиженнымъ, преданіемъ и вѣками освященнымъ сѣдалищемъ митрополитовъ и промѣнять его на другое мѣсто ихъ пребыванія [1])? Вспомнимъ, какое важное значеніе имѣлъ этотъ городъ для древне-русскаго человѣка,

---

[1]) Русск. историч. библіот. т. 6,—Приложенія Павлова № 12, стр. 63—66.

какъ средоточіе религіозно-нравственной и національной жизни. И этимъ священнымъ въ глазахъ русскаго человѣка городомъ легко жертвуютъ русскіе митрополиты, изыскивая другое мѣсто для каѳедры своей митрополіи. Невольно чувствуется, что здѣсь что-нибудь не такъ, что главную причину ихъ удаленія изъ Кіева нужно искать въ чемъ-либо другомъ, болѣе важномъ. Въ чемъ же? Намъ кажется, что главною причиной оставленія Кіева было то, что митрополиты въ немъ такъ сказать, осиротѣли, остались одни, не видя около себя сильной великокняжеской власти, которая навсегда оставила упавшій Кіевъ. Привыкнувъ жить рядомъ съ великимъ княземъ и мысля себя только съ нимъ и около него, митрополиты, естественно, должны были итти туда, гдѣ жилъ великій князь. Но вотъ вопросъ, къ какому князю имъ слѣдовало направиться, — къ сѣверному, осѣвшему во Владимірѣ, или южному, владѣвшему юго-западнымъ краемъ Россіи и именовавшемуся „rex Russiae et princeps Ladomeriae“. Ихъ выборъ склонился въ пользу перваго и они направились къ нему. Митрополиты оставили древній Кіевъ и устремились на сѣверъ—во Владиміръ, а потомъ въ Москву, гдѣ завязывался новый узелъ великокняжеской власти и собиралась Русь. въ быстро ростущее Московское государство. Митрополиты хорошо понимали, насколько выгоднѣе имъ переселиться именно въ сѣверную Русь а не въ юго-западную—Галицко-Волынскую. Это послѣднее княжество, какъ мы видѣли выше, поднявшееся при Романѣ и Даніилѣ на степень могущественной державы, послѣ ихъ смерти постепенно клонилось къ упадку и для людей дальновидныхъ не обѣщало въ будущемъ ничего, кромѣ полнаго разложенія и уничтоженія. Напротивъ, на сѣверо-востокѣ, куда съ разореніемъ Кіева особенно усилился отливъ русскаго населенія, зарождалось и начало складываться крѣпкое русское государство, сначала около Владиміра Клязменскаго, а потомъ около Москвы. Русскіе митрополиты вѣрно угадали, что главный центръ русской жизни находится именно тамъ, на сѣверо-востокѣ, куда какъ бы по какому-то чутью устремилось и населеніе Кіевской Руси. Они ясно видѣли и то, что тамъ же возникаетъ и крѣпнетъ средоточіе церковной жизни, около котораго уже не мало образовалось епархіальныхъ каѳедръ,, превосходившихъ по численности южнорусскія каѳедры. Опредѣленно уяснивъ себѣ все это, митрополиты, подхваченные теченіемъ отливавшаго на сѣверъ населенія, и очутились тамъ, куда влекло ихъ это теченіе, т. е. сначала во Владимірѣ, а потомъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, жертвуя церковнымъ преданіемъ селиться въ Кіевѣ, они поступали въ силу чисто исторической необходимости, подъ давленіемъ историческаго хода русской жизни. Ясно, что дѣло было не въ томъ,

будто Кіевъ запустѣлъ и обѣднѣлъ, такъ что въ немъ „неприлично" стало жить всероссійскому митрополиту, какъ указываетъ вышеприведенная патріаршая грамота, а въ томъ, что прошла пора политической жизни Кіева и прошла безвозвратно, такъ-что русскимъ митрополитамъ приходилось волей-неволей уходить изъ него и искать такое мѣсто, гдѣ свила себѣ русская жизнь новое гнѣздо. Имъ невозможно было оставаться въ Кіевѣ, такъ какъ иначе они рисковали похоронить на развалинахъ этого, въ былое время славнаго, а теперь павшаго города свой святительскій авторитетъ, утратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить высоко цѣнимое ими ихъ церковно-государственное значеніе, которое всегда стояло и сохранялось только въ связи и въ единеніи съ великокняжеской властью. Итакъ, русскіе митрополиты переселились съ юга на сѣверъ и стали подъ знамя великокняжеской власти, освящая ее своимъ святительскимъ одобреніемъ и церковнымъ благословеніемъ. Но здѣсь естественно напрашивается на умъ вопросъ, почему такъ тяготѣли митрополиты къ великокняжеской власти, во имя и въ интересахъ единенія съ которой они и оставили традиціонный Кіевъ? Объясненіе этого явленія даетъ самый характеръ или строй русской жизни, которая въ своемъ историческомъ развитіи шла въ самомъ тѣсномъ единеніи церковной жизни съ политической и въ этомъ единеніи создала исконное, традиціонное взаимодѣйствіе власти духовной и свѣтской. Съ самаго начала русской Церкви, когда появились на Руси первые митрополиты, они стояли близь князей и въ союзѣ съ ними, вынесши традиціи этого единенія, нужно думать, изъ Византіи, гдѣ церковная іерархія были учрежденіемъ чисто государственнымъ, подчиненнымъ высшей свѣтской власти императора. „Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга" [1]), пишетъ патріархъ Антоній великому князю Московскому Василію Димитріевичу, выражая свой взглядъ на органическое единеніе и взаимодѣйствіе церкви и государства. Такое же единеніе той и другого создалось и у насъ на Руси, которое не трудно отмѣтить, слѣдя за исторіей развитія государства Московскаго [2]). Особенно же характерно и замѣтно это единеніе русскихъ митрополитовъ съ великими князьями обнаружилось въ XIV вѣкѣ, когда они только-что ушли изъ Кіева и скоро перебрались въ Москву, гдѣ явно и открыто выразили всѣ свои симпатіи великимъ князьямъ Московскимъ и стали дѣйствовать въ пользу ихъ централизаторскихъ стремленій. Типичнѣйшими представителями такихъ митропо-

---

[1]) Приложеніе № 40, стр. 274.

литовъ могутъ быть названы Петръ, Өеогностъ и Алексій, трудившіеся не только на пользу церкви, но и государства, старавшіеся способствовать политическимъ стремленіямъ Московскихъ князей—собирателей Руси. Эти послѣдніе ясно понимали всю пользу для себя отъ такихъ отношеній къ себѣ митрополитовъ и всѣми силами старались привязать ихъ къ себѣ. Имѣя ихъ у себя, въ своемъ городѣ, они создавали около себя не только политическій центръ, но и церковный. А создать въ своемъ городѣ этотъ послѣдній центръ для нихъ слишкомъ было важно и выгодно, такъ какъ помимо того, что въ немъ должны были сосредоточиваться всѣ нити церковной жизни, далеко расходившіяся по всей Русской землѣ, и способствовать его обогащенію, этотъ церковный центръ долженъ былъ служить краеугольнымъ камнемъ и для центра гражданскаго, политическаго, способствуя его силѣ и незыблимости. Русскіе митрополиты искони были носителями и представителями духовнаго единства Россіи. Если въ политическомъ отношеніи она была раздѣлена на множество самостоятельныхъ, другъ другу враждебныхъ княжествъ, то въ церковномъ отношеніи она почти вся представляла одну только митрополію, управляемую однимъ высшимъ іерархомъ—митрополитомъ. Вслѣдствіе этого, Москва, ставъ мѣстомъ жительства русскихъ митрополитовъ, само собой уже становилась такимъ центромъ, около котораго должна была объединиться вся Русь сначала въ церковномъ, а потомъ и въ гражданскомъ отношеніи. Въ пользу такого сосредоточенія Руси около Москвы и дѣйствовали русскіе первосвятители, и дѣйствовали всегда прямо и открыто, а иногда и безпощадно, широко пользуясь въ этомъ случаѣ своей духовной властью, особенно властью отлучать отъ Церкви.

Такъ, этою властью св. Петръ воспрепятствовалъ усиленію враждебнаго Москвѣ Тверского княжества. Когда Тверской князь Михаилъ Ярославичъ послалъ сына своего Димитрія съ войскомъ для занятія Нижняго-Новгорода, то названный святитель не допустилъ Тверского княжича осуществить это дѣло: лишь только войско Тверское достигло Владиміра, онъ наложилъ церковное запрещеніе на дальнѣйшій походъ—и войско воротилось назадъ [1]). Тою же властью отлученія отъ Церкви другой святитель Өеогностъ помогъ Ивану Калитѣ безъ всякой потери войскъ смирить Псковитянъ, не хотѣвшихъ выдать ему Александра Михайловича Тверского. Выдачи этого князя требовалъ отъ русскихъ князей татарскій ханъ; но когда Иванъ Калита, исполняя его волю, подступилъ съ войскомъ ко Пскову, чтобы взять Александра, то Псковп-

---

1) Полн. собр. лѣт. Новг. IV, стр. 117; Воскр. стр. 186; Ник. III, стр. 107.

тяне рѣшились упорно защищать скрывавшагося у нихъ князя. Калита попросилъ митрополита наложить на Александра и Псковитянъ церковное отлученіе, и когда митрополитъ исполнилъ желаніе князя, Псковитяне смутились, а князь Александръ бѣжалъ въ Литву [1]). Тѣмъ же правомъ церковнаго отлученія пользовался и митрополитъ Алексій, предавая анаѳемѣ всѣхъ русскихъ князей, которые не хотѣли помогать Московскому князю въ борьбѣ „съ нечестивымъ Ольгердомъ.“ [2]) Но особенно важная заслуга названныхъ митрополитовъ для Москвы состояла въ выгодномъ для нея нравственномъ впечатлѣніи, какое производило на русскій народъ то обстоятельство, что русскіе первосвятители жили въ Москвѣ и помогали ея князю своею духовною властію. Благодаря этому обстоятельству, русскій народъ, видя, что великій князь Московскій во всемъ совѣтуется съ митрополитомъ и всѣ свои дѣйствія совершаетъ съ его благословенія, сталъ относиться къ нему съ бо̀льшимъ довѣріемъ и сочувствіемъ. Русское духовенство, видя, что высшій іерархъ дѣйствуетъ объ руку съ великимъ княземъ, точно также стало питать бо̀льшее расположеніе къ этому князю. Понятно, какъ все это возвышало національное значеніе Московскаго князя, заставляя весь русскій народъ обращать на него взоры, и видѣть въ немъ опору русскаго благоденствія и защиту отъ враговъ внутреннихъ, и внѣшнихъ. Всю выгоду отъ такого сожительства съ митрополитами болѣе, чѣмъ кто либо, понимали Московскіе князья, умные политики, и, конечно, употребляли всѣ мѣры, чтобы навсегда удержать ихъ у себя. Понимали это и другіе русскіе князья и не радовались такой дружбѣ митрополитовъ съ Москвой и ея князьями, такъ какъ терпѣли вслѣдствіе ея не мало обидъ отъ хищныхъ и заносчивыхъ князей Московскихъ. Объ этомъ недовольствѣ ихъ по поводу пребыванія митрополитовъ въ Москвѣ даетъ намъ знать и лѣтописецъ, дѣлая въ разсказѣ о приходѣ митрополита Ѳеогноста въ Москву слѣдующую характерную замѣтку: „инымъ же княземъ многимъ не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща“ (Ник. III, стр. 139—140). Это лѣтописецъ говорилъ, очевидно, про тѣхъ князей (преимущественно Тверскихъ), которые соперничали съ Московскими князьями въ дѣлѣ собиранія Руси и подозрительно смотрѣли на постепенно усиливающееся могущество Московскаго княжества. „Не сладостно бѣ“ это усиленіе послѣдняго при помощи и содѣйствіи русскихъ митрополитовъ и для княжества Галицко-

---

[1]) Полн. собр. р. лѣт. Новг. I, стр. 74; IV стр. 51; Пск. I, стр. 185; Воскр. стр. 201; Ник. III, стр. 153.

[2]) Прилож. № 20 и 21.

Волынскаго. Видя централизаторскія стремленія Московскихъ князей и ихъ не всегда чистыя средства для расширенія границъ своего княжества, Галицкіе князья естественно, должны были на это, недавно зародившееся, но уже довольно сильное княжество, смотрѣть не только съ завистію, но и съ опасеніемъ. Видя же, что Московскіе князья успѣли заручиться любовію и содѣйствіемъ единаго главы русской Церкви—митрополита, и вполнѣ сознавая и понимая всю выгоду для нихъ отъ этого содѣйствія, Галицкіе князья не могли не желать имѣть и у себя такого же духовнаго помощника въ своемъ княжествѣ. Имѣя своего собственнаго митрополита, они, во-первыхъ, могли разсчитывать на его государственную помощь и содѣйствіе, какую оказывали митрополиты Московскимъ князьямъ, а, во-вторыхъ, они выходили изъ подъ церковнаго подчиненія Москвѣ, становясь въ совершенно независимыя отношенія къ ней. Этой зависимостью Галицкіе князья не могли не тяготиться, такъ какъ она отчасти ограничивала и даже унижала и политическую самостоятельность ихъ княжества; а съ другой стороны, она не могла не казаться имъ и нѣсколько опасной, такъ какъ подчиняла чужому митрополиту совѣсть ихъ подданныхъ.

Обозрѣвая свои епархіи, митрополитъ могъ дѣйствовать и, конечно, дѣйствовалъ въ пользу Московскаго князя, выставляя на видъ только его значеніе и его заслуги государственныя и церковныя, и этимъ, насколько онъ склонялъ русскій народъ въ пользу Московскаго князя, настолько отклонялъ его отъ князей Галицкихъ, которые становились уже ниже перваго и пользовались меньшимъ его сочувствіемъ и любовію. Вопросомъ о церковной самостоятельности Галиціи задѣвались, такимъ образомъ, чисто политическіе интересы княжества; съ разрѣшеніемъ его связывался вопросъ о государственномъ гражданскомъ благѣ послѣдняго, которому свой родной митрополитъ настолько же легко могъ бы содѣйствовать, насколько чужой можетъ ему только вредить. Послѣ же того, какъ теоретически уяснилась для Галицкихъ князей вся выгода отъ ихъ церковной самостоятельности и еще болѣе была оцѣнена ими въ наблюденіи ихъ надъ союзомъ сѣверныхъ князей съ митрополитами, желаніе ихъ имѣть своего особаго митрополита было не только естественно, но прямо необходимо.

Это желаніе, на первыхъ порахъ еще не уяснившее со всею отчетливостью своихъ оснований, заявляется сначала довольно слабо, но потомъ постепенно крѣпнетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаетъ свой протестующій голосъ противъ церковнаго подчиненія сѣверу. Такой настойчивый, горячій протестъ мы слышимъ во второй половинѣ XIV вѣка, сравнительно поздно, въ жалобахъ Ольгерда, князя Литовскаго, и Кази-

міра, короля Польскаго, на митрополита Алексія въ томъ, что онъ не приходитъ въ Литву и Кіевъ, [1]) что земля Галицкая гибнетъ при немъ безъ закона [2]) и что необходимо, вслѣдствіе этого, дать Литвѣ и Галиціи особое, независимое отъ него церковное самоуправленіе [3]). Ранѣе же, когда только-что начали дѣлаться попытки къ церковному разъединенію съ сѣверомъ, такихъ рѣшительныхъ рѣчей мы не слышимъ. И самыя попытки этого времени учредить у себя особую митрополію производятся, видимо, не особенно настойчиво. Галицкій князь Юрій Львовичъ посылаетъ къ патріарху своего кандидата Петра для посвященія въ митрополиты Галиціи; когда же этотъ послѣдній ставится въ Константинополѣ митрополитомъ „вся Руси“ и уходитъ на сѣверъ, Галицкій князь, потерпѣвшій полную неудачу въ своей затѣѣ, какъ можно догадываться, не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ и примиряется со случившимся. Это отсутствіе настойчивости въ исканіи отдѣльнаго митрополита могло зависѣть или оттого, что не было тогда такихъ умныхъ дѣльцовъ-политиковъ, какими были впослѣдствіи Ольгердъ и Казиміръ или же оттого, что не было особенной нужды и необходимости въ этомъ исканіи, а если она и была, то не ясно еще сознавалась и чувствовалась и самими Галицкими князьями, и ихъ подданными. Возможно, впрочемъ, что послѣдніе и сознавали неудобство подчиненія отдаленному митрополиту, но въ то же время нисколько не были склонны изъ-за этого жертвовать духовной связью съ русскою Церковью и Кіевскимъ митрополитомъ, котораго они искони привыкли считать своей верховною духовною главой. Возможно и то, что управленіе Галицкою церковію далеко живущимъ митрополитомъ сначала нисколько не обнаруживало своихъ очевидныхъ вредныхъ послѣдствій, такъ какъ митрополитъ могъ и издали такъ же заботиться о Галицкой паствѣ, какъ еслибы онъ находился вблизи. Правда, онъ не могъ отдаленную Галицію посѣщать часто и самолично распоряжаться ея управленіемъ; но, вѣдь, и помимо его личнаго присутствія и въ Галиціи, и въ какой угодно подчиненной ему области, церковное управленіе могло быть поставлено самымъ лучшимъ образомъ, еслибы только митрополитъ позаботился о послѣднемъ, поручивъ его своимъ вѣрнымъ подручникамъ. Возможно, что отсутствіе настойчивости въ исканіяхъ отдѣльнаго митрополита зависѣло и оттого, что Галицкіе князья въ началѣ дѣлаемыхъ попытокъ еще, можетъ быть, не оставили надежды на то, что имъ

---

[1]) Приложен. № 24.
[2]) Приложен. № 22.
[3]) Ibid.

удастся какъ-нибудь переманить къ себѣ ушедшаго на сѣверъ митрополита; поэтому они и не прилагали особыхъ стараній къ полному разрыву съ нимъ. Ученый (чешскій) Ржежабекъ высказываетъ напр. такое мнѣніе, что, во время пребыванія митрополита Ѳеогноста въ Галичѣ, владѣтель послѣдняго—Юрій Болеславъ склонялъ его „навсегда остаться въ его землѣ и такимъ образомъ положить основаніе самостоятельной Галицко-Волынской митрополіи“ [1]). Насколько справедливо это мнѣніе ученаго, судить не беремся,—тѣмъ болѣе, что и Ржежабекъ не настаиваетъ на немъ и не даетъ никакихъ положительныхъ основаній для его подтвержденія [2]); но тѣмъ не менѣе мы не можемъ утверждать и того, что передаваемое имъ не могло быть и на самомъ дѣлѣ. Но изъ всѣхъ этихъ возможныхъ причинъ сравнительно слабой настойчивости въ первоначальныхъ попыткахъ исканія отдѣльнаго митрополита нужно признать главнѣйшей причину политическую. Причина эта—слабо развившаяся гражданская обособленность юго-западнаго края, которая въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи добивалась настойчиво и обособленности церковной, пока ее дѣйствительно и получила. Что эта политическая обособленность была одной изъ главнѣйшихъ причинъ исканія Галиціей церковной самостоятельности, показываетъ и конечный результатъ всѣхъ дѣлавшихся попытокъ къ церковному обособленію Галиціи, кончившихся формальнымъ отдѣленіемъ ея вмѣстѣ съ Кіевомъ и Литвой отъ Москвы въ 1458 г. Что привело всю западную и южную Русь къ этому окончательному отдѣленію отъ Москвы? Главнѣйшей причиной этого церковнаго разрыва было, безъ всякаго сомнѣнія, гражданское раздѣленіе ея отъ сѣверо-восточной Руси, которое выразилось и окончательно опредѣлилось въ видѣ особаго и враждебнаго ей теченія политической жизни. Къ половинѣ XV вѣка западно и южно-русскія области образовали изъ себя сильнѣйшее государство Литовское, поглотившее и бо̀льшую часть Галицко-Волынскаго княжества, и даже самый Кіевъ—бывшее сѣдалище русскихъ митрополитовъ, и стали въ непримиримо-враждебныя отношенія къ своему сосѣду—Московскому государству—отношенія и политическія, и религіозно-церковныя. Не имѣя съ Москвой ничего такого, что̀ могло бы служить залогомъ или основаніемъ для обоюдныхъ симпатій и взаимнаго, общаго дружелюбія—ни по складу политическихъ стремленій, ни по духу религіозныхъ вѣрованій, Литва, въ силу прямой исторической необходимости, должна было неминуемо совершенно разойтись съ Москвой, имѣя

---

[1]) И. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе, стр. 269 (Журн. мин. нар. просв. 1890 г. Янв. № 267).
[2]) И. Филевичъ, стр. 268—269.

съ нею только развѣ одно общее—непримиримую взаимную вражду и желаніе другъ другу политической погибели. Когда же Москва стала особенно чужой для юго-запада, какъ и послѣдній для нея, то, понятно, сталъ чужимъ для нея и Московскій митрополитъ Онъ еще и ранѣе былъ для южной и западной Россіи далеко не роднымъ митрополитомъ, такъ какъ и по мѣсту своего пребыванія, и по своимъ симпатіямъ тяготѣлъ почти исключительно къ Москвѣ и ея князьямъ.

Издавна чувствовали юго-западные князья эту отчужденность митрополита отъ нихъ и ихъ края, и въ свою очередь платили ему той же монетой. Плодомъ этой обоюдной отчужденности и были попытки къ окончательному разрыву съ нелюбимымъ и нелюбящимъ ихъ митрополитомъ; но эти попытки въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтія такъ и оставались только попытками, пока не завершились окончательнымъ отдѣленіемъ отъ него въ половинѣ XV вѣка. Очевидно, этотъ церковный разрывъ, будучи подготовленъ постепеннымъ ходомъ предшествующей историческоя жизни, произошелъ не ранѣе половины XV вѣка только потому, что только въ это именно время со всею ясностію выразилась и опредѣлилась вся рознь въ политической жизни юга, далеко разошедшагося съ сѣверомъ. Политическая обособленность южной Руси съ исторически-необходимой постепенностью шла и подготовляла для себя столько-же исторически-необходимую и церковную обособленность, какъ свое естественное послѣдствіе. Если же эта гражданская обособленность такъ долго не приводила къ этому своему конечному результату, хотя постепенно и приближалась къ нему, то, значитъ, въ это время она не успѣла еще такъ далеко уйти и вылиться въ свою особую форму. Еще не совсѣмъ выяснившаяся, но уже быстро начавшая формироваться, эта гражданская обособленность южной и западной Россіи на протяженіи болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія пытается довершить свою форму, стремясь достигнуть и обособленности церковной. Но будучи еще только, такъ сказать, на ходу своего постепеннаго образованія и формированія, она могла дѣйствовать до поры до времени сравнительно слабо и нерѣшительно и только впослѣдствіи, по мѣрѣ своего постепеннаго развитія, могла придти къ тому, къ чему пришла. Но, говоря о гражданской, а вмѣстѣ съ этимъ и церковной обособленности южной и западной Россіи (Литвы-Галиціи) и ея исторической необходимости, мы должны оговориться, что не считаемъ ея происхожденія выраженіемъ и результатомъ національныхъ стремленій самихъ жителей юго-западнаго края, якобы стремившихся къ гражданско-церковной разобщенности съ Великороссіей, а признаемъ ее дѣломъ почти однихъ мѣстныхъ свѣтскихъ владѣтелей, которые всѣ усилія прилагали къ тому, чтобы

совершенно разъединить южную Русь съ сѣверной и насадить въ ней начала чуждой, не національной русской жизни (католичество). Это насильственно производимое разъединеніе юго-западнаго края (мы разумѣемъ собственно Волынь и Галицію) отъ родственной ему и по вѣрѣ, и по національности Великороссіи не только не вызывало въ мѣстномъ населеніи никакого сочувствія, но, думаемъ, встрѣчало съ его стороны глухое, болѣе или менѣе единодушное недовольство. Вслѣдствіе этого, и попытки Галицкихъ владѣтелей къ церковному разрыву съ Московскимъ митрополитомъ едва-ли находили въ немъ одобреніе ихъ, такъ-что Галицкіе князья принуждены были дѣйствовать въ этомъ случаѣ совершенно одиноко, безъ всякой поддержки отъ народа. Какъ русскій по происхожденію и православный по вѣрѣ, и, слѣдовательно, единоплеменный и единовѣрный съ Великороссіей, Галицкій народъ, въ силу всего этого, могъ относиться къ церковнымъ затѣямъ своихъ князей по меньшей мѣрѣ холодно и безразлично, разсматривая ихъ только какъ личное дѣло послѣднихъ. Политическія соображенія, лежавшія въ основѣ исканія князьями отдѣльной митрополіи, Галичанамъ совсѣмъ, конечно, были неизвѣстны. Той опасности, какую Галицкіе князья усматривали въ подчиненіи чужому митрополиту, они и не подозрѣвали. Одно только могло заставить ихъ сочувственно отнестись къ учрежденію у нихъ особой митрополіи—это возможность имѣть у себя болѣе близкаго митрополита, чѣмъ какимъ былъ митрополитъ Московскій. Этотъ послѣдній былъ далеко и не могъ, какъ было для нихъ желательно, заботиться о Галицкой паствѣ; свой же митрополитъ, живущій среди нихъ, могъ быть всегда къ ихъ услугамъ. Но, какъ мы говорили выше, они, и сознавая всѣ выгоды имѣть подъ руками своего митрополита, могли неохотно соглашаться на измѣненіе своихъ традиціонныхъ отношеній къ всероссійскому митрополиту. Правда, мы не видимъ обыкновенно съ ихъ стороны какихъ-либо шумныхъ и частыхъ протестовъ противъ появлявшихся въ Галиціи поставленныхъ для нея митрополитовъ, которые, вѣроятно, принимались ими, въ большинствѣ случаевъ, какъ законные митрополиты, хотя и безъ особеннаго сочувствія, по бо́льшей же части — холодно, но иногда и враждебно. Такъ, мы знаемъ одинъ случай, когда появленіе въ Галиціи особаго митрополита оказалось „тягостнымъ и ненавистнымъ для всѣхъ тамошнихъ христіанъ [1])“. Это было при открытіи Галицкой митрополіи въ 1345 году, когда прибывшимъ въ Галицію митрополитомъ были недовольны не только простой народъ, но особенно нѣкоторые изъ епископовъ, не хотѣвшихъ повиноваться новопоставленному митрополиту и за

[1]) Прилож. № 3, стр. 15—16.

это подвергнутыхъ церковному запрещенію [1]). Правда, это случай единичный, и мы не знаемъ другихъ, подобныхъ ему; но мы, не смотря на это, не можемъ поручиться за то, что въ Галиціи не было еще подобныхъ же случаевъ, о которыхъ мы не знаемъ только потому, что вообще объ управленіи Галицкихъ митрополитовъ намъ извѣстно слишкомъ мало. Что же касается того, что Галицкіе митрополиты не пользовались вообще особеннымъ сочувствіемъ народа, то это, кажется, можно утверждать безошибочно. Слѣды этого сочувствія могли-бы остаться въ памяти народной, а между тѣмъ народъ Галицкій забылъ и имена ихъ, и время ихъ управленія. 13 декабря 1539 года православные Галичане и Подоляне обращаются къ Кіевскому митрополиту Макарію съ просьбой поставить для нихъ епископа и вотъ что говорятъ они митрополиту: „Преосвященный господине!.. маемъ... ажъ тому есть двѣстѣ лѣтъ и одинъ рокъ отъ святого минуло, якъ владыка на Галичи былъ [2])“. „Духовенство и міряне, справедливо замѣчаетъ по этому поводу М. Смирновъ,—запомнили, когда былъ послѣдній епископъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ (т. е. 1347 и 1371 г.), тамъ жившихъ, и правившихъ, совершенно забыли [3])“. Эта характерная и примѣчательная забывчивость ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что появленіе въ Галиціи ея собственныхъ митрополитовъ не производило на народъ никакого впечатлѣнія, нисколько не затрогивало его близкихъ интересовъ, не вызывало съ его стороны никакого сочувствія и проходило для него совершенно безслѣдно, не оставивъ и слѣда въ его памяти. [4]) Ясно, что у Галичанъ совершенно не было какихъ-либо исконныхъ стремленій къ духовной отдѣльности. Если же у нихъ и появлялись свои отдѣльные митрополиты, то эти послѣдніе были плодомъ исключительно политической махинаціи ихъ князей.

Итакъ, виновниками возникавшей въ то или иное время самостоятельной Галицкой митрополіи были прежде всего Галицкіе князья, въ видахъ политическихъ стремившіеся къ церковной обособленности своего княжества. Вторыми виновниками ея слѣдуетъ назвать, какъ мы замѣчали выше, Константинопольскихъ патріарховъ, не препятствовавшихъ духовной отдѣльности Галиціи и поставлявшихъ для нея самостоятельныхъ митрополитовъ.

Какія были побужденія и причины, склонявшія патріарховъ къ удовлетворенію обращаемыхъ къ нимъ просьбъ о поставленіи въ Галицію того или иного митрополита?

---

[1]) Ibib. № 7, стр. 37—38.
[2]) Акты ист. зап. Рос. т. II, № 198, стр. 361.
[3]) Смирновъ. Судьбы Галицкой Руси, стр. 141.

Богатые подарки и не малую сумму денегъ приходилось обыкновенно раздавать въ Константинополѣ всякій разъ, когда заявлялись туда изъ Россіи искавшіе поставленія на русскую митрополію. Извѣстна напр. исторія путешествія въ Константинополь архимандрита Митяя, шедшаго туда съ огромной свитой, съ дарами Грекамъ и съ нѣсколькими бланками, скрѣпленными печатью великаго князя, для написанія, въ случаѣ недостачи денегъ, кабалы или векселя. Митяю не суждено было воспользоваться этими бланками, такъ какъ онъ дорогой умеръ, почти предъ самымъ Константинополемъ. Но за то ими воспользовался одинъ изъ сопровождавшихъ его архимандритовъ — по имени Пименъ, который „позаимовалъ тою кабалою сребро въ долгъ на имя великаго князя у Фрязъ у Бесермянъ въ росты“ на громадную по тому времени сумму—въ 20,000 рублей и раздавалъ „посулы многи, а яже поминковъ и даровъ никтоже можетъ рещи или изчислити“, такъ что едва-едва „возмогъ утолити всѣхъ“. [1]) Подарки имѣли свое дѣйствіе, и Пименъ получилъ санъ митрополита. Тѣмъ же путемъ удовлетворенія алчности корыстолюбивыхъ патріарховъ должны были итти и искатели Галицкой митрополіи. Если русскимъ ставленникамъ, при ихъ посвященіи на Кіевскую, вполнѣ законную митрополію, приходилось расплачиваться за свое утвержденіе въ санѣ митрополита „посулами, поминками и дарами“, то эти послѣдніе должны были въ сугубой мѣрѣ преподноситься патріарху и его чиновникамъ, когда заявлялся къ нимъ искатель Галицкой митрополіи, которая не имѣла за собой никакихъ исторически-законныхъ основаній для своего существованія. Всесильныя деньги играли, по всей вѣроятности, первостепенную роль во всѣхъ случаяхъ открытія Галицкой митрополіи; особенно же много ихъ тратилось, конечно, тогда, когда Галицкій претендентъ на митрополію или былъ не совсѣмъ желателенъ для патріарха, или когда онъ встрѣчалъ какое-либо сильное препятствіе для своего поставленія, въ лицѣ, напр., какого-либо противника или конкуррента на митрополію. Такой соперникъ въ своемъ денежномъ всеоружіи могъ вступить съ нимъ въ борьбу и всегда одолѣть его, если денежныя средства его противника окажутся слабѣе.

Типичнѣйшій образецъ такого состязанія мы имѣемъ въ знаменитой борьбѣ за Кіевскую митрополію двухъ претендентовъ — Московскаго Алексія и Литовскаго Романа.

Впрочемъ патріарховъ склоняли на просьбы Галицкихъ князей и нѣкоторыя другія соображенія. Эти послѣднія были, думается, болѣе важ-

---

[1]) Ник. лѣт. ч. 4, стр. 76.

наго характера. Открывая въ то или иное время самостоятельную Галицкую митрополію, патріархи этимъ самымъ насколько нарушали интересы Кіевскихъ митрополитовъ, лишавшихся одной изъ своихъ церковныхъ областей, настолько выгадывали сами, переводя подъ свое непосредственное вѣдѣніе то, что̀ отнимали у митрополитовъ русскихъ. Это желаніе имѣть Галицкую область въ своемъ непосредственномъ владѣніи, такъ какъ она, съ пріобрѣтеніемъ церковной самостоятельности, выходила изъ-подъ подчиненія Кіевскому митрополиту и поступала въ прямую и непосредственную зависимость отъ Константинопольскаго патріарха, — это желаніе, думается, имѣло не послѣднее значеніе во всѣхъ случаяхъ открытія самостоятельной Галицкой митрополіи. Но помимо этихъ расчетовъ Константинопольскихъ патріарховъ, ими руководили иногда и побужденія болѣе чистаго характера. Всякій разъ, когда къ нимъ посылались просьбы о поставленіи для Галиціи отдѣльнаго митрополита, указывалось между прочимъ на неудобство церковнаго подчиненія далеко живущему митрополиту. Возможно, что патріархи соглашались съ этимъ доводомъ, признавали всю его основательность и ради блага Галицкой церкви давали ей особаго митрополита. Кромѣ этого мотива, ихъ должно было побуждать и опасеніе ухудшить дѣло въ случаѣ отказа. Требуя поставленія въ Галицкіе митрополиты Антонія, король Казиміръ высказывалъ угрозу „крестить русскихъ въ латинскую вѣру“, если у нихъ не будетъ митрополита. [1]) Эта угроза оказала свое дѣйствіе на патріарха, и онъ рѣшился немедленно утвердить Антонія въ санѣ митрополита. Боялись Константинопольскіе патріархи и того, какъ бы своимъ отказомъ не подать искателямъ Галицкой митрополіи удобнаго повода обратиться за нужнымъ поставленіемъ къ образовавшимся около того времени двумъ отдѣльнымъ, независимымъ отъ Константинополя, патріархатамъ—болгарскому (1234 г.) и сербскому (1345 г.) въ которыхъ всегда могли удовлетворить исканія ищущихъ, хотя бы для того, чтобы сдѣлать это въ противность патріархату Константинопольскому.

Итакъ, виновниками учрежденія въ то или иное время самостоятельной Галицкой митрополіи были Галицкіе князья и Константинопольскіе патріархи. Но главными виновниками, безспорно, были одни князья, политическіе планы и личные интересы которыхъ настолько важно и сильно затрогивались этимъ дѣломъ, что они прилагали всѣ старанія для успѣшнаго его достиженія; патріархи же были только болѣе или менѣе послушнымъ орудіемъ, которымъ Галицкіе владѣтели пользовались болѣе или менѣе успѣшно. Вся суть и все главное значеніе было въ первыхъ,

---

[1]) Прил. № 22, 127—128.

ибо и побужденія ихъ были гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ мелкія, по большей части денежныя побужденія послѣднихъ. Но, несмотря на всю важность тѣхъ соображеній, которыя руководили Галицкими князьями, ихъ попытки получить для Галиціи особаго митрополита не всегда увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ; если же въ то или иное время они и успѣвали испросить у Константинопольскаго патріарха особаго Галицкаго митрополита, то этотъ послѣдній, какъ мы замѣчали выше, чувствовалъ себя на Галицкой каѳедрѣ далеко ненадежно и неустойчиво. Получивъ какъ-либо въ Константинополѣ санъ митрополита и успѣвъ занять Галицкую каѳедру, онъ оставался на ней нерѣдко до самой смерти, но, умирая, не оставлялъ послѣ себя преемника; такъ-что замѣститель его каѳедры могъ появляться въ Галиціи только послѣ болѣе и менѣе продолжительнаго времени со дня смерти своего предшественника и только благодаря новымъ, успѣшнымъ хлопотамъ и настойчивымъ проискамъ Галицкихъ князей. Бывало, впрочемъ, и такъ, что Галицкій митрополитъ не могъ до своей смерти удержаться на занимаемой имъ каѳедрѣ и долженъ былъ противъ своей воли оставить ее, какъ было напр. въ 1347 году. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Можетъ быть, самыя исканія Галицкихъ князей объ открытіи у нихъ самостоятельной митрополіи были дѣломъ совершенно незаконнымъ и противоканоническимъ? „Русская церковь, говоритъ проф. Т. Барсовъ,—какъ епархія константинопольскаго патріархата, должна была оставаться единою и нераздѣльною на томъ общепринятомъ, каноническомъ основаніи, по которому не допускалось быть какъ въ одной епархіи двумъ епископамъ, такъ и въ одной области двумъ митрополитамъ. Вслѣдствіе сего русскіе митрополиты были и назывались митрополитами всей Россіи и власть ихъ одинаково простиралась на всѣ предѣлы и епархіи русской церкви". [1]) Если признать справедливость этого замѣчанія Барсова, то всѣ случаи открытія особой Галицкой митрополіи были дѣломъ совершенно незаконнымъ и противоканоническимъ. Но мы не считаемъ нужнымъ соглашаться съ его мыслью, будто русская митрополія не могла быть раздѣлена не только на двѣ, но и на нѣсколько особыхъ митрополій. Правда, 12-е прав. IV вселенскаго собора запрещаетъ „единую область на двѣ разсѣкать, яко быти отъ сего во единой области двумъ митрополитамъ." [2]) Но это разумѣются собственно самовольныя, вызываемыя не нуждами церковными, а однимъ честолюбіемъ, исканія нѣкоторыхъ епископовъ сана митрополичьяго, ради чего они, „прибѣгнувъ ко властямъ" (свѣтскимъ), добывали отъ нихъ „прагматическія грамоты" (письменныя

---

[1]) Т. Барсовъ. Конст. патр. и его власть надъ рус. Церк. стр. 374.
[2]) Правила св. апостолъ, свят. соборовъ, вып. 1—3, стр. 194.

постановленія) и изъ епископовъ становились митрополитами, свою же епископію превращали въ митрополію. Что же касается случаевъ раздѣленія извѣстной области на двѣ митрополіи, вызывавшихся нуждами церкви и совершавшихся вполнѣ законнымъ порядкомъ, т. е. чрезъ дозволеніе и согласіе патріарха, то эти случаи наше правило совсѣмъ не имѣетъ въ виду; такъ что когда Константинопольскіе патріархи открывали особыя митрополіи въ Галиціи, Литвѣ, Молдавіи и др., то поступали въ этомъ случаѣ совершенно законно и канонически, не допуская какого-либо нарушенія вышеприведеннаго соборнаго правила. Такимъ образомъ, причиной того, что въ Галиціи, при всемъ желаніи ея владѣтелей, не могли окончательно и твердо установиться самостоятельные митрополиты, было нисколько не то, будто и князья Галицкіе, добивавшіеся церковной самостоятельности для Галиціи, и самые митрополиты, въ то или иное время занимавшіе Галицкую митрополію, были въ этомъ случаѣ нарушителями церковныхъ каноновъ и поступали совершенно незаконно. Требованія Галицкихъ князей были вполнѣ законными и достигались по бо́льшей части тоже путемъ формально-законнымъ, т. е. чрезъ санкцію Константинопольскихъ патріарховъ.

Но если такъ, то чѣмъ же объяснить эту неустойчивость въ существованіи Галицкой митрополіи?

Мы уже ранѣе, въ изложеніи причинъ, вызывавшихъ временное существованіе Галицкой митрополіи, имѣли возможность высказать нѣкоторыя соображенія по этому поводу; а теперь прибавимъ къ нимъ еще нѣсколько мыслей.

Борясь съ сѣверомъ за церковную независимость, Галицкіе князья, какъ мы замѣчали выше, дѣлаютъ сначала нерѣшительныя и колеблющіяся попытки къ церковной обособленности; далѣе эти послѣднія становятся болѣе смѣлыми и рѣшительными и, наконецъ, завершаются желаннымъ для нихъ результатомъ—церковной побѣдой надъ Москвой, хотя эта побѣда наступила уже слишкомъ поздно, когда прекратился родъ Галицкихъ князей и ихъ княжество было подѣлено между Литвой и Польшей. Очевидно, такое постепенно усиливающееся напряженіе церковной борьбы зависѣло отъ постепеннаго развитія гражданской обособленности южной и западной Руси, сначала слабой и не развившейся, а потомъ окрѣпшей и окончательно сформировавшейся и пришедшей къ тому, что̀ исторически было подготовлено ранѣе. Въ различные моменты этого формированія—и гражданскаго, и церковнаго, которое могло быть куплено только цѣной продолжительной борьбы, побѣда, естественно, могла быть только на одной изъ борющихся сторонъ. И мы дѣйствительно, видимъ, что въ борьбѣ за церковную независимость побѣда нерѣдко ока-

зывалась на сторонѣ юга; но и сѣверъ не оставался въ бездѣйствіи, стремясь парализовать и разрушить всѣ плоды случайной побѣды перваго. Сѣверными борцами выступали въ этомъ случаѣ Московскіе митрополиты и Московскіе великіе князья.

Галиція какъ мы видѣли при раскрытіи ея политической исторіи, составляла исконную русскую область. Въ ней съ самаго ея начала княжили прямые потомки св. Владиміра и только впослѣдствіи, съ 40-хъ годовъ XIV столѣтія, она переходитъ въ руки иноплеменныхъ владѣтелей. Будучи же удѣломъ русскихъ князей и принадлежа въ гражданскомъ отношеніи къ одному тѣлу русскаго государства, въ церковномъ отношеніи Галиція принадлежала вѣдѣнію Кіевскаго митрополита, составляя одну изъ его епархій [1]). Но вотъ эта исконная русская область стремится къ церковной независимости отъ ея верховнаго управителя—Кіевскаго митрополита. Естественно, этотъ послѣдній въ такомъ случаѣ не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ того, какъ отъ его митрополичьей территоріи отрываются цѣлыя области, уплывая изъ его рукъ. Митрополиты должны были прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы прежде всего помѣшать образованію отдѣльной Галицкой митрополіи; если же они въ этомъ не успѣвали и въ Галиціи появлялся свой собственный митрополитъ, то они должны были заботиться о томъ, чтобы подавить эту самостоятельность въ самомъ ея началѣ или, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать ея дальнѣйшему, постоянному существованію. На дѣлѣ такъ и было. Стараніемъ митрополита Θеогноста была закрыта Галицкая каѳедра въ 1347 году и Галицкій митрополитъ былъ вызванъ даже на судъ въ Константинополь [1]). Митрополитъ Алексій энергично и настойчиво боролся съ Литовско-Галицкимъ митрополитомъ Романомъ и послѣ его смерти добился того, что отошедшія отъ его власти области опять были подчинены его вѣдѣнію [2]). Такимъ образомъ, когда, не смотря на всѣ старанія русскихъ митрополитовъ, въ Галиціи утверждался самостоятельный митрополитъ, то первые заботились или о закрытіи митрополіи при жизни самого митрополита (какъ въ 1347 г.), или объ уничтоженіи ея послѣ его смерти, не допуская ему оставить послѣ себя преемника (какъ послѣ Романа).

Вмѣстѣ съ митрополитомъ въ этомъ случаѣ хлопотали и Московскіе великіе князья, въ столицѣ которыхъ жили русскіе первосвятители и за свое содѣйствіе имъ пріобрѣтали въ нихъ сильныхъ защитниковъ всѣхъ своихъ церковныхъ интересовъ. Изъ патріаршихъ грамотъ

---

[1]) Прилож. № 3, 4, 5, 6, 7, 8.
[2]) ibid. № 15.

мы узнаемъ, напр., что великій князь Московскій Семенъ Ивановичъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ хлопочетъ о закрытіи Галицкой митрополіи (1347 г.), пишетъ объ этомъ грамоты Константинопольскому патріарху и получаетъ отъ него письменный отвѣтъ [1]). Эти заботы Московскихъ князей о церковныхъ дѣлахъ митрополита вполнѣ понятны, такъ какъ, охраняя и поддерживая интересы послѣдняго, они этимъ самымъ поддерживали и свои собственные государственные интересы. Оказывая свое содѣйствіе митрополитамъ, они выполняли, во-первыхъ, долгъ благодарности къ нимъ, а во-вторыхъ, (и это самое главное) они много выигрывали и въ дѣлѣ усиленія своей политической власти. Чѣмъ шире по объему была власть митрополита, чѣмъ бо̀льшую территорію она обнимала своимъ вѣдѣніемъ, тѣмъ бо̀льшіе шансы и на расширеніе своей власти получалъ поддерживаемый имъ князь. Чѣмъ выше былъ авторитетъ митрополита, чѣмъ сильнѣе и шире было его вліяніе на паству, тѣмъ болѣе выросталъ въ глазахъ русскаго общества и авторитетъ великаго князя. И, наоборотъ, съ упадкомъ власти митрополита или въ ея объемѣ, или въ силѣ, естественно долженъ былъ тускнѣть и ореолъ политическаго значенія и государственной силы союзнаго съ митрополитомъ князя. Понимали это Московскіе великіе князья и, естественно, прилагали всѣ старанія, чтобы власть ихъ помощниковъ—митрополитовъ по возможности расширялась и усиливалась, но никакъ не уменьшалась и не ослабѣвала.

Но, помимо вліянія Московскихъ князей и митрополитовъ, церковному обособленію юго-западныхъ епархій оказывали иногда нѣкоторое противодѣйствіе и Константинопольскіе патріархи, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ не всегда соглашавшіеся на открытіе Галицкой митрополіи, какъ это было, напр., при посвященіи митрополита Петра. Можетъ быть, отказывая иногда дать Галиціи особаго митрополита, они руководились желаніемъ сохранить освященныя вѣками преданія, въ силу которыхъ на Руси выработался „прекрасный, сначала установленный обычай..... чтобы вся русская церковь была пасома и управляема однимъ митрополитомъ“, какъ выражается Константинопольскій соборъ 1389 года [2]). Можетъ быть, патріархи иногда неохотно соглашались на открытіе Галицкой митрополіи и потому, что боялись вызвать этимъ открытіемъ нежелательное и невыгодное для нихъ неудовольствіе сильнаго Московскаго князя и, кромѣ того, не хотѣли поднимать длинныхъ споровъ изъ-за предѣловъ епархій, каковые споры обыкновенно возникали всякій разъ,

---

[1]) Прилож. № 5.
[2]) Прилож. № 33.

когда открывалась новая митрополія. Такіе споры особенно были сильны, напр., во время борьбы митрополита Алексія съ Романомъ „и произвели, по выраженію одной патріаршей грамоты,—много замѣшательствъ и безпорядковъ“ [1]).

Мы окончили наши объясненія относительно причинъ возникновенія въ то или иное время Галицкой митрополіи и ея непостояннаго, временно-періодическаго существованія. Думаемъ, что эти наши предварительныя объясненія не окажутся лишнимъ и ненужнымъ балластомъ въ нашемъ изслѣдованіи. Мы думаемъ, напротивъ, что предпослать ихъ нашей исторіи Галицкой митрополіи было положительно необходимо, такъ какъ при свѣтѣ этихъ объясненій и можно только понять смыслъ, связь и историческую естественность различныхъ и разновременныхъ моментовъ въ ея измѣнчивомъ существованіи.

Теперь перейдемъ къ самой исторіи нашей митрополіи, раскрытіе которой собственно и составляетъ задачу нашего труда.

---

[1]) Прилож. № 15.

Приложеніе **БЛАГОВѢСТЪ**. Май 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе *Н. Д. Тихомірова*.

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Приложеніе: БЛАГОВѢСТЪ. Статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль**.

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за 1/4 5 р.

Адресъ Редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“; С.-Петербургъ, Большая Морская, домъ № 56, кв. 3.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С. Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 мая 1895 года.